

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE



Том 47, № 3



VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

2020. Том 47, № 3

Ранее журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология»

Основан в 1995 г. Журнал включен в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (07.00.02 – Отечественная история, 07.00.03 – Всеобщая история (соответствующего периода), 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии, 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития). Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ). С 2020 года издается как электронный журнал. Публикация статей бесплатная.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ» Издательский дом «БелГУ». Адрес редакции, издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор серии

О.Н. Полухин, ректор НИУ «БелГУ», доктор политических наук, профессор

Ведущий редактор

В.А. Шаповалов, проректор по качеству и дополнительному образованию НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Н.Н. Болгов, заведующий кафедрой всеобщей истории Педагогического института НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

И.Т. Шатохин, заместитель директора по научной работе и международной деятельности Педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук, доцент

Л.С. Половнева, доцент кафедры российской истории и документоведения Педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат политических наук

Ответственный секретарь

И.Г. Оноприенко, доцент кафедры российской истории и документоведения Педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук, доцент

Члены редколлегии:

М.Г. Абрамзон, доктор исторических наук, профессор (Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова)

А.Ж. Арутюнян, доктор исторических наук, профессор (Ереванский государственный университет, Армения)

С. Атлагиц, доктор политических наук (Белградский государственный университет, Сербия)

А.В. Глухова, доктор политических наук, профессор (Воронежский государственный университет)

А.В. Головнев, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук

М. Казански, доктор истории (Центр изучения византийской цивилизации, Париж, Франция)

А.В. Коробков, доктор политологии (Университет штата Теннесси, США)

К.Н. Лобанов, доктор политических наук (Белгородский юридический институт МВД России)

М.М. Марасанова, доктор исторических наук, профессор (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)

Е.А. Молев, доктор исторических наук, профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского)

А.В. Перепелицын, доктор исторических наук, профессор (Воронежский государственный педагогический университет)

С.И. Посохов, доктор исторических наук, профессор (Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, Украина)

И.М. Пушкарева, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник (Институт российской истории Российской академии наук)

Х.Р. Туманс, доктор истории (Латвийский национальный университет, Рига, Латвия)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-77960 от 19 февраля 2020 г. Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Л.П. Коханова. Корректур, компьютерная верстка и оригинал-макет А.Н. Оберемок. Редактор англоязычных текстов Е.В. Литовченко. E-mail: onoprienko@bsu.edu.ru. Гарнитура Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Уч.-изд. л. 19,9. Дата выхода 30.09.2020. Оригинал-макет подготовлен отделом объединенной редакции научных журналов НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

- 455 **Писаревский Н.П.**
Октэра «Изида» (к исторической интерпретации иконографического памятника III в. до н. э. из боспорского города Нимфея)
- 472 **Усов Д.А.**
Liber и libertas в произведениях Горация
- 482 **Юров В.В.**
Преторианские когорты: функция императорского эскорта
- 490 **Усков Г.В.**
К дискуссии о романизации кочевых племен североафриканских провинций Римской империи: сведения источников времени Антонинов
- 497 **Мейер Э.Е.**
Дунайская граница Римской империи в «Res Gestae» Аммиана Марцеллина
- 505 **Грацианский М.В.**
Упорядочение церковно-административного статуса митрополий на Халкидонском соборе на примере тяжбы митрополитов Тира и Берита
- 518 **Руднева М.А.**
Александрия в ранневизантийское время: общественные волнения и конфликты
- 525 **Третьякова М.В.**
Дом тюдоровской эпохи (по данным «Описания Англии» Уильяма Харрисона)
- 532 **Королькова Н.В.**
К вопросу о проблеме ответственности за фальсификацию сведений о развязывании Второй мировой войны в зарубежной историографии 1960–2000-х гг.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

- 541 **Солнцев Н.И.**
Особенности описания «своих» и «чужих» в космографическом введении «Повести временных лет»
- 552 **Зарубина К.А.**
Политическая пропаганда в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX в.
- 559 **Марасанова В.М., Кривошеева Ю.А.**
Женский досуг в фабричной повседневности: текстильные предприятия Ярославской губернии во второй половине XIX – начале XX в.
- 568 **Гатилов Э.В.**
Практика земельного передела 1917–1920 гг. и его последствия (на примере Данковского уезда Рязанской губернии)
- 580 **Рылов В.Ю., Зверков Е.А.**
Рабоче-крестьянская милиция Острогожского округа Центрально-Черноземной области в начале «великого перелома»
- 589 **Пигорева О.В.**
Судьбы православных женщин в Советской России в 1920–1930-е годы в условиях политических репрессий
- 598 **Меньшикова Е.Н., Козлов К.В.**
«Всё управление движением в руках женщин...»: к истории феминизации службы движения белгородского отделения Южной железной дороги НКПС СССР (1920-е – 1940-е гг.) (по материалам первичных партийных организаций)
- 607 **Гагин В.В.**
«Полеты, не обеспеченные в поисково-спасательном отношении, запрещаются...»: к вопросу о боевом применении авиации 40-й армии в Афганистане в 1979–1989 гг.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

- 618 **Медовкина Л.Ю.**
Геополитический аспект информационного противостояния РФ и США
- 630 **Герштейн И.З.**
«Негативная» идентичность как фактор современного государствообразования (на примере Беларуси, Украины, ДНР и ЛНР)
- 640 **Демирель Нури**
Реализация внешнеполитических установок Турецкой Республики в отношении государств Черноморского региона: сферы сотрудничества и конфликта
- 647 **Тормошева В.С.**
Политическая активность аудитории постмодерна: коммуникативный аспект
- 658 **Гомелаури А.С.**
Субъект федерации как канал «мягкой силы» государства (на примере Санкт-Петербурга)

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE 2020. Volume 47, No. 3

Previously, the journal was published under the title «Scientific statements of Belgorod State University. Series: History. Political science»

Founded in 1995. The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (07.00.02 – Russian History, 07.00.03 – World History (of a definite epoch), 23.00.02 – Political Institutions, Processes and Technologies, 23.00.04 – Political Issues of International Relations, Global and Regional Development). The journal is introduced in Russian Science Citation Index (PIHLJ). Since 2020 it has been published as an electronic journal. Publication of articles is free.

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University».

Publisher: Belgorod National Research University «BelGU» Publishing House.

Address of editorial office, publisher: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Editor-in-Chief of the Series

O.N. Poluhin, rector, doctor of political sciences, professor (Belgorod State National Research University)

Commissioning Editor

V.A. Shapovalov, vice-rector on quality and supplementary education, doctor of historical sciences, professor (Belgorod State National Research University)

Deputies of Editor-in-Chief:

N.N. Bolgov, world history department chair, doctor of historical sciences, professor (Belgorod National Research University)

I.T. Shatohin, professor of the Russian history and records management department, candidate of historical sciences, professor (Belgorod National Research University)

L.S. Polovneva, associate professor of the Russian history and records management department, candidate of political sciences (Belgorod National Research University)

Editorial Assistant

I.G. Onoprienko, associate professor of the Russian history and records management department, candidate of historical sciences (Belgorod National Research University)

Members of Editorial Board:

M.G. Abramzon, doctor of historical sciences, professor (Nosov Magnitogorsk State Technical University)

A.Zh. Arutyunyan, doctor of historical sciences, professor (Yerevan State University, Armenia)

S. Atlagich, doctor of political sciences (Belgrade State University, Serbia)

A.V. Glukhova, doctor of political sciences, professor (Voronezh State University)

A.V. Golovnev, doctor of historical sciences; corresponding member of Russian Academy of sciences; Director of the Museum of anthropology and Ethnography. Peter the Great (Kunstammer) Russian Academy of Sciences

M. Kazanski, PhD in history (Center for History and Civilization of Byzantium, Paris, France)

A.V. Korobkov, PhD in political science (Middle Tennessee State University, the USA)

K.N. Lobanov, doctor of political sciences, associate professor (Belgorod Juridical Institute of Ministry of Home Affairs of Russia)

M.M. Marasanova, doctor of historical sciences, professor (Yaroslavl state University after P.G. Demidova)

E.A. Molev, doctor of historical sciences, professor (Nizhny Novgorod State University after N.I. Lobachevskiy)

V.A. Perepelitsyn, doctor of historical sciences, professor (Voronezh State Pedagogical University)

S.I. Posokhov, doctor of historical sciences, professor (Kharkov National University after V.N. Karazin, Ukraine)

I.M. Pushkareva, doctor of historical sciences, leading scientific worker (Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences)

H.R. Tumans, PhD in history (Latvian National University, Riga, Latvia)

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № ФС 77-77960 от 19 февраля 2020 г.

Publication frequency: 4 /year

Commissioning Editor L.P. Kokhanova. Pag Proofreading, computer imposition A.N. Oberemok. English text editor E.V. Litovchenko. E-mail: onoprienko@bsu.edu.ru. Typeface Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Publisher's signature 19.9. Date of publishing: 30.09.2020. Dummy layout is replicated at Publishing House «BelSU» Belgorod National Research University. Address: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

CONTENTS

TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

- 455 **Pisarevskiy N.P.**
Oster «Isis» (to the issue of historical interpretation of the iconographic monument of the third century B.C. from the Nymphaion the Bosporan city)
- 472 **Usov D.A.**
Liber and libertas in Horace's works
- 482 **Yurov V.V.**
Praetorian cohorts: the function of the imperial escort
- 490 **Uskov G.V.**
To the issue of romanization of nomadic tribes in the North African provinces of the Roman empire: sources of the period of Antonines
- 497 **Meyer E.E.**
The Danube frontier of the Roman empire in Ammianus Marcellinus' «Res Gestae»
- 505 **Gratsianskiy M.V.**
Status regulation of metropoleis in regard to the ecclesiastical administration during the council of Chalcedon: the case of the litigation between the metropolitans of Tyre and Berytus
- 518 **Rudneva M.A.**
Alexandria city in the early Byzantine time: social unrest and conflicts
- 525 **Tretyakova M.V.**
A Tudor-era house (according to William Harrison's description of England)
- 532 **Korolkova N.V.**
On the issue of responsibility for falsifying information about the outbreak of the Second World War in the historiography of foreign countries in the 1960s–2000s.

TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

- 541 **Solntsev N.I.**
Peculiarities of description of «their» and «others» in the cosmographical introduction of the Russian Primary Chronicle
- 552 **Zarubina K.A.**
Political propaganda in the Kursk province in the second half of the XIX – beginning of the XX century
- 559 **Marasanova V.M., Krivosheeva Ju. A.**
Women leisure and a factory's everyday life: textile enterprises of the Yaroslavl province in the second half of the XIXth – early XXth century
- 568 **Gatilov E.V.**
The practice of land redistribution in 1917–1920 and its consequences (on the example of Dankov county of Ryazan province)
- 580 **Rylov V.Ju., Zverkov E.A.**
Workers' and peasants' militia of the Ostrogozhsky district of the Central Chernozem region at the beginning «the great turning point»
- 589 **Pigoreva O.V.**
The orthodox women's destinies in Soviet Russia in the 1920s and 1930s under political repression
- 598 **Menshikova E.N., Kozlov K.V.**
«All traffic control in women's hands...»: to the issue of feminization of the traffic service of Belgorod branch of the southern railway of people's commissariat for lines of communications of the USSR in 1920s – 1940s (based on materials of primary party organizations)
- 607 **Gagin V.V.**
«Flights that are not secured in the search and rescue are prohibited...» on the issue of combat use of 40th army aviation in Afghanistan in 1979–1989

TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

- 618 **Medovkina L.Yu.**
Geopolitical aspect of the information confrontation between The Russian Federation and The United States
- 630 **Gerstein I.Z.**
«Negative» identity as a factor of modern state education (on the example of Belarus, Ukraine, DPR and LPR).
- 640 **Demirel Nuri**
Implementation of foreign policy institutions of the Turkish Republic with respect to the states of the Black sea region: fields of cooperation and conflict
- 647 **Tormosheva V.S.**
Political Activity of the Postmodern Audience: The Communicative Aspect
- 658 **Gomelauri A.S.**
The subject of federation as a state's «soft power» channel (by the example of St. Petersburg)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

УДК 94(395)

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-455-471

Октэра «Изида» (к исторической интерпретации иконографического памятника III в. до н. э. из боспорского города Нимфея)

Н.П. Писаревский

Воронежский государственный университет,
394006, Россия, г. Воронеж, Университетская пл., 1
E-mail: Pisarevskiy1@rambler.ru

Аннотация. Открытая при раскопках храма Афродиты в Нимфее фреска с изображением гребного корабля «Изида» вплоть до настоящего времени остаётся предметом дискуссий, в контексте которых поднимаются самые различные вопросы. Их амплитуда включает как датировку иконографического памятника, так и аспекты, имеющие прямое отношение к морской истории Боспорского царства вообще, военному флоту Спартокидов и их талассократии на Понте Эвксинском, в частности. Тщательное изучение основных узлов конструкции на изображении корабля, моделирование основных размерений и пропорций корабельного корпуса позволяет выявить величины, вполне сопоставимые с памятниками античных кораблекрушений и находками отдельных элементов конструкции боевых эллинистических кораблей. Это позволяет с привлечением имеющихся фрагментарно-эпизодических и немногочисленных данных античной традиции, а также с учётом всей совокупности окружающих «Изиду» изображений других морских судов и разновременных граффити обосновать заявленный в названии тезис, предложив датировку отображённого на фреске исторического события – 288 г. до н. э.

Ключевые слова: Боспорское царство, Спартокиды, талассократия, граффити, фреска, вёсельный корабль, Изида.

Для цитирования: Писаревский Н.П. 2020. Октэра «Изида» (к исторической интерпретации иконографического памятника III в. до н. э. из боспорского города Нимфея). Via in tempore. История. Политология, 47 (3): 455–471. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-455-471.

Octer «Isis» (to the issue of historical interpretation of the iconographic monument of the third century B. C. from the Nymphaion the Bosporan city)

Nikolay P. Pisarevsky

Voronezh State University,
1 Universitetskaya Sq., Voronezh, 394006, Russia
E-mail: Pisarevskiy1@rambler.ru

Abstract. Discovered during the excavations of the temple of Aphrodite in Nymphaea fresco depicting the rowing ship «Isis» up to the present time remains the subject of debate, in the context of which raised a variety of issues. The amplitude includes both the dating of iconographic monument to the aspects of direct relevance to the maritime history of the Bosporan Kingdom in general, military fleet of Spartokids and thalassocracy on the Pontus Euxinus, in particular. A thorough study of the major components on the vehicle image, modeling

the main dimensions and proportions of the ship hull allows identifying the value of comparable monuments of ancient shipwrecks and discoveries of the individual structural elements of the Hellenistic combat ships. This allows you to attract existing fragments of episodic and few data of ancient tradition, and taking into account the totality of the surrounding «Isis» images of other ships and multi-temporal graffiti to justify stated in the title, the thesis, suggesting the date shown on the mural of historical events 288 B. C.

Keywords: Bosporan Kingdom, Spartokids, thalassocracy, graffiti, fresco, rowing ship, Isis.

For citation: Pisarevskiy N.P. 2020. Octer «Isis» (to the issue of historical interpretation of the iconographic monument of the third century B.C. from the Nymphaion the Bosporan city). Via in tempore. History and political science, 47 (3): 455–471 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-455-471.

Памятник был открыт в ходе археологических исследований Нимфея в 1973–1978 гг. под руководством Н.Л. Грач [Грач, 1989, с. 68]. К 1982 г. усилиями Л.П. Гаген несколько тысяч обломков обвалившейся штукатурки с полихромной росписью были собраны во-едино. Воссозданный ею иконографический памятник занимал поверхность двух стыку-ющихся между собой под углом смежных стен (5,20 м в длину и 2,80 × 3 м высотой каж-дая) помещения храма Афродиты Навархиды на втором этаже. Более того, выяснилось, что их роспись красками была произведена на площади в 12–15 м² и на четырех уровнях: белом, красном, жёлтом и оттенка цветного мрамора.

На тех полях «панно», которые были покрыты жёлтым и красным цветом, как раз и было расположено множество разнотипных изображений кораблей в сопровождении раз-личных фигур и небольших фрагментарных и эпизодических надписей. Из них заметно выделялось изображение многовёсельного боевого корабля с основным и дополнитель-ным тараном в стиле сграффито, на борту которого изящной прорезью было нанесено его название «Изида». Его размеры по длине составляли 1,20 м. Рисунок корабля по каким-то причинам остался незавершённым. Об этом свидетельствует отсутствие надпалубных со-оружений, мачт, парусов, снастей бегучего и стоячего такелажа, прорисовок бортовой обшивки и многих других деталей судовой оснастки.

В научный оборот памятник был введён Н.Л. Грач. Публикации исследовательницы в отечественной и зарубежной научной периодике 1984–1987 гг. показали, что по своему зна-чению он не уступает фрескам Санторина, изображениям триеры на Делосе или кораблей ге-нуэзского флота на внутренней поверхности боевых башен города-крепости средневекового княжества Феодоро Каламита в Инкермане под Севастополем. Отечественный учёный отнес-ла фреску «Изида» к III в. до н. э., а изображённый на ней корабль предложила трактовать в качестве триеры, порт приписки прототипа изображения которой она предлагала идентифи-цировать с Александрией, а выполняемую им миссию (развивая оценки, данные связям Спартокидов и Лагидов ещё М.И. Ростовцевым) – с дипломатическим посольством царя эл-линистического Египта Птолемея II Филадельфа. В оценке Н.Л. Грач его габариты по длине могли соответствовать 60 м [Грач, 1984, с. 81–88; Грач, 1989, с. 45–46].

Публикации автора об открытии Нимфейской фрески сразу же привлекли внимание Г. Фрост – специалиста по древним якорям Эгеиды эпохи бронзы. Та познакомила с их содержанием известного археолога, специалиста в области археологии и истории древнего судостроения Л. Бэша, который немедленно откликнулся на появившиеся публикации фе-номенального иконографического памятника из северо-понтйского Нимфея [Bash, 1985, p. 129–151; Bash, 1987, p. 493]. В результате фреска «Изида» на долгие годы стала объек-том пристального интереса в историографии античности вообще и историографии исто-рии античного мореплавания в эллинистическую эпоху в особенности.

К настоящему времени, несмотря на появление множества публикаций (Дж. Морри-сона, Ю.Г. Виноградова, О. Хёкмманна, Н.П. Писаревского, В. Мюррея и А.В. Кисельнико-ва), иконографический памятник из Нимфея ещё ни разу, несмотря на широкий к нему диапазон интереса, не подвергался исследованию с точки зрения отображённых в нём ис-

торико-технических данных [Яйленко, 1995, с. 236–272; Писаревский, 2001; Кисельников, 2012, с. 195–197; Писаревский, 2019; Morrison, 1996, p. 209; Morrison, Coates, 1996; Hockmann, 1999, p. 303–356; Vinogradov, 1999, p. 271–302; Vinogradov, Zolotarev, 1999, p. 357–358; Murray, 2002, p. 542–557].

Речь не идёт о том, что вопросы типа, класса, размеров и технического устройства изображённых кораблей никогда не поднимались. Такие попытки имели место [Hockmann, 1999, p. 303–356]. Дело в другом.

К интерпретации изображений подходили либо узко и утилитарно, либо в одном из множества аспектов (археологическом, искусствоведческом, историческом, включая сюда и решения частных задач по датировке памятника или интерпретации надписей-граффити с целью установления отображённого на стенах морского храма события) [Яйленко, 1995, с. 236–272; Писаревский, 2001, p. 109–127; Кисельников, 2012, с. 195–197; Писаревский, 2019, с. 284–301].

Иными словами, всестороннего, междисциплинарного и комплексного исследования ни фрески «Изида», ни корабельных рисунков в стиле граффити, как свидетельствуют соответствующие публикации, в специальной литературе предпринято не было.

В контексте новейших веяний в современной историографии античности, связанных с переоценкой исследовательского багажа антиковедения XX в. (направления Rethinking...), возникает настоятельная необходимость её новой разработки, разумеется, с учётом как достижений, так и упущений, допущенных на прошлых этапах её разработки, в том числе и с привлечением познавательных возможностей других наук [Писаревский, 2018, с. 22–28; Harris, 2005; Goldhill, 2006; Tartaron, 2008, p. 83–161; Pullen, 2010; Constantakopoulou, 2017; Van D. Moortel, 2017, p. 263–268].

Имевшие место в указанном отношении попытки (отметим в этом отношении труды О. Хёкманна) не могут считаться сколько-нибудь удовлетворительными, поскольку в интерпретации изображений морских судов авторы опирались исключительно на метод аналогий и совершенно игнорировали методики декодирования изобразительной информации источника, которые находятся в распоряжении теории корабля, теории архитектуры и искусствоведения. В частности, обращает на себя внимание тот факт, что о размерах самого судна – прототипа изображённой на фреске «Изиды» – специалисты судят, исходя из его общих параметров. Они подсчитали, что при длине 60 м оно имело 15 м в высоту, а число членов экипажа на нём, по их мнению, могло достигать 500 чел. Однако никакой аргументации относительно адекватности подобного рода расчётов в их публикациях не содержится [Murray, 2012].

Последнее означает, что при исследовании проблемы особую актуальность приобретает учёт тех весьма важных, как разработанных, так и ждущих своей разработки аспектов, использование достигнутых результатов в изучении которых весьма полезно не только с точки зрения интерпретации памятника, но и в плане реконструкции отложившихся в нём линейных измерений на основании перевода художественных размерений в действительную линейно-измерительную и математическую величину. К ним относятся:

1. Соотношение визуальной культуры и художественного мышления в античную эпоху, включая особенности, присущие античному типу визуального восприятия пространственно-наблюдаемого объекта (в том числе и корабля) человеческим зрением и переноса его конфигурации и габаритов в плоскость рисунка с натуры или по памяти.
2. Выявление особенностей математического мышления и математических представлений и расчётов в технических науках эпохи эллинизма.
3. Основные принципы и правила античного изобразительного искусства вообще и эллинистического в частности, техники выполнения энкаустической фрески в особенности.
4. Определение возможностей, механизма и этапов перевода художественно-линейной информации древних памятников с изображением кораблей в линейно-математическую.
5. Применение методов семиотики (теории знаковых систем), теории информации, математической статистики и кибернетического моделирования к изучению объекта.

6. Визуальная идентификация изображения корабля на плоскости и определение его семантического (содержательного) значения.

7. Соотношение функционального начала и художественного оформления мыслительного проекта корабля с реализацией дизайна в практическом судостроении.

8. Наконец, разработка принципов восстановления действительных размеров кораблей-прототипов, изображённых на разнотипных иконографических памятниках в натуральную величину.

Два важнейших основания весьма показательны в указанном отношении с точки зрения начала нового этапа в изучении нашей проблемы. Первое связано с новой датировкой всей совокупности сопроводительных изображению «Изиды» надписей. С.Р. Тохтасьев счёл возможным отнести их к 1-й половине – середине III в. до н. э. [Тохтасьев, 2006, с. 416–428; Тохтасьев, 2006а, с. 294–305; Тохтасьев, 2011, с. 673–682]. Второе, более общего характера, акцентирует внимание на необходимости применения к интерпретации всех рисунков кораблей данного памятника общих правил приближённых вычислений, методов расчёта сооружений в строительной механике, соотношения главных размерений и законов теории корабля [Крылов, 1948; Чайников, 1971; Фукельман, 1977; Иванов, 2007; Родионов, 2013].

Но сначала необходимо рассмотреть детали конструкции «Изиды», которые отображены художником на фреске. Их анализ в теории корабля производится обычно путём рассмотрения осевых сечений корпуса, в первую очередь, через разделение корабельного корпуса вертикальной поперечной (или диаметральной) плоскостью (ДП). Её условное проведение по середине длины судна (плоскости мидель-шпангоута) соответствует прорисовке корабля на плоскости стены и позволяет выявить данные относительно полноты обводов корабельного корпуса в средней части с представлением наклона бортов, погоби палубы, килеватости днища, формы и размеров носовой скулы. Иными словами, плоскость мидель-шпангоута позволяет извлечь информацию относительно подъёма днища к бортам, а следовательно, и особенностях килевой линии (горизонтальной, наклонной, криволинейной). В свою очередь, килеватость характеризует подъём днища от мидельшпангоута к бортам, тогда как скула характеризует плавность или крутизну закругления днища в борт.

С этой точки зрения корабельный корпус «Изиды» целесообразно дополнительно разделить двумя вертикальными сечениями, отделив нос и корму от средней его части. Это позволяет выделить самые заметные детали судовой конструкции и оснастки корабля, принцип устройства гребного движителя, бортовые и надбортовые надстройки, а также декоративные украшения корпуса.

Характерной особенностью носовой части является наличие носовой рубки с плоским зубчатым перекрытием, трёхрёберного тарана на уровне киля, нависающей над ним эпотиды, продолжение горизонтальной линии которой в сторону основного корпуса венчает изображение в передней части носового отсека (в пространстве ниже уровня выступающей эпотиды и обозначенного декоративным узором по верхней кромке днища бегущей волны) Диоскура в остроконечной шапке. Наконец, подлинным шедевром палеографии является прочерченная острым предметом, соответствующая лапидарному стилю Боспора III в. до н. э. бортовая надпись ΙΣΙΣ на средней части носового штевня.

Примечательной чертой кормы изображённого корабля является форма акростоля (декоративного украшения верха кормового штевня). Она не напоминает ни хвост дракона, ни конструкцию свёрнутой раковины. Специалисты полагали возможным идентифицировать его формы в качестве стилизации петушиного хвоста. Ещё две весьма важные детали изображения корабля связаны с разнокачественной прорисовкой рулевых вёсел и 4-х овальных щитов, выставленных перед кормовой рубкой с плоским, напоминающим полупалубу перекрытием.

В средней части можно выделить 8 поясов разной толщины с изображением различных узлов архитектуры корпуса и узлов технического оснащения корабля. Это массивное, подчиняющееся изогнутости киля днище, над которым прорисован декоративный, орнаментального типа пояс с изображением бегущей морской волны. Это изображённые ху-

дожником выше по вертикали три яруса вёсельных портов и нависающий над самым верхним из них транс (или перекрытые палубой кабины гребцов дополнительного ряда вёсел с выносными уключинами – аутриггер). Сразу над ним пояс из 16 конских протом, предназначенных для крепления бегучего такелажа (фиксации тросов парусного движителя или якорных тросов) [Щурбан, 1953; Целовальников, 1989, с. 27–28]. Самую верхнюю часть корабельного корпуса средней части венчают три боевых на массивных стойках платформы с двумя проходами.

Знакомство с публикациями памятника свидетельствует о различных трактовках рисунка специалистами. Они распространялись как на технику изображения корабля, его производство с натуры или по памяти, точность передачи деталей художником, так и на трактовки отдельных узлов. Например, Дж. Моррисон отмечал неестественно поднятые на «Изиде» нос и корму. Отмечая сильную кривизну киля, он считал искажением изображение боевого тарана не в прямой плоскости, а под углом. Аномалию он усматривал и в прорисовке балки ниже надбортового леера. По его мнению, она олицетворяет пародос, поддерживаемый необычными (в форме конских голов) кронштейнами и т. д. [Morrison, Coates, 1996, p. 274–277].

В своей первоначальной оценке самый главный недостаток изображения «Изиды» Л. Бэш усматривал в отсутствии чётких и выразительных индикаторов, свидетельствовавших бы в пользу наличия в конструкции этого, несомненно, флагманского боевого корабля с тараном и эпотидами, аутриггера [Bash, 1985, p. 129–151; Bash, 1987, p. 493]. Напротив, О. Хёкманн считает, что изображение «Изиды» – это технический масштабный рисунок. Следуя данной оценке, он высказался в пользу достоверности основных параметров размерений, отложившихся на нимфейской «Изиде», как полагал учёный, в расстоянии между вёсельными портами и высоте боевого тарана [Hockmann, 1999, p. 311, 320–321]. По его мнению, они позволяют составить представление о размерениях действительного прототипа нимфейской «Изиды»: $L = 58$ м, $B = 10,6$ м, водоизмещение $V = 2,2$ м; высота надводного борта до верхней палубы $H = 6,3$ м [Hockmann, 1999, p. 323].

Особенно тщательно проанализировал изображение «Изиды» В.М. Мюррей. Разделив детали корабельной оснастки на 3 категории, он отделил действительные узлы прорисовок художника от недействительных и привнесённых много позже выполнения самой фрески. К спорным элементам изображения корабельного корпуса учёный отнёс изображение гребного аппарата, которое не соответствует расположению вельсов и вёсельных портов на боевых кораблях эпохи эллинизма. В отличие от своих предшественников, В.М. Мюррей дал высокую оценку качеству прорисовки технических деталей конструкции корабля на нимфейской фреске, в особенности точной передаче архитектуры и технического оснащения носовой части «Изиды» [Murray, 2002, p. 539–556; Murray, 2012, p. 58].

Пристальный интерес к памятнику сказался и на отношении специалистов к технической реконструкции и интерпретации иконографического памятника. К решению данной проблемы возвращались неоднократно, однако, несмотря на предпринимавшиеся ранее попытки, надёжного результата в определении размеров корабля – действительного прототипа изображения «Изиды» в натуральную величину – получено не было. Исследование этого аспекта велось без внимания к преимуществам междисциплинарного подхода и преимуществам компьютерной логики. Но самое важное – игнорировались современные результаты, достигнутые наукой в области понимания законов оптики, визуального восприятия пространственно наблюдаемых объектов, законов психологии зрения-мышления, способов графической и художественной фиксации наблюдаемых предметов в процессе рисования с натуры и его воссоздания в рисунке по памяти и многое другое. Иными словами, в интерпретации изображений морских судов вообще и корабля «Изида» в частности авторы вплоть до настоящего времени опираются на метод аналогий и совершенно игнорируют те средства и методики декодирования изобразительной информации источника, которые находятся в распоряжении теории корабля, теории архитектуры и искусствоведения.

Разработка каждой из этих проблем – актуальная задача, которую совместными усилиями необходимо решить специалистам разного профиля.

В современной ситуации в качестве основ и базовых принципов возможно использование закономерностей, которые к настоящему времени установлены не только в связи с ролью основанных на законах математической пропорции законов Поликлета, которые использовались и в архитектуре, но и относительно визуального восприятия в античную эпоху ¹ [Muratova, 2017, p. 169–191]. Прежде всего это касается определения гносеологии древнегреческого восприятия окружающей действительности, характерной особенностью которого выступало стремление к выявлению и объяснению внутренней структуры предмета и его композиционного костяка. Характерно, что на самых обобщённых изображениях корпусов предметов всегда тщательно вырисовывались не только крупные, но и мелкие, вплоть до шляпок гвоздей, детали. Осознанность восприятия формы, принцип телесности, пластичность, антропоморфизм и геометричность форм в своём соединении обеспечивали художнику возможность придания изображаемому корпусу корабля необыкновенной изящности, а его строению и деталям – не только определенный конструктивный смысл, но и эстетическое качество [Раушенбах, 1980, с. 52].

Объяснение данному феномену иконографии корабля следует искать в особенностях, присущих мышлению древних греков: в основе пластического восприятия телесной формы у них лежал расчёт пропорций [Раушенбах, 1980, с. 54] ². И хотя греческий масштаб строился на использовании простых кратных величин, выраженных в целых (а не в иррациональных) числах, принцип нанесения изображения на плоскость соответствовал тем же самым математическим расчётам [Раушенбах, 1980, с. 54]. Иными словами, будничные бытовые предмет или архитектурное сооружение античной эпохи, как и их изображения в живописи или скульптуре, можно рассматривать как своеобразную модель греческого конструктивного мышления.

Эта закономерность была обусловлена как естественно-географическими, так и историческими условиями генезиса древнегреческой цивилизации. Для греков все зримое было важно и существенно, поскольку предметный мир воспринимался общественным сознанием в качестве целостного и органичного по своему строению и назначению. Корабли, как и другие предметы повседневного быта, рассматривались не только в качестве утилитарных, но и наполненных здравым смыслом сооружений [Карпюк, Кудрявцева, Кулишова, 2013, с. 299–300].

Эта идея была воплощена и в технике художественного рисунка. Прежде всего, первостепенное внимание художниками Древней Греции отводилось изображению предмета/объекта, а не самого пространства [Ларькова, 2007, с. 12]. Как уже отмечалось, по этой причине в изобразительном искусстве древних греков вообще, а в живописи в частности функциональное начало было соединено с сознательным художественным оформлением [Алпатов, 1987, с. 134]. Сохраняя своё стремление к свободе, оно, в особенности в оформлении рисунка, сохраняло свой силуэтообразный характер. Более того, такой подход подкреплялся размещением изображения в двух плоскостях – реальной (конкретная поверхность) и воображаемой, что, как следует думать, «сняло» систему обманов зрительного восприятия, приводя их в соответствие с правилами основанной на масштабе и пропорциях линейной перспективы [Колпинский, 1977, с. 72; Раушенбах, 1980, с. 57, 59]. Изящность линий корпуса как в техническом, так и в художественном отношении признаётся искусствоведами апогеем греческого искусства как ремесла, включающего и сооружение технических

¹ Визуальная культура полиэтнического Боспора уходила корнями в греческую изобразительную традицию; фактически она представляла локальный вариант эллинского изобразительного искусства [Muratova, 2017, p. 169–191].

² Не следует исключать и весьма специфические трактовки самого труда в античную эпоху, основанные на глубочайшем разделении умственного и физического труда между гражданами и рабами [Кузищин, 1996, 36–43, 85].

изделий. Этот подход был распространен на протяжении всего периода античности. В его существовании позволяют убедиться Аристотель и Плутарх, относившие профессии плотников, скульпторов, медников, каменщиков, золотых дел мастеров, ткачей, живописцев, мореходов, кормчих и т. д. (Arist., *Metaph.*, 981a, 13–25 (20); 1032 11; Plut., *Cim.*, 4; Plut., *Per.*, 2) к разряду художественных занятий [Аверинцев, 1994, с. 637–653].

В связи с этим неподдельный интерес вызывает установление особенностей, присущих математическим знаниям эпохи эллинизма, которые оказывали воздействие на проектирование конструкции кораблей и традиции их строительства. Их сущность заключалась в практически-прикладном характере математических вычислений и самой логистики таких вычислений. По мнению современных исследователей, в Античной Греции математическое знание и сама математика носили дуалистический характер. Одна – сходная с египетской и вавилонской, – математика носила практически-прикладной характер (искусство счисления). Другая – теоретическая – основывалась на систематической связи математических отношений (высказываний о них) путём строгого перехода от одного к другому с помощью доказательства [Шиян, 2011]. Оба подхода соединялись в логистике, которая в Древней Греции рассматривалась, прежде всего, в качестве искусства производства расчётов [Левкин, 2009, с. 8–9].

Аналогичный тип был свойственен и мышлению древних греков [Ярошевский, 1966, с. 59–61; Кессиди, 2003, с. 136–138]. Для него характерно разделение действительности на два плана при их одновременном сосуществовании. Первый уровень соответствует осмыслению того, что есть на самом деле, что существует и лежит на поверхности чувств в действительности. Фактически он отображал установку мышления на созерцательность (т. е. на то, что нужно усматривать в видимых вещах действительные, а не мнимые реалии). Второй, связанный с ассоциативностью восприятия, ориентировал на объяснение вещей, т. е. на установление эквивалентных отношений двух предметов между собой, с одной стороны, и уровнями их восприятия, включая их объяснение и воспроизведение в слове или рисунке, – с другой. И хотя указанная закономерность была основана на неверном постулате Аристотеля, согласно которому «вещи – не идеи, а всего лишь копии идей», она вполне вписывалась в ментальный принцип объяснения «путём усвоения сути дела речами». На этом основании давно установлено, что в высказывании «А есть В» существуют два разных семиотических образования: знак-выделения (А есть В) и знак-обозначение (знак В, отнесенный к А) [Ярошевский, 1966, с. 59–61; Кессиди, 2003, с. 136–138]. Их наличие в виде реального обращения к объектам техники и теоретическому описанию закономерностей их строения и функционирования мы наблюдаем на примере Архимеда. Этот последний не ограничивал себя только реальными объектами техники, но и изучал отношения, конструируемые им на уровне идеальных объектов, которые ещё не нашли практического воплощения в технических устройствах, т. е., мыслимые только теоретически [Рожанский, 1988, 301–321; Горохов, 2015, с. 17].

Немаловажное значение для решения проблемы приобретают и достигнутые к настоящему времени результаты исследования практики и технологий античного судостроения. Исследованиями ряда специалистов был установлен алгоритм теоретических подготовительных и практических работ в области моделирования и строительства военных и торговых морских судов в Средиземноморье античной эпохи. Особенный интерес представляет констатация существования непрерывной цепочки в строительстве кораблей как по готовому шаблону, так и с помощью теоретического проектирования. Сначала конфигурация основных соотношений размерности корпуса рождалась как идея в сознании судостроителя. В соответствии с ней он определял необходимые материалы, конструкцию, технологию, по которым и в связи с собственным опытом он приступал к работе по практической материализации предварительно продуманного (и, возможно, исполненного в чертеже) материального объекта. Более того, доказано присутствие подпитываемой историческими условиями и предыдущими поколениями судостроителей опытом инерции дизайна как кода и способа



применения общих правил теории корабля в процессе проектирования и организации работ по строительству конкретного типа корабля вплоть до спуска его на воду.

В понимании отложенности конкретной технологии, использованной при строительстве корабельного корпуса реального прототипа иконографической «Изиды», немаловажную роль может сыграть и знакомство с данными подводной археологии. Здесь весьма полезным является установление специалистами того, что все известные конструкции кораблей эллинистической эпохи, во-первых, базировались на продольном строе, с размещением планок параллельно к килю, на обоих концах которого крепились стойки носа и кормы, а во-вторых, водонепроницаемость корпуса корабля достигалась с помощью тонких свинцовых листов, расположенных ниже ватерлинии [Bouyia, 2012, p. 32–38]. Свинцовые листы повторяли контуры днища корабельного корпуса и крепились с помощью маленьких бронзовых гвоздей, забитых в правильном порядке поверх ткани, шкуры животного или листьев дерева, смоченных в смоле [Gibbins, Adams, 2001, p. 279–291]. Хорошо известно, что такая подкладка, защищавшая его от морских моллюсков-древоточцев *teredo navalis*, была распространена в эллинистический период и исчезла в конце I в. н. э.

Наконец, в определении типа изображённого на нимфейской фреске корабля первостепенное внимание следует обратить внимание на природу, сущность и закономерности архитектуры и изобразительного искусства античной эпохи вообще, Северного Причерноморья в эллинистический период его истории, в частности. Проблемы соотношения и взаимосвязей масштаба, соразмерности, соизмеримости, пропорции, гармонии части и целого, присущие им законы, и возможности их использования в декодировании памятников корабельной иконографии требуют своего рассмотрения в первоочередном порядке [Мелодинский, 2015, с. 2]. По мнению Д.Л. Мелодинского, образ сооружения с его геометрией и параметрами, воспринимаемый зрителем, обладает относительностью, поскольку обусловлен индивидуальным опытом человека (автор абсолютизирует индивидуальное – *Н.П.*). Такой масштаб называют визуальным. В осознании такого масштаба включаются как феноменологические реакции, так и общекультурные представления, выраженные в знаково-смысловой форме, которые символизируют рождение эстетического отношения в сфере понятий архитектурной композиции и становятся её категориями – «масштабностью» и «пропорциональностью» [Мелодинский, 2015, с. 3–5].

Соизмеримость пространственно наблюдаемого объекта и человека в мышлении отмечается и другими исследователями. Понимание систем античного пропорционирования в практической плоскости, по их мнению, должно основываться на учёте антропоморфности и антропологизма античной культуры, мировоззрения и восприятия окружающей человека предметной действительности. В указанном отношении особый интерес вызывают те конкретные аспекты, использование которых, как нам представляется, окажется полезным при производстве вычислений основных измерительных величин, использованных автором художественного изображения «Изиды» на стене храма Афродиты. Прежде всего особое значение приобретает закон, согласно которому за греческими архитектурными формами стоит масштаб, т. е. определённая система соотношения размеров, опирающаяся на шкалу размеров человеческого тела [Брунов, 1934, с. 27]. Масштаб и пропорции, несмотря на присутствующую между ними связь, являются отличными друг от друга величинами [Брунов, 1934, с. 27]. Поэтому кажущаяся немасштабность и невозможность определения реальных размеров по архитектурным формам – это кажущаяся особенность [Брунов, 1934, с. 27].

На самом деле масштаб есть ядро и конечный результат восприятия, особенностью которого выступает связанная с кажущимся укрупнением форм визуализация. На самом деле пространственно наблюдаемые объекты будут выглядеть значительно меньше, потому что реализм греческой архитектуры сводит их кажущиеся размеры к человеческой шкале размеров, которые соответствовали интервалам применяемой в качестве измерительного прибора веревки. Разделенная по двенадцатиричной системе, она отображала соотношения прямоугольного треугольника со сторонами 3, 4, 5 или соответствующие

пропорциональные отношения 3 : 4 : 5 [Брунов, 1934, с. 27]. Один из теоретиков архитектуры А.К. Буров прямо указывал, что рост человека, образ которого создается при непосредственном восприятии архитектурного облика Парфенона, в 3–4 раза больше роста нормального человека [Буров, 1960, с. 109 и сл.].

Другая закономерность – разная степень воспринимаемости равновеликих форм, находящихся в разных контекстах и имеющих разные членения, цвет и другие показатели, и воздействие на них способности человека зрительно упорядочивать окружение [Буров, 1960, с. 112]. Это упорядочивание достигается посредством разделения формы на детали, результат чего выражается в соразмерности наблюдаемого объекта (произведения) и человека как непосредственного зрителя и потому является средством, способствующим созданию гармоничной композиции [Голубева, 2001, с. 18].

Таким образом, знакомство с современным состоянием знаний, представляющих интерес с точки зрения заявленной нами тематики исследования, позволяет вывести заключение, согласно которому идентификация, интерпретация, определение типа корабля фрески «Изида», принципы восстановления действительных размерений его реального прототипа в натуральную величину вполне возможны (и осуществимы) с применением законов искусства, искусствометрии, оптики, теории корабля и основных технологических принципов судостроения.

К настоящему времени и в области исследования гносеологической природы разнотипных знаковых систем достигнуто понимание единства их информационного кода [Шервуд, 1895, с. 91; Лотман, Петров, 2007; Останина, 2007, с. 12–19; Коротаев, 2014, с. 34; Мартишина, 2016, с. 21–24]. Более того, доказано, что визуальная идентификация знака как символа того, что он изображает, с одной стороны, и определение его семантического (содержательного) значения как иероглифа – с другой, представляют собой хотя и взаимосвязанные, но разные по своему существу этапы механизма декодирования. Первый из них связан с графической идентификацией. Вторым – с определением его содержания. При этом первый всегда предшествует второму, т. е. определению его содержания [Уайт, 2004; Андреева, 2012, с. 1; Фещенко, Коваль, 2014, с. 303, 586].

В истории изучения проблемы в зарубежной историографии наиболее заметны попытки О. Хёкмана и В.М. Мюррея, а в отечественной историографии она затрагивалась В.С. Корзуном. Исходя из практики совмещения разнотипных проекций в изобразительном искусстве III в. до н. э., он пришёл к заключению об отложенности в изображениях кораблей эпохи эллинизма как чертежа, так и картины одновременно, поскольку цель художника, как её понимал исследователь, состояла в фиксации не только полного и ясного представления относительно изображаемого объекта, но и в создании его художественного образа, т. е. функциональное начало было соединено с сознательным художественным оформлением, что и запечатлено на фреске «Изида» из Нимфея. Результатом этого стала отображённость на фреске «объёмного» стиля, позволившего аскетично и рационально совместить отдельные узлы конструкции, в частности устройства гребного движителя. Последнее стало возможным благодаря использованию эллинистическими художниками силуэтных изображений в ортогональной проекции, применению к изображению кораблей полифокальной перспективы и разворачиванию на плоскости отдельных элементов конструкции (античной диметрии), что и позволило выполнить художнику фрески «Корабль «Изида» нанесения детальных подробностей его видимого борта. С одной стороны, рисунок перегружен детализацией в районе *catastroma*, а с другой – тиражирует традиционную схему конструкции галеры-катафракты. Автор допускал, что они представляют собой и просто разные этапы визуализации объекта.

Предпринятые в специальной литературе попытки интерпретации нимфейской фрески, как можно заметить, не принимали во внимание основных положений теории корабля и его конструирования. Согласно им, характеристики формы описывают форму судна и тем самым его внешний вид через соотношения между главными размерениями (длиной, шири-



ной, высотой борта и осадкой), а также через соотношения площади ватерлиний, площади шпангоутов и водоизмещения с главными размерениями [Крылов, 1948; Главные размерения, 1990, с. 107–108]. Самое главное заключается в том, что указанные соотношения позволяют несколько по-иному реконструировать габариты реального прототипа корабля в натуральную величину по его изображению на фреске из Нимфея. Дело в том, что вычисление величины соотношений длины и высоты корабельного корпуса производится исходя из определения самой конструктивной и базовой детали – киля, которая является основным показателем и исходной точкой расчётов. Исходя из него, расчет всех главных размерений корпуса и конструктивных размерений набора производится в определенных пропорциях [Учебник судоводителя, 1972].

В соответствии с ними установлены и оптимальные соотношения корабельного корпуса по LBH, т. е. по длине, высоте и ширине. Они таковы: 1. $L/H = 1 : 3 : 5 : 8 \dots 34 : 55$. 2. $L : B = 1 : 4 : 5 \dots 10 : 3$. Отношение высоты борта к осадке H / T находится в зависимости от высоты надводного борта и колеблется в пропорции $4 : 2 - 4 : 3$. 3. Высота надводного борта F – это разность между высотой борта и осадкой: $F = H - T$. При этом расстояние между балками основного набора (шпация) не должно быть больше 1 м. В форпике и ахтерпике она не должна превышать 0,6 м, а в носовой части (до 0,2 L от носового перпендикуляра) – 0,7 м [McGrail, 2012].

Если обратиться к восстановлению подлинных размеров «Изиды», то единственная трудность, которая возникает при выполнении данной задачи, заключается в определении величины киля корабля – реального прототипа фресковой «Изиды». Впрочем, она легко снимается, если величину пропорции длины к высоте на изображении, которая по минимуму $1 : 4$, распространить на соотношение $L : B$ в конструкции реального прототипа. С использованием ряда чисел Фибоначчи (он был известен ещё Аристотелю) в таком случае мы получаем возможность полного восстановления основных размерений «Изиды» по LBH, естественно, дополнив их данными Витрувия и археологии относительно интервала между соседними вёсельными уключинами в контексте подсчёта количества изображённых на рисунке вёсельных уключин и добавления к полученной величине дополнительного пространства в носовой и кормовой частях с учётом длины известных к настоящему времени корабельных таранов эпохи эллинизма.

Поскольку, как отмечалось выше, трактовка изображённой на фреске «Изиды» носит гипотетический характер, полученные результаты будут соответствовать двум вариантам трактовки (с учётом наличия изображённого аутриггера, так и его отсутствия). Применение этого метода позволяет выяснить не только размеры изображённого в технике сграффито корабля «Изида» на фреске из Нимфейского храма Афродиты, но и идентифицировать его согласно имеющимся данным об эллинистических кораблях типом.

Расчёты таковы:

1. $1 : 4 - L = 48$; $B = 9,6 \text{ м} - 6 \text{ м}$; $H = 3,04 \text{ м} - 4 \text{ м}$; осадка – ? Высота свободного борта – ? (пентера).

2. $1 : 4 - L = 60$, $B = 15 \text{ м} - 7,5 \text{ м}$; $H = 4,2 \text{ м} - 5 \text{ м}$; осадка – ? Высота свободного борта – ?

3. Принцип расположения вёсел (без аутриггера) соответствует соотношению гребцов на трёх уровнях по принципу $4 + 2 + 2$ в первом случае и $3 + 3 + 2$ во втором (с аутриггером). Тип корабля – октэра.

Измерения, выявленные нашими расчётами, вполне соответствуют данным, полученным недавними исследованиями габаритов корабельных эллингов в гавани Пирея Зее и в морском порту Карфагена [Delgado, 2011, p. 182–191; Pakkanen, 2013, p. 55–75; Blackman, 2014, p. 523–542; Loven, Sapountzis, 2019, 157–163]. По длине и ширине они составляют соотношение в первом случае – $35\text{--}36,5 \times 3\text{--}3,7 \text{ м}$, а во втором – $48/60 \times 12\text{--}6 \text{ м}$.

Нимфейская «Изида» как пространственный и непосредственно визуально наблюдаемый объект, перенесённый профессионалом-художником в плоскость рисунка, при извест-

ных допущениях и оговорках выступает отображением либо эллинистической пентеры (если аутриггер рассматривать как транс), либо октэры (если транс считать аутриггером). При этом как в первом, так и во втором случае количество рядов расположения вёсел никоим образом не является показателем числового определения типа корабля. Как писал по этому поводу основоположник истории античного мореплавания как науки Дж. Моррисон, «цифровое обозначение типа корабля не имеет отношения к числу рядов вёсел. Только триера и три ряда гребного движителя обеспечивают возможность нормального движения на вёслах и управление греблей. Поэтому все названия типов должны исходить из числа гребцов за одним веслом» [Morrison, Coates, 1996, p. 47, 209; Tilley, 2001, p. 571]. Выводы маститого учёного, как показывают достигнутые нами результаты, нуждаются в уточнении.

Действительно, число рядов не может служить показателем многорядности боевого античного корабля, а следовательно, и основой названия его типа. Однако в самом определении типа необходимо делать акцент не только на числе рядов (больше 3–4-х их не было), а на численности гребцов за вёслами самых верхних ярусов с каждого борта (в нашем случае их число – 8), что и позволяет, опираясь на свидетельства античной традиции о судостроении и мореплавании в первой половине III в. до н. э., отнести «Изиду» нимфейской фрески к октэрам.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. 1994. Добрый Плутарх рассказывает о героях, или Счастливый брак биографического жанра и моральной философии. Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах. Т. 1. Москва, Правда: 637–653.
2. Андреева Г.М. 2012. Презентации идентичности в контексте взаимодействия. Психологические исследования. Т. 5. 26: 1–11.
3. Брунов Н.И. 1934. Проблема масштаба в классической греческой архитектуре. Академия архитектуры. 1–2: 3–27.
4. Буров А.К. 1941. Образ и масштаб – материал и форма. Архитектура СССР. 12: 3–12.
5. Буров А.К. 1960. Об архитектуре. Москва, Стройиздат, 148.
6. Главные размерения корабля. 1990. Военно-морской словарь. Под ред. В.Н. Чернавина. Москва, Воениздат: 107–108.
7. Голин Г.М., Филонович С.Р. 1989. Классики физической науки (с древнейших времен до начала XX в.). Москва, Высшая школа, 576.
8. Горохов В.Г. 2015. Эволюция инженерии: от простоты к сложности. Москва, ИФ РАН, 199.
9. Грач Н.Л. 1989. Нимфейская археологическая экспедиция (основные итоги исследований за 1973–1987 гг.). Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Ленинград, Гос. Эрмитаж: 61–79.
10. Грач Н.Л. 1984. Открытие нового исторического источника в Нимфее. Вестник древней истории. 1: 81–88.
11. Иванов В.Н. 2007. Конспект лекций по курсу «Основы численных методов расчета конструкций». Москва, РУДН, 64.
12. Кисельников А.Б. 2012. Корабль «Исида» из Нимфея. Народы Евразии. История, культура и проблемы взаимодействия. Материалы II Международной научно-практической конференции 5–6 апреля 2012 года. Пенза – Баку – Белосток: 195–197.
13. Коротаев А.В. 2014. Беседы с редколлегией ежегодника об отношении предмета и способа его изучения. Поверх методологических границ. Ред. и сост. вып. М.В. Ильин. МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. Вып. 4: 33–43.
14. Кессиди Ф.Х. 2003. О «греческом чуде» и менталитете древних греков. Философия и общество. Вып. 1: 136–138.
15. Колпинский Ю.Д. 1977. Великое наследие античной Эллады и его значение для современности. Москва, Изобразительное искусство, 158.
16. Крылов А.Н. 1948. Теория корабля. Собрание трудов академика А.Н. Крылова. Т. 9. Теория корабля. Часть первая. Москва - Ленинград, АН СССР, 402.
17. Ларькова М.Л. 2007. Пространство в изобразительном искусстве в образно-композиционном аспекте (от античности до Высокого Возрождения). Вестник ОГУ. Омск. 5: 11–17.



18. Лотман Ю.М., Петров В.М. 2007. Искусствометрия. Методы точных наук и семиотики. Москва, ЛКИ, 368.
19. Мартишина Н.И. 2016. Концепция многообразия видов познания: о некоторых следствиях парадигмы. Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 1 (10): 21–24.
20. Мелодинский Д.Л. 2015. Образ и масштаб в архитектуре. АМІТ 1 (30): 2 (<https://marhi.ru/AMIT/2015/1kvart15/melod/melod.pdf>) 5. 12. 2019.
21. Останина О.А. 2007. Знак, символ, текст в историческом познании. Вестник ВятГУ. Научно-методический журнал. 3 (18): 12–19.
22. Писаревский Н.П. 2001. Октэра «Изида» – флагман военно-морского флота Боспорского царства (К исторической интерпретации сюжета полихромной фрески из Нимфея). Nostos. Сборник статей и очерков, посвященный 65-летию жизни и творчества поэта и исследователя античности Георгия Я. Велласа. Сост. Д-р Игорь Лисовы. Athena, 109–127.
23. Писаревский Н.П. 2018. Новейшие результаты исследования мореплавания и морских связей Древнего Средиземноморья в зарубежной историографии и археологии. Научные ведомости БелГУ. Сер. Серия История. Политология. Т. 45. 1: 22–28.
24. Писаревский Н.П. 2019. Античный флот, корабли и морские плавания на Понте Эвксинском в VI в. до н. э. – III в. н. э. Санкт-Петербург, Алетейя, 566.
25. Раушенбах Б.В. 1980. Пространственные построения в живописи. Очерк основных методов. Москва, Наука, 288.
26. Родионов А.А. 2013. Строительная механика корабля. Санкт-Петербург, СПбГМТУ, 161.
27. Розин В.М. 2003. Культурология. Москва, Гардарики, 462.
28. Рожанский И.Д. 1988. История естествознания в эпоху эллинизма и Римской империи. Москва, Наука, 448.
29. Тохтасьев С.Р. 2006. К политической истории Боспора III в. до н. э. Древности Боспора. Т. 10. Москва, 416–428.
30. Тохтасьев С.Р. 2006а. Новые материалы по истории койне. Индоевропейское языкознание и классическая филология – X. Материалы чтений, посвященных памяти проф. Иосифа Моисеевича Тронского. 19–21 июня 2006 г. Санкт-Петербург: 294–305.
31. Тохтасьев С.Р. 2011. Греческий язык на Боспоре: общее и особенное. Боспорский феномен. Население, языки, контакты. Санкт-Петербург: 673–682.
32. Уайт Л. 2004. Презентация идентичности: визуальные аспекты культурного кода. Москва, РОССПЭН, 386.
33. Учебник судоводителя любителя (http://okafish.ru/uchebnik/glava2_1.htm) 3. 11. 2019.
34. Фещенко В.В., Коваль Ф.В. 2014. Сотворение знака. Очерки о лингвоэстетике и семиотике искусства. Москва, Языки славянской культуры, 640.
35. Фукельман В.Л. 1977. Основы теории корабля. Ленинград, Судостроение, 248.
36. Целовальников А.С. 1989. Рангоут и такелаж парусного корабля. Справочник судомоделиста. Ленинград, ДОСААФ, 543.
37. Цурбан А.И. 1953. Парусно-моторные суда. Вооружение и управление ими. Москва - Ленинград, Водтрансиздат, 208.
38. Чайников К.Н. 1971. Общее устройство судов. Ленинград, Судостроение, 208.
39. Шервуд В.О. 1895. Опыт исследования законов искусства: Живопись, скульптура, архитектура и орнаментика. Москва, 24 (Отдельный оттиск из Русского Обозрения 1894–1895).
40. Шиян Т.А. 2011. К проблеме становления математики и философии в Древней Греции. Логико-философские исследования. Вып. 5 (http://taras_a_shiyan.theo.ru/my_texts/coevol/shiyan_lphi_5.pdf) 2. 12. 2019.
41. Яйленко В.П. 1995. Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях. Женщина в античном мире. Москва, Наука, 236–272.
42. Ярошевский М. 1966. История психологии от античности до середины XX в. Москва, Наука, 416.
43. Bash L. 1985. The ISIS of Ptolemy II Philadelphus. Mariners Mirror. 71: 129–151.
44. Bash L. 1987. La musee imaginaire de la marine antique. Athens, Institut hellénique pour la préservation de la tradition nautique, 525.

45. Basch L. 1987a. L'Isis de Ptolémée II Philadelphie. Le musée imaginaire de la marine antique. Athens: 493–512.
46. Blackman D. 2014. Ancient Shipsheds. Häfen und Hafenstädte im östlichen Mittelmeerraum von der Antike bis in byzantinische Zeit. Neue Entdeckungen und aktuelle Forschungsansätze. Bd. 2. Harbors and Harbor Cities in the Eastern Mediterranean from Antiquity to the Byzantine Period: Recent Discoveries and Current Approaches. Hrsg. von S. Ladstätter, F. Pirson, T. Schmidts. Istanbul, Ege Yayinlari, 523–542.
47. Bouyia P. 2012. The ship's construction and equipment Polyxeni Bouyia. The Antikythera Shipwreck: The Ship, the Treasures, the Mechanism, Exhibition Catalogue. 17. Athens: 35–36.
48. Casson L. 1963. Ancient Shipbuilding: New Light on an Old Source. Transactions of the American Philological Association. Vol. 44: 218–233.
49. Constantakopoulou Chr. 2017. Aegean Interactions: Delos and Its Networks in the Third century. Oxford, University Press, 331, XVI.
50. Delgado J.P. 2011. Ships on Land. The Oxford Handbook of Maritime Archaeology. Oxford, University Press: 182–191.
51. Gibbins D., Adams J. 2001. Shipwrecks and Maritime Archaeology. World Archaeology: 279–291.
52. Goldhill S., Osborne R. 2006. Rethinking Revolutions through Ancient Greece. Cambridge, University Press, 336.
53. Harris W.V. 2005. Rethinking the Mediterranean. Oxford, University Press, 436.
54. Hockmann O. 1999. Naval and other graffiti from Nymphaion. Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Vol. 5.4: 303–356.
55. Hocker F.M. 2000. Shipbuilding: Philosophy, Practice, and Research. The Philosophy of Shipbuilding. Ed. by F.M. Hocker, C.A. Ward. London: 1–11.
56. Loven B., Sapountzis I. 2019. The Ancient Harbours of the Piraeus. Vol. II. Zea Harbour: the Group 1 and 2 Shipsheds and Slipways – Architecture, Topography and Finds. Athens, Danish Institute of Athens, 286.
57. McGrail S. 2012. Sea Transport. Part 1: Ships and Navigation. The Oxford Handbook of Engineering and Technology in the Classical World. Ed. by John Peter Oleson. Oxford, University Press, 536–575.
58. Morrison J.S. 1996. Greek and Roman Oared Warships. Oxford, University Press, 209.
59. Morrison J.S., Coates J.F. 1996. Greek oared ships 322–31 B. C. Cambridge, University Press, 400.
60. Murray W.M. 1999. Observations on the «Isis sgraffito» at Nymphaion. Tropis VII. Proceedings of the 7th International Symposium on Ship Construction in Antiquity, Pylos, 1999. Ed. by H. Tzalas. Athens, 542–557.
61. Murray W.M. 2012. The Age of Titans. The Rise and Fall of the Great Hellenistic Navies. Oxford, University Press, 384.
62. Muratova M. 2017. The Language(s) of Images in the Arts of the Bosporan Kingdom. The Northern Black Sea in Antiquity. Networks, Connectivity, and Cultural Interactions. Ed. by V. Kozlovskaya. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 169–191.
63. Olaberria J.P. 2014. The Conception of Hull Shape by Shell-builders in the Ancient Mediterranean. IJNA. Vol. 43. Iss. 2: 351–368.
64. Pakkanen Ja. 2013. The Economics of Shipshed Complexes: Zea, a Case Study'. Shipsheds of the Ancient Mediterranean. Ed. by D. Blackman, B. Rankov, K. Baika, H. Gerding, J. Pakkanen. Cambridge, 55–75.
65. Pomey P., Rieth E. 2012. Transition from Shell to Skeleton in Ancient Mediterranean Ship-Construction: analysis, problems and future research. The International Journal of Nautical Archaeology. Vol. 41. Iss. 2: 235–314.
66. Pullen D.J. (ed.). 2010. Political Economies of the Aegean Bronze Age. Oxford, Oxford Books, 262.
67. Rouskas Yia. 2001. Origin and construction techniques of the lake Kastoria 'karavi'. Tropis VI. International Symposium on Ship Constructions in Antiquity, Lamia, 1996. Proceedings. Ed. by H. Tzalas. Athens, 505–516.
68. Tartaron T.F. 2008. Aegean Prehistory as World Archaeology: Recent Trends in the Archaeology of Bronze Age Greece. Journal of Archaeological Research. Vol. 16, 2: 83–161.



69. Tilley A.F. 2001. The Numbers in the names of ancient warships: Some proposed compromise. Tropis VI. 6th International Symposium on ship Construction in Antiquity, Lamia, 1996. Proceedings. Athens, 571–580.
70. Van D., Moortel A. 2017. A New Typology of Bronze Age Aegean Ships: Developments in Aegean Shipbuilding in their Historical Context. Baltic and Beyond. Change and Continuity in Shipbuilding. Proceedings of the Fourteenth International Symposium on Boat and Ship Archaeology. Ed. by J. Litwin. Gdansk, 263–268.
71. Vinogradov Yu.G. 1999. Der Staatsbesuch der «Isis» im Bosporus. Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Vol. 5.4: 271–302.
72. Vinogradov Yu.G., Zolotarev M.I. 1999. Worship of the Sacred Egyptian Triad in Chersonesus (Crimea). Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Vol. 5.4: 357–338.
73. Wedde M. 2001. On the role of multi-functional hybrid hulls in the construction of a narrative of early Greek ship architecture. Tropis VI. International Symposium on Ship Constructions in Antiquity. Lamia, 1996. Proceedings. Athens, 607–634.

References

1. Averintzev S.S. 1994. Dobryi Plutarh rasskazyvaet o geroyach, ili Schstlivyi brak biograficheskogo zhanra I moralnoy filisifii. Plutarh. Srovnitelnyye zhizneopisaniya v dvuh tomah [Good Plutarch talks about heroes, or a happy marriage of a biographical genre and moral philosophy. Comparative biographies in two volumes]. T. 1. Moscow, Pravda: 637–653 (in Russian).
2. Andreeva G.M. 2012. Prezentatsiya identichnosti v kontekste vzaimodeistviya [Presentations of identity in the context of interaction. Psihologicheskie issledovaniya. Psychological research]. T. 5. 26: 1–11 (in Russian).
3. Brunov N.I. 1934. Problema mashtaba v klassicheskoy grecheskoy architecture. Akademiya arkhitektury [The problem of scale in classical Greek architecture. Academy of Architecture]. 1–2: 3–27.
4. Burov A.K. 1941. Obraz i masshtab – material i forma. Arhitektura SSSR [Image and scale – material and form. USSR architecture]. 12: 3–12 (in Russian).
5. Burov A.K. 1960. Ob arkhitekture [About architecture]. Moscow, Stroyizdat, 148 (in Russian).
6. Glavnye razmereniya korablya. Voenno-morskoy slovar [The main dimensions of the ship. Naval dictionary]. 1990. Pod red. V.N. Chernavina. Moscow, Voenizdat, 107–108 (in Russian).
7. Golin G.M., Filonovich S.R. 1989. Klassiki fizicheskoy nauki (s drevneyshich vremen do nachala XX veka) [Classics of physical science (from ancient times to the beginning of the 20th century)]. Moscow, Vysshaya shkola, 576 (in Russian).
8. Gorohov V.G. 2015. Evolyutsiya inzhenerii: ot prostoty k slozhnosti [The evolution of engineering: from simplicity to complexity]. Moscow, IF RAN, 199 (in Russian).
9. Grach N.L. 1989. Nimfeiskaya archeologicheskaya ekspeditsiya (osnovnye itogi issledovaniy za 1973–1987 gg.). Itogi raboty archeologicheskikh ekspeditsiy Gosudarstvennogo Ermitazha. [Nymphaeum archaeological expedition (the main results of research for 1973–1987). Results of the work of archaeological expeditions of the State Hermitage]. Leningrad, Gos. Ermitazh: 61–79 (in Russian).
10. Grach N.L. 1984. Otkrytie novogo istoricheskogo istochnika v Nimfee. Vestnik drevney istorii [Discovery of a new historical source in Nymphaeum. Bulletin of Ancient History]. 1: 81–88 (in Russian).
11. Ivanov V.N. 2007. Konspekt lektziy po kursu «Osnovy chislennykh metodov rascheta konstruktivnykh» [Lecture notes on the course «Fundamentals of numerical methods for the calculation of structures»]. Moscow, RUDN, 64 (in Russian).
12. Kiselnikov A.B. 2012. Korabl «Isida» iz Nimfeya. Narody Evrasii. Istoriya, kultura i problem vzaimodeystviya. Materialy II mezhdunarodnoy nachno-prakticheskoy konferentsii 5–6 aprelya 2012 goda [The ship «Isis» from Nymphaeum. The peoples of Eurasia. History, culture and problems of interaction. Materials of the II international scientific-practical conference April 5–6, 2012]. Penza – Baku – Belostok: 195–197 (in Russian).
13. Korotaev A.V. 2014. Besedy s redkollegiyey ezhegodnika ob otnoshenii predmeta i sposoba ego izucheniya. Poverh metodologicheskikh granitz. METOD: Moskovskiy ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh discipline [Conversations with the editorial board of the yearbook about the relationship of the subject and how to study it. Over methodological boundaries. METHOD: Moscow Yearbook of Works from Social Studies]. Red. i sost. vyp. M.V. Illyin. Vyp. 4: 33–43 (in Russian).

14. Kessidi F.H. 2003. О «grecheskom chude» I mentalitete drevnih grekov. *Filosofiya I obshchestvo* [About the «Greek miracle» and the mentality of the ancient Greeks. *Philosophy and Society*]. Вып. 1, 136–138 (in Russian).
15. Kolpinskiy Yu. D. 1977. Velikoe nasledie antichnoy Ellady i ego znachenie dlya sovremenosti [The great heritage of ancient Hellas and its significance for modernity]. Moscow, *Izobrazitelnoye iskusstvo*, 158 (in Russian).
16. Krylov A.N. 1948. *Teoriya korablya. Sobranie trudov akademika A.N. Krylova* [Ship theory. Collection of works of academician A.N. Krylov]. T. 9. *Teoriya korablya* [Ship theory]. Chast pervaya [Part 1]. Moscow-Leningrad, AN SSSR, 402 (in Russian).
17. Lar'kova M.L. 2007. Prostranstvo v izobrazitelnom iskusstve v obrazno-kompozicionnom aspect (ot antichnosti do vysokogo Vozrozhdeniya.) *Vestnik OGU* [The space in the visual arts in the figurative and compositional aspect (from antiquity to the High Renaissance). *Bulletin of OSU*]. Omsk. 5: 11–17 (in Russian).
18. Lotman Yu.M. Petrov V.M. 2007. *Iskusstvometriya. Metody tochnykh nauk i semiotiki* [Artmetry. Methods of the exact sciences and semiotics]. Moscow, LKI, 368 (in Russian).
19. Martishina N.I. 2016. Kontsepciya mnogoobraziya vidov poznaniya: o nekotorykh sledstviyah paradigm. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* [The concept of the variety of types of cognition: on some consequences of the paradigm. *Bulletin of the Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Studies*]. 1 (10): 21–24 (in Russian).
20. Melodinskiy D.L. 2015. *Obraz I mashtab v arhitekture* [Image and scale in architecture]. *AMIT* 1 (30): 2 (<https://marhi.ru/AMIT/2015/1kvart15/melod/melod.pdf>) 5. 12. 2019 (in Russian).
21. Ostanina O.A. 2007. Znak, simvol, tekst v istoricheskom poznanii. *Vestnik VyatGU. Nauchno-metodicheskii zhurnal* [Sign, symbol, text in historical knowledge. *Bulletin of Vyatka State University. Scientific and methodological journal*]. 3 (18): 12–19 (in Russian).
22. Pisarevskiy N.P. 2001. Oktera «Izida» – flagman voenno-morskogo flota Bosporskogo tzarstva (K istoricheskoi interpretacii syuzheta polihromnoy freski iz Nimfeya. Nostos. Sbornik statey i ocherkov, posvyashennyi 65-letiyu zhizni i tvorchestva poeta i issledovatelya antichnosti Georgisa Ya. Vellasa [Okter «Isis» – the flagship of the Navy of the Bosphorus Kingdom (On the historical interpretation of the plot of the polychrome fresco from Nympheus). Nostos. Collection of articles and essays dedicated to the 65th anniversary of the life and work of the poet and researcher of antiquity Georgis J. Vellas]. Sost. [Ed.] D-r Igor Lisovy. Athena, 109–127 (in Russian).
23. Pisarevskiy N.P. 2018. Noveyshie rezultaty issledovaniya moreplavaniya i norskih svyazey Drevnego Sredizemnomorya v zarubezhnoy istoriografii I archeologii. *Naychnye Vedomosti BelGu. Ser. Istoriya. Politologiya* [The latest research results on navigation and maritime communications of the Ancient Mediterranean in foreign historiography and archeology. *Scientific reports of BelSU. Ser. Series History. Political science*]. T. 45. 1: 22–28 (in Russian).
24. Pisarevskiy N.P. 2019. Antichnyi flot, korabli i morskoe plavaniya na Ponte Evksinskom v VI v. do n. e. – III v. n. e. [Antique fleet, ships and sea voyages on Pontus of Euxinus in the VI century. B. C. – III century A. D.]. SPb., Aletheya, 566 (in Russian).
25. Raushenbah B.V. 1980. *Prostranstvennye postroeniya v zhivopisi* [Spatial constructions in painting. *Essay on Basic Methods*]. Moscow, Nauka, 288 (in Russian).
26. Rodionov A.A. 2013. *Stroitel'naya mehanika korablya* [Ship mechanics]. SPb., SPbGMTU, 161.
27. Rozin V.M. 2003. *Kulturologiya* [Cultural studies]. Moscow, Gardariki, 462 (in Russian).
28. Rozhanskiy I.D. 1988. *Istoriya estestvoznaniya v epohu ellinizma i rimskoy imperii* [The history of natural science in the era of Hellenism and the Roman Empire]. Moscow, Nauka, 448 (in Russian).
29. Topchtasyev S.R. 2006. K politicheskoy istorii Bospora III v. do n. e. [To the political history of the Bosphorus III century B. C.]. In: *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus]. T. 10. Moscow, 416–428 (in Russian).
30. Topchtasyev S.R. 2006a. *Novye materialy po istorii koine* [New materials on the history of Koyne]. In: *Indoevropeyskoye yazykoznanie I klassicheskaya filologiya – X. Materialy chteniy, posvyashennykh pamyaty prof. Iosifa Moissevicha Tronskogo 19–21 iyunya 2006 g.* [Indo-European linguistics and classical philology – X. Reading materials on the memory of prof. Joseph Moiseevich Tronsky. June 19–21, 2006]. SPb.: 294–305 (in Russian).
31. Topchtasyev S.R. 2011. Grecheskiy yazyk na Bospore: obshee i osobennoe [Greek on the Bosphorus: General and Special]. In: *Bosporskiy fenomen. Naselenie, yazyki, kontakty* [The Bosphorus phenomenon. Population, languages, contacts.]. SPb.: 673–682 (in Russian).



32. Uayt L. 2004. Prezentatsiya antichnosti: vizualnye aspekty kulturnogo koda [Presentation of Identity: Visual Aspects of the Cultural Code]. Moscow, ROSSPEN, 386.
33. Uchebnik sudovoditelya lyubitelya [The textbook amateur skipper] (http://okafish.ru/uchebnik/glava2_1.htm.) 3. 11. 2019 (in Russian).
34. Feshenko V.V., Koval F.V. 2014. Sotvorenie znaka. Ocherki o lingvoestetike i semiotike iskusstva [Creation of the sign. Essays on linguoesthetics and semiotics of art.]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kultury, 640 (in Russian).
35. Fukelman V.L. 1977. Osnovy teorii korablya [The basics of ship theory]. Leningrad, Sudostroenie, 248 (in Russian).
36. Tzelovalnikov A.S. 1989. Rangout i takelazh parusnogo korablya. Spravochnik sudomodelista [Mast and rigging of a sailing ship. Shipbuilder Handbook]. L., DOSAAF, 543 (in Russian).
37. Tsurban A.I. 1953. Parusno-motornye suda. Vooruzhenie i upravlenie imi [Sailing-motor vessels. Arms and their management]. M.-L., Vodtransizdat, 208 (in Russian).
38. Chainikov K.N. 1971. Obshee ustroystvo sudov [General arrangement of ships]. L., Sudostroenie, 208 (in Russian).
39. Shervud V.O. 1895. Opyt issledovaniya zakonov iskusstva: Zhivopis, skulptura, arhitektura i ornamentika [Experience in the study of the laws of art: Painting, sculpture, architecture and ornamentation]. II. M., 24 (Otdelnyy ottisk iz Russkogo obozreniya 1894–95 gg.) [Separate print from Russian Review] (in Russian).
40. Shiyan T.A. 2011. K problem stanovleniya matematiki i filosofii v Drevney Grecii [To the problem of the formation of mathematics and philosophy in ancient Greece]. Logiko-filosofskie issledovaniya [Logical and philosophical research]. 2011. Vyp. 5. (http://taras_a_shiyan.theo.ru/my_texts/coevol/shiyan_lphi_5.pdf) 2. 12. 2019 (in Russian).
41. Yaylenko V.P. 1995. Zhenshiny, Afrodita b zhrica Spartokidov v novykh Bosporskih nadpisyah [Women, Aphrodite and the priestess of Spartokids in the new Bosphorus inscriptions]. In: Zhenshina v antichnom mire [Woman in the ancient world]. Moscow, Nauka, 236–272 (in Russian).
42. Yarishevskiy M. 1966. Istoriya psikhologii ot anticnosty do serediny XX v. [The history of psychology from antiquity to the middle of the twentieth century]. Moscow, Nauka, 416 (in Russian).
43. Bash L. 1985. The ISIS of Ptolemy II Philadelphus. *Mariners Mirror*. 71: 129–151.
44. Bash L. 1987. La musee imaginaire de la marine antique. Athens, Institut hellénique pour la préservation de la tradition nautique, 525.
45. Basch L. 1987a. L'Isis de Ptolémée II Philadelphie. Le musee imaginaire de la marine antique. Athens: 493–512.
46. Blackman D. 2014. Ancient Shipsheds. Häfen und Hafenstädte im östlichen Mittelmeerraum von der Antike bis in byzantinische Zeit. Neue Entdeckungen und aktuelle Forschungsansätze. Bd. 2. Harbors and Harbor Cities in the Eastern Mediterranean from Antiquity to the Byzantine Period: Recent Discoveries and Current Approaches. Hrsg. von S. Ladstätter, F. Pirson, T. Schmidts. Istanbul, Ege Yayinlari, 523–542.
47. Bouyia P. 2012. The ship's construction and equipment Polyxeni Bouyia. The Antikythera Shipwreck: The Ship, the Treasures, the Mechanism, Exhibition Catalogue. 17. Athens: 35–36.
48. Casson L. 1963. Ancient Shipbuilding: New Light on an Old Source. *Transactions of the American Philological Association*. Vol. 44: 218–233.
49. Constantakopoulou Chr. 2017. Aegean Interactions: Delos and Its Networks in the Third century. Oxford, University Press, 331, XVI.
50. Delgado J.P. 2011. Ships on Land. *The Oxford Handbook of Maritime Archaeology*. Oxford, University Press: 182–191.
51. Gibbins D., Adams J. 2001. Shipwrecks and Maritime Archaeology. *World Archaeology*: 279–291.
52. Goldhill S., Osborne R. 2006. Rethinking Revolutions through Ancient Greece. Cambridge, University Press, 336.
53. Harris W.V. 2005. Rethinking the Mediterranean. Oxford, University Press, 436.
54. Hockmann O. 1999. Naval and other graffiti from Nymphaion. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. Vol. 5.4: 303–356.
55. Hocker F.M. 2000. Shipbuilding: Philosophy, Practice, and Research. *The Philosophy of Shipbuilding*. Ed. by F.M. Hocker, C.A. Ward. London: 1–11.

56. Loven B., Sapountzis I. 2019. The Ancient Harbours of the Piraeus. Vol. II. Zea Harbour: the Group 1 and 2 Shiphsheds and Slipways – Architecture, Topography and Finds. Athens, Danish Institute of Athens, 286.
57. McGrail S. 2012. Sea Transport. Part 1: Ships and Navigation. The Oxford Handbook of Engineering and Technology in the Classical World. Ed. by John Peter Oleson. Oxford, University Press, 536–575.
58. Morrison J.S. 1996. Greek and Roman Oared Warships. Oxford, University Press, 209.
59. Morrison J.S., Coates J.F. 1996. Greek oared ships 322–31 B. C. Cambridge, University Press, 400.
60. Murray W.M. 1999. Observations on the «Isis sgraffito» at Nymphaion. Tropis VII. Proceedings of the 7th International Symposium on Ship Construction in Antiquity, Pylos, 1999. Ed. by H. Tzalas. Athens, 542–557.
61. Murray W.M. 2012. The Age of Titans. The Rise and Fall of the Great Hellenistic Navies. Oxford, University Press, 384.
62. Muratova M. 2017. The Language(s) of Images in the Arts of the Bosporan Kingdom. The Northern Black Sea in Antiquity. Networks, Connectivity, and Cultural Interactions. Ed. by V. Kozlovskaya. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 169–191.
63. Olaberria J.P. 2014. The Conception of Hull Shape by Shell-builders in the Ancient Mediterranean. IJNA. Vol. 43. Iss. 2: 351–368.
64. Pakkanen Ja. 2013. The Economics of Shiphshed Complexes: Zea, a Case Study'. Shiphsheds of the Ancient Mediterranean. Ed. by D. Blackman, B. Rankov, K. Baika, H. Gerding, J. Pakkanen. Cambridge, 55–75.
65. Pomey P., Rieth E. 2012. Transition from Shell to Skeleton in Ancient Mediterranean Ship-Construction: analysis, problems and future research. The International Journal of Nautical Archaeology. Vol. 41. Iss. 2: 235–314.
66. Pullen D.J. (ed.). 2010. Political Economies of the Aegean Bronze Age. Oxford, Oxford Books, 262.
67. Rouskas Yia. 2001. Origin and construction techniques of the lake Kastoria 'karavi'. Tropis VI. International Symposium on Ship Constructions in Antiquity, Lamia, 1996. Proceedings. Ed. by H. Tzalas. Athens, 505–516.
68. Tartaron T.F. 2008. Aegean Prehistory as World Archaeology: Recent Trends in the Archaeology of Bronze Age Greece. Journal of Archaeological Research. Vol. 16, 2: 83–161.
69. Tilley A.F. 2001. The Numbers in the names of ancient warships: Some proposed compromise. Tropis VI. 6th International Symposium on ship Construction in Antiquity, Lamia, 1996. Proceedings. Athens, 571–580.
70. Van D., Moortel A. 2017. A New Typology of Bronze Age Aegean Ships: Developments in Aegean Shipbuilding in their Historical Context. Baltic and Beyond. Change and Continuity in Shipbuilding. Proceedings of the Fourteenth International Symposium on Boat and Ship Archaeology. Ed. by J. Litwin. Gdansk, 263–268.
71. Vinogradov Yu.G. 1999. Der Staatsbesuch der «Isis» im Bosporus. Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Vol. 5.4: 271–302.
72. Vinogradov Yu.G., Zolotarev M.I. 1999. Worship of the Sacred Egyptian Triad in Chersonesus (Crimea). Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Vol. 5.4: 357–338.
73. Wedde M. 2001. On the role of multi-functional hybrid hulls in the construction of a narrative of early Greek ship architecture. Tropis VI. International Symposium on Ship Constructions in Antiquity. Lamia, 1996. Proceedings. Athens, 607–634.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Писаревский Николай Петрович, доцент кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета, доктор исторических наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolay P. Pisarevsky, doctor of historical Sciences, associate Professor of the Department of archeology and history of the ancient world, Voronezh state University, Voronezh, Russia.



УДК 94 (37).07
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-472-481

***Liber* и *libertas* в произведениях Горация**

Д.А. Усов

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
Россия, 150003, Ярославль, ул. Советская, 14/2
E-mail: usovda1996@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена изучению категории «свобода» в произведениях Горация. Во времена Поздней Республики термин «*libertas*» использовался различными политическими партиями (*partes*) и группировками (*factiones*) как инструмент идеологической борьбы со своими противниками. Данное обстоятельство должно было повлиять на восприятие свободы в эпоху Августа. Предпринятый в статье анализ терминов «*liber*» и «*libertas*» у Горация направлен на постижение вложенного в них смысла, а также на определение политических взглядов поэта. Наблюдения автора свидетельствуют, что Гораций не обращался к данным терминам в том значении, которое в них вкладывали те или иные политические силы Поздней Республики. Восприятие свободы поэтом находилось в русле идеологической политики Августа и не несло в себе оппозиционных настроений.

Ключевые слова: античный Рим, принципат Августа, Октавиан (Август), Гораций, свобода, *liber*, *libertas*.

Для цитирования: Усов Д.А. 2020. *Liber* и *libertas* в произведениях Горация. Via in tempore. История. Политология, 47 (3): 472–481. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-472-481.

***Liber* and *libertas* in Horace's works**

Dmitry A. Usov

Yaroslavl State University P.G. Demidov,
14/2 Sovetskaya St., Yaroslavl, 150003, Russia
E-mail: usovda1996@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of the category «freedom» in Horace's works. In the days of the Late Republic, various political parties (*partes*) and groups (*factiones*) used the term «*libertas*» as an instrument of ideological struggle against their opponents. Besides, each political force attached a special meaning to this concept, which correlated with their goals and ideological discourse. This fact should have affected the perception of freedom in the times of Augustus' reign. The author undertakes the analysis of the terms «*liber*» and «*libertas*» used by Horace with the aim to comprehend their meaning, as well as determine political views of the poet. The author's observations demonstrate the predominance of the social and philosophical connotations of the concepts «*liber*» and «*libertas*» in Horace's works. The conclusions made in the article show that the poet did not refer to these terms in the sense certain political forces of the Late Republic attached to them. Horace's perception of freedom was congruent with the ideological policy of Augustus and did not contain any opposition sentiment.

Keywords: Ancient Rome, Augustus' Principate, Octavian (Augustus), Horace, freedom, *liber*, *libertas*.

For citation: Usov D.A. 2020. *Liber* and *libertas* in Horace's works. Via in tempore. History and political science, 47 (3): 472–481 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-472-481.

Общество воспринимает реальность с помощью различных мыслительных категорий; как заметил А.Я. Гуревич [Гуревич, 2007, с. 35–36], такие категории отражают общественную практику и вместе с тем определяют поведение индивидов и групп.

Понятие «свобода» («libertas», «ἐλευθερία») являлось краеугольным для полисной цивилизации [Дементьева, 2010, с. 89]. Латинский термин «libertas», обладая изначально социальной коннотацией, обозначал личную свободу, которая противопоставлялась рабству (servitus). Однако впоследствии (к V в. до н. э.) данная категория приобрела и политический смысл. Libertas воплотила один из принципов внутривнутриполитической жизни Римской республики [Межеричский, 2016, с. 490] и общую для всего гражданского коллектива ценность [Дементьева, 2011, с. 147–148; Arena, 2012, р. 14] – политическую свободу. Более того, свобода являлась одной из первых персонифицированных абстракций, почитаемых в Риме как божество, – Libertas [Von der Osten, 2006, р. 32].

Важным источником для изучения понимания libertas в эпоху правления Августа (27 г. до н. э. – 14 г. н. э.) являются поэтические произведения данного периода, а также более раннего – времени борьбы Октавиана за власть. Помимо того, что восприятие свободы известными авторами может свидетельствовать о месте libertas в идеологии Принципат³, оно также указывает на отношение поэтов к режиму Августа и проясняет широкие общественные настроения⁴. В рамках данной статьи мы сосредоточимся на анализе категории «libertas» (и исходного понятия «liber») в произведениях Горация.

Нами не было обнаружено ни одного специального исследования по указанному вопросу, хотя некоторые историки в той или иной степени его касались. К примеру, Ч. Старр, рассматривая развитие отношения Горация к Августу⁵, отметил, что поэт, склонный в зрелом возрасте к аристократической морали, использовал понятия «liber» и «libertas» в социальном, а не политическом значении [Starr, 1969, р. 62–64]. Некоторых аспектов восприятия Горацием свободы коснулся У.С. Андерсон [Anderson, 1995, р. 163–164]. Влияние греческой этики на понимание Горацием дружбы (amicitia) и «свободы слова» (одной из составляющих libertas) рассмотрел Р.Л. Хантер [Hunter, 1985]. Л. Боудич подробно остановилась на анализе выражения «liberrimus Lollius», использованном поэтом в одном из своих посланий [Bowditch, 1994]. О «свободе слова» в рамках римской сатиры пишет С.М. Браунд [Braund, 2004].

При этом многие ученые так или иначе обращались к анализу libertas в произведениях Вергилия и Овидия [Lefèvre, 1998, р. 103–106; Galinsky, 2006; Johnston, 2006; Smith, 2006; Von der Osten, 2006; McGowan, 2009, р. 175; Davis, 2016]. В. Арена, опираясь на источники 50-х гг. до н. э. – 30-х гг. н. э. (при этом вообще проигнорировав произведения поэтов), выделила три концепции свободы, характерные для того времени: 1) свобода как отсутствие правовых стеснений частной жизни римлян; 2) свобода как ограничение, основанное на верховенстве закона, тех действий граждан, которые препятствуют достижению общего блага; 3) свобода как отсутствие какого-либо господства [Arena, 2011, р. 482].

Сказанное позволяет считать анализ терминов «liber» и «libertas» в произведениях Горация актуальной исследовательской задачей. Научная интерпретация содержательного наполнения категории «свобода» у поэта способствует лучшему пониманию его политических взглядов, оцениваемых неоднозначно и современными специалистами [La Bua, 2013, р. 265–266]. Ведь если Гораций, в прошлом сторонник Марка Брута (Suet. *Poet. Hor.* 1), использовал «libertas» в том значении, которое ей придавали представители нобилитета⁶, то, веро-

³ Традиционным является отношение исследователей XIX–XX вв. к поэтам второй половины I в. до н. э. как к проводникам идей Августа [Ростовцев, 2000, с. 57–58; Syme, 1939, р. 253, 318, 412, 464]. В современной историографии такая позиция считается устаревшей [Галински, 2017].

⁴ О популярности поэзии в эпоху Августа см.: [Гаспаров, 2018, с. 75–76].

⁵ По мнению ученого, поначалу (в конце 30-х – начале 20-х гг. до н. э.) Гораций симпатизировал Октавиану, но в конце 20-х гг. до н. э. поэт резко охладил к нему [Starr, 1969, р. 60, 64]. К противоположным выводам пришел Э.Т. Салмон [Salmon, 1946–1947, р. 9–13].

⁶ Брут стремился заявить о себе как об амбициозном представителе аристократического рода и в 44–43 гг. до н. э., полемизируя с Антонием и Октавианом посредством монетной чеканки, преподносил libertas как конкурентное преимущество лагеря республиканцев [Жаровская, 2009, с. 11–13].



ятно, он был склонен к оппозиционным взглядам, а также обладал высокой степенью независимости от воли принцепса.

При обращении к указанному вопросу необходимо учитывать, какой смысл в категорию «libertas» вкладывался в I в. до н. э. — до установления власти Октавиана. Хорошо известно, что в эпоху Поздней Республики «libertas» была важным лозунгом различных противоборствующих политических партий (partes) и группировок (factiones). По словам В.О. Любимовой [Любимова, 2015, с. 206], проблемы, связанные с политико-идеологической борьбой на закате Республики по-прежнему вызывают дискуссии среди исследователей; при этом в современной историографии трудно выделить какую-либо ведущую концепцию по данному вопросу. Согласно наблюдениям Н.Н. Трухиной [Трухина, 2017, с. 76, 81–84, 86–88], в это время существовали три политические «партии»: партия нобилитета, отстаивавшая традиционную систему управления государством, и две противостоявшие ей силы — фронда boni, состоявшая из средних слоев Италии (всадников и большинства сената), и мелкоплебейская партия populares, представленная отдельными политическими деятелями, которые апеллировали к массе простого народа. Однако многие историки продолжают следовать традиционному делению политических течений I в. до н. э. на optimates (отождествляемых с частью нобилей) и populares [Токарев, 2007, с. 134–139; Yakobson, 2016] ⁷.

По представлениям optimates (т. е. большинства нобилей), свобода — это совокупность политических прав знати, подразумевающая возможность определяющего влияния на управление государственными делами [Токарев, 2011, с. 62] ⁸; optimates, согласно их позиции, должны были охранять такой порядок от посягательств со стороны populares, стремящихся подавить свободу и установить regnum [Утченко, 1965, с. 171]. Populares, в свою очередь, понимали под libertas политические права плебса: возможность принимать законы и избирать магистратов [Токарев, 2011, с. 72]. На их взгляд, современный им политический порядок нельзя считать свободным, поскольку власть сосредоточена в руках группировки нобилей, руководствующихся своими узкими интересами; против такого положения дел «популярные» и призывали бороться [Утченко, 1965, с. 171]. Если принять концепцию Н.Н. Трухиной [2017, с. 84] о существовании третьей силы — партии «порядочных» — и признать в Цицероне ее идеолога, то, по всей видимости, свобода для данного политического течения должна была означать залог стабильного функционирования власти boni [Павлов, 2002, с. 37–38] ⁹ и борьбу против политического засилья аристократии.

Подобные идеологические представления Поздней Республики не могли не оказать влияния на понимание libertas в эпоху Августа. Как убедительно показал А.Н. Токарев [Токарев, 2011, с. 150–155], в ходе борьбы за власть Октавиан, прибегнув к «популярской» трактовке категории «свобода», в то же время начал наполнять ее новым содержанием, в результате чего понятие «libertas» оказалось созвучным терминам «рах» (мир) и «securitas» (безопасность). Попытку выйти за рамки «узкопартийного» понимания свободы исследователь обнаруживает уже в трудах Саллюстия, заключая, что в это время libertas постепенно теряла свое политическое значение [Токарев, 2006, с. 9–10]. По мнению К. Раафлауба [Raaflaub, 2009, p. 154], понятие «libertas» не играло заметной роли в идеологической программе Августа. Той же позиции придерживается Я.Ю. Межерицкий [Межерицкий, 2016, с. 492–493], подчеркивающий, что случаи употребления Августом понятия «libertas» относятся к освобождению от внешних врагов государства. К. Галински [Галински, 2006, p. 3, 6–7], хотя и считает категорию «свобода» центральной для идеологиче-

⁷ По авторитетному мнению Х. Виршубски, термин «optimates» являлся самоназванием правящей римской олигархии — нобилитета [Wirszubski, 1968, p. 39]. С этой позицией не согласна Н.Н. Трухина [Трухина, 2017, с. 77].

⁸ Э. Фантам, ссылаясь на Х. Виршубски, говорила о целом сенаторском классе (вместо optimates или нобилей) [Fantham, 2005, p. 29].

⁹ Хотя А.А. Павлов, называя libertas Цицерона консервативной и статичной, судя по всему, отождествляет boni с optimates и представителями нобилитета.

ской политики Августа, также отмечает, что *libertas* понималась уже не столько как свобода действий в политической сфере, сколько как свобода от внешних вторжений и угнетения (*interference and oppression*) – т. е. как *securitas*. Кажется неслучайным, что именно на время правления династии Юлиев-Клавдиев приходится становление религиозного культа *Securitas* и начало активного почитания безопасности как важного коллективного блага [Данилов, 2017, с. 82]. Гораций писал, что ему не страшна никакая смута (*tumultus*), пока всей землей владеет (*teneo*) Август (Нор. *Od.* III. 14. 14–16) ¹⁰.

Первое, на что стоит обратить внимание, переходя к анализу произведений Горация, – поэт довольно редко использует термин «*libertas*»: всего 5 случаев употребления. Гораздо чаще встречается прилагательное «*liber*»: 24 раза. Приведенные цифры, конечно, несопоставимы с частотой обращения к понятию «*libertas*» Цицероном ¹¹ и Ливием ¹². Однако нужно учитывать, что перед нами не политические, философские или исторические трактаты, а поэтические произведения, рассчитанные на самую широкую аудиторию.

В «Эподах» и «Сатирах» ¹³ «*liber*» ¹⁴ и «*libertas*» ¹⁵ употребляются в тесной связи с четырьмя темами: пороки и их осуждение, дружба, опьянение, «свобода слова»; и означают обилие, свободу от пороков и внешних обстоятельств (независимость), откровенность, развязность и возможность высмеивать чужие пороки. Прохожие полны негодования (*liberrima indignatio*) от вида гордого вольноотпущенника, выставляющего напоказ свои богатства (*Epod.* IV. 5–10). Вино развязывает язык и обнажает чувства, позволяя свободной желчи (*libera bilis*) бурлить в груди (*Epod.* XI. 13–16). Опьяненные гости допускают излишнюю вольность (*maledicunt liberius* – буквально «свободнее/обильнее злословят»), что пробуждает у хозяина страх (*Sat.* II. 8. 35–37). В то же время, стоит насмешливому гостю выпить вина, как он тут же становится *comis* (ласковым, любезным), *urbanus* (утонченным, учтивым) и *liber* (свободным, откровенным) (*Sat.* I. 4. 89–90).

Известно, что Гораций с теплотой относился к дружбе (*amicitia*) и высоко ценил ее роль в жизни человека (*Sat.* I. 5. 44) [Hunter, 1985, p. 480]. В «Посланиях» поэт противопоставляет друга (*liberrimus Lollius* – «свободнейший Лоллий») шуту (*scurra*) и блуднице (*meretrix*), равных в своей неверности (*infidus*) и льстивом раболепии (*Ep.* 1. 18. 1–4). Анализируя «Эподы» и «Сатиры», можно заметить, что образ *liber amicus* в некотором отношении близок к образу *liber sapiens*. Многочисленные пороки, характерные для обычных людей, не свойственны свободному мудрецу ¹⁶, полностью владеющему собой, довольствующемуся малым и независимому от внешних волнений (*Sat.* II. 7. 83–84) ¹⁷. Свободный друг, подобно мудрецу, способен излечить Горация от пороков и недостатков (*vitia* – *Sat.* I. 4. 129–132). Более того, помощь *liber amicus* стоит в одном ряду с уроками *pater* (отца), приучившего Горация с юных лет замечать чужие пороки и самому избегать их, живя умеренно и бережливо (*Sat.* I. 4. 105–109). В другом месте поэт напрямую сравнивает отношения между друзьями и отношения между отцом и сыном, заявляя, что друзья должны с терпением относиться к недостаткам друг друга, подобно тому, как отец относится к недостаткам сына (*Sat.* I. 3. 43–44). Таким образом, мы можем утверждать, что, используя выражение «*liber amicus*», Гораций в определенном смысле синтезирует мудрость предков и возвышенность мудрецов, придавая понятию «*libertas*» философский и нравоучитель-

¹⁰ ...ego nec tumultum / nec mori per vim metuum tenente / Caesare terras.

¹¹ Около 388 раз [Павлов, 2003, с. 33].

¹² 331 раз – при учете, что сохранилась лишь четверть его книг [Павлов, 2009, с. 213–214].

¹³ «Эподы» и «Сатиры», ранние произведения Горация, были написаны в 30-е гг. до н. э. [Тронский, 1988, с. 369–370].

¹⁴ Встречается 11 раз.

¹⁵ Встречается 1 раз.

¹⁶ Без сомнений, речь идет о мудреце стоического толка.

¹⁷ *Quisnam igitur liber? sapiens sibi qui imperiosus / quem neque pauperies neque mors neque vincula terrent...* В похожем значении Гораций использует прилагательное «*solutus*», выражающее свободу от *ambitio* (*Sat.* I. 6. 129) – тщеславия.



ный оттенок¹⁸. Это обстоятельство свидетельствует о том, что в эпоху Августа существовала тесная взаимосвязь между стремлением восстановить *mores maiorum* и философскими этическими учениями, способствующими этому на ином уровне¹⁹.

Римляне не имели специального термина для обозначения «свободы слова» («*παρρησία*» у греков), но это право было включенным в понятие «*libertas*» и активно применялось руководящим слоем [Bowditch, 1994, p. 414–415]. Гораций два раза использует «*libertas*» в данном значении, но не в политической, а в социальной коннотации. Приводя в пример греческих комедиографов, поэт говорит о *libertas* как о возможности открыто высмеивать людей за их пороки, оправдывая свою вольность привычкой, воспитанной отцом (*Sat. I. 4. 1–5, 103–106*). Несколько иной оттенок «*libertas*» мы видим в позднем произведении «Науке поэзии». Гораций пишет, что в былые времена комедия была почитаема, но затем, впав в *libertas* (*sed in vitium libertas excidit* – *Ars. 282*), стала преступать закон (*lex*), который в итоге принудил хор к молчанию (*Ars. 281–284*). В данном контексте «свобода слова» приобретает негативную коннотацию и преподносится, скорее, как *licentia* – своеволие, дерзость, наглость²⁰.

Интересно, что молодой Гораций, открыто симпатизирующий эпикурейской философии (*Sat. I. 2. 73–79; I. 3. 95–98; I. 5. 100–103; II. 2. 36–37; II. 3. 199–223; II. 6. 60–62*)²¹, воспринимает законы (*iura*) как силу, стремящуюся ликвидировать человеческий страх перед возможными опасностями (*Sat. I. 3. 111*), т. е. как благо. Законы (*leges*)²², как пишет поэт, возникнув из стремления прекратить бесконечные войны всех против всех, были направлены против воров, разбойников и злободеев (*Sat. I. 3. 99–106*). Знаменитый эпикуреец Лукреций, в свою очередь, рассматривает появление законов как причину зарождения всех человеческих страхов – прежде всего, перед наказанием (*Lucr. 1147–1151*). Следовательно, согласно эпикурейской философии, с возникновением первых законов человек утрачивает свою *libertas*, понимаемую как свободу от всяческих страхов (*Cic. Nat. Deor. I. 56*)²³, а также как отсутствие страданий тела и души (*D. L. X. 131*)²⁴. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что в восприятии Горацием природы законов проявилось нарождавшееся в коллективном сознании римлян отношение к *libertas* как к *securitas*. Несмотря на свои эпикурейские взгляды, поэт не видел в законах ничего негативного, что могло бы ограничить человеческую свободу. Для Горация законы – это положительное явление, призванное установить порядок и обуздать силы хаоса, т. е. обеспечить безопасность граждан. Неслучайно в одной из од победа Августа над беспорядком гражданских войн уподобляется победе Юпитера над хаосом бунтующих гигантов (*Od. III. 4. 38–48*).

В 23 г. до н. э. были изданы три книги од (*Carmina*), где встречается всего лишь три случая употребления слова «*liber*» (*Od. I. 37; III. 5. 21–22; III. 24. 12–13*). Наиболее интересно употребление Горацием понятия «*liber*» в контексте 37-й оды I книги. Данная ода была написана в 30 г. до н. э. как реакция на окончательное поражение Антония. При этом в центре внимания произведения – фигура Клеопатры, которую Гораций называет роковым чудовищем (*fatale monstrum* – *Od. I. 37. 21*) и безумной царицей (*regina demens* – *Od. I. 37. 7*), посмевавшейся угрожать Капитолию крушением (*Od. I. 37. 6–8*). Следовательно, про-

¹⁸ Однако мудрый совет друга (*amicorum... libera consilia* – *Epod. XI. 25–26*) не в силах высвободить поэта из пут безрассудного влечения к юноше Ликиску. Подобное подвластно лишь другой соразмерной страстной любви (*ardor*) к юноше или девушке (*Epod. XI. 23–28*). Следовательно, разумное начало, представленное в образе *liber amicus*, уступает страстям, которые поэт, по всей видимости, связывает с образом вольного Купидона (*liber Cupido* – *Epod. XVII. 57*).

¹⁹ Понтифик и академик Котта в произведении Цицерона говорит, что от философа он ждет рациональных доказательств (*rationes*) тому, чему учат предки одной лишь силой своего авторитета (*Cic. Nat. Deor. III. 6*).

²⁰ О разнице между *libertas* и *licentia* см.: [Braund, 2004, p. 409–410, 426–427].

²¹ Еще Г. Буасье отмечал, что «Гораций принадлежал к тем людям, которые в молодости были очарованы Лукрецием» [Буасье, 2018, с. 181].

²² По всей видимости, понятия «*iura*» и «*leges*» Гораций использует как синонимы.

²³ *His terroribus ab Epicuro soluti et in libertatem vindicati...*

²⁴ ...τὸ μῆτε ἀλγεῖν κατὰ σῶμα μῆτε ταραττεσθαι κατὰ ψυχὴν.

тивник Августа – это внешний враг, а гражданская война с Антонием оборачивается войной против Египта и Клеопатры²⁵. Теперь же, когда главная угроза Риму нейтрализована, Гораций призывает выпить вина, *свободной ногой* (*pede libero*) ударив оземь (*Od. I. 37. 1–2*)²⁶. Впервые в творчестве Горация понятие «*liber*» появляется в контексте освобождения от внешней опасности. Конечно, нельзя судить однозначно о том, что поэт подразумевал под «*liber pes*». Вполне вероятно – особенно если учитывать контекст произведения и тот смысл, который Август вкладывал в категорию «*libertas*», – что выражение «свободная нога» означало свободу от ножных кандалов, символизирующих порабощение внешним захватчиком. Похожее выражение («*libera vestigia*» – «свободные следы/подошвы») Гораций использовал в «Посланиях», подразумевая под этим, что он никому не подражает и идет своим путем (*Ep. I. 19. 21–23*)²⁷.

В 20 г. до н. э. вышла первая книга «Посланий». Понятия «*liber*»²⁸ и «*libertas*»²⁹ используются здесь исключительно в философском (преимущественно в стоическом) значении и, по словам Ч. Старра [Starr, 1969, p. 63], являются ключевыми в атаке поэта на материализм. Отказывая сельской грубости (*asperitas agrestis*) в праве считаться *libertas* или *virtus*, поэт ставит эти понятия в один ряд (*Ep. I. 18. 6–8*)³⁰. Приравнять свободу и доблесть было свойственно для стоического мировоззрения. Стоик Зенон считал, что быть свободным (*ἐλεύθερος*) – то же самое, что быть бесстрашным (*ἀδής*), мужественным (*μεγαλόφρων*) и бодрым духом (*ἀταπείνωτος* – *Plut. Adolesc. 12. 33 d*)³¹. Также, по мнению стоика, может считаться свободным (как гражданином, другом, домочадцем) только тот, кто стремится к добродетельному (*D. L. VII. 33*)³². Величайшим рабством (*maxima servitus*) Сенека Младший считал потребность в милости судьбы (*Sen. V. beat. XV. 3*) и учил жить настоящим (*Sen. V. beat. XXVI. 3*). Этот же суровый стоический ригоризм мы встречаем в отношении уже немолодого Горация к *libertas*³³.

Высоко почитая свободу, поэт пишет, что *liber sapiens* – ниже только самого Юпитера (*Ep. I. 1. 106–107*). Быть свободным означает не склоняться под натиском Фортуны (*Ep. I. 1. 68–69*), не страшиться бедности (*Ep. I. 10. 39–40; I. 16. 63–64*)³⁴, жить без страха (*Ep. I. 16. 66*)³⁵, быть самодостаточным (*Ep. I. 19. 21–23*) – другими словами, быть независимым от внешних обстоятельств.

В «Науке поэзии», помимо уже приведенного нами значения «*libertas*» как «своеволие», мы встречаем выражения «*libera vina*» (*Ars. 85*) – обильные вина; «*liber et ingenuus*» (*Ars. 383*) – свободный и благородный (здесь понятие «*liber*» близко по значению к понятию «свободнорожденный»); и «*liberque laborum rusticus*» (*Ars. 212–213*) – свободный от дел крестьянин. В последнем случае *libertas* близка по значению к *vacatio*, в которой эпикурейцы обнаруживали залог счастливой жизни (*Cic. Nat. Deor. I. 53*).

В 17 г. до н. э. торжественно были проведены Вековые игры, знаменовавшие, по логике Августа, начало новой эры мирного процветания Рима. Вся церемония завершалась «Юбилейным гимном», написанным Горацием специально по запросу императора. В

²⁵ См. подробнее: [Lowrie, 2007, p. 82; Чисталев, 2014, с. 295].

²⁶ Nunc est bibendum, nunc *pede libero* / pulsanda tellus...

²⁷ *Libera per vacuum posui vestigia princeps, / non aliena meo pressi pede. qui sibi fidet, / dux reget examen.*

²⁸ Встречается 6 раз.

²⁹ Встречается 2 раза.

³⁰ ...*asperitas agrestis*... / dum volt *libertas* dici mera veraque *virtus*.

³¹ ...τῷ ἐλευθέρῳ νῦν συνεκφαίνων τὸν ἀδῆα καὶ μεγαλόφρονα καὶ ἀταπείνωτον.

³² Πάλιν ἐν τῇ Πολιτείᾳ παρίσταντα πολίτας καὶ φίλους καὶ οἰκείους καὶ ἐλευθέρους τοὺς σπουδαίους μόνον...

³³ Заметим, что стоическое и эпикурейское понимание свободы во многом пересекались. Этическая доктрина эпикуреизма была не менее требовательной к поведению человека, чем доктрина Стои, и, разумеется, она не сводилась к гедонизму, что признавал еще стоик Сенека (*Sen. V. beat. XIII. 1*). Поэтому философский эклектизм Горация в понимании свободы выглядит наиболее органичным.

³⁴ Sic qui pauperiem veritus potiore metallis / *libertate* caret...

³⁵ ...qui metuens vivet, *liber* mihi non erit umquam...



одной из строчек, говоря об отступлении Энея из Трои, поэт использует выражение «liberum iter» (*Carm.* 43) – свободный путь. Троянцы смогли *без впеда* (*sine fraude*) покинуть родной город благодаря благочестивому Энею (*Castus Aeneas*), который защитил/укрепил/проложил (*munivit*) *liberum iter* (*Carm.* 37–44). Другими словами, троянцы отступили из Илиона по свободному (равно безопасному) пути, предоставленному Энеем, и только поэтому остались невредимыми. Понятие «liber» во второй раз за все творчество Горация приблизилось к значению «securus». Учитывая эпохальность и государственную значимость Вековых игр, мы полагаем, что подобное понимание свободы должно было соответствовать идеологической повестке режима Августа.

В IV книге од, созданной под очевидным давлением императора в последнее десятилетие жизни Горация (*Suet. Poet.* Ног. 5), когда поэт намеревался отойти от творчества и предаться философским раздумьям [Гаспаров, 2018, с. 297–299], всего один раз используется прилагательное «libera» (*Od.* IV. 14. 18). Данное понятие появляется в контексте прославления боевых заслуг военачальника Тиберия (*maior Nero*), разбившего избравших свободную смерть ретов (*devota morti pectora liberae* – *Hor. Od.* IV. 14. 14–18). Судя по контексту, *mors libera* выступает в роли альтернативы *servitus* варваров и не несет какой-либо политической нагрузки. При тех же обстоятельствах была создана II книга «Посланий», где мы вновь встречаем только одно упоминание категории «свобода» – в письме, адресованном самому Августу (*Ep.* II. 1. 147). Поэт использует «libertas» в контексте описания деревенского праздника, во время которого распевались шуточно-бранные песни – фесценнины (*Ep.* II. 1. 139–146). Такую сельскую забаву Гораций и обозначает термином «libertas», в данном случае близким по значению слову «вольность». Нужно сказать, что столь редкое использование понятий «liber» и «libertas» в работах, созданных под непосредственным давлением со стороны власти, подтверждает выводы историков о незначительной роли концепта свободы в рамках идеологии принципата Августа.

Таким образом, в произведениях Горация нет ни одного использования понятий «liber» и «libertas» в том значении, которое в них вкладывали те или иные политические группировки I в. до н. э. В двух случаях «libertas» близка по смыслу к «securitas» (точнее: «liber» – к «securus»). В целом же доминируют социальная и философская коннотации понятия «свобода». Поэтому со всей уверенностью мы можем утверждать, что восприятие Горацием свободы находилось в русле идеологических установок принципата Августа и не несло в себе оппозиционных настроений. Философский акцент на независимости от внешних обстоятельств и довольстве малым должен был служить укреплению важного слагаемого римского мифа – идеализации бедности и осуждению богатства [Кнабе, 1994, с. 648]. Сделанные наблюдения также свидетельствуют о том, что в эпоху Принципата категория «libertas» теряет свое политическое значение.

Список литературы

1. Буасье Г. 2018. Римская религия во времена Августа. М., Вече, 416.
2. Галински К. 2017. Августовская литература и августовская «идеология»: пересмотр оценок. Шаги. Steps, 3 (4): 151–167.
3. Гаспаров М.Л. 2018. Гораций, или Золото середины. В кн.: Поэт и поэзия. М., РИПОЛ классик: 233–301.
4. Гаспаров М.Л. 2018. Поэт и поэзия в римской культуре. В кн.: Поэт и поэзия. М., РИПОЛ классик: 21–100.
5. Гуревич А.Я. 2007. Категории средневековой культуры. В кн.: Избранные труды. Средневековый мир. СПб., Изд-во СПбГУ: 17–260.
6. Данилов Е.С. 2017. *Securitas* в «Panegyrici Latini». Проблемы истории, филологии, культуры, 3 (57): 81–89.
7. Дементьева В.В. 2011. Римская «меритократия» и формирование принципа представительности (теоретико-историографический аспект). В кн.: Народ и демократия в древности: доклады российско-германской научной конференции. Ярославль, Изд-во ЯрГУ: 120–152.

8. Дементьева В.В. 2010. Римская *civitas* республиканской эпохи. В кн.: Античная гражданская община: греческий полис и римская *civitas*. Ярославль, Изд-во ЯрГУ: 52–103.
9. Жаровская А.Н. 2009. Отражение политических идеалов Марка Юния Брута на монетах его чеканки. Проблемы истории, филологии, культуры, 3 (25): 9–16.
10. Кнабе Г.С. 1994. Рим Тита Ливия – образ, миф и история. В кн.: Тит Ливий. История Рима от основания города. Т. 3. М., Наука: 590–655.
11. Любимова О.В. 2015. Понятие «популярны» в современной историографии. Вестник древней истории, 1: 190–207.
12. Межерицкий Я.Ю. 2016. «Восстановленная республика» императора Августа. М., Русский фонд содействия образованию и науке, 992.
13. Павлов А.А. 2009. Свобода (*libertas*) в исторической концепции Тита Ливия. Диалог со временем, 27: 212–229.
14. Павлов А.А. 2003. *Libertas* у Цицерона: замечание к статистике и семантике понятия. Вестник Сыктывкарского университета, 5 (4): 31–41.
15. Ростовцев М.И. 2000. Общество и хозяйство в Римской империи. Т. 1. СПб., Наука, 400.
16. Токарев А.Н. 2007. Сравнительный анализ терминов «*optimates*» и «*boni*» (к вопросу о политических группировках в эпоху Поздней Римской республики). Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна, 762 (39): 130–143.
17. Токарев А.Н. 2011. Становление официальной идеологии принципата императора Августа. Харьков, Изд-во ХНУ, 268.
18. Токарев А.Н. 2006. *Libertas* у Саллюстия. Вісник Чернігівського державного педагогічного університету, 34 (4): 7–11.
19. Тронский И.М. 1988. История античной литературы. М., Высшая школа, 464.
20. Трухина Н.Н. 2017. Политика и политики «золотого века» Римской республики (II век до н. э.). СПб., Наука, 297.
21. Утченко С.Л. 1965. Кризис и падение Римской республики. М., Наука, 288.
22. Чисталев М.С. 2014. Антиегипетская политическая пропаганда Октавиана Августа в римской поэзии: образ Клеопатры как врага Рима. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 1 (2): 293–300.
23. Anderson W.S. 1995. «*Horatius Liber*», Child and Freedman's Free Son. *Arethusa*, 28 (2/3): 151–164.
24. Arena V. 2013. *Libertas and the Practice of Politics in the Late Roman Republic*. Cambridge, Cambridge University Press, 336.
25. Arena V. 2011. Roman sumptuary legislation: Three concepts of liberty. *European Journal of Political Theory*, 10 (4): 463–489.
26. Bowditch L. 1994. Horace's Poetics of Political Integrity: Epistle 1.18. *The American Journal of Philology*, 115 (3): 409–426.
27. Braund S.M. 2004. *Libertas* or *Licentia*? Freedom and Criticism in Roman Satire. In: I. Sluiter, R.M. Rosen (eds.), *Free Speech in Classical Antiquity*. Leiden – Boston, Brill: 409–428.
28. Davis P.J. 2016. Freedom of Speech in Virgil and Ovid. In: P. Mitsis, I. Ziogas (eds.), *Wordplay and Powerplay in Latin Poetry*. Berlin – Boston, De Gruyter: 183–198.
29. Fantham E. 2005. Liberty and the People in Republican Rome. *Transactions of the American Philological Association*, 135 (2): 209–229.
30. Galinsky K. 2006. Vergil's Uses of «*Libertas*»: Texts and Contexts. *Vergilius*, 52: 3–19.
31. Hunter R.L. 1985. Horace on Friendship and Free Speech. *Hermes*, 113 (4): 480–490.
32. Johnston P.A. 2006. Turnus, Horses, and «*Libertas*». *Vergilius*, 52: 20–31.
33. La Bua B. 2013. Horace's East: Ethics and Politics. *Harvard Studies in Classical Philology*, 107: 265–296.
34. Lefèvre E. 1998. Vergil as a Republican (Aen. 6. 815–35). In: H.-P. Stahl (ed.), *Vergil's Aeneid: Augustan Epic and Political Context*. London, Duckworth in association with The Classical Press of Wales: 101–118.
35. Lowrie M. 2007. Horace and Augustus. In: S. Harrison (ed.), *The Cambridge Companion to Horace*. Cambridge, Cambridge University Press: 77–90.
36. McGowan M.M. 2009. Ovid in Exile: Power and Poetic Redress in the *Tristia* and *Epistulae ex Ponto*. Leiden – Boston, Brill, 261.



37. Raaflaub K. 2010. Between Tradition and Innovation: Shifts in Caesar's Political Propaganda and Self-Presentation. In: G. Urso (ed.), *Cesare: Precursore o Visionario? Atti del convegno internazionale, Cividale del Friuli, 17–19 settembre 2009*. Pisa, Edizioni ETS: 141–157.
38. Salmon E.T. 1946–1947. The Political Views of Horace. *Phoenix* 1 (2): 7–14.
39. Smith R.A. 2006. Books in Search of a Library: Ovid's «Response» to Augustan «Libertas». *Vergilius*, 52: 45–54.
40. Starr Ch.G. 1969. Horace and Augustus. *The American Journal of Philology*, 90: 58–64.
41. Syme R. 1939. *The Roman Revolution*. Oxford, Oxford University Press, 592.
42. Von der Osten D.E. 2006. The Cult of the Goddess «Libertas» in Rome and Its Reflection in Ovid's Poetry and Tibullan Love Elegy. *Vergilius*, 52: 32–44.
43. Wirszubski Ch. 1968. *Libertas as a Political Idea at Rome during the Late Republic and Early Principate*. Cambridge, Cambridge University Press, 196.
44. Yakobson A. 2016. *optimates, populares*. Available at: <https://dx.doi.org/10.1093/acrefore/9780199381135.013.4578>. (accessed 29 November 2019).

References

1. Boissier G. 2018. *Rimskaya religiya vo vremena Avgusta* [Roman religion in the Augustus' times]. Moscow, Veche, 416 (in Russian).
2. Galinsky K. 2017. Avgustovskaya literatura i avgustovskaya «ideologiya»: peresmotr ocenok [Augustan Literature and Augustan «Ideology»: an Ongoing Reassessment]. *Shagi / Steps*, 3 (4): 151–167.
3. Gasparov M.L. 2018. Goracij, ili zoloto serediny [Horace, the Gold of the Middle]. In: *Poet i poeziya* [Poet and poetry]. Moscow, RIPOL klassik: 233–301 (in Russian).
4. Gasparov M.L. 2018. Poet i poeziya v rimskoj kul'ture [Poet and Poetry in Roman Culture]. In: *Poet i poeziya* [Poet and poetry]. Moscow, RIPOL klassik: 21–100 (in Russian).
5. Gurevich A.Ya. 2007. Kategorii srednevekovoj kul'tury [Categories of Medieval Culture]. In: *Izbrannye trudy. Srednevekovyy mir* [Selected Works. The Medieval World]. Saint-Petersburg, Saint-Petersburg State University Publishing House: 17–260 (in Russian).
6. Danilov E.S. 2017. Securitas in Panegyrici Latini. Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 3 (57): 81–89 (in Russian).
7. Dementyeva V.V. 2011. Rimskaya «meritokratiya» i formirovanie principa predstavitel'nosti (teoretiko-istoriograficheskij aspekt) [Roman «Meritocracy» and the Formation of the Principle of Representativeness (Theoretical and Historiographic Aspect)]. In: *Narod i demokratiya v drevnosti: doklady rossiysko-germanskoy nauchnoy konferentsii* [The People and Democracy in Antiquity: Reports of the Russian-German Scientific Conference]. Yaroslavl, Yaroslavl State University Publishing House: 120–152 (in Russian).
8. Dementyeva V.V. 2010. Rimskaya civitas respublikanskoj epohi [Roman civitas of Republican period]. In: *Antichnaya grazhdanskaya obshchina: grecheskiy polis i rimskaya civitas* [Ancient Civil Community: the Greek polis and the Roman civitas]. Yaroslavl, Yaroslavl State University Publishing House: 52–103 (in Russian).
9. Zharovskaya A.N. 2009. Otrazhenie politicheskikh idealov Marka Yuniya Bruta na monetah ego chekanki [Reflection of Political Ideals of Marcus Junius Brutus in his Coinage]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 3 (25): 9–16 (in Russian).
10. Knabe G.S. 1994. Rim Tita Liviya – obraz, mif i istoriya [Rome of Titus Livy – Image, Myth and History]. In: *Tit Liviy. Istoriya Rima ot osnovaniya goroda. T. 1* [Titus Livy. History of Rome from its Foundation]. Moscow, Nauka: 590–655 (in Russian).
11. Lyubimova O.V. 2015. Ponyatie «populyary» v sovremennoj istoriografii [The Concept of «Populares» in Modern Historiography]. *Vestnik drevnej istorii* [Journal of Ancient History], 1: 190–207 (in Russian).
12. Mezheritskiy, Ya.Yu. 2016. «Vosstanovlennaya respublika» imperatora Avgusta [Emperor Augustus' «Restored Republic»]. Moscow, Russian foundation for science and education, 992 (in Russian).
13. Pavlov A.A. 2009. Svoboda (libertas) v istoricheskoy koncepcii Tita Liviya [Liberty (libertas) in the Historical Concept of Titus Livy]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], 27: 212–229 (in Russian).

14. Pavlov A.A. 2003. Libertas u Cicerona: zamechanie k statistike i semantike ponyatiya [Libertas in Cicero's works: A Remark on the Statistics and Semantics of the Concept]. Vestnik Syktyv-karskogo universiteta [Bulletin of Syktyvkar University], 5 (4): 31–41.
15. Rostovtsev M.I. 2000. Obshchestvo i khozyaystvo v Rimskoy imperii [The Social and Economic History of the Roman Empire]. T. 1. Saint-Petersburg, Nauka, 400 (in Russian).
16. Tokarev A.N. 2007. Sravnitel'nyj analiz terminov «optimates» i «boni» (k voprosu o politicheskikh gruppировках v epohu Pozdnej Rimskoj respubliki) [The Comparative Analysis of the Terms «Optimates» and «Boni» (to the Question of Political Factions in the Late Roman Republic)]. Visnik Harkivs'kogo nacional'nogo universitetu imeni V.N. Karazina [The Journal of V.N. Karazin Kharkiv National University], 762 (39): 130–143 (in Russian).
17. Tokarev A.N. 2011. Stanovlenie ofitsial'noy ideologii printsipata imperatora Avgusta [Formation of the Official Ideology of the Emperor Augustus' Principate]. Kharkiv, Kharkiv National University Publishing House, 268 (in Russian).
18. Tokarev A.N. 2006. Libertas u Sallyustiya [Libertas in Sallust's works]. Visnik Chernigivs'kogo derzhavnogo pedagogicheskogo universitetu [Bulletin of Chernihiv National Pedagogical University], 34 (4): 7–11 (in Russian).
19. Tronskiy I.M. 1988. Istoriya antichnoy literatury [History of Ancient Literature]. Moscow, Vysshaya shkola, 464 (in Russian).
20. Trukhina N.N. 2017. Politika i politiki «zolotogo veka» Rimskoy respubliki (II vek do n. e.) [Policy and Politicians of the «Golden Age» of the Roman Republic (II century BC)]. Saint-Petersburg, Nauka, 297 (in Russian).
21. Utchenko S.L. 1965. Krizis i padenie Rimskoy respubliki [The Crisis and Fall of the Roman Republic]. Moscow, Nauka, 288 (in Russian).
22. Chistalev M.S. 2014. Antiegiptskaya politicheskaya propaganda Oktaviana Avgusta v rimskoj poezii: obraz Kleopatry kak vraga Rima [Octavian's Political Propaganda in Roman Poetry: the Image of Cleopatra as an Enemy of Rome]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 1 (2): 293–300 (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Усов Дмитрий Андреевич, магистрант кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова

Dmitry A. Usov, master student of the Department of General History, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia



УДК 94 (37).07
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-482-489

Преторианские когорты: функция императорского эскорта

В.В. Юров

Воронежский государственный университет,
394006, Россия, г. Воронеж, Университетская пл., 1
Email: yurov.0099vlad@mail.ru

Аннотация. Сформированная императором Августом преторианская гвардия выполняла самые разные задачи. Например, преторианцы занимались поддержанием общественного порядка на мероприятиях, проводимых в Риме, а также иногда подавляли беспорядки в других городах и районах государства; осуществляли шпионаж для нужд принцепсов и расправлялись с их врагами. Однако эти и некоторые другие обязанности являлись для гвардейцев второстепенными. В статье рассматривается главная функция преторианской гвардии – обеспечение стационарной и мобильной безопасности римских императоров и членов их семей. Хронологические рамки этой работы – правление династии Юлиев – Клавдиев. При написании мы опирались на труды Тацита, Светония, Диона Кассия, а также на произведения некоторых других античных историков, повествующих о событиях 27 г. до н. э. – 68 г. н. э. Автор с учётом современных публикаций по теме продемонстрировал исполнение преторианцами на службе у принцепсов этого времени (от Августа до Нерона) их основной задачи – осуществление вооруженного эскорта римских Цезарей и их родственников.

Ключевые слова: Древний Рим, Юлии – Клавдии, преторианские когорты, преторианская гвардия, преторианцы.

Для цитирования: Юров В.В. 2020. Преторианские когорты: функция императорского эскорта. Via in tempore. История. Политология, 47 (3): 482–489. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-482-489.

Praetorian cohorts: the function of the imperial escort

Vladislav V. Yurov

Voronezh State University,
1 Universitetskaya Sq., Voronezh, 394006, Russia
Email: yurov.0099vlad@mail.ru

Abstract. Formed by the Emperor Augustus, the Praetorian guard performed a variety of tasks. For example, the Praetorians were engaged in maintaining public order at events held in Rome, and sometimes suppressed riots in other cities and districts of the state; carried out espionage for the needs of the Princeps and dealt with their enemies. However, these and some other duties were secondary to the guards. The article below discusses the main function of the Praetorian guard – providing stationary and mobile security of the Roman emperors and their families. The chronological framework of this work is the rule of the Julian-Claudian dynasty. When writing, we relied on the works of Tacitus, Suetonius, Dion Cassius, as well as the works of some other ancient historians, telling about the events of 27 B. C. – 68 A. D. The author, taking into his account modern publications on the topic, demonstrated the performance of the Praetorians in the service of the Princeps of this time (from Augustus to Nero), their main task – the implementation of an armed escort of Roman Caesars and their relatives.

Key words: Ancient Rome, Julio-Claudian dynasty, Praetorian cohorts, Praetorian guard, Praetorians.

For citation: Yurov V.V. 2020. Praetorian cohorts: the function of the imperial escort. Via in tempore. History and political science, 47 (3): 482–489 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-482-489.

Современная отечественная историография не располагает достаточным объемом информации о функции эскорта, которую осуществляла преторианская гвардия. Среди относительно новых, а также новейших трудов, тематика которых напрямую связана с преторианскими когортами, можно выделить, к примеру, публикации Ю.А. Ушакова, В.В. Семенова, Н.И. Соловьянова, К.В. Дрязгунова, Е.Е. Шерстнева, А.Ю. Дьяченко, Е.А. Гуськова, И.А. Дороненко [Ушаков, 1984; Семенов, 2001; Соловьянов, 2008; Дрязгунов, 2010; Шерстнев, 2012; Дьяченко, 2012, 2013а, 2013б, 2014, 2015, 2016, 2018; Гуськов, 2013; Дороненко, 2018]. К сожалению, некоторые историки-антиковеды вовсе не уделили внимания тому, как преторианцы осуществляли охрану римских принцев и их родственников; остальные авторы данный вопрос затронули лишь частично, а полноценного, детального рассмотрения этой проблемы не было произведено.

В последнее время западная историография пополнилась несколькими важными трудами о преторианцах. Упоминания заслуживают: работа Бориса Ранкова [Rankov, 1994], диссертация Сандры Бинхэм [Bingham, 1997] и ее же монография по данной теме [Bingham, 2013], а также новейшая книга Гая Бедойярэ [Bédoyère, 2017]. Наиболее ценными с точки зрения анализа обязанностей преторианских когорт являются труды двух последних авторов. Таким образом, исследование функции эскорта, которую выполняли преторианцы, в наибольшей степени актуально для отечественной историографии античности, ибо в ней этому вопросу не было уделено должного внимания.

27 г. до н. э. был богат событиями: бывший триумвир, а ныне победитель в гражданской войне, Октавиан принял почетное имя и титул – Август, став первым римским императором. Вследствие этого, «дабы Цезарь имел надежную охрану», была увеличена вдвое (по сравнению с легионерами) плата его телохранителям (Dio Cass. 53. 11. 5) – преторианцам. Этот же год, по оценке Сандры Бинхэм [Bingham, 1997, p. 23] и по нашему мнению, является датой завершения процесса организации императорской преторианской гвардии. К 5 году н. э. срок службы преторианцев составлял 16 лет, что было на 4 года меньше, чем у служащих в легионах солдат (Dio Cass. 55.23.1). Повышенная плата за службу, которую они несли на относительно спокойной территории Италии и Рима, и ее сокращенный срок подчеркивали привилегии гвардейцев. Правление Октавиана Августа являлось началом длинной и неоднозначной истории преторианских когорт. Главной функцией преторианцев была защита правителя и членов его семьи. Иными словами, гвардейцы выполняли задачу вооруженного эскорта.

Безусловно, они должны были следовать за своим императором, когда тот отправлялся на войну. В настоящий момент мы не располагаем точными данными из источников о подобных сопровождениях преторианцами принцепса Цезаря Августа, но сам факт того, что в Кантабрийской войне он принял личное участие (Suet. Aug. 20), делает заявление австралийского историка Стивена Коллинза вполне обоснованным: «с армией, усиленной преторианцами, Август начал новую кампанию против астуристов и кантабров» [Дандо-Коллинз, 2017, с. 237]. Мы разделяем его мнение – так как главной задачей гвардейцев была охрана принцепса, то их присутствие вместе с ним в Испании более чем вероятно, ведь, принимая личное участие в войне, император мог подвергнуться опасностям и нуждался в защите.

В последние годы I века до н. э. римское влияние в Армении было поставлено под удар. В январе 1 г. до н. э. Август отправил туда с войском своего внука Гая Цезаря, чтобы навести там порядок (Тас. Анн. II. 4) и утвердить лояльную для Рима кандидатуру. *Логично, что для его защиты он должен был послать вместе с ним и преторианцев.* Во 2 году н. э. об их действиях на Востоке есть упоминание у Кассия Диона: «...они отразили натиск остальных войск, прибывших из Египта, и не сдавались до тех пор, пока против них не отправили некоего войскового трибуна из преторианской гвардии. Постепенно он положил конец их нападениям» (Dio Cass. 55.10a. 1). Племя, которое находилось в том регионе и часто совершало набеги на римскую территорию, подобно этому, называлось мармарида



(Flor. Epit. II. 41). По предположению Питера Свона, этот трибун мог быть послан из отряда преторианской гвардии, сопровождавшей Гая Цезаря [Swan, 2004, p. 121]. Мы разделяем его мнение на этот счет. Внук императора, к тому времени все еще находившийся на Востоке, судя по всему, просто направил часть своего эскорта – преторианского трибуна с когортой – в проблемную область, где преторианцы справились с поставленной задачей.

После смерти Августа в 14 году н. э. преемником его власти стал Тиберий (14–37 гг.). *Воины преторианской гвардии, помимо сопровождения императоров в походах и перемещениях по империи, должны были следовать за ними и по Риму.* Так, в день принятия присяги преторианцы сопровождали нового принцепса на форуме и в курию (Тас. Ann. I. 7), да и само здание сената «охранялось воинами, и внутрь него никто из посторонних не допускался» (Dio Cass. 58.17.4). *Оберегали гвардейцы и императорские покои* – так, когда рассердивший Тиберия сенатор Квинт Гатерий, явившись во дворец, бросился к его ногам, когда император проходил мимо, то он «едва не был убит дворцовой стражей, так как Тиберий, то ли случайно, то ли наткнувшись на его руки, упал» (Тас. Ann. I. 13). С годами принцепс стал все больше опасаться за свою жизнь. В 33 г. он написал письмо Сенату, в котором просил у его членов *допустить «[вместе с ним] в Курию Макрона и нескольких войсковых трибунов, заявив, что этого достаточно [для его охраны]»* (Dio Cass. 58.18.5), хотя к тому времени он уже несколько лет находился на Капри и на практике так и не воспользовался преторианцами как телохранителями в здании Сената.

Следующие примеры из источников наглядно показывают, как преторианская гвардия сопровождала членов императорской семьи в походах. В 14 г., после смерти Августа, требуя сокращения срока службы и увеличения жалования, взбунтовались легионы в Паннонии (Тас. Ann. I. 17). Для подавления восстания в сопровождении двух преторианских когорт и большей части преторианской конницы был послан сын Тиберия – Друз (Тас. Ann. I. 24). Безусловно, военачальнику преторианцы были нужны и как военная сила, которая бы показывала legionерам серьезность ситуации, и как личная защита в случае опасности. В конечном итоге Друзу и гвардейцам удалось справиться с задачей и привести мятежников к покорности; с помощью преторианцев были казнены несколько зачинщиков (Тас. Ann. I. 30). В 16 г. усыновленный Тиберием полководец Германик предпринял крупный поход. Было необходимо смыть с римской армии позор, нанесенный поражением Квинтилия Вара в Тевтобургском лесу, а также обезопасить границу. Армии Германика и германца Арминия сошлись в битве при Идиставизо. Описывая состав римского войска, помимо легионов и прочих отрядов, Тацит называет две преторианские когорты, сопровождавшие римского военачальника (Тас. Ann. II. 16). Задача преторианцев в той кампании была двойственная – защищать полководца и сражаться на поле боя. Итогом был разгром варваров в этой битве. Однако германцы перегруппировались и вступили в сражение у насыпи Ангривариев, где «Цезарь первым во главе преторианских когорт ворвался в лес, и там завязалась рукопашная схватка». Эта битва также окончилась победой Рима (Тас. Ann. II. 20). Данные события показательно демонстрируют, как преторианцы действовали на периферии, защищая своего командира – члена императорской семьи, сражаясь с ним плечом к плечу.

Как и самих императоров, гвардейцы также сопровождали родственников принцепсов не только на войне, но и в мирное время, обеспечивая им безопасность в ходе совершаемых перемещений. Светоний сообщает, что Ливия Августа, присутствуя на пожаре у храма Весты, «как бывало при муже, сама явилась на место происшествия и призывала народ и воинов действовать проворнее» (Suet. Tib. 50.3). Очевидно, что здесь под «воинами» следует понимать тех преторианцев, которые, по оценке Сандры Бинхэм: «были регулярным эскортом Ливии в городе» [Bingham, 1997, p. 183]. Мы разделяем мнение западного ученого на этот счет. Учитывая ее принадлежность к императорской фамилии, Августа, бесспорно, должна была располагать преторианской когортой для своей охраны – сначала как супруга Октавиана Августа, а впоследствии как мать Тиберия. *Существуют и другие примеры, когда родственников этого правителя гвардейцы сопровождали на территории Вечного го-*

рода и Италии. Так, одной беспокойной ночью 15 г. упомянутый сын императора Друз, находясь с сопровождавшими его преторианцами в Риме, пришел на помощь каким-то людям, в доме которых случился пожар (Dio Cass. 57.14.10). В 19 г. Агриппине, своей невестке, прибывшей в Брундизий с прахом покойного Германика, Тиберий послал две преторианские когорты (Тас. Ann. III. 2) для сопровождения и участия в похоронной процессии.

В 26 г. император покинул Рим. Сперва он посетил Кампанию, и, чтобы там его покой никто не нарушал, он расставил воинов (судя по всему, преторианцев), которые не допускали к нему наплыва горожан (Тас. Ann. IV. 67), после чего отправился на Капри и больше в столицу не возвращался. Тацит сообщает, что этот остров был выбран принцепсом не случайно – он был уединенным и труднодоступным для судов местом, «так что никто не мог пристать к нему без ведома стражи» (Тас. Ann. IV. 67). Сообщая о пребывании на нём императора, Светоний прямо упоминает об одном из преторианцев, который похитил из сада Тиберия павлина, за что и был предан им смерти (Suet. Tib. 60). Этот пострадавший солдат был одним из многих гвардейцев, осуществлявших на Капри охрану этого правителя. Там же Тиберий и скончался в возрасте 77 лет. Существуют разные версии его смерти, мы же придерживаемся одной из них – он был задушен Калигулой не без содействия префекта претория Макрона (Dio Cass. 58.28.3). Так власть перешла к Гаю Цезарю (37–41 гг.).

В 39 г. этот принцепс перекинул мост через залив между Байями и Путеоланским молом и два дня разъезжал по нему в сопровождении отряда преторианцев и своей свиты (Suet. Cal. 19.2). В конце этого же года император вместе со своим эскортом – преторианскими когортами – предпринял путешествие к Рейнской границе (Suet. Cal. 43). В подобных случаях гвардейцы обеспечивали ему безопасность. Дион Кассий предоставляет информацию о том, что *Гай Калигула, так же, как и Тиберий, получил право использовать преторианцев в здании Сената для личной охраны* (Dio Cass. 59.26.3). Также историк сообщает, что принцепс потушил с помощью воинов какой-то пожар (Dio Cass. 59.9.4). Эти воины, по мнению Сандры Бинхэм [Bingham, 1997, p. 184] и нашей оценке, вероятно, были преторианцами, которые действовали там и как эскорт, и как помощники в пожаротушении. Следуя данным из источников, Калигула был широко известен своими жестокостями. Так, «Народ, собравшийся в цирке и возмущавшийся его поведением, Гай приказал воинам перебить» (Dio Cass. 59.28.11). Под «воинами» в данном случае нужно понимать преторианцев, присутствовавших для его охраны. Такая свирепая реакция принудила эскорт императора пролить в тот день немало крови рассердивших Цезаря людей.

Неоднократно упоминаемые в нарративах жестокие и неадекватные поступки правителя стали одной из причин недовольства его правлением в определенных кругах. Убийцами принцепса стали два преторианских трибуна – Кассий Херей и Корнелий Сабин, хотя в заговоре участвовали и другие люди. Смерть настигла его во время Палатинских игр (Dio Cass. 59.29.1–7). После этого преторианцы провозгласили императором неоднозначного, и все же более благоразумного и спокойного по сравнению с Калигулой Клавдия (41–54 гг.) который был дядей убитого, и отнесли его на носилках к себе в лагерь (Dio Cass. 60.1–3). Там он и провел ночь, окруженный стражей (Suet. Cl. 10.3).

Учитывая печальный опыт предшественника, новый правитель был серьезно обеспокоен проблемой личной безопасности и поэтому просил у Сената права на то, «чтобы ему позволено было вводить с собою в курию префекта преторианцев или войсковых трибунов» (Suet. Cl. 12.1), подобно Тиберию и Калигуле. Посещая пиры, он следовал туда в присутствии солдат (в оригинале источника – *speculatores*) (Suet. Cl. 35.1), которые находились там и для охраны, и для присмотра за гостями. *Когда принцепс отправлялся на различные представления, он брал с собой воинов преторианской гвардии, где они действовали не только как его эскорт, но иногда и как участники состязаний.* Преторианцы сопровождали Клавдия в Большом Цирке, когда «он представлял африканские травли с участием отряда преторианских всадников во главе с трибунами и самим префектом» (Suet. Cl. 21.3), а также в морском сражении на Фуцинском озере, где: «На плотках стояли ма-



нипулы преторианских когорт и подразделения конницы» (Тас. Апп. XII. 56). Интересен фрагмент о том, что в свою годовщину он давал гладиаторские битвы в преторианском лагере (Suet. Cl. 21. 4), на которых преторианцы определенно сопровождали правителя, учитывая само место и присутствие императора.

В 43 г. он предпринял завоевание Британии. Сначала там действовали легионы Авла Плавтия (Dio Cass. 60.19–20), а когда он сумел закрепиться на острове и нуждался в подкреплениях, из Рима отбыл Клавдий в сопровождении преторианской гвардии [Дандо-Коллинз, 2017, с. 319; Rankov, 1994, p. 11] и прочих соединений. Достигнув Британии, он разбил варваров, предпринял наступление на стратегически важное поселение Камулодун и взял его (Dio Cass. 60.21.4). Участие преторианцев в конце этой кампании подтверждают данные эпиграфики. Например, это карьера Гая Гавия Сильвана, который, по заметке Гая Бедойэрэ, «вероятно, служил в качестве эвеката в преторианской гвардии, когда был награжден Клавдием за участие в британской кампании 43 года» [Bédoyère, 2017, p. 126]; (ILS2701; CIL5.7003). Содействие гвардейцев понадобилось правителю и в 51 г., когда толпа, озлобленная на императора из-за нехватки продовольствия, осыпала его бранью и объедками хлеба (Suet. Cl. 18.2) и не пропускала его, так что Клавдию удалось пробиться через стену людей ко дворцу с помощью воинов-преторианцев (Тас. Апп. XII. 43).

Он управлял государством 13 лет, а в 54 г., по самой распространенной версии, скончался от употребления отравленных грибов, поданных к столу усилиями его жены Агриппины (Тас. Апп. XII. 66–67; Suet. Cl. 44.2). Эта женщина была готова на все, чтобы сделать своего сына Нерона новым принцепсом.

После смерти Клавдия *«распахиваются двери дворца, и к когорте, по заведенному в войске порядку охранявшей его, выходит сопровождаемый Бурром Нерон»*. Вскоре он был доставлен в преторианский лагерь и провозглашен императором (Тас. Апп. XII. 69). Тем не менее между Агриппиной и Нероном, благодаря которой он и получил власть, вскоре начались конфликты, и принцепс подверг свою мать опале: *«он распорядился удалить караулы, охранявшие ее сначала как супругу, а впоследствии как мать императора, и германцев, незадолго пред тем приставленных к ней в качестве телохранителей»*, а затем выселил ее из императорского дворца (Тас. Апп. XIII. 18).

Светоний сообщает интересные подробности: юный император уже в самом начале своего правления запятнал себя дурными поступками: слоняясь по кабакам и переулкам, он то и дело колотил людей, а при сопротивлении наносил им раны и сбрасывал в сточные канавы. Так продолжалось до тех пор, пока его сильно не избил один сенатор за то, что Нерон пристал к его жене. «С этих пор он выходил в поздний час не иначе как в сопровождении войсковых трибунов» (Suet. Nero. 26.1–2), а по заметке Тацита – после этого он «окружил себя воинами и большим числом гладиаторов, которые оставались в стороне от завязавшейся драки, пока она не отличалась особой жесточенностью, но, если подвергшиеся нападению начинали одолевать, брались за оружие» (Тас. Апп. XIII. 25). Под «воинами» и «войсковыми трибунами» здесь нужно понимать преторианцев, которые защищали правителя в подобных ситуациях.

Подобно предыдущим императорам, Нерон использовал преторианские когорты и для своего сопровождения в поездках. Так, по возвращении из Греции в Рим он въехал в сопровождении воинов преторианской гвардии (Dio Cass. 62.20.4). Вооруженные преторианцы были рядом с Нероном и во время прибытия в Рим армянского царя Тиридата (Suet. Nero. 13.1). Гвардейцы были с правителем и во время различных мероприятий. Как повествует Тацит, император учредил игры под названием Ювеналии и принял в них участие. При нем была преторианская когорта с центурионами и трибунами и их префект претория Бурр (Тас. Апп. XIV. 15). О наличии воинов на этом выступлении упоминает и Кассий Дион (Dio Cass. 61.20.2). Их присутствие обеспечивало правителю безопасность. Похожий случай произошел в 64 г. – Нерон выбрал Неаполь местом своего нового выступления и направился туда в сопровождении манипулы воинов-преторианцев (Тас. Апп. XV. 33).

Единодушно фиксируемые нарративной традицией выходки императора сделали его власть шаткой, а конец – закономерным. Оставленный всеми, в том числе и преторианцами, он покончил с собой, и династия Юлиев – Клавдиев прекратила свое существование.

Таким неоднозначным образом, на протяжении почти столетия (27 г. до н. э. – 68 г. н. э.) преторианская гвардия выполняла свою главную функцию – охраняла римских Цезарей и их родственников. И, как правило, гвардия достойно справлялась с этой обязанностью. Но все же были события – исключения из правил: вместо того чтобы защищать государя, преторианцы его убивали или отказывались ему подчиняться, например, как это произошло с Калигулой и Нероном. По данным нарративной традиции, эти правители заслужили своим правлением справедливое недовольство в разных кругах, имея схожие, некорректные и неприемлемые для императоров модели поведения, которые, в большей степени, и привели к печальным для них результатам; преторианцы же способствовали их низложению и дальнейшей смене власти. Проанализировав материал, приведенный нами из источников, можно сделать соответствующий вывод: в большинстве случаев преторианцы успешно осуществляли свою основную задачу – охраняли родственников императоров и самих принцев в самых различных местах и ситуациях: оберегали дворец и здание Сената, сопровождали их на территории Рима, Италии и провинций, защищали в военных походах. Помимо функции эскорта, у преторианской гвардии существовали и некоторые другие задачи, но их рассмотрение – цель будущих работ.

Список литературы

1. Гуськов Е.А. 2013. Императорский культ в преторианских когортах. КЛИО, 7 (79): 43–46.
2. Дороненко И.А. 2018. К вопросу об участии преторианской гвардии в германских и дакийских войнах императора Домициана. В сб.: Молодежь Третьего тысячелетия. Материалы XLII региональной студенческой научно-практической конференции (Омск, 2–27 апреля 2018 г.). Омск, Изд-во Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского: 42–46.
3. Дрягунов К.В. 2010. К проблеме количества преторианских когорт в Риме. Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, (2): 32–34.
4. Дьяченко А.Ю. 2015. Гвардия Октавиана Августа и ее предшественники. В сб.: Военная история России: проблемы, поиски, решения. Материалы Международной научной конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне (Волгоград, 25–26 сентября 2015 г.). Волгоград, Изд-во Волгоградского Государственного университета: 18–27.
5. Дьяченко А.Ю. 2016. Генезис римской императорской гвардии. Известия Алтайского Государственного университета, 2 (90): 65–69.
6. Дьяченко А.Ю. 2013. Преторианцы и Тиберий: оценка взаимоотношений. Молодой ученый, (6): 618–621.
7. Дьяченко А.Ю. 2013. Преторианская гвардия в «Год четырех императоров». Молодой ученый, (11): 714–717.
8. Дьяченко А.Ю., Чернышов Ю.Г. 2014. Современная отечественная историография о роли и месте преторианской гвардии в политическом кризисе римской империи в 68–69 гг. Известия Алтайского Государственного университета, 4–1 (84): 96–100.
9. Дьяченко А.Ю. 2012. К вопросу о мятеже преторианской гвардии в правление императора Нервы. Вестник Алтайской Государственной Педагогической Академии, (10): 15–17.
10. Дьяченко А.Ю. 2018. Гвардия Октавиана Августа. Вестник Алтайского Государственного Педагогического университета, 4 (37): 91–93.
11. Дандо-Коллинз С. 2017. Легионы Рима. Полная история всех легионов Римской империи. Пер. с англ. Н.Ю. Живловой. М., Центрполиграф, 639.
12. Семёнов В.В. 2001. Преторианские когорты: модель и практика. Военно-исторический журнал Para Bellum, (12): 103–120.
13. Соловьянов Н.И. 2008. Культы преторианцев в Риме. Вестник Томского Государственного университета, (317): 116–118.
14. Ушаков Ю.А. 1984. Роль преторианской гвардии во внутривластной жизни Римской империи при первых императорах. В сб.: Античная гражданская община. М., Изд-во Московского Государственного заочного Педагогического института: 115–131.



15. Шерстнев Е.Е. 2012. Преторианцы и легионы в борьбе за императорский престол в марте 68 – апреле 69 гг. Автореф. дисс. ... кандидата исторических наук. Саратов, 22.
16. Bingham S. 1997. The Praetorian Guard in the Political and Social life of Julio-Claudian Rome (PhD diss. British Columbia). Ottawa, National Library of Canada, 290.
17. Bingham S. 2013. The Pretorian Guard. A history of Rome's Elite Special Forces. London, Baylor University Press, 240.
18. De la Bédoyère G. 2017. Praetorian: The Rise and Fall of Rome's Imperial Bodyguard. New Haven; London, Yale University Press, 344.
19. Rankov B., Hook R. 1994. The Praetorian Guard. London, Osprey Publishing, 64.
20. Swan P. 2004. The Augustan Succession: An Historical Commentary on Cassius Dio's Roman History, Books 55–56 (9 B. C. – A. D. 14). Oxford, Oxford University Press, 428.

References

1. Doronenko I.A. 2018. K voprosu ob uchastii pretorianskoy gvardii v germanskikh i dakiyskikh voynakh imperatora Domitsiana [To the question of participation of the Praetorian guard in the German and Dacian wars of the Emperor Domitian]. V sb.: Molodezh' Tret'ego Tysyacheletiya. Materialy XLII regional'noy studencheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. [In the collection: Youth of the Third Millennium. Materials of the XLII regional student scientific and practical conference]. (Omsk, 2–27 aprelya 2018 g.). Omsk, Izd-vo Omskogo gosudarstvennogo universiteta im. F.M. Dostoevskogo: 42–46 (in Russian).
2. Dryazgunov K.V. 2010. K probleme kolichestva pretorianskikh kogort v Rime [On the problem of the number of Praetorian cohorts in Rome]. Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk [Current problems of Humanities and Natural Sciences], (2): 32–34 (in Russian).
3. D'yachenko A.Yu. 2015. Gvardiya Oktaviana Avgusta i ee predshestvenniki [The Augustian guard and its predecessors] V sb.: Voennaya istoriya Rossii: problemy, poiski, resheniya. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 70-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne [In the collection: Military history of Russia: problems, searches, solutions. Materials of the International scientific conference dedicated to the 70th anniversary of Victory in the Great Patriotic war]. (Volgograd, 25–26 sentyabrya 2015 g.). Volgograd, Izd-vo Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta: 18–27 (in Russian).
4. D'yachenko A.Yu. 2016. Genezis rimskoy imperatorskoy gvardii [Genesis of the Roman Imperial guard]. Izvestiya Altayskogo Gosudarstvennogo Universiteta [News of The Altai State University], 2 (90): 65–69 (in Russian).
5. D'yachenko A.Yu. 2013. Pretoriantsy i Tiberiy: otsenka vzaimootnosheniy [The Praetorians and Tiberius: assessment of the relationships]. Molodoy uchenyy [The Young scientist], (6): 618–621 (in Russian).
6. D'yachenko A.Yu. 2013. Pretorianskaya gvardiya v «God chetyrekh imperatorov» [Praetorian guard in the «Year of the four emperors»]. Molodoy uchenyy [The Young scientist], (11): 714–717 (in Russian).
7. D'yachenko A.Yu., Chernyshov Yu.G. 2014. Sovremennaya otechestvennaya istoriografiya o roli i meste pretorianskoy gvardii v politicheskom krizise rimskoy imperii v 68–69 gg. [New Russian Historiography on the Role and Place of the Praetorian Guard in the Political Crisis of the Roman Empire in 68–69 A. D.]. Izvestiya Altayskogo Gosudarstvennogo Universiteta [News of The Altai State University], 4–1 (84): 96–100 (in Russian).
8. D'yachenko A.Yu. 2012. K voprosu o myatezhe pretorianskoy gvardii v pravlenie imperatora Nervy [To the question of the mutiny of the Praetorian guard during the reign of the Emperor Nerva]. Vestnik Altayskoy Gosudarstvennoy Pedagogicheskoy Akademii [Bulletin of The Altai State Pedagogical Academy], (10): 15–17 (in Russian).
9. D'yachenko A.Yu. 2018. Gvardiya Oktaviana Avgusta [The Augustian guard]. Vestnik Altayskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta [Bulletin of The Altai State Pedagogical University], 4 (37): 91–93 (in Russian).
10. Dando-Kollinz S. 2017. Legiony Rima. Polnaya istoriya vseh legionov Rimskoy imperii [Legions of Rome: The Definitive History of Every Imperial Roman Legion]. Per. s angl. N.Yu. Zhi-vlovoy. M., Tsentrpoligraf, 639 (Dando-Collins S. 2010. Legions of Rome: The Definitive History of Every Imperial Roman Legion. London, Quercus Publishing, (624)).



11. Gus'kov E.A. 2013. Imperatorskiy kul't v pretorianskikh kogortakh [Imperial cult in the Praetorian cohorts]. KLIO, 7 (79): 43–46 (in Russian).
12. Semenov V.V. 2001. Pretorianskie kogorty: model' i praktika [Praetorian cohorts: model and practice]. Voenno-istoricheskiy zhurnal Para Bellum [Military-history journal Para Bellum], (12): 103–120. (in Russian).
13. Solov'yanov N.I. 2008. Kul'ty pretoriantsev v Rime [The Pretorian cult in Rome]. Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta [Bulletin of Tomsk State University], (317): 116–118 (in Russian).
14. Ushakov Yu.A. 1984. Rol' pretorianskoy gvardii vo vnutripoliticheskoy zhizni Rimskoy imperii pri pervykh imperatorakh [The role of the Praetorian guard in the internal political life of the Roman Empire under the first emperors]. V sb.: Antichnaya grazhdanskaya obshchina [In the collection: Ancient civil community]. М., Izd-vo Moskovskogo Gosudarstvennogo zaochnogo Pedagogicheskogo Instituta: 115–131 (in Russian).
15. Sherstnev E.E. 2012. Pretoriantsy i legiony v bor'be za imperatorskiy prestol v marte 68 – aprele 69 gg. [Praetorians and legions in the struggle for the Imperial throne in March 68 – April 69]. Abstract of the dissertation of the candidate of historical Sciences. Saratov, 22 (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юров Владислав Викторович, магистрант кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета, г. Воронеж, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladislav V. Yurov, graduate student of the Department of Archeology and Ancient History of Voronezh State University, Voronezh, Russia



УДК 94(3)
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-490-496

К дискуссии о романизации кочевых племен североафриканских провинций Римской империи: сведения источников времени Антонинов*

Г.В. Усков

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
Россия, 150003, Ярославль, ул. Советская, 14/2
E-mail: ggu-03@mail.ru

Аннотация. В антиковедении существует дискуссия о романизации, ее особенностях и допустимости применения этого понятия. В контексте этой дискуссии в статье рассматриваются отношения между римскими властями и кочевым населением североафриканских провинций в период принципата Антонинов. На основании данных эпиграфики и нарративных источников автор приходит к выводу, что по отношению к берберским племенам проводилась политика, сочетавшая, с одной стороны, невмешательство в жизнь основной массы племени, с другой стороны – романизацию элит кочевников. В некоторых случаях кочевников переселяли на другие места или их сезонные передвижения могли быть ограничены. Вместе с тем предпочтение в отношениях с кочевыми племенами отдавалось мирным способам решения конфликтов. Автор признает процесс романизации части племен и считает допустимым употребление понятия «романизация» применительно к Северной Африке. Однако утверждается, что под романизацией нельзя понимать лишь навязывание римских культурных норм или растворение африканской идентичности в общеимперской.

Ключевые слова: Римская империя, Антонины, провинции, Северная Африка, кочевники, империализм, романизация.

Для цитирования: Усков Г.В. 2020. К дискуссии о романизации кочевых племен североафриканских провинций Римской империи: сведения источников времени Антонинов. *Via in tempore. История. Политология*, 47 (3): 490–496. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-490-496.

To the issue of romanization of nomadic tribes in the North African provinces of the Roman empire: sources of the period of Antonines*

Grigory V. Uskov

Yaroslavl State University after P.G. Demidov,
14/2 Sovetskaya St., Yaroslavl, 150003, Russia
E-mail: ggu-03@mail.ru

Abstract. There is a discussion in classical studies about romanization and acceptability of usage of this term. The article considers relationship between Roman authorities and nomadic population of the North African provinces during the period of Antonines in the context of this discussion. The author comes to the conclusion about a policy was pursued towards the Berber tribes combining non-interference in life of most part of the tribe and romanization of nomadic elites. In some cases nomads moved to other places or their seasonal movements could be limited. At the same time preference in

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 19-39-90030 «Межкультурный диалог в эпоху Античности (на примере североафриканских провинций Римской империи II в. н. э.)».

The reported study was funded by RFBR, project number 19-39-90030.

relations with nomadic tribes was given to peaceful ways of resolving conflicts. The author acknowledges process of romanization of part of the tribes and considers it acceptable to use this concept in relation to North Africa. It is argued that romanization cannot be understood only as the imposition of Roman cultural norms or the dissolution of African identity in the general imperial. A person could have Roman citizenship and be loyal to princeps and the Roman empire, remaining a member of his tribe and preserving its cultural traditions.

Keywords: Roman Empire, Antonine dynasty, provinces, North Africa, nomads, imperialism, Romanization.

For citation: Uskov G.V. 2020. To the issue of romanization of nomadic tribes in the North African provinces of the Roman empire: sources of the period of Antonines. *Via in tempore. History and political science*, 47 (3): 490–496 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-490-496.

В историографии римской Северной Африки можно выделить три основные точки зрения на римскую систему управления провинциями и отношения властей с коренным населением. Первый подход, выработанный историками под влиянием событий эпохи колониализма, был характерен для трудов XIX и 1-й пол. XX вв. В рамках этого подхода исследователи подразумевали, что находившиеся на более низком уровне развития коренные жители Африки выступали либо в роли потребителей римской культуры, подвергаясь романизации (городское население и племенная знать), либо продолжали вести традиционный образ жизни. Р. Канья усматривал большую роль в поддержании римского контроля над Африкой непосредственно армии, так как она противостояла мятежам [Cagnat, 1909, p. 285]. Ш.-А. Жюльен полагал, что Рим опирался на местную романизованную элиту, чтобы, не заботясь о нуждах местного населения, проводить в своих интересах колонизацию региона [Жюльен, 1961, с. 194]. Соответственно, отношения между римлянами и коренными жителями региона изображались как враждебные, а существование кочевых племен представлялось угрозой римской власти, опиравшейся на городское население.

Второй подход можно назвать «антиколониальным», он формируется во время крушения колониальной системы в 50-х и 60-х гг. XX в. Если ранее взаимодействие Рима и Африки рассматривали лишь как привнесение на Черный континент более передовой римской культуры в рамках романизации региона, то теперь исследователи стали писать об обратном влиянии Африки на римскую культуру и африканском сопротивлении романизации [Courtois, 1955, p. 66; Benabou, 1976, p. 587]. Сторонники этой теории утверждали, что влияние римлян на африканцев если и имело место, то являлось крайне незначительным и поверхностным.

Наконец, третий подход начинает формироваться в 70-х гг. XX в. и может быть назван «компромиссным». В рамках данного подхода признается значительное культурное влияние римлян на африканцев, но вместе с тем не отрицается и обратное влияние, а также отмечается сохранение коренными жителями провинций своей африканской идентичности и самобытности. Появляется взгляд на Римскую империю как на совокупность различных типов обществ, сосуществовавших вместе [Shaw, 2008, p. 361]. Отношения между римлянами и африканцами, согласно этой концепции, скорее можно описать с позиций взаимовыгодного сотрудничества, а не постоянного противостояния и культурного соперничества. Ч.Р. Уиттэкер полагал, что система лимесов, существовавшая ко II веку, была нацелена на контроль над сезонными перемещениями кочевников, а не на оборону от них [Whittaker, 2008, p. 528]. Эта же точка зрения разделялась П. Хизером, который писал, что кочевники уходили в зимний период на юг в предпустынные районы. Когда же они иссушались к лету, племена возвращались на север в земледельческие области. Таким образом, полагал Хизер, римские солдаты и укрепления нужны были преимущественно для того, чтобы скот кочевников не вытапывал посевы. В этих условиях, – писал исследователь, – римляне продолжали выгодно вести дела с кочевниками, что явно не подтвер-



ждает тезис о враждебном характере отношений [Heather, 2006, p. 183]. Происходит переоценка самого понятия «романизация», которое перестает трактоваться как навязывание римской культуры. В определенных случаях, как акцентировал В. Ек, правильно говорить даже не о романизации, а о «самороманизации» (self-romanization) [Eck, 2008, p. 274]. Отмечается, что «двигателем» романизации скорее выступали конкурирующие местные элиты, а не римские власти [Whittaker, 2008, p. 544; Pichot, 210, p. 240].

На наш взгляд, именно этот подход является наиболее перспективным и уместным для описания взаимоотношений между коренными африканцами и римлянами. Сегодня этот подход встречается в большинстве научных трудов о Северной Африке. В то же время можно встретить и работы с традиционными «колониальными» оценками римского присутствия в Северной Африке [Бембай, 2017, с. 8–9].

Не менее важное значение в контексте данного вопроса имеет проблема римского империализма. Само понятие «империализм» первоначально, согласно британскому экономисту Д. Гобсону, обозначало новую стадию в развитии капиталистического общества. В узком смысле империалистической принято называть агрессивную политику великих держав в начале XX в., которая нашла логическое завершение в Первой мировой войне. В широком смысле под империализмом понимается внешняя политика, направленная на достижение политической, военной, экономической и культурной гегемонии. По определению французского историка Ж. Каркопино, под империализмом можно понимать способ народа думать и действовать, исходя из желания подчинить другие народы [Carcopino 1961, p. 20]. Таким образом, истоки империализма как явления вполне можно усматривать в эпоху Древнего мира [Шишкин, 2017, с. 101].

Конечно, следует понимать разницу между античным империализмом, носившим преимущественно политический и военный характер, и империализмом начала XX в. Тем не менее, употребление термина «римский империализм» является вполне допустимым. Дискуссия о характере империалистической римской внешней политики берет свое начало в XIX в. А.Б. Егоровым было отмечено, что для работ XIX – 1-й пол. XX в. был характерен тезис о преимущественно положительном влиянии римлян на присоединенные к империи народы и позитивные оценки римского империализма с культурной и экономической точек зрения. Признавались негативные последствия римского завоевания, связанные с уничтожением населения, угоном его в рабство и экономическим разорением. Вместе с тем, римляне, писал российский антиковед, согласно этой концепции, принесли более развитую античную цивилизацию племенам Западной Европы, одновременно выступая преемниками греческой цивилизации на эллинистическом Востоке. Было создано единое культурное и экономическое пространство, положено начало современной европейской цивилизации.

Во 2-й пол. XX в. появились иные оценки римской внешней политики, рассматривавшие внешнюю и провинциальную политику Рима как агрессивную и захватническую. Более того, эта политика представлялась как не отвечавшая интересам самого же Рима [Егоров, 2006, с. 80].

В целом можно констатировать, что на сегодняшний день проблема римского империализма имеет выраженный научный интерес. На наш взгляд, представляется актуальным в контексте этой проблемы рассмотреть положение североафриканских кочевых племен и их отношения с римскими властями в эпоху Антонинов, которая считается периодом наивысшего расцвета Римской империи.

Можем ли мы усмотреть романизацию североафриканских кочевников или, по крайней мере, попытку таковой? Сама дискуссия о характере романизации и допустимости применения самого этого термина касается следующих аспектов:

1. Концепция романизации не учитывает этническое и культурное многообразие империи. В основном этот аргумент стал популярным среди антиковедов благодаря углубленному изучению истории отдельных провинций и развитию региональной

археологии. Римская материальная культура, как полагают сторонники этой точки зрения, не тождественна римской идентичности.

2. Концепция романизации в ее старом виде не отражает в должной степени характер отношений между римлянами и местным населением, поскольку подразумевает одностороннее навязывание римской системы ценностей провинциалам. Намного правильнее было бы говорить о диалоге в процессе столкновении культур.

3. Концепция романизации подспудно признает наличие некоей общей идентичности в Римской империи, что является не вполне корректным [Whittaker, 2009, p. 200].

После присоединения Мавретанского царства в середине I в. н. э. Римская держава установила контроль над Северной Африкой. Подконтрольная римлянам территория при Антонинах делилась на три провинции – Проконсульскую Африку с административным центром в Карфагене, Цезарейскую Мавретанию с центром в Кесарии Мавретанской и Тингитанскую Мавретанию с центром в Тингисе. Наиболее развитой в экономическом плане являлась Проконсульская Африка. К Проконсульской Африке относились территории, которые были довольно развиты экономически еще до римского завоевания. В эту провинцию к началу правления Антонинов входила прибрежная полоса современной Триполитании, а также территории современных Туниса и Алжира (часть последнего). В состав провинции входила также и Нумидия – бывшая провинция *Africa Nova*, созданная Цезарем. Впоследствии Северы выделили Нумидию из *Africa Proconsularis*, превратив ее в отдельную провинцию. Границей между Африкой и Нумидией была линия к западу от города Гиппона-Регия. Западной границей Нумидии можно считать линию к западу от городов Куллу (совр. Колло) и Цирты (совр. Константина). К западу от Нумидии располагались Мавретания Цезарейская и Мавретания Тингитанская.

Вряд ли можно составить полный список племен, с которыми римлянам приходилось выстраивать отношения к началу II века. В I в. до н. э. Саллюстий писал, что не смог бы сообщить полностью достоверные сведения о всех племенах и народах Африки (Sall. Bell. Jug. 17). Из крупных этнических групп, проживавших в Африке, Саллюстием упоминаются ливийцы, мавретанцы, нумидийцы и гетулы и эфиопы (Sall. Bell. Jug. 19). Следует учитывать, что к I веку до н. э. Рим не контролировал основную часть североафриканского региона, соответственно, римские авторы не могли представить себе полную этническую картину населения этих земель.

Несколько меняется ситуация к концу I – началу II вв. Брент Шоу, опираясь на труды Плиния Старшего, например, писал о 516 народах и племенах только в Проконсульской Африке [Shaw, 2008, p. 381]. В эпиграфике II века упоминаются племена и племенные конфедерации, известные в I веке, например, племенной союз мусуламиев, участвовавший в восстании Такфарината (CIL VIII. 00270 = CIL VIII. 11451 = CIL VIII. 23246 = AE 1907. 00017). Отмечается также существование довольно крупных племенных союзов субурбуров, нибгениев, бакватов и маккенигов (CIL VIII. 22787; AE 1942/43. 00068; CIL VIII. 21826).

Структура провинциального управления, выстроенная ко временам Антонинов в Африке, как и в целом во всей империи, была создана для решения следующих задач: обеспечение безопасности и контроля над местными племенами, своевременный сбор налогов, защита сельского хозяйства [Calsterer, 2008, p. 345]. В целом, большинство действий имперской администрации в период принципата Антонинов укладывается в эту логику.

Ко II веку активно распространяется практика переселения тех или иных племен на определенные участки границы. Нам известны примеры переселения племен нибгениев и субурбуров. Нибгении были размещены в районе к западу от Такапы и югу от Капсы, при этом городам была передана часть земель этого племени. Центром нибгениев стал город Цивитас Нибгениориум (CIL VIII. 22787). Известно, что после этого поселение получило статус *civitas stipendaria* [Brett, Fentress, 1996, p. 62]. При Траяне же было начато строительство дороги, соединившей город с Капсой. Наконец, при правлении Адриана городу был предоставлен статус муниципия. Несколько отличается ситуация с субурбурами.



Первоначально местом проживания этого племени были пастбища рядом с современным городом Эль-Эулма (фр. Сен-Арно). Позднее племя было переселено в район современного Шотта (коммуна айн-Бейда, вилайет Уаргла). Вероятно, причиной послужили враждебные действия со стороны племени. Одна из надписей времен правления Коммода сообщает о восстановлении дороги после разорения племенем субурбуров (AE 1942/43. 00068).

В 137 г. прокуратор Мавретании Цезарейской Гай Петроний Целер занимался расселением нумидийцев, при этом указывалось, что земли племя получает по милости императора Адриана (*Ex indulgentia Imp(eratoris) Caes(aris) Had(riani) Aug(usti) fines / adsignati gen{n}ti Numidarum / per C(aium) Petroni/um Celerem / proc(uratorem) Aug(usti) pro(vinciae) / [M(auretaniae) C]aes(ariens(is))* (CIL VIII. 08814) [Dalla Rossa, 2017, p. 198] Ч.Р. Уиттэкер полагал, что в некоторых случаях речь могла идти о политике расселения племен для формирования южных рубежей, которое в целом было закончено при Адриане [Whittaker, 2008, p. 304; Whittaker 2009, p. 197].

Нельзя не признавать, что Рим вряд ли пытался сделать носителями римских ценностей все коренное население Африки. Это было бы невозможно чисто с технической точки зрения. С другой стороны, у римских властей был такой инструмент как римское гражданство, дарование которого вождям кочевых племен активно практиковалось. В истории известно множество примеров использования теми или иными захватчиками определенных этнических групп или местной элиты в качестве опоры своей власти. Римская империя не была исключением. При этом получение римского гражданства не влекло потерю своей африканской идентичности. Акцент делался, прежде всего, на служении Империи и лично принцепсу, а также на добросовестном исполнении своих обязанностей. Показателен пример берберского вождя Лузия Квиета, сделавшего карьеру при Траяне. Говоря о личных качествах консуляра, античные авторы акцентируют внимание на доблести Квиета. Так, Кассий Дион сообщает, что ранее Квиет был удален со службы за недостойное поведение. Однако, когда Траяну понадобилась военная помощь мавров, Квиет по доброй воле явился к принцепсу и отличился в походах против даков многими подвигами. После этого вождь стал претором, а затем – консулом (Cass. Dio. LXVIII. 32.4). Можно найти в данной характеристике влияние Плиния Младшего, который в «Панегирике» писал о Траяне как о принцепсе, предпочитающем воздействовать на подданных не принуждением, а личным примером, обнаруживать и приближать наиболее достойных (Плп. Пан. 13, 45). Иначе говоря, положительное воздействие римского мира и романизации превратило недисциплинированного варвара в полноправного члена гражданского коллектива, получившего признание принцепса и магистратуру консула. При этом Квиет ни в коем случае не порывал связи со своими соплеменниками, по всей видимости, сохраняя их до самой смерти [Bussi, 2006, p. 727]. Таким образом, включение в состав имперской элиты вождей кочевников активно практиковалось римскими властями.

Нельзя не сказать также и о практике назначения т. н. *praefecti gentis*, чиновников, призванных контролировать племена на территории Северной Африки. В основном они были римлянами, хотя во II веке известно не менее двух случаев, когда ими были назначены африканцы [Whittaker, 2009, p. 197]. При этом непосредственно вождю племени мог быть пожалован титул *princeps gentis*. Известно также, что во II веке был случай совмещения функций префекта и принцепса в Тубурсикум Нумидарум, где участие в городском самоуправлении и одновременно управлении соседним племенем нумидийцев принимал *princeps Numidarum*. Были и примеры, когда лица берберского происхождения могли становиться декурионами в городах [Машкин, 1951, с. 75].

Таким образом, во II в. римскими властями по отношению к кочевым племенам североафриканских провинций проводилась политика, сочетавшая, с одной стороны, невмешательство в жизнь основной массы племени, с другой стороны, – целенаправленную романизацию элит кочевников. В некоторых случаях кочевников переселяли на другие места или их сезонные передвижения могли быть ограничены.

Вместе с тем, предпочтение в отношениях с кочевыми племенами отдавалось мирным способам решения конфликтов. Это, на наш взгляд, способствовало тому, что в эпоху Антонинов отсутствовали крупные потрясения на территории североафриканских провинций. Соответственно, мы можем говорить о романизации части племен и считаем допустимым употребление самого этого понятия применительно к Северной Африке.

При этом под романизацией нельзя понимать лишь навязывание римских культурных норм или растворение африканской идентичности в общеимперской. Человек мог иметь римское гражданство, быть лояльным принцепсу и Империи, оставаясь членом своего племени и сохраняя его культурные традиции.

Список литературы

1. Бембай К. 2017. Римская политика в Африке в I–III вв. н. э. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Белгород, 180.
2. Егоров А.Б. 2006. Последние планы Цезаря (к проблеме римского глобализма). Мнемон (5): 77–94.
3. Жюльен Ш.-А. 1961. История Северной Африки. Тунис, Алжир, Марокко. С древнейшего времени до арабского завоевания. Пер. с фр. М., Издательство иностранной литературы, 428.
4. Машкин Н.А. 1951. Из истории африканских городов во II–III вв. н. э. Вестник древней истории (2): 70–83.
5. Никишин В.О. 2017. Как культура преодолела негативный стереотип: портрет нумидийского царя Юбы II в контексте этнических предрассудков. Египет и сопредельные страны. Электронный журнал (2). URL: <http://enc-journal.com/images/contributions/2017-2/2-1-nikishin.pdf> (дата обращения: 28 марта 2020).
6. Шишкин М.В. 2017. Теории империализма: особенности становления и развития. Вопросы политической экономии (1): 101–118.
7. Benabou M. 1976. La Resistance africaine a la romanisation. Paris, Librairie François Maspero, 634.
8. Brett M., Fentress E. 1996. The Berbers. Oxford, Blackwell, 282.
9. Bussi S. 2006. Lusio Quietio: un «maghrebino» ai vertici dell'Impero. L'Africa romana. Mobilità delle persone e dei popoli, dinamiche migratorie, emigrazioni ed immigrazioni nelle province occidentali dell'Impero romano XVI (2): 721–728.
10. Cagnat R. 1909 L'armee romain d'Afrique et l'occupation militaire de l'Afrique sous les empereurs. Paris, Imprimerie nationale, 513.
11. Calsterer H. 2008. Local and provincial institutions and government. In: The Cambridge Ancient History. Vol. XI. Cambridge, Cambridge University Press: 344–360.
12. Carcopino J. 1961. Les etapes de l'imperialisme romaine. Paris, Hachette, 272.
13. Courtois C. 1955. Les Vandales et l'Afrique. Paris, Arts et métiers graphiques, 166.
14. Dalla Rossa A. 2017. Les successeurs désignés du prince et leur patrimoine. À propos de la délimitation d'Er-Rahel en Maurétanie Césarienne (CIL VIII 21663). Cahiers du Centre Gustave Glotz. XXVIII: 197–212.
15. Eck W. 2008. Provincial administration and finance. In: The Cambridge Ancient History. Vol. XI. Cambridge, Cambridge University Press: 266–292.
16. Heather P. 2006. The Fall of the Roman Empire. London, Pan Books, 572.
17. Pichot A. 2010. Les édifices de spectacle des Maurétanies romaines. Lausanne, Université de Lausanne: 409 p.
18. Shaw B. Rebels and outsiders. In: The Cambridge Ancient History. Vol. XI. Cambridge, Cambridge University Press: 361–403.
19. Whittaker C.R. 2008. Africa. In: The Cambridge Ancient History. Vol. XI. Cambridge, Cambridge University Press: 514–546.
20. Whittaker C.R. 2008. Frontiers. In: The Cambridge Ancient History. Vol. XI. Cambridge, Cambridge University Press: 293–319.
21. Whittaker C.R. 2009. Ethnic discourses on the frontiers of Roman Africa. In: Ethnic Constructs in Antiquity. Amsterdam, Amsterdam University Press: 189–205.



References

1. Bembay K. 2017. Rimskaya politika v Afrike v I–III vv. n. e. [Roman policy in Africa in the I – III centuries A. D.]. Belgorod, 180 (in Russian).
2. Egorov A.B. 2006. Poslednie plany Cezarya (k probleme rimskogo globalizma) [Last Caesar's plans (to the problem of Roman globalism)]. Mnemon (5): 77–94 (in Russian).
3. Julien Ch.-A. 1961. Istoria Severnoy Afriki. Tunis, Alzir, Marocco. S drevneyshego vremeni do arabskogo zavoevaniya [Istoriya Severnoj Afriki. Tunis, Alzhir, Marokko. S drevneyshego vremeni do arabskogo zavoevaniya]. Moscow, Izdatelstvo inostrannoy literatury, 428.
4. Mashkin N.A. 1951. Iz istorii afrikanskih gorodov vo II–III vv. n. e. [From the history of African cities in the II–III A. D.]. Vestnik drevnej istorii [Journal of Ancient History] (2): 70–83 (in Russian).
5. Nikishin V.O. 2017. Kak kul'tura preodolela negativnyj stereotip: portret numidijskogo carya Yuby II v kontekste etnicheskikh predrassudkov [How culture overcame a negative stereotype: a portrait of the Numidian king Juba II in the context of ethnic prejudice]. Egipet i sopredel'nye strany [Egypt and neighboring countries] (2). Available at: <http://enc-journal.com/images/contributions/2017-2/2-1-nikishin.pdf> (accessed 28 March 20120) (in Russian).
6. Shiskin M.V. 2017. Teorii imperializma: osobennosti stanovleniya i razvitiya [Theories of imperialism: features of formation and development]. Voprosy politicheskoy ekonomii [Political Economy Issues] (1): 101–118 (in Russian).
7. Benabou M. 1976. La Resistance africaine a la romanisation. Paris, Librairie François Maspero, 634.
8. Brett M., Fentress E. 1996. The Berbers. Oxford, Blackwell, 282.
9. Bussi S. 2006. Lusio Quieto: un «maghrebino» ai vertici dell'Impero. L'Africa romana. Mobilità delle persone e dei popoli, dinamiche migratorie, emigrazioni ed immigrazioni nelle province occidentali dell'Impero romano XVI (2): 721–728.
10. Cagnat R. 1909 L'armee romain d'Afrique et l'occupation militaire de l'Afrique sous les empereurs. Paris, Imprimerie nationale, 513.
11. Calsterer H. 2008. Local and provincial institutions and government. In: The Cambridge Ancient History. Vol. XI. Cambridge, Cambridge University Press: 344–360.
12. Carcopino J. 1961. Les etapes de l'imperialisme romaine. Paris, Hachette, 272.
13. Courtois C. 1955. Les Vandales et l'Afrique. Paris, Arts et métiers graphiques, 166.
14. Dalla Rossa A. 2017. Les successeurs désignés du prince et leur patrimoine. À propos de la délimitation d'Er-Rahel en Maurétanie Césarienne (CIL VIII 21663). Cahiers du Centre Gustave Glotz. XXVIII: 197–212.
15. Eck W. 2008. Provincial administration and finance. In: The Cambridge Ancient History. Vol. XI. Cambridge, Cambridge University Press: 266–292.
16. Heather P. 2006. The Fall of the Roman Empire. London, Pan Books, 572.
17. Pichot A. 2010. Les édifices de spectacle des Maurétanies romaines. Lausanne, Université de Lausanne: 409 p.
18. Shaw B. Rebels and outsiders. In: The Cambridge Ancient History. Vol. XI. Cambridge, Cambridge University Press: 361–403.
19. Whittaker C.R. 2008. Africa. In: The Cambridge Ancient History. Vol. XI. Cambridge, Cambridge University Press: 514–546.
20. Whittaker C.R. 2008. Frontiers. In: The Cambridge Ancient History. Vol. XI. Cambridge, Cambridge University Press: 293–319.
21. Whittaker C.R. 2009. Ethnic discourses on the frontiers of Roman Africa. In: Ethnic Constructs in Antiquity. Amsterdam, Amsterdam University Press: 189–205.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Усков Григорий Викторович, аспирант кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Grigory V. Uskov, post-graduate student of the Department of General History of the Yaroslavl Demidov State University, Yaroslavl, Russia.

УДК 94(4)

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-497-504

Дунайская граница Римской империи в «Res Gestae» Аммиана Марцеллина

Э.Е. Мейер

Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6
E-mail: meyer_ed@mail.ru

Аннотация. Методом дискурс-анализа «Res gestae» определены языковые практики, которыми Аммиан Марцеллин описывает Дунайскую границу Римской империи до и после переселения готов на территорию империи в 376 г. Изучение конкретных ситуаций, приведенных античным автором при описании готской войны, позволило ответить на вопрос – сохраняет ли Дунай после 376 г. статус границы империи в сознании позднеантичного историка. Выявлена двоякость видения реки в рамках изложенной Аммианом Марцеллином картины. Если определять статус реки через описываемые позднеантичным автором события, то граница Восточной Римской империи отодвинулась на юг и стала соотноситься с действующими частями армии, пытавшимися локализовать готское движение. Если же отталкиваться от лексики автора, то река сохраняет свой статус психологического рубежа, отделявшего римскую цивилизацию от варваров.

Ключевые слова: Римская империя, Дунайская граница, варвары, Аммиан Марцеллин.

Для цитирования: Мейер Э.Е. 2020. Дунайская граница Римской империи в «Res Gestae» Аммиана Марцеллина. *Via in tempore. История. Политология*, 47 (3): 497–504. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-497-504.

The Danube frontier of the Roman empire in Ammianus Marcellinus' «Res Gestae»

Eduard E. Meyer

Russian State University for the Humanities,
6 Miusskaya Sq., Moscow, Russia
E-mail: meyer_ed@mail.ru

Abstract. In this article, the author applies the method of discourse analysis to «Res gestae» by Ammianus Marcellinus to characterize the language practices that describe the Danube border of the Roman Empire before and after the migration of the Goths to the imperial territory in 376. The study of specific situations given by the ancient author when describing the Gothic war allows to determine whether a late- historian considers the Danube as the imperial border after 376. The ambiguity of the river's vision within the framework of the picture presented by Ammianus Marcellinus has been revealed. If to determine the status of the river through the events described by the late-antiquity author, the border of the Eastern Roman Empire had moved south and became related to the active parts of the army, that were trying to localize the Gothic movement. According to the Marcellinus's vocabulary, the river retains its status as a psychological frontier that separated Roman civilization from the barbarians.

Keywords: Roman Empire, Danube border, barbarians, Ammianus Marcellinus.

For citation: Meyer E.E. 2020. The Danube frontier of the Roman empire in Ammianus Marcellinus' «Res Gestae». *Via in tempore. History and political science*, 47 (3): 497–504 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-497-504.



При изучении Готской войны 376–382 гг. и последующей за ней политикой Восточной Римской империи на дунайском направлении возникает вопрос о фактическом разграничении империи и варваров в условиях массовых переселений с целью определения статуса территорий. Интересно также и то, как жители империи видели происходившие события, как выражалось их восприятие в письменных источниках, как они реагировали на ситуацию в регионе во время развернувшихся военных действий.

Для ответа на эти вопросы необходимо изучение письменных свидетельств позднеантичных авторов, которые были более или менее знакомы с ситуацией на Балканах во время готского переселения. Одним из таких очевидцев войны был Аммиан Марцеллин (ок. 330 – ок. 395 гг.), солдат римской армии, вышедший в отставку после похода Юлиана Отступника в 360 г., грек по происхождению.

Его работа «*Res gestae*» была написана им по «горячим следам» войны на Балканах 376–378 гг. после его переезда в Рим в первой половине 390-х гг. [Ибатуллин, 2000, с. 9–10]. Она позволяет составить представление о событиях и территориях, на которых происходили эти события. Сам автор, скорее всего, лично, хотя и посещал будущий театр военных действий, но делал это до переселения готов (Amm. Marc. XXII. 8.1; XXVII. 4.2) [Barnes, 1998, p. 1–2]. В описаниях событий самого военного противостояния он ограничивался пересказом доступных ему материалов в риторической форме позднеантичной исторической традиции [Хизер, 2011, с. 229; 2016, с. 219]. Т. Барнс предположил, что Аммиан посещал Фракию в 377 г., где наблюдал останки погибших в битве при Маркианополе. Это утверждение основано на использовании Аммианом слова «теперь или сейчас» в описании места битвы (Amm. Marc. XXXI. 7.16): «*Humatis denique pro locorum et temporis ratione honoratis quibusdam inter defunctos, reliqua peremptorum corpora dirae volucres consumpserunt adsuetae illo tempore cadaveribus pasci, ut indicant nunc usque albentes ossibus campi*³⁶». Но, с другой стороны, только одного оборота недостаточно для однозначного вывода. Сведения, предоставленные Аммианом, содержат большее количество подробностей, чем у его современников – Евнапия и Иеронима Стридонского.

Предметом анализа в рамках настоящего исследования стали описания Марцеллином Придунайских территорий Восточной Римской империи. Его целью – анализ описания Дуная как рубежа в рамках «*Res gestae*» для ответа на вопросы:

- выступает ли река границей до и после готского вторжения?
- в какой момент наступает перелом в его понимании реки как линии разделения между римской цивилизацией и варварскими сообществами?
- какое место уделяет Аммиан Балканам в своей работе?
- сохранялся ли имперский контроль над регионом в условиях противостояния с готами?

Рассматривая историографию поднимаемых вопросов, стоит отметить, что сама граничная терминология, рассмотрение Дуная как границы и трансформации этого образа реки-рубежа в рамках описываемых событий не становились предметом самостоятельного исследования, как и сам римский лимес в указанный период.

К труду Аммиана так или иначе обращались все авторы, которые освещали вторжение готов на Балканы в 376 г. и последовавшее за ними разграбление Придунавья. Так, рассмотрение театров военных действий присутствует в статье Р. Зигера, который описывает политику императоров IV в. в этом направлении, а также на Рейне [Seager, 1999]. Р. Зигер в центре своих изысканий располагает именно событийный ход, а не трактовки границ в «Деяниях», которым в его статье посвящено около трети от общего объема [Seager, 1999, p. 582–587, 592–604].

³⁶ «Некоторые из павших, люди высших рангов, были преданы погребению, насколько позволяли это условия места и времени; хищные птицы, привыкшие в ту пору кормиться трупами, сожрали тела остальных, о чем свидетельствуют и до сих пор белеющие костями поля» (пер. Ю.А. Кулаковского).

Свидетельства Аммиана в своих исследованиях готской истории и начального этапа переселения народов используют В.П. Буданова, А.А. Горский, И.Е. Ермолова [Буданова, 1990; Буданова, Горский, Ермолова, 2011], М.Б. Щукин, В. Вольфрам, П. Хизер, хотя эти авторы, так же, как и Р. Зигер, в первую очередь, концентрируются на самих событиях. П. Хизер все же, рассуждая об источниках, в которых описаны события, с которых начинается падение Римской империи, предположил, что Аммиан в своей работе, ввиду современности описываемых событий и даты завершения его труда, не мог до конца осознавать масштаб произошедшей войны и ее последствий [Хизер, 2011, с. 229; Хизер, 2016, с. 218]. М.Б. Щукин и В. Вольфрам использовали информацию, предоставленную Аммианом для составления карты готского вторжения и для установления пути готского переселения [Вольфрам, 2003; Щукин, 2005]. П. Хизер много места уделяет статусу переселяющихся и условиям, на которых готы были приняты [Хизер, 2011, с. 228, 254–257; 2016, с. 217–2019].

Специальное исследование труда Аммиана предпринял Т. Барнс, рассматривавший вопросы временных представлений автора, вкпе с анализом его биографии и источников вдохновения [Barnes, 1998]. Аналогичное исследование «*Res gestae*» посвятили И.Е. Ермолова [Ермолова, 2008] и А.В. Банников [Банников, 2015], а также Р.У. Ибатуллин в кандидатской диссертации [Ибатуллин, 2000]. Они рассматривали работу античного историка в рамках позднеантичной традиции историописания, указывая на терминологию и представления автора о труде историка, но вопросами дунайской границы они специально не занимались.

Дунайская граница, как и в общем весь Балканский регион, очень редко упоминается на страницах «Деяний». При исследовании граничной терминологии было установлено, что терминология границы как укрепленной линии – *limes* – в отношении реки не используется. Первое описание изучаемых территорий дается в XXVII книге. Дунайский регион описывается как край, где расположено множество городов, крепостей: «*Partem vero sinistram arctois obnoxiam stellis Haemimontanae celsitudines claudunt et Hister, qua Romanum cespitem lambit, urbibus multis et castris contiguus et castellis*³⁷» (Amm. Marc. XXVII. 4.6). При этом река является границей, что особо подчеркивается автором при помощи указания именно на берег как признак принадлежности. Далее Аммианом приводится история завоевания этих земель римлянами в древности (Amm. Marc. XXVII. 4.9–11) и географическая справка провинций, граница (*confinus*) с Иллириком, между Родопами и областью Европа (Amm. Marc. XXVII. 4.12–13).

Затем Придунайские территории появляются в работе в связи с походами Валента на готов 367–369 гг., так Валент зимовал в Маркианополе (Amm. Marc. XXVII. 5.5–6). Особое значение реки как рубежа вновь проявляется во время встречи Валента и Атанариха, которая мало того что проходила на реке, но и сам Атанарих данной клятвой утвердил ее особый политический статус как признаваемой обеими сторонами границы (Amm. Marc. XXVII. 5.9).

В следующий раз описания Придунавья появляются только в связи с войной 376–382 гг. (у Аммиана они описаны до 378 г.). В этих отрывках дается интересная информация об экономическом состоянии региона, например, говорится, что переселение готов во Фракию было спровоцировано высоким уровнем производительности местных пастбищ (Amm. Marc. XXXI. 3.8). Схожее описание территориям дает Евнапий (Eunap. Fr. 43).

Статус Дуная как границы при переселении никем не оспаривается. Аммиан явно дает понять, что наличествует система речного и берегового контроля за переселением (Amm. Marc. XXXI. 4.1–5; 4.9). Контроль за пересечением реки сохранялся и во время

³⁷ «Левую сторону, обращенную к северным созвездиям, закрывают возвышенности Гемимонта и Истр, который на римском берегу течет мимо множества городов, крепостей и укреплений».

второй волны переселения, в которой участвовали грейтунги, обошедшие речную оборону (Amm. Marc. XXXI. 5.3).

При изучении статуса Дуная как границы и фактического положения дел во время переселения необходимо рассмотреть условия, на которых были приняты варвары. Договор *deditio*, который должны были заключить с ними, предполагал почетную сдачу их на милость имперской администрации [Шувалов, 2006, с. 58–60; Хизер, 2011, с. 130–131, 254–256].

Одним из итогов заключения договора можно было бы считать введение части варваров в состав вспомогательной армии, которая должна была быть расквартирована в разных уголках империи (Amm. Marc. XXXI. 4.1–4.5; Eunap. Fr. 43, Jerome Ch. 380), в том числе и на Дунайской границе, однако однозначно сказать, был ли запущен процесс рекрутирования из переселенных, нельзя, так как о каком-то конкретном завершении переговоров между варварами и римлянами ни один автор не говорит. Иными словами, на момент поселения готов на территории римского берега Дуная императором Валентом и местными властями предполагалось полное и фактическое, и формальное сохранение существующей на территории Нижнего Дуная системы имперского управления, а значит, и контроля над границей.

Вероятно, именно неспособность быстрого распределения варваров по боевым частям стала причиной изначальной скученности варваров у реки и их хождения вдоль берега с римской стороны. Тервинги скитались вдоль берега в ожидании распределения и продовольствия (Amm. Marc. XXXI. 5.1). Люди Фритигерна, в свою очередь, выступили к стенам Маркианополя и ожидали там включения в состав римской вспомогательной армии (Amm. Marc. XXXI. 5.4). К скученности добавились проблемы со снабжением и антипатия местных римских властей (Amm. Marc. XXXI. 4.11; 5.1) [Буданова, 2011, с. 72; Хизер, 2011, с. 254–256; Головина, 2017, с. 39–40]. Свою роль сыграла недооценка сил и возможностей противника с римской стороны [Ермолова, 2016, с. 58; Копаев, 2015, с. 212].

Ход дальнейшего противостояния хорошо описан в историографии и не требует повторного рассказа [Буданова, 1990; Heather, 1991; Хизер, 2001, с. 255–270; Вольфрам, 2003; Щукин, 2005; Буданова, Горский, Ермолова, 2011]. Однако интересным является то, что после поражения войск магистра Фракии Лупицина и отступления ромеев в регионе не осталось боеспособных отрядов полевой армии, что позволило готам расселиться по нему и дойти до Адрианополя (Amm. Marc. XXXI. 5.9; 6.5), что только углубило прорыв и увеличило неподконтрольную римлянам территорию. Более того, готы получили часть римского вооружения [Макдауэлл, 2011, с. 29].

Очевидно, единственной боевой единицей, способной исправить положение, стал федератский отряд Сферада и Колии, но и он не выступил из Адрианополя из-за задержки провианта (Amm. Marc. XXXI. 6.1–3). Тем самым, он не произвел никаких действий по возвращению контроля над берегом реки, а следовательно, по выведению границы к довоенному состоянию. Река все еще продолжает выступать у Аммиана границей, а переправа на римский берег сохраняет свое символическое значение, в тексте берег реки становится пристанищем готов после неудачной осады Адрианополя в 376 г. (Amm. Marc. XXXI. 6.5). В то же время, в результате начавшегося в регионе движения бедняков, неспособных платить высокие налоги вследствие разорения региона, рабочих рудников и жителей сельской местности против богатых и крупных хозяйств (Amm. Marc. XXXI. 6.5–6.), местные магистраты оказались неспособны исполнять свои властные полномочия, и нам не известна ни одна их акция против готов.

Неспособность имперских войск вернуть контроль над территориями и воздействовать на готов, наряду с неспособностью местных властей произвести то же самое, породили политический вакуум в регионе, где находились принятые готские племена. Территория, охваченная политическим вакуумом, росла по мере расползания готских групп в соседние провинции. Именно этим вакуумом и последующей ломкой существовавшей соци-

ополитической системы объясняется восстание бедняков, которые начинали сопротивляться существующим налогам и воспринимали готов как альтернативную структуру военного управления, так как к моменту восстания бедняков договор *deditio* с готами был заключен, и они могли восприниматься как римские вспомогательные войска.

То, что во Фракии возник политический вакуум, а сама территория угрожала превратиться в буферную зону для следующих вторжений, прекрасно осознавалось римскими командующими, которые старались закрыть армиями выход варварам и восставшим беднякам за пределы провинции (Amm. Marc. XXXI. 7.1–2, 3, 5). В этих условиях интересен факт того, что речная оборона продолжала все это время существовать, судя по описаниям античного историка. Это проявляется в его апелляции к берегу Дуная, как одному из надежных рубежей нераспространения готского движения. В частности, доказательством этому служит отсутствие поставок через реку продовольствия и подкреплений для восставших варваров (Amm. Marc. XXXI. 8.1).

Утверждение Аммиана о нерушимости речной обороны, однако, опровергается описанием дальнейших событий. Так, несмотря на наличие определенной речной блокады, готы смогли отправить призыв к гуннам и аланам, соблазняя их добычей в случае успешного вторжения (Amm. Marc. XXXI. 8.3). Аналогичным отсутствием обороны по Дунаю можно объяснить появившийся на пути Фригериды, отступавшего в Иллирик, отряд тайфалов «*transiere flumen*» («перешедших реку»; Amm. Marc. XXXI. 9.3). На отряд аланов наткнулся Грациан, выступив из Сирмия в Кастра-Мартис (Amm. Marc. XXXI. 11.6). Вообще, про оборону реки в период до битвы при Адрианополе почти ничего не слышно.

Очевидно, что сложившееся положение не устраивало варваров, оказавшихся один на один с римскими укрепленными позициями и равнинами Фракии на протяжении реки до Родопы (Amm. Marc. XXXI. 8.6). Поэтому они пытались прорваться через Дибальту, но были отбиты Барцимером (Amm. Marc. XXXI. 8.9).

Еще два отряда были размещены в Сукках (Amm. Marc. XXXI. 10.20) и Мелантиаде (Amm. Marc. XXXI. 11.1). При чем второй находился на грани восстания из-за нарушения поставок, туда направился Валент для их успокоения (Amm. Marc. XXXI. 11.1, Eunap. Fr. 43).

Все это время река сохраняет у Аммиана статус рубежа, хотя в самой работе слово «граница» по отношению к реке перестает использоваться. О позиции автора можно судить косвенно, исходя из словесных оборотов, употребляемых в связи с переходом реки теми или иными племенами (Amm. Marc. XXXI. 9.2; 11.6). С другой стороны, события, описываемые античным автором, демонстрируют обратную ситуацию. Отступление римских войск к ущельям или большим пунктам, локальные восстания федератов вкупе с нехваткой продовольствия привели к тому, что граница на Дунае оказалась бесконтрольной, местные гарнизоны заняли опорные пункты и составляли собой островки римского влияния. Это понимали и готские вожди: накануне Адрианопольского сражения Фритигерн предложил Валенту передать готам Фракию с правом на весь урожай и продовольствие в провинции (Amm. Marc. XXXI. 12.8). П. Хизер рассматривает это предложение как свидетельство намерения готов не просто поселиться во Фракии, но и создать там полностью независимое от империи государственное образование готов [Heather, 1991, p. 176–177].

Ситуация после поражения римлян при Адрианополе усугубляется, так как на страницах текста упоминаются отряды гуннов, аланов и других варваров, прибывших «по горячим следам» на поддержку готам или пограбить римские земли (Amm. Marc. XXXI. 16.3–4). Это свидетельствует либо о прорыве обороны на реке, либо об отведении остатков местных полевых соединений в Иллирик, где стояли западные войска, с целью локализации варваров и произведенного ими прорыва границы в рамках регионов Мёзии и Фракии. Тем самым граница римского государства локализуется уже в местах расположения передовых отрядов полевой и гарнизонной армии вокруг территории прорыва по главным дорогам и опорным пунктам, т. е. войска расположились у Сирмия, Кастра-Мартиса, Мелантиады, Сукк, Адрианополя.



Любопытно, что аналогичное умалчивание относительно обороны и сохранения Дуная как рубежа присутствует и у Зосима, который придерживается последовательной позиции, согласно которой Дунай остался рубежом римского государства и после вторжения готов как официально, так и фактически. Доказательством этого стало наличие боевых римских войск на Дунае в 386 г. Аммиан описывает последовавшие позднее победы отрядов Промота, стремившегося пресечь дальнейшие переселения грейтунгов на римские земли (Zos. IV.35, 38–39), об этих событиях восторженно пишет и Клавдиан в панегирике на IV консульство Гонория (Claud. Cons. IV. v. 620–630). Эти победы произошли через десять лет после описанных Аммианом событий и могли выступить следствием возвращения территорий под римский контроль по результатам заключенного перемирия императора Феодосия с готами 382 г.

В результате анализа сведений работы Аммиана Марцеллина о Дунайском регионе и границе было установлено, что Дунай, будучи границей империи от завоевания его берега римлянами до готского переселения 376 г., формально продолжает восприниматься Аммианом как определенная линия разделения привычного римского мира и варварской периферии. Однако терминологического описания его как «границы» в работе нет. Полный прорыв Дунайского лимеса не был признан автором в полной мере, по крайней мере, на момент прихода в регион гунно-аланских и тайфальского отрядов, которые смогли беспрепятственно совершить переправу и вторжение на территорию Юго-Восточного Иллирика и Мезию I. Вопрос реки-рубежа уходит у Аммиана на второй план на фоне военных действий, т. е. вопрос границы государства сменился проблемой подконтрольности территории: провинции, оказавшиеся наводненными варварскими группами, как бы выпали из списка контролируемых земель, хотя и сохраняли анклав римского управления в виде городов, которые не были взяты готами.

Таким образом, граница римского влияния фактически «откатилась» в сторону территории расположения римских военных отрядов, стремившихся локализовать прорыв в рамках ряда придунайских провинций, таких как Мёзия, Фракия. Свидетельством такого изменения стало формирование политического вакуума и последующих за ним движений бедноты, о которых говорит Аммиан. Иными словами, неспособность полевых армий обеспечить поддержку гарнизонам внутри пострадавших провинций и отсутствие свидетельств о действиях дунайских флотилий до 386 г. привело к потере фактического контроля империи над границей.

Список литературы

1. Банников А.В. 2015. Аммиан Марцеллин и особенности его исторического метода. Альманах современной науки и образования. Тамбов, Грамота. № 6: 19–25.
2. Буданова В.П. 1990. Готы в эпоху Великого переселения народов М., Наука, 233.
3. Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. 2011. Великое переселение народов. СПб., Алетейя, 337.
4. Вольфрам Х. 2003. Готы. Пер. с нем. Б.П. Миловидов, М.Ю. Некрасов, под ред. М.Б. Щукина, Н.А. Бондаренко и П.В. Шувалова. СПб., Ювента, 656.
5. Головина О.В. 2017. Германцы в ранней Византии. Дисс. канд. ист. наук. Белгород, 235.
6. Ермолова И.Е. 2008. Отношение Аммиана Марцеллина к труду историка: теория и практика. Вестник древней истории. № 4: 131–142.
7. Ермолова И.Е. 2016. Расселение варваров в Римской империи. Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». (11): 56–64.
8. Ибатуллин Р.У. 2000. Аммиан Марцеллин: проблемы биографии в контексте эпохи. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Казань: Изд. Казанского государственного университета, 15.
9. Копаев М.Ю. 2015. Везиготы на Дунае накануне и в начале Великого переселения народов. Дисс. канд. ист. наук. Воронеж, 275.
10. Макдауэлл С. 2011. Адрианополь 378 г. н. э. Разгром римских легионов. М., Эксмо, 96.
11. Хизер П. 2016. Великие завоевания варваров. М., Центрполиграф, 830.

12. Хизер П. 2011. Падение Римской империи. М., АСТ, Астрель, 795.
13. Шувалов П.В. 2006. Секрет армии Юстиниана: восточноримская армия в 491–641 гг. СПб., Петербургское Востоковедение, 304.
14. Щукин М.Б. 2005. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб., Филологический факультет СПбГУ, 576.
15. Ammiani Marcellini. 1999. *Rerum Gestarum libri qui supersunt*. Ed. by W Seyfarth. Ad. L. Jacob-Karau, I. Ulmann. Vol. 1–2. Teubner, Stuttgart, Leipzig.
16. Barnes T.D. 1998. *Ammianus Marcellinus and the Representation of Historical Reality* (Cornell Studies in Classical Philology). Ithaca, NY, Cornell University Press, 422.
17. Eunapius Sardianus. 1829. *Fragmenta. Corpus scriptorium historiae Byzantinae*. Bonnae, Impersis ed. Weberi, 41–118.
18. *Chronicorum libri duo*. 1857. PG. T. XIX. Col. 99–598.
19. Claudianus. 1892. *Panegyricus de Quarto Consulatu Honorii Augusti. Carmina*. Ed. Th. Birt. Berolini, 678 (Monumenta Germaniae Historica, Auctores antiquissimi, vol. X).
20. Heather P. 1991. *Goths and Romans 332–489*. Oxford, Clarendon Press, 378.
21. Seager R. 1999. Roman Policy on the Rhine and the Danube in Ammianus. *The Classical Quarterly*, Vol. 49, No. 2. Cambridge University Press on behalf of The Classical Association: 579–605.
22. Zosimus. 1837. *Historia nova. Corpus scriptorium historiae Byzantinae*. Bonnae, Impersis ed. Weberi, 455.

References

1. Bannikov A.V. 2015. Ammian Marcellin i osobennosti ego istoricheskogo metoda [Ammianus Marcellinus and features of his historical method]. *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya* [Almanac of modern science and education]. Tambov, Gramota. № 6: 19–25 (in Russian).
2. Budanova V.P. 1990. Goty v jepohu Velikogo pereseleniya narodov [Goths in the Migration Period]. Moscow, Nauka, 233 (in Russian).
3. Budanova V.P., Gorsky A.A., Ermolova I.E. 2011. Velikoe pereselenie narodov [The Migration Period]. Saint Petersburg, Aletejja, 337 (in Russian).
4. Wolfram H. 2003. Goty. Saint Petersburg, Juventa. 656 (in Russian).
5. Golovina O.V. 2017. Germancy v rannej Vizantii [Germans in Early Byzantium]. Diss. kand. ist. nauk. Belgorod, 235 (in Russian).
6. Ermolova I.E. 2008. Otnoshenie Ammiana Marcellina k trudu istorika: teorija i praktika [The relation of Ammianus Marcellinus to the work of the historian: theory and practice]. *Vestnik drevnej istorii* [Journal of Ancient History]. № 4: 131–142 (in Russian).
7. Ermolova I. 2016. The Barbarian's settlements in the Roman Empire. *RSUH/RGGU Bulletin: «Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies»*, Series. (11): 56–64 (in Russian).
8. Ibatullin R.U. 2000. Ammian Marcellin: problemy biografii v kontekste jepohi [Ammianus Marcellinus: problems of biography in the context of an epoch] Avtoref. diss. kand. ist. nauk. Kazan', Izd. Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta, 15 (in Russian).
9. Kopaev M.Ju. 2015. Vezigoty na Dunae nakanune i v nachale Velikogo pereseleniya narodov [Visigoths on the Danube before and during the beginning of the Great migration]. Diss. kand. ist. nauk. Voronezh, 275 (in Russian).
10. Macdowall S. 2011. Adrianopol' 378 g. n. je. Razgrom rimskih legionov [Adrianople A. D. 378: The Goths crush Rome's legions]. M., Eksmo, 96 (in Russian).
11. Heather P. 2016. Velikie zavoevaniya varvarov [Empires and Barbarians: Migration, Development and the Birth of Europe]. Moscow, Centrpoligraf, 830 (in Russian).
12. Heather P. 2011. Padenie Rimskoj imperii [The Fall of the Roman Empire: a New History of Rome and the Barbarians]. Moscow, AST, Astrel', 795 (in Russian).
13. Shuvalov P.V. 2006. Sekret armii Justiniana: vostochnorimskaja armija v 491–641 gg. [Secret of Justinian's army: army of Eastern Romans in 491–641]. Saint Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie, 304 (in Russian).
14. Shhukin M.B. 2005. Gotskij put' (goty, Rim i chernjahovskaja kul'tura) [Gothic way (Goths, Rome and Chernyakhov culture)]. Saint Petersburg, Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 576 (in Russian).
15. Ammiani Marcellini. 1999. *Rerum Gestarum libri qui supersunt*. Ed. by W Seyfarth. Ad. L. Jacob-Karau, I. Ulmann. Vol. 1–2. Teubner, Stuttgart, Leipzig.



16. Barnes T.D. 1998. Ammianus Marcellinus and the Representation of Historical Reality (Cornell Studies in Classical Philology). Ithaca, NY, Cornell University Press, 422.
17. Eunapius Sardianus. 1829. Fragmenta. Corpus scriptorium historiae Byzantinae. Bonnae, Impersis ed. Weberi, 41–118.
18. Chronicorum libri duo. 1857. PG. T. XIX. Col. 99–598.
19. Claudianus. 1892. Panegyricus de Quarto Consulatu Honorii Augusti. Carmina. Ed. Th. Birt. Berolini, 678 (Monumenta Germaniae Historica, Auctores antiquissimi, vol. X).
20. Heather P. 1991. Goths and Romans 332–489. Oxford, Clarendon Press, 378.
21. Seager R. 1999. Roman Policy on the Rhine and the Danube in Ammianus. The Classical Quarterly, Vol. 49, No. 2. Cambridge University Press on behalf of The Classical Association: 579–605.
22. Zosimus. 1837. Historia nova. Corpus scriptorium historiae Byzantinae. Bonnae, Impersis ed. Weberi, 455.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мейер Эдуард Евгеньевич, аспирант кафедры Всеобщей истории Исторического факультета Российского государственного гуманитарного университета г. Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Eduard E. Meyer, postgraduate student, department of International History, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

УДК 94(495).01+262.5+94(394.4)+262.12+262.14+281.4+281.911
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-505-517

Упорядочение церковно-административного статуса митрополий на Халкидонском соборе на примере тяжбы митрополитов Тира и Берита

М.В. Грацианский

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
РФ, 119192, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, исторический факультет
E-mail: gratsianskiy@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли императора в определении церковно-административного статуса городов-митрополий. В качестве примера автором берется пример тяжбы между епископами городов Тира и Берита римской провинции Первая Финикия в ходе IV Вселенского собора в Халкидоне (451 г.). В то время как епископ Тира был правящим митрополитом провинции, город Берит (совр. Бейрут) получил в 449 или в 450 г. статус митрополии на основании императорского пожалования. Епископ новой митрополии Евстафий взял под свое управление церкви шести городов севера провинции, что тирский митрополит Фотий посчитал неканоническим шагом и обратился с апелляцией к императору Маркиану (450–457). Последний передал это дело на рассмотрение Собора, повелев, чтобы спор был разрешен на основании церковных канонов, а не государственных законов. Как следствие, присвоение епископом новой митрополии прав рукоположения в городах провинции было признано неканоническим, и беритскому епископу было указано довольствоваться лишь титулом митрополита, в то время как церковное управление оставалось в руках митрополита Тира – гражданской столицы провинции. Пример тяжбы между Тиром и Беритом наглядно иллюстрирует взаимодействие гражданской (императорской) и церковной юрисдикций в решении церковно-административных дел и выявляет ведущую роль императора. Этот пример также является важным как иллюстрация механизма того, как на основе конкретных дел вырабатывались общеобязательные церковные каноны.

Ключевые слова: Поздняя античность, Халкидонский собор, Тир, Берит, Фотий Тирский, Евстафий Беритский, император Маркиан, митрополии, церковное управление, каноны.

Для цитирования: Грацианский М.В. 2020. Упорядочение церковно-административного статуса митрополий на Халкидонском соборе на примере тяжбы митрополитов Тира и Берита. *Via in tempore. История. Политология*, 47 (3): 505–517. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-505-517.

Status regulation of *metropoleis* in regard to the ecclesiastical administration during the council of Chalcedon: the case of the litigation between the metropolitans of Tyre and Berytus

Mikhail V. Gratsianskiy

Lomonosov Moscow State University,
27/4 Lomonosovskiy ave., Faculty of History, Moscow, 119192, Russia
E-mail: gratsianskiy@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the role of the emperor in determining the church-administrative status of *metropoleis*. As an example, the author takes a litigation between the bishops of Tyre and Berytus from the Roman province *Phoenicia Prima* during the 4th Ecumenical Council in Chalcedon (451). While the bishop of Tyre was the ruling metropolitan of the province, the city of Berytus (modern Beirut) received in 449 or 450 the metropolitan status through the imperial decree. The



bishop of the new metropolis, Eustathius, took control of the churches of six cities in the north of the province, which Metropolitan Photius of Tyre considered to be an uncanonical step and subsequently appealed to the emperor Marcian (450–457). The latter referred the matter to the Council, ordering that the dispute be resolved on the basis of church canons, and not state laws. As a result, the usurpation by the bishop of a newly created metropolis of ordination rights in the provincial cities was recognized non-canonical and the bishop of Berytus was instructed to be content only with the title of Metropolitan, while church administration remained in the hands of the Metropolitan of Tyre, the latter being the capital of the civil province. The example of litigation between Tyre and Berytus clearly illustrates the interaction of civil (imperial) and church jurisdictions in regulating the affairs of ecclesiastical administration and reveals at the same time the leading role of the emperor. This example is also important as an illustration of the mechanism of how generally binding church canons evolved from concrete cases.

Key words: Late Antiquity, the Council of Chalcedon, Tyre, Berytus, Photius of Tyre, Eustathius of Berytus, emperor Marcian, *metropoleis*, ecclesiastical administration, canons.

For citation: Gratsianskiy M.V. 2020. Status regulation of metropoleis in regard to the ecclesiastical administration during the council of Chalcedon: the case of the litigation between the metropolitans of Tyre and Berytus. *Via in tempore. History and political science*, 47 (3): 505–517 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-505-517.

Одним из важнейших направлений изучения истории церкви в Римской империи периода поздней античности является изучение правовых и процедурных условий, а также рамок, в пределах которых римский император осуществлял управление церковными делами. Кроме того, важным и более частным вопросом является роль императора в разработке канонической традиции. Одним из наиболее значимых источников данных по этой теме являются соборные акты IV–V вв., прежде всего, акты III и IV Вселенских соборов, состоявшихся в Эфесе в 431 и в Халкидоне в 451 г. При этом акты Халкидонского собора оказываются в значительной мере более ценным материалом в силу гораздо большей вовлеченности государственной власти его в проведение.

Ввиду этого представляется необходимым дальнейший анализ сведений, содержащихся в соборных актах и проливающих свет на указанные нами темы. Эти сведения почерпнутся из протоколов отдельных «деяний» соборов, на которых рассматривались те или иные дела. В настоящей работе мы ставим задачу изучить обстоятельства рассмотрения на IV Вселенском соборе в Халкидоне иска епископа Тира Фотия против епископа Берита Евстафия, поданного императору Маркиану (450–457) и рассмотренного на одном из заседаний Халкидонского собора [Троицкий, 1959, с. 255–257; Jones, 1964, p. 883; Millar, 2012, p. 65–84; Leuenberger-Wenger, 2019, p. 305–310]. Протокол соборного заседания, состоявшегося 20 октября 451 г., представлен в сохранившихся актах Халкидонского собора в виде последнего, девятнадцатого «деяния» [Schwartz, 1935, p. 101–110]³⁸. Помимо выяснения процедуры рассмотрения данного дела и принятия по нему решения, нашей задачей является показать, какова была роль императора в этом деле и как последнее повлияло на формулировку некоторых канонов, принятых на Халкидонском соборе.

Халкидонский собор был созван императором Маркианом для рассмотрения многочисленных дел, поданных на имя, прежде всего, самого императора, а также римского папы Льва I (440–461). Собор был инициирован императором с целью пересмотра итогов Эфесского собора 449 г., недовольство результатами которого наблюдалось в весьма широких церковных и политических кругах как Востока, так и Запада. В силу этого в задачу Маркиана входил пересмотр и частных решений, бывших результатами церковной политики предшествующего царствования, направленной на утверждение авторитета александрийской кафедры и александрийского богословия в пределах Восточной Римской империи. Одним из таких частных решений Феодосия II (408–450) было возвышение города

³⁸ В сохранившейся латинской версии актов Халкидонского собора данное деяние отсутствует.

Берита до статуса митрополии как способ, в том числе, вознаградить местного епископа за его деятельность в качестве союзника Кирилла, а затем Диоскора Александрийского в ряде эпизодов, связанных с противоборством Антиохийской и Александрийской кафедр [Rammelt, 2008, p. 154–180; Вселенские соборы, 2005, с. 78–81].

Повестка соборных заседаний была сформирована императором на основании многочисленных челобитных, которые подавались Маркиану с того момента, как им было объявлено о проведении собора. Последний был призван, среди прочего, пересмотреть дело низложенного Флавиана Константинопольского и дать оценку соборам 448–449 гг., поводом к проведению которых послужило дело константинопольского архимандрита Евтиха [Schwartz, 1921, p. 231–234; Schwartz, 1929, p. 1–93; Draguet, 1931, p. 441–457; May, 1989, p. 9–53; Bevan, 2008, p. 617–657; Vranić, 2008, p. 208–221]. Дело Евтиха, казалось, было окончательно закрыто на Эфесском соборе 449 г. под председательством Диоскора Александрийского, завершившемся оправданием Евтиха и осуждением Флавиана Константинопольского, однако многочисленные протесты с Востока и с Запада, а также смена императора в Константинополе привели к тому, что церковная политика в преддверии Халкидонского собора оказалась развернутой на 180 градусов.

Одним из частных сюжетов, по которому Маркиан предпринял пересмотр решения, принятого Феодосием II (408–450), как раз и был разбор спора между Фотием Тирским и Евстафием Беритским [Van Roey, 1967, p. 23; Windau, 2002, p. 250; Грацианский, 2008, с. 302–303]. Предметом спора было дарование императором Феодосием II городу Бериту привилегий митрополии³⁹. Отрывок соответствующего указа сохранился в составе Кодекса Юстиниана. Приведем здесь его перевод: «Императоры-августы Феодосий и Валентиниан префекту претория Гормизду. По многим и справедливым причинам мы определяем, что Бериту, уже увенчанному собственными добродетелями, надлежит быть украшенным именем и достоинством митрополии (*metropolitano nomine ac dignitate*). Итак, пусть он также имеет достоинство митрополии (*metropolitanam dignitatem*). У Тира ничего из его прав не изымается: пусть будет он матерью провинции (*mater provinciae*) благодаря благоденствию наших предков, Берит же – благодаря нашему, и пусть оба наслаждаются сходным достоинством (*dignitate simili*)» [Krueger, 1954, p. 434].

Возведение города в статус митрополии не было чем-то необычайным. В контексте церковного управления оно тем не менее влекло за собой зачастую и перераспределение церковно-административных полномочий, вызывая тем самым ожесточенные споры. На самом Халкидонском соборе, помимо спора Тира и Берита, рассматривался также аналогичный спор Никомидии и Никеи, имеющих статус митрополий в пределах провинции Вифиния [Schwartz, 1935, p. 56–62]. Следует отметить и более ранний прецедент спора между Вьенной и Арлем, разрешенный в 398 г. на Туринском соборе в том смысле, что тот город, который докажет, что он является митрополией, получит в провинции первенство (*totius provinciae honorem primatus*) [Munier, 1963, p. 56; Норкин, 2019, с. 54–57].

Очевидным образом и в данном случае дело не закончилось лишь повышением статуса города: как явствует из показаний Фотия Тирского, Евстафий Беритский взял под свое непосредственное церковное управление, т. е. начал совершать хиротонии в нескольких городах провинции Первой Финикии – Библосе, Ботрисе, Триполи, Орфосиаде, Арках и Антараде (совр. Тартус) [Schwartz, 1935, 106.5–6; Jones, 1971, p. 544]. Более того, из епископов упомянутых городов он, как представляется, составил собственный собор [Schwartz, 1935, 104.24–31]. При этом права тирского митрополита представлялись незыблемыми, так как основывались на древнем положении Тира как митрополии Финикии⁴⁰ и на устойчивой практике совершения рукоположений в провинции епископом Тирским⁴¹.

³⁹ О Берите в составе Римской империи см.: [Jones, 1971, p. 226–294, 544; Jones Hall, p. 2001–2002; Butcher, 2003, p. 79–121; Jones Hall, 2004].

⁴⁰ О понятии «митрополия» в римскую эпоху, связанном с императорским культом и возникновением соответствующей сакральной «инфраструктуры»: [Puech, 2004]. О положении Тира как



Апелляция Фотия, поданная Маркиану, важна для понимания того, как тирский епископ видел процедуру рассмотрения его дела императором. Приведем здесь ее полный перевод:

«Владыкам земли, и моря, и людей всякого народа и рода Флавиям Валентиниану и Маркиану, вечным победителям-августам, прошение и мольба от Фотия, епископа митрополии тирцев Вашей Первой Финикии. Все, кто желают [нечто] обрести согласно своему желанию, сделают это не иначе как если припав к Вашим стопам, смогут добиться какого-либо плода того, чего чают, но только если право на стороне их челобитий. Потому и я прибегаю к подобным просьбам, убедив себя в том, что не разминусь с чаемой надеждой, если за меня будет бороться право. Какова причина моих прошений, будет указано в кратком слове. Для святейшей Церкви тирцев с древних и незапамятных времен были определены святыми канонами видные права в деле церковного управления и хиротоний⁴². Эти права Евстафий, честнейший епископ города беритцев, возымев по случаю намерение (σπουδήν ... ἐσχηκώς), предпринял нарушить, раздобыв божественные рескрипты (θείας πορίσάμενος ἀντιγραφάς) при божественной кончины Феодосии, посредством которых он возжелал, присвоив себе хиротонии в видных городах, перенести на себя некоторые права вышеуказанной церкви. Упомянутый епископ изъявил в переписывании церковных прав такую настойчивость, что даже приготовил и направил мне соборное послание, угрожая низложением, если я не подпишу эту хартию. Каковую я, не по желанию, но из страха перед заключенной в ней угрозой, и подписал, обозначив подписью совершенное надомной принуждение.

Написал я - «я подписал по приказу (κελευσθεὶς ὑπεύραψα)», зная, что ни по Божиим законам, ни по законам божественных [императоров] ничто для меня этим не предreshается (οὐδὲν τοῦτο προκρίνει μοι), ибо те определяют, что произошедшее по принуждению не имеет никакой силы⁴³. При Вашем же благочестии все люди хорошо знают по опыту (ἐξ ἱσασίν πεῖρα), что ни безосновательное покровительство не преобладает, ни, если кто захочет добиться чего-либо не признанного древностью, не сможет [сделать этого] посредством нововведения (κατὰ καινοτομίαν). И потому прошу я, припадая к Вашим стопам, чтобы Ваша небесная держава повелела оставить неповрежденным всё, что божественными канонами было определено для вышеуказанной святейшей церкви. Если же, будь то упомянутым [лицом] или кем-нибудь другим, нечто было предпринято вопреки древности, то да окажется это негодным (ἔωλον) и не имеющим силы, но да будут возвращены права святейшей церкви Тира неповрежденными, а всё, что было предоставлено вышеупомянутому [лицу] посредством узурпации, да будет отменено, хотя бы оно и содержалось в божественных грамотах или в решениях каких бы то ни было высших судов (ἀποφάσεις οἰωνδήποτε μεγίστων δικαστηρίων).

А если ради нарушения древности и божественных канонов было некое согласие каких-то святейших епископов, то да не имеет оно никакой силы, поскольку не было для меня никакого предreshения⁴⁴ из-за того, что я подписался указанным образом под соборным посланием. И да будет направлено об этом Ваше божественное и чтимое прагматическое определение (θείου ὑμῶν καὶ προσκυνοῦμένου τύπου πραγμاتيκοῦ) к великолепнейшим и славнейшим префектам (ἐπαρχούς) Ваших священных преториев, к великолепнейшему и

древней митрополии, имевшей этот титул, по крайней мере, со времен Домициана (81–96), и столицы провинции с конца II в.: [Aliquot, 2011; Millar, 2012, p. 66–83; Vitale, 2013, p. 64–73].

⁴¹ См. о роли провинциальных столиц как религиозных центров в дохристианский и в христианский период: [Haensch, 1997; Haensch, 2006].

⁴² Под канонами Фотий очевидным образом имеет в виду либо издревле сложившуюся практику, либо какие-то каноны, принятые местными соборами финикийского или антиохийского уровня.

⁴³ Очевидным образом Фотий обыгрывает здесь от обратного римский юридический принцип «volenti non fit iniuria».

⁴⁴ Здесь идет речь о юридическом понятии «преюдиции» или «предreshения» (praeiudicium, πρόκρισις): [Кофанов, 2012].

славнейшему магистру обеих армий Востока, консуляру и патрикию (ἀπὸ ὑπάτων καὶ πατρικίων) Зинону, а также к великолепнейшему и славнейшему магистру Ваших божественных оффиций. Пусть также знает (εἰδέναι) об этом святой и вселенский Собор, соборанный во граде халкидонцев по благодати Божьей и Вашему повелению, дабы ничто не могло произойти вопреки повелениям Вашего благочестия: ведь священные права никоим образом не должны приуменьшаться из-за небрежения предстоятелей. Добившись этого, буду воздавать положенные молитвы за Вашу вечную державу» [Schwartz, 1935, 104.10–105.13; Millar, 2012, p. 78–79].

Как видно из челобитной, Фотий не предусматривал для пересмотра этого дела проведения какого-либо расследования, проводимого церковными органами. Дело, начатое императором, даровавшим статус митрополии Бериту, должно было быть пересмотрено самим же императором в рамках светского делопроизводства, а именно путем издания прагматической санкции на имя высших чиновников, в сфере компетенции которых находилась префектура Восток. При этом называются как гражданские чиновники, так и военный ⁴⁵, в то время как Вселенский собор, по мнению Фотия, следовало всего лишь поставить в известность об императорском решении.

Между тем дело Фотия находилось исключительно в плоскости церковно-административных отношений. Тирский епископ не просит у Маркиана отменить решение Феодосия II о возвышении Берита до положения митрополии: он просит лишь устранить церковно-административные последствия этого решения, а именно раскол единой провинции Первая Финикия на две церковные области – митрополии Тирскую и Беритскую со своими особыми границами.

Строго говоря, то, что было предпринято Евстафием Беритским, не основывалось на строгом прочтении указа Феодосия II: этот указ в его сохранившейся форме не содержит распоряжений относительно статуса епископа Берита в его новом качестве епископа митрополии. По-видимому, Евстафий сам истолковал издание указа как возможность присвоить себе рукоположения епископов в шести упомянутых выше городах, которые таким образом составили собор Беритской митрополии ⁴⁶.

Именно последний факт вызвал вскоре церковно-правовую коллизию, когда Фотий, несмотря на подписанную им синодику, фиксирующую новое церковно-административное положение в Первой Финикии, предпринял рукоположения в присвоенных себе Евстафием городах, в ответ на что последний низложил их, низведя в сан пресвитера. Дело о поставлении Фотием епископов и их низложении Евстафием было доведено до патриарха Константинопольского и в 450 г. рассмотрено в столице «пребывающим собором» (σύνδοκος ἐνδημοῦσα). Собор подтвердил права Евстафия на рукоположения в шести городах, причем под решениями собора подписался и Максим Антиохийский, рукоположенный в Константинополе после низложения на Эфесском соборе его предшественника Домна II [Грацианский, 2007] и всё еще находившийся в столице [Schwartz, 1935, 106.5–19]. Собор постановил подвергнуть Фотия отлучению от общения [Schwartz, 1935, 106.28–31] ⁴⁷.

⁴⁵ Префекты указаны во множественном числе и потому следует предполагать, что префект Иллирика (второй префект в составе Восточной Римской империи) тоже должен был получить соответствующий эдикт, даже несмотря на то, что префектура Восток не относилась к его компетенции. Не исключено, что имелся в виду и префект Константинополя, хотя это менее очевидно.

⁴⁶ Отбор именно этих городов и тот факт, что они очевидным образом не протестовали против их включения в новую митрополию, по-видимому, обусловлен тем, что они традиционно находились в тесной связи с Беритом или в некоей зависимости от последнего. Географически они были расположены ближе к Бериту, чем к Тиру.

⁴⁷ Нам кажется не совсем точным предположение Ф. Миллара [Millar, 2012, p. 80] о том, что именно Константинопольский собор разделил Первую Финикию на два митрополичьих округа. Для того, чтобы собор мог принять это решение, в апелляции к собору, отправленной Евстафием, должно было уже быть зафиксировано согласие епископов упомянутых шести городов о вхождении в собор новой митрополии. Именно в таком случае



Именно в такой ситуации, имея против себя указ Феодосия II, решение собора новосозданной Беритской митрополии и «пребывающего собора» в Константинополе, поддержанное патриархом Антиохийским, Фотий обратился к императору с тем, чтобы отменить все указанные церковно-административные решения и вернуть тирской кафедре ее прежнее положение. Представ перед участниками Вселенского собора и председательствующими на нем императорскими чиновниками⁴⁸, Фотий обратился к последним со следующими словами: «Подал я прошения (δεήσεις ἐπιδέδοκα) божественнейшему (θειοτάτῳ) и христолюбивому императору, а он и приказал Вашему великолепию (μεγαλοπρέπειαν) вместе с сим святым и вселенским собором заслушать это дело и дать по нему определение (τύπον). Потому прошу я, чтобы были зачитаны мои прошения и было воздано мне по справедливости» [Schwartz, 1935, 103.32–35]. На это Фотий получает следующий ответ судей: «Поскольку наш божественный император, получив обращение от Фотия, честнейшего епископа митрополии тирцев, приказал, чтобы то, что касается его и прочих епископов, говорящих “имело место нарушение” (βεβλάφθαι κεφάλαιον), было рассмотрено в вашем присутствии на святейшем соборе, то пусть будут зачитаны прошения благочестивейшего епископа Фотия» [Schwartz, 1935, 104.3–7].

После того как была зачитана челобитная Фотия, между сторонами состоялся примечательный диалог, целью которого было выяснение сановниками у обеих сторон, в какой юрисдикции они желают рассматривать дело: в гражданской или в церковной. Прежде всего, Евстафий Беритский задал вопрос, намерен ли Фотий следовать канонической (κανονικῶς) или гражданско-правовой (κατὰ νόμους) практике рассмотрения дела [Schwartz, 1935, 105.16–17]. Фотий на это заявляет, что оставляет этот вопрос на усмотрение присутствующих чиновников и епископов [Schwartz, 1935, 105.20]. В результате чиновники провозглашают, что, согласно представлению императора, это дело будет рассматриваться «согласно канонам, законоположенным святыми отцами» (κατὰ τοὺς κανόνας τοὺς παρὰ τῶν ἁγίων πατέρων νομοθετηθέντας) [Schwartz, 1935, 105.23–25]; император со своей стороны приостанавливал действие определения императорской санкции, полученной Евстафием от Феодосия II. По этой причине архонты потребовали от епископов собора озвучить относящиеся к сути дела каноны [Schwartz, 1935, 105.25–27].

Поскольку привлечение канонов в качестве правовой основы для рассмотрения дела требовало привлечения к процессу членов собора, сановники обратились к последним с тем же вопросом: следует ли рассматривать дело по канонам или всё же на основании императорских указов (τὰ θεία πραγματικά), на что собор провозгласил: «Против канонов никакой указ да не имеет силы; пусть преобладают каноны отцов!» [Schwartz, 1935, 105.36]. Не отвергнув такую постановку вопроса, сенаторы потребовали от епископов высказаться, «позволено ли согласно божественному [т. е., императорскому – М.Г.] указу другим епископам присваивать права чужой церкви» [Schwartz, 1935, 105.38–40]. Собор решительно отверг (ἐβόησεν) такую возможность, заявив, что это не соответствует канонам (не уточняя, впрочем, каким именно).

Здесь следует еще раз подчеркнуть, что в силу того, что жалоба Фотия была подана императору, именно в компетенции последнего оказывалось ведение этого дела и именно им была определена та регламентирующая сфера, в рамках которой оно будет рассматри-

рукоположения Фотия могли быть признаны незаконными, а сам он подвергнут отлучению. Таким образом, фразу Фотия «не я разделил города, а святой собор» (καὶ τὰς πόλεις δὲ οὐκ ἐγὼ διεῖλον, ἀλλ’ ἁγία σύνοδος διεῖλεν: Schwartz, 1935, 106.23–24), следует понимать так, что столичная «эндимуса» лишь зафиксировала уже произошедшее разделение. Также Ф. Миллар не прав, принимая отлучение Фотия от общения Константинопольским собором (ἁκοινωνησία) за низложение [Millar, 2012, p. 82]: первое не влекло за собой второго автоматически. Кроме того, следует отметить, что на Халкидоне Фотий выступает с самого начала как действующий митрополит Тира, хотя его спор с Евстафием был рассмотрен далеко не сразу.

⁴⁸ О председательстве на Халкидонском соборе: [Chrysos, 1979; Price, 2009, p. 247–248; Пашков, 2018, с. 31–35; Грацианский, 2019]. Краткая характеристика процедурной стороны рассмотрения дела: [Leuenberger-Wenger, 2019, p. 304].

ваться – каноны⁴⁹. Тем самым Маркианом было признано, что дело относится к церковной юрисдикции и потому оно, на основании ряда императорских законов, должно было рассматриваться епископами [Троицкий, 1961]. Тем не менее как процедура рассмотрения обстоятельств дела, так и вынесение окончательного приговора оказывались в руках уполномоченных императором судей из числа высших сановников империи, поскольку именно они председательствовали на Соборе.

Вследствие сделанного отцами Собора заявления сановники далее выяснили, имело ли место нарушение канонов, а именно: какие города забрал себе Евстафий Беритский и совершал ли он в них рукоположения. Не отрицая таковых фактов, Евстафий привел в свое оправдание уже упомянутое решение, полученное в Константинополе и заверенное в том числе Максимом Антиохийским. Согласно его словам, возвышение Берита в статус митрополии было произведено императором отнюдь не по просьбе епископа, а разделение городов между двумя митрополитами было закреплено решением Константинопольского собора [Schwartz, 1935, 106.20–24].

Естественным образом, сенаторы после этого обратились к Анатолию Константинопольскому за разъяснениями, имел ли право «пребывающий собор» Константинополя рассматривать подобное дело в отсутствие обвиняемого. Более того, сенаторы запросили, можно ли вообще считать собрание (*συνέλευσις*) епископов, пребывающих в «царском граде», собором [Schwartz, 1935, 106.37–41]. И если ответ Анатолия в том смысле, что собрание епископов в Константинополе традиционно рассматривает поступающие на рассмотрение дела и выносит по ним решения, был принят чиновниками без возражений, то факт суда над Фотием в его отсутствие был признан не отвечающим правовым нормам [Schwartz, 1935, 107.1–16]⁵⁰.

В свою очередь, Фотий еще раз потребовал соблюдения в его случае канонов, что должно было выразиться в признании законными совершенных им рукоположений и возвращении ему отторгнутых Евстафием церквей. После того как отцы собора признали такие требования справедливыми (*δικαία αἵτησις*), сенаторы потребовали от епископов зачитать им регламентирующие эту ситуацию каноны. Епископами был представлен 4-й канон Никейского собора: «Епископу, конечно же, надлежит поставляться всеми [епископами] епархии. Если же подобное будет затруднительно либо по причине срочной нужды, либо из-за отдаленности пути, то когда из всех соберутся в одном месте трое и достигнут единогласия, в то время как отсутствующие дадут согласие посредством писем, тогда [надлежит] совершиться рукоположению. Утверждение же происходящему [надлежит] давать в каждой епархии митрополиту» [Schwartz, 1935, 107.25–30].

Как следствие, сенаторы поинтересовались, соблюдался ли этот канон при рукоположениях, совершаемых Евстафием, на что последний ответил утвердительно: рукоположения совершались им в присутствии тех епископов, которые признавали его митрополитом. Подтвердив соблюдение им канона, Евстафий далее признал, что император в данной ситуации может решить так, как ему будет угодно: «Теперь же благочестивейший император может приказать, что он хочет» [Schwartz, 1935, 107.34–35].

На уточняющий вопрос сенаторов к собору, должен ли быть один митрополит, имеющий власть при рукоположениях епископов в каждом городе провинции, или их может быть двое, собор ответил, что они считают (*ᾧξύομεν*), что на основании канонов митрополит один, и это, согласно взявшему слово Аттику Никопольскому, вытекает из огла-

⁴⁹ Применительно к указанному периоду, по-видимому, невозможно говорить о наличии целой сферы права – права канонического. В конце концов, в распоряжении епископов было лишь крайне ограниченное количество признанных канонических определений, которыми они могли оперировать: в сущности, только определения I Вселенского собора. Эти последние уже были признаны императорами и имели силу закона: как указали чиновники, «были законоположены» (*νομοθετηθέντας*: [Schwartz, 1935, 105.23–25]).

⁵⁰ Показательно, что на это обстоятельство настоятельно указал митрополит Никомидийский, сам подавший императору иск об ущемлении своих митрополичьих прав в сходном случае.



шенного канона. Кроме того, Аттик от имени прочих членов собора запросил, чтобы данное положение отныне действовало для всех епархий, а все случаи, когда епархии делились путем договоренностей или вследствие императорских санкций, были отменены ($\alpha\rho\gamma\omicron\upsilon\nu\tau\omega\nu\ \pi\acute{\alpha}\nu\tau\omega\nu\ \tau\acute{\omega}\nu\ \epsilon\kappa\ \pi\epsilon\rho\iota\delta\rho\omicron\mu\eta\varsigma\ \kappa\alpha\iota\ \pi\rho\alpha\gamma\mu\alpha\tau\iota\kappa\acute{\omega}\nu\ \gamma\iota\nu\omicron\mu\acute{\epsilon}\nu\omega\nu$) [Schwartz, 1935, 107.36–108.7]. Вслед за этим «на основании канонов 318 святых отцов, голоса и мнения всего святого собора» сановники признали Фотия имеющим власть рукополагать ($\epsilon\acute{\xi}\zeta\omicron\upsilon\sigma\acute{\iota}\alpha\nu\ \tau\omicron\upsilon\ \chi\epsilon\iota\rho\omicron\tau\omicron\nu\epsilon\acute{\iota}\nu$) во всех городах Первой Финикии, Евстафию же повелели довольствоваться только титулом. Собор единогласно поддержал это решение [Schwartz, 1935, 108.8–17].

Далее были признаны законными рукоположения Фотия, а по вопросу, было ли законным низведение Евстафием рукоположенных Фотием епископов в сан пресвитеров, сенаторы призвали собор вынести решение и проголосовать за него самостоятельно [Schwartz, 1935, 108.28–19]. Из этого следует, что данный вопрос чиновники не относили к компетенции гражданских властей, тем более что по его поводу апелляции к императору не было. Соответствующее решение тем самым было озвучено первенствующими на соборе епископами: викариями папы и Анатолием Константинопольским. Прочие присоединились к нему, подавая свой голос в порядке старшинства. Сенаторы со своей стороны подтвердили решение собора [Schwartz, 1935, 108.32–109.31].

Примечательным далее является реплика Кекропия, епископа Севастопольского: «Для того чтобы ни Ваша власть не утруждалась ($\kappa\acute{\alpha}\mu\iota\nu\epsilon\iota\nu$), принимая прошения от каждого лица, ни мы времени не теряли ($\mu\eta\tau\epsilon\ \eta\mu\acute{\alpha}\varsigma\ \sigma\upsilon\nu\tau\rho\iota\beta\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$), просим, чтобы неукоснительно были упразднены выданные кому бы то ни было в нарушение канонов во всякой епархии прагматические [санкции] ($\tau\acute{\alpha}\ \dots\ \pi\rho\alpha\gamma\mu\alpha\tau\iota\kappa\acute{\alpha}$), но всегда имели силу каноны, ибо так и вера оберегается, и всякая церковь имеет надежность, и чтобы не было позволено никому рукополагать вопреки канонам» [Schwartz, 1935, 109.32–37].

В данном случае мы имеем запрос со стороны церкви о создании новой законодательной нормы, которая должна была получить форму канона. Сенаторы задали вопрос, согласны ли с такой постановкой вопроса отцы собора. В ответ они услышали: «Мы все говорим то же самое. Все прагматические санкции ($\omicron\lambda\alpha\ \tau\acute{\alpha}\ \pi\rho\alpha\gamma\mu\alpha\tau\iota\kappa\acute{\alpha}$) да будут упразднены! Да возобладают ($\kappa\rho\alpha\tau\epsilon\acute{\iota}\omega\sigma\alpha\nu$) каноны, и да произойдет это благодаря вам!» [Schwartz, 1935, 110.1–2].

Несмотря на неоднократные заявления членов собора в ходе данного заседания о том, что каноны имеют преобладание над императорскими распоряжениями, мы не находим фиксации этого принципа в действующем на тот момент законодательстве. И сами отцы собора своей последней репликой подтверждают, что только император может законодательно утвердить принцип приоритета канонов над императорскими указами в сфере церковного управления, разрешив принятие соответствующего канона: сами епископы этого сделать не могут.

Строго говоря, епископы тем самым продемонстрировали невозможность на канонической основе разрешить спор между Фотием и Евстафием: представленное в ходе сессии каноническое основание для решения в пользу Фотия в виде 4-го никейского канона очевидным образом не вполне относилось к делу, поскольку данный канон не утверждал наличия одного митрополита в провинции. Следует подчеркнуть, что более прямо относящиеся к делу 34-е апостольское и 9-е антиохийское правила [Rhalls, Potles, 1852, vol. 2, 45; vol. 3, p. 140–141; Ohme, 1998, p. 485–509; Troianos, 2017, p. 47–56], по-видимому, не имели статуса общепризнанных канонов, причем дело Фотия и Евстафия показывает это весьма наглядно⁵¹.

⁵¹ Следует подчеркнуть стремление отцов собора выносить решения, основываясь только на канонах Никейского собора: [Smith, 2018, p. 171–207]. В целом, конечно же, к ситуации Тира был вполне приложим 9-й канон Антиохийского собора 341 г., однако сослаться на него в Халкидоне оказалось невозможно. Очевидным образом статус Вселенского собора подразумевал ссылки только на каноны, изданные либо признанные Вселенскими соборами. По-видимому, именно в силу этого на Трулльском соборе (691–692 гг.) было принято решение возвести в статус общепризнанных каноны целого ряда поместных соборов.

Тем самым, именно императорские чиновники утверждают принцип, согласно которому принцип единства митрополичьей власти в провинции получает преобладание над императорскими указами, относящимися к той же сфере. Сенаторы провозглашают: «Согласно решению святого собора, и во всех прочих епархиях да преобладают [определения] канонов» [Schwartz, 1935, 110.3–4]. Тем самым, именно Халкидонский собор утверждает принцип «один митрополит – одна епархия», который до того времени очевидным образом не имел универсального применения⁵². Это видно из целого ряда дел, рассмотренных на Халкидонском соборе, не исключая и тех, в которые был вовлечен константинопольский предстоятель⁵³.

Именно это решение оформляется в качестве 12-го правила Халкидонского собора: «Дошло до нас, что некоторые, вопреки церковным установлениям прибегнув к властям, посредством прагматических [санкций] разделили епархию на две [части], так что от этого получилось в епархии два митрополита. Посему святой собор определил, чтобы впредь епископ не дерзал на подобное, поскольку предпринявший подобное выпадает из своего чина. Сколько бы ни было городов, которые на основании царских грамот были почтены именем митрополии, да наслаждается только честью (μόνης ἀπολαύετωσαν τῆς τιμῆς) и управляющий его церковью епископ, то есть истинная митрополия. сохраняет собственные права» [Schwartz, 1931, 160.25–31]⁵⁴.

Тем самым, можно констатировать, что именно в ходе Халкидонского собора была канонически закреплена, а затем утверждена императором система «одна провинция – один правящий митрополит»⁵⁵. Очевидным образом в предшествующий период митрополиты видели эту ситуацию иначе: после получения городом на основании императорской привилегии статуса митрополии местный епископ считал возможным перераспределить провинциальные хиротонии и создать свой особый собор.

Осознавая такую возможность и стремясь предотвратить конфликты, императоры, наделяя города почетным статусом митрополии, стали подчеркивать, что митрополии – столицы провинций не утратят своих прав на церковное управление⁵⁶.

Таким образом, несмотря на то, что IV Вселенский собор в Халкидоне принял решение о примате канонов над императорскими законами в деле определения границ церковной юрисдикции и статуса епископов, 12-е соборное правило, по сути дела, закрепляло принцип единоначалия в управлении гражданской провинцией посредством недопущения ее раскола в церковно-административном отношении.

Список литературы

1. Вселенские соборы. 2005. М., ЦНЦ «Православная энциклопедия», 223.
2. Грацианский М.В. 2007. Домн II, еп. Антиохийский. Православная энциклопедия, т. 15, М., ЦНЦ «Православная энциклопедия», 630–632.

⁵² Вопреки мнению Ф. Миллара [Millar, 2012, p. 81]: The principle that there should be one metropolitan bishop with the right of election throughout the province was thus reaffirmed, in accordance with Canon 4 of Nicaea.

⁵³ Регламентация положения епископа столицы была связана как раз с тем, что он совершал рукоположения малоазийских епископов в обход митрополитов соответствующих провинций.

⁵⁴ Обсуждение дела Фотия Беритского очевидным образом повлияло и на формулировку ряда других канонов Халкидонского собора: к примеру, 9-го, 17-го и 28-го. Ср.: [Leuenberger-Wenger, 2019, p. 309–310].

⁵⁵ С этой целью Собор принимает также канон 25-й, согласно которому рукоположение епископа должно было совершаться митрополитом, и устанавливает предельный срок в три месяца для совершения рукоположения [Schwartz, 1931, 162.28–32]. Этот канон очевидным образом развивает 4-е никейское правило, согласно которому митрополит лишь утверждал рукоположение епископа.

⁵⁶ Ср. подтверждение императорами административных прав Никоимидии как столицы провинции при даровании статуса митрополии другим городам провинции Вифиния – Никее и Халкидону [Schwartz, 1931, 157.34–38; Schwartz, 1935, 61.1–17]. О древнем митрополичьем статусе Никоимидии: [Robert, 1977]. Впрочем, при разделе провинции епископ города, получившего статус митрополии (столицы) новой провинции, автоматически получал и права рукоположения в ней. Ср. казус с разделением Каппадокии на Каппадокию Первую и Вторую в бытность Василия Великого митрополитом Кесарии Каппадокийской [Van Dam, 2002, p. 28–38].



3. Грацианский М.В. 2008. Евстафий, еп. Беритский. Православная энциклопедия, т. 17, М., ЦНЦ «Православная энциклопедия», 302–303.
4. Грацианский М.В. 2019. Четвертый Вселенский собор и проблема первенства римского епископа. Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения, 24.6: 255–271.
5. Кофанов Л.Л. 2012. К интерпретации понятия *praeiudicium* в римском праве. Вестник НГУ. Серия: Право, 9.1: 5–14.
6. Норкин К.В. 2019. Становление церковного первенства Арля в Галлии и римские папы (398–432 гг.). Византийский временник, 103: 53–69.
7. Пашков Д.В. 2018. Процедура Вселенских Соборов. Собор и соборность: к столетию начала новой эпохи. Материалы международной научной конференции 13–16 ноября 2017 г. М., 27–39.
8. Троицкий С.В. 1961. О смысле 9-го и 17-го канонов Халкидонского Собора. Журнал Московской патриархии, 2: 57–65.
9. Троицкий С.В. 1959. Халкидонский Собор и восточный папизм. Вестник русского западно-европейского патриаршего экзархата, 32: 255–268.
10. Aliquot J. 2011. Les Tyriens dans le monde romain, d'Auguste à Dioclétien. P.-L. Gatier, J. Aliquot, L. Nordiguian (eds.). Sources de l'histoire de Tyr. Textes de l'Antiquité et du Moyen Âge. Beyrouth, Presses de l'Ifpo, Presses de l'Université Saint-Joseph, 73–115.
11. Bevan G.A., Gray P.T.R. 2008. The Trial of Eutyches: A New Interpretation. Byzantinische Zeitschrift, 101: 617–657.
12. Butcher K. 2003. Roman Syria and the Near East. London, The British Museum Press, 472.
13. Chrysos E. 1979. Konzilspräsident und Konzilsvorstand. Annuario Historiae Conciliorum, 11: 1–17.
14. Draguet R. 1931. La christologie d'Eutychès d'après les actes du synode de Flavien (448). Byzantion, 6: 441–457.
15. Haensch R. 1997. Capita Provinciarum: Statthaltersitze und Provinzialverwaltung in der römischen Kaiserzeit. Mainz, P. von Zabern, 863.
16. Haensch R. 2006. Provinzhauptstädte als «religiöse Zentren»? Die Situation in Kaiserzeit und Spätantike. H. Cancik, A. Schäfer, W. Spickermann (eds.). Zentralität und Religion. Tübingen, Mohr Siebeck, 125–144.
17. Jones A.H.M. 1964. The Later Roman Empire 284–602. Vol. 2. Oxford: Basil Blackwell, VI, 545.
18. Jones Hall L. 2001–2002. Berytus through the Classical Texts: from Colonia to Civitas. ARAM, 13–14: 141–169.
19. Jones Hall L. 2004. Roman Berytus. Beirut in Late Antiquity. London, New York, Routledge, XXIII, 372.
20. Jones A.H.M. 1971. The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford: The Clarendon Press, xvii, 595.
21. Krueger P. (ed.) 1954. Corpus iuris civilis. Vol. 2: Codex Iustinianus. Berlin, apud Weidemanns, XXVIII, 513.
22. Leuenberger-Wenger S. 2019. Das Konzil von Chalcedon und die Kirche. Konflikte und Normierungsprozesse im 5. und 6. Jahrhundert [Supplements to Vigiliae Christianae, 153]. Leiden, Boston, Brill, XVII, 617.
23. May G. 1989. Das Lehrverfahren gegen Eutyches im November des Jahres 448. Zur Vorgeschichte des Konzils von Chalkedon. Annuario historiae Conciliorum, 21: 1–61.
24. Millar F. 2012. Tyre and Berytus in the Mid-Fifth Century: Metropolitan Status and Ecclesiastical Hierarchy. Scripta Classica Israelitica, 33: 65–84.
25. Munier C. (ed.) 1963. Concilia Galliae a. 314 – a. 506. (Corpus Christianorum. Series Latina, 148). Turnhout, Brepols, XI, 285.
26. Ohme H. 1998. Kanon ekklesiastikos. Die Bedeutung des altkirchlichen Kanonbegriffs. Berlin, New York, Walter de Gruyter, XVII, 666.
27. Price R. 2009. Presidency and Procedure at the Early Ecumenical Councils. Annuario Historiae Conciliorum, 41: 241–274.
28. Puech, B. 2004. Des cités-mères aux métropoles. S. Follert (ed.). L'Hellénisme d'époque romaine: nouveaux documents, nouvelles approches (I^{er} s. a.C – III^e s. p.c.). Paris, 357–404.

29. Rammelt C. 2008. Ibas von Edessa. Rekonstruktion einer Biographie und dogmatischen Position zwischen den Fronten [Arbeiten zur Kirchengeschichte, 106]. Berlin, New York, Walter de Gruyter, X, 344.
30. Rhalles G., Potles M. 1852. Σύνταγμα τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν κανόνων. Vol. 2–3. Athens.
31. Robert L. 1977. La Titulature de Nicée et de Nicomédie: La Gloire et la haine. Harvard Studies in Classical Philology, 81: 1–39.
32. Schwartz E. (ed.). 1933. Acta conciliorum oecumenicorum. T. II. Vol. 1. Pars 2. Berlin, Leipzig, Walter de Gruyter, XII, 163.
33. Schwartz E. (ed.). 1935. Acta conciliorum oecumenicorum. T. II. Vol. 1. Pars 3. Berlin, Leipzig, Walter de Gruyter, XXX, 154.
34. Schwartz E. 1921. Über die Reichskonzilien von Theodosius bis Justinian. Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Kanonistische Abteilung, 42: 231–234.
35. Schwartz E. 1929. Der Prozeß des Eutyches. Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philologisch-historische Abteilung. Heft 5. München, 1–93.
36. Smith M.S. 2018. The Idea of Nicaea in the Early Church Councils, AD 431–451. Oxford, Oxford University Press, XIII, 230.
37. Troianos S. 2017. Die Quellen des byzantinischen Rechts. Berlin, Boston, Walter de Gruyter, XIX, 407.
38. Van Dam R. 2002. Kingdom of Snow: Roman Rule and Greek Culture in Cappadocia. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, IX, 290
39. Van Roey A. 1967. Eustathius. Dictionnaire d'histoire et de géographie Ecclésiastiques, 16: 23.
40. Vitale M. 2013. Koinon Syrias: Priester, Gymnasiarchen und Metropoleis der Eparchien im Kaiserzeitlichen Syrien. Berlin: Akademie Verlag, 196.
41. Vranić V. 2008. The Christology of Eutyches at the Council of Constantinople in 448. Philotheos, 8: 208–221.
42. Windau B. 2002. Eustathius von Berytus. Lexikon der antiken christlichen Literatur. Freiburg im Breisgau, 250.

References

1. Vselenskie sobory [Ecumenical Councils]. 2005. Moscow, CSC «Pravoslavnaia entsiklopediia», 223 (in Russian).
2. Gratsianskiy M.V. 2007. Domn II, ep. Antiokhiiskii [Domnus II, Bishop of Antioch]. Pravoslavnaia entsiklopediia [Orthodox Encyclopedia], vol. 15, Moscow, CSC «Pravoslavnaia entsiklopediia», 630–632 (in Russian).
3. Gratsianskiy M.V. 2008. Evstafii, ep. Beritskii [Eustathius, Bishop of Berytus]. Pravoslavnaia entsiklopediia [Orthodox Encyclopedia], vol. 17, Moscow, CSC «Pravoslavnaia entsiklopediia», 302–303 (in Russian).
4. Gratsianskiy M.V. 2019. Chetvertyi Vselenskii sobor i problema pervenstva rimskogo episkopa [The Fourth Ecumenical Council and the Issue of the Primacy of the Bishop of Rome]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Volgograd State University]. Seriya 4: Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia, 24.6: 255–271 (in Russian).
5. Kofanov L.L. 2012. K interpretatsii poniatii praeiudicium v rimskom prave [About the Interpretation of 'Praeiudicium' Concept in Roman Law]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of NSU]. Seriya: Pravo, 9.1: 5–14 (in Russian).
6. Norkin K.V. 2019. Stanovlenie tserkovnogo pervenstva Arlia v Gallii i rimskie papy (398–432 gg.) [The Formation of the Ecclesiastical Primacy of Arles in Gaul and the Popes of Rome in 398–432]. Vizantiiskii vremennik [Byzantine temporary], 103: 53–69 (in Russian).
7. Pashkov D.V. 2018. Protsedura Vselenskikh Soborov [The Procedure of the Ecumenical Councils]. Sobor i sobornost': k stoletiiu nachala novoi epokhi. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 13–16 nojabria 2017 g. [Synod and collegiality: the centenary of the beginning of a new era. Materials of the international scientific conference, november 13–16, 2017] Moscow, 27–39 (in Russian).
8. Troitskii S.V. 1961. O smysle 9-go i 17-go kanonov Khalkidonskogo Sobora [About the Sense of the 19th and 17th Canons of the Council of Chalcedon]. Zhurnal Moskovskoi patriarkhii [Journal of the Moscow Patriarchate], 2: 57–65 (in Russian).



9. Troitskii S.V. 1959. Khalkidonskii Sobor i vostochnyi papizm [The Council of Chalcedon and the Eastern Papism]. *Vestnik russkogo zapadno-evropeiskogo patriarshego ekzarkhata* [Bulletin of the Russian West European Patriarchal Exarchate], 32: 255–268 (in Russian).
10. Aliquot J. 2011. Les Tyriens dans le monde romain, d'Auguste à Dioclétien. P.-L. Gatier, J. Aliquot, L. Nordiguian (eds.). *Sources de l'histoire de Tyr. Textes de l'Antiquité et du Moyen Âge*. Beyrouth, Presses de l'Ifpo, Presses de l'Université Saint-Joseph, 73–115.
11. Bevan G.A., Gray P.T.R. 2008. The Trial of Eutyches: A New Interpretation. *Byzantinische Zeitschrift*, 101: 617–657.
12. Butcher K. 2003. *Roman Syria and the Near East*. London, The British Museum Press, 472.
13. Chrysos E. 1979. Konzilspräsident und Konzilsvorstand. *Annuario Historiae Conciliorum*, 11: 1–17.
14. Draguet R. 1931. La christologie d'Eutychès d'après les actes du synode de Flavien (448). *Byzantion*, 6: 441–457.
15. Haensch R. 1997. *Capita Provinciarum: Statthaltersitze und Provinzialverwaltung in der römischen Kaiserzeit*. Mainz, P. von Zabern, 863.
16. Haensch R. 2006. Provinzhauptstädte als «religiöse Zentren»? Die Situation in Kaiserzeit und Spätantike. H. Cancik, A. Schäfer, W. Spickermann (eds.). *Zentralität und Religion*. Tübingen, Mohr Siebeck, 125–144.
17. Jones A.H.M. 1964. *The Later Roman Empire 284–602*. Vol. 2. Oxford: Basil Blackwell, VI, 545.
18. Jones Hall L. 2001–2002. Berytus through the Classical Texts: from Colonia to Civitas. *ARAM*, 13–14: 141–169.
19. Jones Hall L. 2004. Roman Berytus. Beirut in Late Antiquity. London, New York, Routledge, XXIII, 372.
20. Jones A.H.M. 1971. *The Cities of the Eastern Roman Provinces*. Oxford: The Clarendon Press, xvii, 595.
21. Krueger P. (ed.) 1954. *Corpus iuris civilis*. Vol. 2: *Codex Iustinianus*. Berlin, apud Weidemannos, XXVIII, 513.
22. Leuenberger-Wenger S. 2019. Das Konzil von Chalcedon und die Kirche. Konflikte und Normierungsprozesse im 5. und 6. Jahrhundert [Supplements to *Vigiliae Christianae*, 153]. Leiden, Boston, Brill, XVII, 617.
23. May G. 1989. Das Lehrverfahren gegen Eutyches im November des Jahres 448. Zur Vorgeschichte des Konzils von Chalkedon. *Annuario historiae Conciliorum*, 21: 1–61.
24. Millar F. 2012. Tyre and Berytus in the Mid-Fifth Century: Metropolitan Status and Ecclesiastical Hierarchy. *Scripta Classica Israelitica*, 33: 65–84.
25. Munier C. (ed.) 1963. *Concilia Galliae a. 314 – a. 506*. (Corpus Christianorum. Series Latina, 148). Turnhout, Brepols, XI, 285.
26. Ohme H. 1998. *Kanon ekklesiastikos*. Die Bedeutung des altkirchlichen Kanonbegriffs. Berlin, New York, Walter de Gruyter, XVII, 666.
27. Price R. 2009. Presidency and Procedure at the Early Ecumenical Councils. *Annuario Historiae Conciliorum*, 41: 241–274.
28. Puech, B. 2004. Des cités-mères aux métropoles. S. Follert (ed.). *L'Hellénisme d'époque romaine: nouveaux documents, nouvelles approches (Ier s. a.C – IIIe s. p.c.)*. Paris, 357–404.
29. Rammelt C. 2008. Ibas von Edessa. Rekonstruktion einer Biographie und dogmatischen Position zwischen den Fronten [Arbeiten zur Kirchengeschichte, 106]. Berlin, New York, Walter de Gruyter, X, 344.
30. Rhalles G., Potles M. 1852. *Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων*. Vol. 2–3. Athens.
31. Robert L. 1977. La Titulature de Nicée et de Nicomédie: La Gloire et la haine. *Harvard Studies in Classical Philology*, 81: 1–39.
32. Schwartz E. (ed.). 1933. *Acta conciliorum oecumenicorum*. T. II. Vol. 1. Pars 2. Berlin, Leipzig, Walter de Gruyter, XII, 163.
33. Schwartz E. (ed.). 1935. *Acta conciliorum oecumenicorum*. T. II. Vol. 1. Pars 3. Berlin, Leipzig, Walter de Gruyter, XXX, 154.
34. Schwartz E. 1921. Über die Reichskonzilien von Theodosius bis Justinian. *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Kanonistische Abteilung*, 42: 231–234.

35. Schwartz E. 1929. Der Prozeß des Eutyches. Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philologisch-historische Abteilung. Heft 5. München, 1–93.
36. Smith M.S. 2018. The Idea of Nicaea in the Early Church Councils, AD 431–451. Oxford, Oxford University Press, XIII, 230.
37. Troianos S. 2017. Die Quellen des byzantinischen Rechts. Berlin, Boston, Walter de Gruyter, XIX, 407.
38. Van Dam R. 2002. Kingdom of Snow: Roman Rule and Greek Culture in Cappadocia. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, IX, 290
39. Van Roey A. 1967. Eustathius. Dictionnaire d'histoire et de géographie Ecclésiastiques, 16: 23.
40. Vitale M. 2013. Koinon Syrias: Priester, Gymnasiarchen und Metropoleis der Eparchien im Kaiserzeitlichen Syrien. Berlin: Akademie Verlag, 196.
41. Vranić V. 2008. The Christology of Eutyches at the Council of Constantinople in 448. Philotheos, 8: 208–221.
42. Windau B. 2002. Eustathius von Berytus. Lexikon der antiken christlichen Literatur. Freiburg im Breisgau, 250.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Грацианский Михаил Вячеславович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории по изучению стран Причерноморья и Византии в средние века исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail V. Gratsianskiy, candidate of Sciences (History), PhD, leading researcher of the Center of Byzantine and the Black Sea Region Studies of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia



УДК 94(495)

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-518-524

Александрия в ранневизантийское время: общественные волнения и конфликты

М.А. Руднева

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
РФ, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: rudneva@bsu.edu.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению роли общественных волнений и конфликтов в истории Александрии в ранневизантийское время. Город являлся одним из ключевых центров региона, играл важную роль в политической, социально-экономической и культурной жизни империи. Нестабильность внутреннего положения была характерна и в предшествующие столетия существования города, однако в ранневизантийское время волнения и конфликты стали происходить чаще. Это было связано как с внутренними процессами – неравномерностью социально-экономического развития, борьбой за гегемонию в городе между этно-конфессиональными группами иудеев, язычников и христиан, противоборством в политике, так и с внешними факторами – политической нестабильностью в империи, религиозными разногласиями, внешними угрозами. Таким образом, можно сделать вывод, что волнения и конфликты в Александрии являются ярким проявлением противоречий ранневизантийского времени.

Ключевые слова: Поздняя античность, ранняя Византия, Александрия Египетская, волнения, конфликты.

Для цитирования: Руднева М.А. 2020. Александрия в ранневизантийское время: общественные волнения и конфликты. *Via in tempore. История. Политология*, 47 (3): 518–524. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-518-524.

Alexandria city in the early byzantine time: social unrest and conflicts

Maria A. Rudneva

Belgorod National Research University,
85, Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: rudneva@bsu.edu.ru

Abstract. The article is devoted to studying the role of unrest and conflicts in the history of Alexandria in the Early Byzantine time. The city was one of the key centers of the region, played an important role in the political, social, economic and cultural life of the empire. The instability of the internal situation was characteristic in the previous centuries of the city's existence, however, in the Early Byzantine time unrest and conflict began to occur more often. This was due both to internal development processes - uneven social and economic development, the struggle for hegemony in the city between ethnic and religious groups of Jews, pagans and Christians, confrontation in politics, and external factors – political instability in the empire, religious differences, external threats. Thus, we can conclude that the unrest and conflicts in Alexandria are a vivid manifestation of the contradictions in the Early Byzantine time. Episodes of aggravation of the situation in the city allow us to study the whole complexes of contradictions that existed both within Alexandria and in the process of empire development. The study of the dynamics of changes in the city is important for understanding the features of historical development in the conditions of transformational processes.

Keywords: Late Antiquity, Early Byzantium, Alexandria, Egypt, unrest, conflict.

For citation: Rudneva M.A. 2020. Alexandria city in the early Byzantine time: social unrest and conflicts. *Via in tempore. History and political science*, 47 (3): 518–524 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-518-524.

Александрия Египетская, построенная Александром Македонским, быстро утвердилась в качестве одного из ключевых центров региона. Являясь опорой для власти Птолемеев, а потом и римлян в Египте, город был важным административным центром, достиг большой численности населения, активно развивался в социально-экономическом плане, обрёл славу мощнейшего интеллектуального центра. В ранневизантийское время Восточная Римская империя переживала процесс трансформации, все стороны которого проявились в истории Александрии. Эпизоды обострения обстановки в городе позволяют изучить целые комплексы противоречий, существовавших как внутри Александрии, так и в самом процессе развития империи. Исследование динамики изменения города имеет важное значение для понимания особенностей исторического развития в условиях трансформационных процессов. Данные вопросы получили значительное внимание в зарубежной историографии. Например, монография Кристофера Хааса во-многом концентрируется именно вокруг конкурентного характера социальной динамики развития религиозных и этнических сообществ города [Haas, 1997]. Борьба различных групп за социальное господство и культурную гегемонию часто приводила к значительным разрушениям и выливалась в насилие, нестабильная ситуация усугублялась имперским вмешательством. Однако автор монографии не считает такое положение нормальным, отмечая, что в повседневной жизни александрийские этноконфессиональные группы находились в тесном сотрудничестве. Особенно ярко эта закономерность проявлялась в социально-экономических отношениях [Haas, 1997].

В римское время власти неоднократно сталкивались с волнениями в городе и приводили александрийцев к повиновению насильственными методами. Примером могут служить еврейские восстания в Александрии – Первая Иудейская война (66 г.), Вторая Иудейская война (115–117 гг.), восстание буколов (пастухов) в Нижнем Египте (172 г.) и др. Кроме того, волнения были связаны с нестабильностью в империи и появлением узурпаторов, например, восстанием Гая Авидия Кассия (175 г.), восстанием Песценния Нигера (193 г.). Город был охвачен военными действиями в связи с указом императора Каракаллы в 216 г. Позднее он был захвачен царицей Пальмиры Зенобией, а также осаждён в процессе возвращения под власть Римской империи в 272 г.

Анализ ранневизантийских источников обнаруживает, что нестабильность внутренней ситуации в городе была связана с важнейшей экономической ролью города, амбициями городских элит в политической и культурной жизни империи, сложным этноконфессиональным составом населения. В ранневизантийское время управление беспокойным городом требовало значительных усилий. Анонимный автор сочинения «*Expositio totius mundi et gentium*», созданного в IV веке, утверждал, что «этот город навязывает свою волю правителям» (*Expositio*, 37, 1–5).

Характерной чертой ранневизантийских общественных конфликтов и восстаний в городе можно считать их религиозный характер, который они приобрели в связи с христианизацией империи. Реакция со стороны власти на распространение христианства повлекла за собой гонения на последователей данной религии. Особое место в источниках уделяется гонениям во времена императора Диоклетиана, когда «его послания дошли до Александрии и Египта; и он навел суд на христиан, и разрушил церкви Божии, и убил многих людей мечом; и те, которые уверовали во Христа, бежали в пустыню, в логова и пещеры» (*History of the Patriarchs*, 1.6 Evetts, p. 383). Диоклетиан установил стражу и дозорных в каждом месте города. Иоанн Никиусский пишет, что события в Александрии стали причиной убийства «всех епископов Египта» (John. Nik., 77.12 Charles). Эти события в описании Иоанна Никиусского приобретают апокалиптические черты (John. Nik., 77.7; 77.12). Особо отмечено жестокое пре-



следование христиан и мученическая гибель патриарха Петра. Его арест и решение о его казни спровоцировали народные волнения (History of the Patriarchs, 1.6 Evetts, p. 383). Александрию затронули и гонения императора Галерия (John. Nik., 77.25). Постепенно христианство набирало силу, но его распространение не было однородным и стабильным. Волнения и конфликты в Александрии были связаны в это время с отсутствием единства в церкви. Целый ряд инцидентов насильственного характера в Александрии был связан с борьбой против арианства. После осуждения учения Ария в качестве ереси на Первом Вселенском Соборе (325 г.) значительную деятельность по противодействию арианству проводил архиепископ Александр Александрийский (архиеп. 312/313–328 гг.) (Soc., HE, I, 5–8; Ruf., HE, I, 1–2). В то же время, деятельность архиепископа Александра оценивается неоднозначно. Так, церковный историк Сократ Схоластик пишет о том, что послание Александра против Ария лишь усугубило ситуацию, и «зло ещё более увеличилось» (Soc., HE, I, 6).

Политику своего предшественника на престоле Александрийской церкви продолжил Афанасий Александрийский (295/297–373 гг.) [Саврей, 2011]. Ещё в молодом возрасте Афанасию удалось присутствовать на Первом Вселенском соборе, где он выступал на стороне противников Ария (Soc., HE, I, 8; Ruf., HE, I, 5). Утверждение Афанасия в качестве архиепископа, последовавшее после смерти Александра (328 г.) (Soc., HE, II, 17), сопровождалось волнениями, связанным с мелитианами (Sozom. HE. II, 21, 22). Мелитиане продолжали деятельность по поддержке арианства. Эту позицию они заняли ещё во время служения Александра [Сидоров, 2013]. Поэтому уже в начале своего архиепископства Афанасий столкнулся с интригами, которые сопровождали его на протяжении последующего времени.

Не вдаваясь в подробное описание весьма насыщенного пути Афанасия, заметим, что он неоднократно изгонялся из Александрии и возвращался вновь, подвергался преследованиям. Эти события сопровождались волнениями в городе. В результате одного из таких волнений в 361 г. был убит арианский епископ Георгий Каппадокийский (Soc., HE, III, 2; Sozom., HE, V, 7). Церковные историки, стремясь смягчить этот инцидент, отмечают, что александрийцы немало претерпели от Георгия (Sozom., HE, IV, 10), что привело к росту ненависти в его сторону со стороны общества (Sozom., HE, IV, 30). При этом вина за убийство Георгия возлагается Созоменом на представителей языческой черни. Этот инцидент получил острую реакцию имперских властей (Soc., HE, III, 3).

Императоры на протяжении всего времени арианских споров стремились регулировать положение в городе (Athan. Apol. contra Ar., 51, 87; Hist. Ar., 48 col. 752c; 51 col. 756b; Julian. Ep., 24 (398); Soc., HE, III, 13; IV, 13). При этом позиция власти не была однозначной. Императоры поддерживали ту или иную сторону в соответствии со своими интересами. Например, известен случай, когда император Константин первоначально поддерживал Афанасия Александрийского, однако, когда последнего обвинили в угрозах прервать поставки зерна из Египта в Константинополь, резко изменил свои взгляды (Soc., HE, I, 35; Athan. Apol. contra Ar., 87 col. 405a).

После смерти Афанасия в 373 г. в городе произошли волнения, связанные с народным недовольством новым архиепископом Александрии, сторонником арианства – Лукием (Sozom., HE, VI, 19). Он был окончательно изгнан в 379 г. (Soc., HE, IV, 37). Созомен обозначает, что в изгнании Лукия и возведении на престол Петра II (архиеп. 373–380 гг.) основную роль сыграло население Александрии (Sozom., HE, VI, 39). Также противником ариан был ученик и последователь Афанасия Тимофей I (архиеп. 380–385 гг.).

Александрию затронули не только процессы, связанные с гонениями на христиан и отсутствием единства в уже утвердившемся христианстве. Значительные волнения были связаны с утверждением христианства в качестве доминирующей силы в городе. Усиление христианской церковной иерархии постепенно приводило к вытеснению её оппонентов на периферию, влекло за собой обострение ситуации.

Решения Второго Вселенского собора (381 г.) способствовали утверждению христианства в качестве государственной религии. Эти события привели к усилению антиязыческой

политики. В Александрии во время предстоятельства Феофила Александрийского (архиеп. 385–412 гг.) в 391 или 392 гг. были разрушены храм Диониса, театр, пострадала значительная часть античных статуй, но главное – был разрушен грандиозный языческий храм Серапеум⁵⁷. Этот храм был посвящен главному божественному покровителю города – синкретическому богу Серапису. Разрушение Серапеума сопровождалось борьбой язычников и христиан, повлекшей за собой жертвы. Событие получило широкий отклик в источниках (Eunap., Vit. soph., VI, 2; Soc., HE, V, 16; Sozom., HE, VII, 15; Ruph., HE, XI, 23, et al.). При этом, в зависимости от позиции автора, его конфессиональной принадлежности и иных причин, сообщения разнятся как в плане описания события, так и в оценке действий противоборствующих сторон. Тем не менее, авторы источников упоминают участие александрийцев в столкновениях, описывая жестокость как христиан, так и язычников (Sozom., HE, VII, 15). При этом особо выделяется оценка Евнапия, который, в отличие от христианских авторов, описывает разрушение Серапеума не как торжество христианства над язычеством, а как гибель векового античного наследия. Христиан же он выставляет в негативном свете, сообщая, что они не гнушались воровством (Eunap., Vit. soph., VI, 2). Это событие являет собой кульминационный момент в ослаблении язычества в ранневизантийском Египте [Haas, 1997]. Языческий культ, не представлявший единства и выкристаллизовавший свою самоидентичность лишь в столкновении с набиравшим силу христианством, потерпел поражение, но не исчез, так как языческие практики продолжали существовать на протяжении последующих столетий.

Значительной областью развития языческого сообщества оставалась сфера образования, которая позволяла широко транслировать классическое наследие, без акцента на религиозную составляющую [Watts, 2006].

Следующий «виток» утверждения христианства в Александрии произошёл в предстоятельство Кирилла Александрийского (архиеп. 412–444 гг.). Автор многочисленных трудов, он получил известность в качестве одного из наиболее успешных борцов за единство церкви, являясь противником несторианства [Сидоров, 2000]. Его восшествие на престол Александрийской церкви сопровождалось интригами и противоборством со стороны сторонников второго претендента – Тимофея [Лященко, 1913]. Сократом Схоластиком упоминается «народное смятение», относящееся к этому времени (Soc., HE, VII, 7). Ранний этап предстоятельства Кирилла был одним из наиболее напряженных в ранневизантийской истории Александрии. На это время приходятся такие события, как закрытие новацианских церквей (Soc., HE, VII, 7) и изгнание иудеев (Soc., HE, VII, 13; John. Nik., 84. 87–103). Но наибольший резонанс вызвало убийство языческого философа Гипатии Александрийской в 415 г. (Soc., HE, VII, 13–15; John. Nik., 84.45). Роль Кирилла в этом инциденте, его противостояние с префектом Орестом, а также действия монахов, выступивших в этом конфликте на стороне архиепископа (Soc., HE, VII, 13–15), продолжают интересовать исследователей и в настоящее время⁵⁸.

Период наибольшего усиления христианства в Александрии совпадает с большим количеством общественных конфликтов ввиду того, что отдельные группы вытесняются с ранее занятых позиций в социальной иерархии.

Победа и последующее доминирование христианства не устранили существовавших противоречий, которые нарушали единство церкви. Александрия была одним из центров распространения монофизитства, осужденного в 451 г. на Халкидонском соборе. По мнению исследователей, к последствиям решений собора можно отнести более отчетливое разделение Александрийской церкви на монофизитскую (коптскую) и греко-византийскую [Саврей, 2011]. Противостояние приверженцев этих направлений определило череду конфликтов в Александрии, не прекращавшихся на протяжении столетий.

⁵⁷ Вопрос определения точной даты разрушения Серапеума является дискуссионным [Hahn, 2008; Vedeshkin, 2014].

⁵⁸ Ввиду небольшой информативности источников, многие вопросы данной проблемы носят дискуссионный характер [Ведешкин, 2014; Lacombrade, 1994; Dzielska, 1996; Haas, 1997; Ronchey, 2001; Watts, 2017, et al.].



Вскоре после Собора в Александрии был низложен монофизитский патриарх Диоскор и возведён халкидонит Протерий. Однако уже в 457 г. умер император Маркиан, покровительствовавший халкидонитам. В Александрии произошли волнения, в ходе которых Протерий был убит (Zach., IV, 2), а на его место был возведен Тимофей II Элур (Zach., IV, 1). Захария Митиленский видит причины убийства Протерия в его недостойном поведении. Евагрий Схоластик обвиняет в убийстве разбушевавшуюся александрийскую чернь (Evagr., II, 8). Феофан Исповедник обвиняет Тимофея, который подкупом и силой овладел Александрийским престолом (Theoph., Chron., 5950) и подослал к Протерию убийц. Евтихий наряду с лаконичным изложением событий (Eutychius, Annales, 101–103 (Patrologia Graeca, 111, col. 1055)) обозначил место сожжения тела Протерия – ипподром (Eutychius, Annales, 108 (Patrologia Graeca, 111, col. 1056)). На оценку авторов повлияло их отношение к Халкидонскому собору [Кириллов, 2016], тем не менее роль взбунтовавшегося населения в данных событиях очевидна [Кулаковский, 2003]. Впоследствии беспорядками в Александрии сопровождалось изгнание Тимофея II Элура (John. Nik., 88. 23–25).

Ещё одним крупным событием стал случай нападения на языческие святилища в Менуфисе, последовавший за избиением студента по имени Паралий. Инцидент произошел в Александрии в конце V века (вероятно, весной 486 г.) [Barnes, 2012]. Эта история подробно описана в «Житии Севера» Захарии Митиленского и «Жизни Исидора» Дамаския. Эпизод получил подробный анализ в монографии Эдварда Уоттса [Watts, 2010]. Схоластическое наказание приобрело религиозный оттенок и в короткие сроки разрослось во внутригородской конфликт, потребовавший вмешательства имперских властей. В результате конфликта было подорвано единство неоплатонической школы Александрии [Watts, 2010].

Кроме того, угроза столкновений в городе существовала в правление императора Юстиниана. Согласно сообщению Иоанна Никиусского, в Александрию были отправлены войска из Африки. Открытого столкновения удалось избежать при активном участии патриарха Тимофея IV, которому покровительствовала императрица Феодора (John. Nik., 90. 88–90).

После смерти Тимофея в 537 г. возникли волнения на почве разногласий между сторонниками Феодосия и Гайны (Гайана), в связи с чем образовались партии феодосийцев и гаяний. Этот и другие эпизоды являются продолжением противостояния монофизитов и халкидонитов, а также внутренних распрей среди антихалкидонитов.

В VII веке Александрия оказалась в центре восстания Ираклия против императора Фоки. В 610 г. Александрия была захвачена войсками под командованием Никиты и стала надежной базой для восставших, что предопределило их победу. После небольшого периода затишья город, как и вся империя, столкнулся с военной угрозой со стороны Сасанидского Ирана. Это время связано с противостоянием захватчикам (616/618–619 гг.) и периодом персидского господства в Александрии (619–629 гг.). Возвращение города в состав Восточной христианской империи было недолгим, так как в 642 г. ослабленная империя была вынуждена уступить город арабам.

Таким образом, ранневизантийская история Александрии связана с процессом трансформации классических форм и преобразованиями, связанными с христианизацией. Эти процессы обостряли проблемы политического, социально-экономического, межконфессионального характера. В результате конфликтов менялся баланс сил, который зависел в том числе от позиции имперских властей. Противоречия, существовавшие в Александрии, не получили разрешения в ранневизантийское время, они потеряли свой масштаб и остроту лишь в ходе дальнейшего существования города уже в рамках арабо-исламской цивилизации.

Список литературы

1. Ващева И.Ю. 2013. Феномен «Церковных историй» в эпоху Поздней античности. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Нижний Новгород, 789.
2. Ведешкин М.А. 2014. Языческая оппозиция христианизации Римской империи: IV–VI вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва, 316.

3. Кириллов В.М. 2016. Захария Митилениский о событиях 457 г. в Александрии. Классическая и византийская традиция. 2016. Материалы X научной конференции. Белгород, 101–105.
4. Кулаковский Ю.А. 2003. История Византии. В 3-х томах. 3-е изд. Том 1. 395–518 годы. Санкт-Петербург, Алетейя, 496.
5. Лященко Т., свящ. 1913. Св. Кирилл, архиепископ Александрийский. Его жизнь и деятельность. Киев, 547.
6. Сидоров А.И. 2000. Святитель Кирилл Александрийский. Его жизнь, церковное служение и творения. Творения святителя Кирилла епископа Александрийского. Кн. 1. Москва, Паломник, 735.
7. Сидоров А.И. 2013. Святоотеческое наследие и церковные древности. Том 3: Александрия и Антиохия в истории церковной письменности и богословия. Москва, Сибирская Благовонница, 732.
8. Barnes T.D. 2012. Review of Riot in Alexandria: Tradition and Group Dynamics in Late Antique Pagan and Christian Communities. The Transformation of the Classical Heritage, 46. The Catholic Historical Review. 98: 86–87.
9. Dzielska M. 1996. Hypatia of Alexandria. Cambridge, MA, London, 176.
10. Haas C. 1997. Alexandria in Late Antiquity: topography and social conflict. Baltimore; London, Johns Hopkins University press, 494.
11. Haas C. 2010. Alexandria Lost? Cleopatra and the End of the Hellenistic World. Franklin Institute and the University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology. Philadelphia. URL: <https://villanova.academia.edu/ChristopherHaas> (дата обращения: 01.04.2020) (access date: 18.04.2020).
12. Hahn J. 2008. The Conversion of the Cult Statues. The Destruction of the Serapeion 392 A. D. From Temple to Church. Religions in the Graeco-Roman World, 161. Leiden, 335–366.
13. Kristensen T. 2009. Religious Conflict in Late Antique Alexandria: Christian Responses to «Pagan» Statues in the Fourth and Fifth Centuries CE. Alexandria. A Cultural and Religious Melting Pot. G. Hinge and J.A. Krasilnikoff (eds.). Aarhus, Aarhus University Press, 158–173.
14. Lacombrade C. 1994. Hypatia. Real lexikon für Antike und Christentum [Hypatia. Real Encyclopedia for Antiquity and Christianity. Volume 16]. Band 16. Stuttgart, 956–967 (in German).
15. Łukaszewicz A. 2013. Lecture Halls at Kom el-Dikka in Alexandria. Divine men and women in the history and society of late Hellenism. Cracow, 101–112.
16. McDonald W. 2009. Alexandria in Late Antiquity: Topography and Social Conflict. By Christopher Haas. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1997. 494 p. Church History: Studies in Christianity and Culture, 67(1). Cambridge: Cambridge University Press: 116–117.
16. McKenzie J. 2007. The Architecture of Alexandria and Egypt 300 B. C. to A. D. 700. New Haven; London, 460.
17. McKenzie J.S., Gibson S., Reyes A.T. 2004. Reconstructing the Serapeum in Alexandria from the Archaeological Evidence. The Journal of Roman Studies. Vol. 94: 73–121.
18. Ronchey S. 2001. Hypatia the Intellectual. Au. Fraschetti (eds.). Roman Women. Chicago; London, 160–189, 227–235.
19. Watts E.J. 2006. City and School in Late Antique Athens and Alexandria. The Transformation of the Classical Heritage 41. Berkeley; Los Angeles, University of California Press, 302.
20. Watts E.J. 2010. Riot in Alexandria: Tradition and Group Dynamics in Late Antique Pagan and Christian Communities. Berkeley, University of California Press, 290.
21. Watts E.J. 2017. Hypatia: The Life and Legend of an Ancient Philosopher. New York, Oxford University Press, 224.

References

1. Vashheva I.Ju. 2013. Fenomen «Cerkovnyh istorij» v jepohu Pozdnej Antichnosti [The phenomenon of «Church stories» in the era of Late Antiquity]. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni doktora istoricheskikh nauk. Nizhnij Novgorod, 789 (in Russian).
2. Vedeshkin M.A. 2014. Jazycheskaja oppozicija hristianizacii Rimskoj imperii: IV–VI vv. [The pagan opposition of the Christianization of the Roman Empire: IV–VI centuries A. D.] Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Moskva, 316 (in Russian).
3. Kirillov V.M. 2016. Zaharija Mitilenskij o sobytijah 457 g. v Aleksandrii [Zachariah of Mitilena about the events of 457 in Alexandria]. Klassicheskaja i vizantijskaja tradicija. 2016. Materialy X nauchnoj konferencii [Classical and Byzantine tradition. 2016. Materials of the X Scientific Conference]. Belgorod, 101–105 (in Russian).



4. Kulakovskij Ju.A. 2003. Istorija Vizantii [History of Byzantium]. V 3-h tomah. 3-e izd. Tom 1. 395–518 gody. Sankt-Peterburg, Aleteja, 496 (in Russian).
5. Ljashhenko T., svjashh. 1913. Sv. Kirill, arhiepiskop Aleksandrijskij. Ego zhizn' i dejatel'nost' [St. Cyril, Archbishop of Alexandria. His life and work]. Kiev, 547 (in Russian).
6. Sidorov A.I. 2000. Svjatel' Kirill Aleksandrijskij. Ego zhizn', cerkovnoe sluzhenie i tvorenija [Saint Cyril of Alexandria. His life, church ministry, and creations]. Tvorenija svjatelja Kirilla episkopa Aleksandrijskogo [Creations of St. Cyril Bishop of Alexandria]. Kn. 1. Moskva, Palomnik, 735 (in Russian).
7. Sidorov A.I. 2013. Svjatootecheskoe nasledie i cerkovnye drevnosti [Patristic heritage and church antiquities]. Tom 3: Aleksandrija i Antiohija v istorii cerkovnoj pis'mennosti i bogoslovija [Alexandria and Antioch in the History of Church Writing and Theology]. Moskva, Sibirskaja Blagozvonnica, 732.
8. Barnes T.D. 2012. Review of Riot in Alexandria: Tradition and Group Dynamics in Late Antique Pagan and Christian Communities. The Transformation of the Classical Heritage, 46. The Catholic Historical Review. 98: 86–87.
9. Dzielska M. 1996. Hypatia of Alexandria. Cambridge, MA, London, 176.
10. Haas C. 1997. Alexandria in Late Antiquity: topography and social conflict. Baltimore; London, Johns Hopkins University press, 494.
11. Haas C. 2010. Alexandria Lost? Cleopatra and the End of the Hellenistic World. Franklin Institute and the University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology. Philadelphia. URL: <https://villanova.academia.edu/ChristopherHaas> (дата обращения: 01.04.2020) (access date: 18.04.2020).
12. Hahn J. 2008. The Conversion of the Cult Statues. The Destruction of the Serapeion 392 A. D. From Temple to Church. Religions in the Graeco-Roman World, 161. Leiden, 335–366.
13. Kristensen T. 2009. Religious Conflict in Late Antique Alexandria: Christian Responses to «Pagan» Statues in the Fourth and Fifth Centuries CE. Alexandria. A Cultural and Religious Melting Pot. G. Hinge and J.A. Krasilnikoff (eds.). Aarhus, Aarhus University Press, 158–173.
14. Lacombrade C. 1994. Hypatia. Reallexikon für Antike und Christentum. Band 16. [Hypatia. Real Encyclopedia for Antiquity and Christianity. Volume 16]. Stuttgart, 956–967 (in German).
15. Łukaszewicz A. 2013. Lecture Halls at Kom el-Dikka in Alexandria. Divine men and women in the history and society of late Hellenism. Cracow, 101–112.
16. McDonald W. 2009. Alexandria in Late Antiquity: Topography and Social Conflict. By Christopher Haas. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1997. 494 p. Church History: Studies in Christianity and Culture, 67(1). Cambridge: Cambridge University Press: 116–117.
16. McKenzie J. 2007. The Architecture of Alexandria and Egypt 300 B. C. to A. D. 700. New Haven; London, 460.
17. McKenzie J.S., Gibson S., Reyes A.T. 2004. Reconstructing the Serapeum in Alexandria from the Archaeological Evidence. The Journal of Roman Studies. Vol. 94: 73–121.
18. Ronchey S. 2001. Hypatia the Intellectual. Au. Frascetti (eds.). Roman Women. Chicago; London, 160–189, 227–235.
19. Watts E.J. 2006. City and School in Late Antique Athens and Alexandria. The Transformation of the Classical Heritage 41. Berkeley; Los Angeles, University of California Press, 302.
20. Watts E.J. 2010. Riot in Alexandria: Tradition and Group Dynamics in Late Antique Pagan and Christian Communities. Berkeley, University of California Press, 290.
21. Watts E.J. 2017. Hypatia: The Life and Legend of an Ancient Philosopher. New York, Oxford University Press, 224.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Руднева Мария Александровна, ассистент кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria A. Rudneva, assistant of the Department of General History, Institute of Pedagogy, Faculty of History and Philology, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94(420)"1485/1603"

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-525-231

Дом тюдоровской эпохи (по данным «Описания Англии» Уильяма Харрисона)

М.В. Третьякова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал,

Россия, 607220, г. Арзамас, Нижегородская область, ул. К. Маркса, 36

E-mail: marinatretyakova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению повседневной жизни англичан елизаветинской эпохи и в частности их жилища, по свидетельству Уильяма Харрисона, автора «Описания Англии», 1577 г. С точки зрения Уильяма Харрисона, дом англичанина является объектом его гордости. По его мысли, дома в Англии различаются по материалу, из которого они построены. По мнению Уильяма Харрисона, различие в материалах для строительства домов определяется климатическими условиями местности, где они были возведены. Кроме того, разница в домах определяется и статусом их владельцев. Есть дома простолюдинов и аристократов. Особое место Уильям Харрисон отводит убранству домов, делая акцент на последних модных тенденциях в интерьере, а именно увеличение количества дымоходов и каминов, появление перин и столового серебра. Эти нововведения, по его данным, затронули все слои населения Англии. «Описание Англии» Уильяма Харрисона позволяет выяснить, что дом многое значит в менталитете англичан тюдоровской эпохи.

Ключевые слова: Уильям Харрисон, «Описание Англии», дом, дымоход, тюдоровская эпоха.

Для цитирования: Третьякова М.В. 2020. Дом тюдоровской эпохи (по данным «Описания Англии» Уильяма Харрисона). Via in tempore. История. Политология, 47 (3): 525–530. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-525-231.

A Tudor-era house (according to William Harrison's «Description of England»)

Marina V. Tretyakova

The National Research State University of Nizhny Novgorod after N.I. Lobachevsky, Arzamas branch,

36 K. Marx St., Arzamas, N. Novgorod region, 606220, Russia

E-mail: marinatretyakova@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of everyday life of the Englishmen of the Elizabethan era, and in particular their houses, according to the testimony of William Harrison, author of «Description of England», 1577. From William Harrison's point of view, an Englishman's home is an object of pride. According to him, houses in England differ in the material from which they are built. According to William Harrison, the difference in materials for building houses is determined by the climatic conditions of the area where they were built. In addition, the difference in houses is determined by the status of their owners. There are houses of commoners and aristocrats. William Harrison gives a special place to the decoration of houses, focusing on the latest fashion trends in the interior, namely, the increase in the number of chimneys and fireplaces, the appearance of feather beds and silverware. These innovations, according to him, affected all segments of the population of England. «Description of England» by William Harrison allows you to figure out that home means a lot in the mentality of the English Tudor era.

Keywords: William Harrison, «Description of England», the house, the fireplace, the Tudor era.



For citation: Tretyakova M.V. A Tudor-era house (according to William Harrison's description of England). *Via in tempore. History and political science*, 47 (3): 525–530 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-525-231.

В 1577 г. в Англии вышли «Хроники Англии, Шотландии и Ирландии» (The Chronicles of England, Scotland and Ireland), известные также как «Хроники» Рафаэля Холиншеда (1525–1580?) [Holinshed, (1577), 1976]. В работе над «Хрониками» принимал участие и Уильям Харрисон (1534–1593). Его перу принадлежит «Описание Англии» [Harrison, (1577), 2001]. Работа относится к 1577 г. и состоит из 18 глав. Восьмая глава посвящена описанию того, как строились дома в Англии и как они были обустроены внутри [Harrison, (1577), 2001].

Об Уильяме Харрисоне известно, что он учился в школах Святого Павла и Вестминстера, а также в Оксфорде [Бартон, 2005, с. 39–40], став бакалавром.

В XVI в. в архитектуре Англии сложился тюдоровский стиль [Бартон, 2005, с. 44, 47; Brown, 1841; Gotch, 1901; Gotch, 1916; Summerson, 1958; Airs, 1982; Pragnall, 1984; Airs, 1998; Cooper, 1999], («тюдоровский хаос стилей» [Венедиктов, 1962, с. 485; Lees-Milne, 1951; Howard, 1987; Quiney, 1989]). Время его существования привязывают к периоду правления Тюдоров [Halliday, 1967; Guy, 1988] в 1485–1603 г., но выделяют «перпендикулярный» стиль, относя его к 1500–1560 годам, и период Елизаветинской архитектуры [Lees-Milne, 1951], хронологические рамки его распространения совпадают со временем правления Елизаветы I – 1558–1603 гг. Для тюдоровского стиля было характерно соединение элементов архитектуры эпохи Возрождения и средневековой готики.

Ведущим типом в английской архитектуре до начала XVII в. являлся загородный замок [Венедиктов, 1962, с. 486; Соколова, 2015]. При строительстве усадебных и загородных домов применялись основные элементы стиля: формы фундамента в виде Е и Н [Бартон, 2005, с. 47]; стремление к симметрии; большой холл стал парадной частью дома; нидерландский фронтон (криволинейный голландский щипец); большие застеклённые окна; крыша с деревянными консолями в больших залах (до 1603 г.); окна прямоугольной формы одно над другим; полукруглые арки и пышные балюстрады; каменные каминные (иногда могли иметь выгравированный семейный герб); длинные галереи (часто на втором этаже дома, галереи украшали картинами и портретами предков, галереи предназначались для празднеств и приемов); тюдоровская арка; тюдоровская роза с пятью лепестками в орнаменте и резьбе; гобелены, тяжёлые итальянские ткани, восточные ковры в богатых домах; резная мебель из экзотических пород дерева [Macquoid, 1916, p. 128, 129]; геометрический ландшафт; крупные сады на заднем дворе.

Основными элементами дома являлись большой холл, лестница на верхний этаж, галерея/галереи, все это было окружено огромным количеством жилых комнат и служебных помещений для членов семьи, гостей и слуг [Венедиктов, 1962, с. 486]. В этот период времени усовершенствовалась система дымоходов, поэтому большой зал с камином потерял свою ведущую роль в доме [Венедиктов, 1962, с. 485–487]. Примеры такой архитектуры: особняк Крайстчерч (Уайтпол-хаус) в Ипсуиче, Хэмптон-Корт и др.

Дома простых людей были фахверковыми, иногда с кирпичной кладкой, очаг являлся центральным местом в доме [Венедиктов, 1962, с. 487]. Оштукатуренные, побеленные фахверковые дома преобладали на юге и северо-западе Англии. Стали возводиться коттеджи – отдельные дома для одной семьи. Первый этаж занимали кладовые, кухня, вестибюли, холл, лестница, а второй отводился под спальни. Позже этот тип жилья распространился и в городах. Характерными чертами домов обывателей [Summerson, 1958, p. 51] периода Тюдоров являлись: прямоугольное или квадратное основание для городских домов, сельские дома [Howard, 1987] ставятся на основание по форме Н; крыша покрыта соломой, шифером, сланцем, гонтом, черепицей; крыша с деревянными консолями остаётся преимущественно в сараях и амбарах; вытянутые, узкие оконные и дверные проёмы; плиточный или земляной пол кроме каменного и деревянного; выкрашенные белые стены;

темные дубовые панели фахверка; выступающий второй и последующие этажи; угловой камин, деревянные лестницы в домах среднего класса и дворянства; небольшие приусадебные участки [Summerson, 1958; Williams, 1969, с. 97; Strong, 1998; Henderson, 2005].

Самые бедные слои населения жили в своих или съемных лачугах, с единственной комнатой, где ели, спали, готовили.

Понимание Уильямом Харрисоном «дома» является достаточно сложным. Для него дом – это собственно архитектурное сооружение, где проживают его соотечественники разного социального статуса, это и наполнение этого дома, включая провиант и прочие запасы, собственно семья. В данной статье мы остановимся лишь на характеристике дома как строения/жилища с точки зрения Уильяма Харрисона.

В своем «Описании Англии» Уильям Харрисон дает характеристику домов англичан. Он рассуждает о материалах, которые применяются в строительстве домов, о пристройках, о том, кто какие строит дома, исходя из того, к какому слою английского общества принадлежит, об интерьере, а также об отоплении, об остеклении зданий, о каминах и дымоходах, о мебели и посуде. У него есть прием при описании жилища, да и не только – «как было» – «как стало». Другими словами, Харрисон не просто описывает дома англичан, его современников, но показывает некую динамику явления/вещи, как оно/она выглядело/а в прошлом – далеко/не очень далеко, на его памяти, на памяти его старших современников, и что оно/она представляет собой сейчас. И чаще всего «как стало» не лучше того «как было».

По мнению Уильяма Харрисона, большая часть домов в Англии построена из дерева. Естественно, есть и каменные постройки. В строительстве могли быть использованы и другие материалы [Williams, 1969, р. 89], например, кирпич, глина. Иногда при строительстве применялось сочетание дерева и камня. Скорее всего, таким образом он описывает фахверковые дома. Он пишет, что дома англичан не слишком хорошее впечатление произвели на испанцев, которые находились в Англии в период правления Марии I Тюдор (1553–1558). Он имеет в виду придворных, прибывших вместе с принцем Филиппом, мужем Марии I. Он обратил внимание своих читателей на то, что испанцев поразило несоответствие между внешним видом жилища («невзрачных коттеджей») и рационом, питанием англичан. Он приводит высказывание испанского вельможи: «...“у этих англичан дома сделаны из дерева и глины, но они обычно живут так же хорошо, как и король”» [Harrison, (1577), 2001]. И далее ехидно замечает: «Из чего следует, что ему больше понравилась наша хорошая пища в таких грубых хижинах, чем их собственная скудная пища в их княжеских жилищах и дворцах» [Harrison, (1577), 2001].

Такое внешне обманчивое впечатление от домов англичан [Бартон, 2005, с. 46], по мысли Уильяма Харрисона, объясняется тем, что экстерьер здания по традиции делается простым, в то время как внутреннее убранство дома позволяет «принять герцога со всей его свитой» [Harrison, (1577), 2001]. Он полагает, что в этом есть определенный резон, особенно если сравнивать с другими странами, где «фасады особняков и жилищ часто обходились им дороже, чем вся остальная часть дома, которая часто бывает очень простой и неудобной внутри» [Harrison, (1577), 2001].

Градация домов, по Харрисону, соответствует градации страт английского общества. Это дома господ, дома дворян [Cooper, 1999] и дома всех прочих. Чем более высокий статус имеет владелец дома, тем более роскошен его дом. Например, он пишет, что «усадьбы и дома наших господ все еще и по большей части выполнены из крепкого дерева. Впрочем, такие дома, как недавно построенные, обычно бывают либо из кирпича, либо из твердого камня, либо из того и другого вместе, комнаты у них большие и красивые...» [Harrison, (1577), 2001].

Дворянские дома роскошные, отделаны кирпичом и твердым камнем. По его мнению, и мастерство строителей Англии вполне сопоставимо, если даже и не превосходит искусство Марка Витрувия (80 г. до н. э. – 15 г. до н. э.), Леона Баттисты Альберти (1404–1472) и Себастиано Серлио (1475–1554) [Harrison, (1577), 2001].

Еще одна специфика домов англичан заключается в том, что к жилым домам не примыкают близко хозяйственные постройки, а именно конюшни, пивоварни. Для них

отводят отдельные строения, отказавшись от идеи помещать их под одну крышу, как, допустим, это делают «во многих местах за морем и в некоторых северных частях нашей страны». Но расстояние между строениями не должно быть большим, чтобы хозяин мог контролировать хозяйство («добрый человек, лежа в своей постели, мог легко слышать, что делается в каждом из них, и быстро звать своих, если какая-нибудь опасность нападет на него») [Harrison, (1577), 2001].

Дом внутри разделен на различные комнаты наверху и внизу [Уорсли, 2016]. Крыша может быть покрыта черепицей, соломой, осокой или тростником, сланцем. Глина, которая используется при строительстве, бывает белой, красной или синей. Кроме того, стены дома сверху могут быть покрыты мелом, известью. Полы и штукатурку делают из гипса (алебастра) – «парижской штукатурки». Этот, как полагает Уильям Харрисон, материал выполняет функцию противопожарного средства. Действительно, гипс применялся для изготовления декоративной штукатурки для обработки деревянных домов в городах. Во время Великого лондонского пожара в 1666 г., когда выгорело более 13 тысяч деревянных строений, оказалось, что те здания, которые были покрыты гипсовой штукатуркой, были намного устойчивее к действию огня. Из гипса можно делать и полы.

Внутреннее убранство дома англичан также является предметом заботы хозяев. По свидетельству Уильяма Харрисона, стены могут быть декорированы гобеленами arras-ской работы, либо узорчатыми тканями (сюжеты, вытканые на них, могут быть самыми разными – различные истории, травы, животные и прочие), либо деревянными панелями [Gotch, 1901, p. 154–157]. Панели могут быть изготовлены либо из местного сырья («нашего собственного дуба»), либо быть привезенными из восточных стран. По мысли Харрисона, следствием этого является то, что теперь комнаты являются объектом гордости хозяев, становится тепло в помещении, но при этом «съедается» пространство.

Тепло в доме создается за счет печей/каминов [Бартон, 2005, с. 62–66]. В этом месте Уильям Харрисон сетует, что в Англии они (печи/камины) используются не для того, чтобы готовить еду, как это принято в других странах, например, в Германии, а чтобы «время от времени потеть, как того требует случай и нужда» [Harrison, (1577), 2001].

Изменения коснулись и того, что теперь англичане вставляют в свои окна. Окна делают теперь чаще всего из стекла. До этого вместо стекла могли делать решетки из прутьев либо из тонких дубовых перекладин, а также панели из рога. В домах аристократии в окна дома вставляли берилл или горный хрусталь. Но «теперь ценится только самое чистое стекло» [Harrison, (1577), 2001], – пишет Харрисон. Кроме того, по его мысли, у того, кто собирается заняться строительством дома, есть возможность выбрать из разных сортов стекла. Стекло в Англии используется местного производства, есть и привозное: из Бургундии, из Нормандии, из Фландрии. Уильям Харрисон демонстрирует свое знание истории изобретения стекла, рассказывая о том, как оно впервые было получено [Harrison, (1577), 2001].

По Уильяму Харрисону, дома англичан прекрасно меблированы [Brown, 1841, p. 268; Бартон, 2005, с. 72–73]: «Мебель в наших домах также превосходна» [Harrison, (1577), 2001]. Причем, по его мнению, мебель хорошего качества есть не только в домах знати и дворянства, но также и в домах простолюдинов, даже у тех, кто относится к «самому низшему сорту в большинстве мест нашей южной страны» [Harrison, (1577), 2001]. Харрисон пишет, что и им «есть что взять» [Harrison, (1577), 2001]. В домах же знати не редкость arrasские ковры [Brown, 1841, p. 199], гобелены, серебряные сосуды, а также много другой посуды, которую можно «поставить в различные шкафы на сумму в тысячу или две тысячи фунтов». В домах рыцарей, джентльменов, купцов и некоторых других богатых граждан можно найти гобелены, ковры турецкой работы, оловянную посуду, бронзу, тонкое белье, а также дорогие шкафы для посуды с посудой стоимостью в пятьсот, шестьсот или тысячу фунтов стерлингов [Harrison, (1577), 2001].

Харрисон пишет, что если в прежние времена дорогая мебель являлась атрибутом домов благородных и имущих слоев общества, то теперь ею владеют даже «низшие ремес-

ленники и фермеры, которые ... привыкли также украшать свои шкафы тарелками, покрывать кровати гобеленами и шелковыми занавесями, а свои столы – коврами и прекрасными скатертями (столовым бельем)». Показательно, что Харрисон из этого делает вывод о процветании страны в целом и благосостоянии граждан. Хотя он сетует на дороговизну, но в то же время (думаем, что искренне) высказывает сентенцию: «мы все же находим средства приобрести такую мебель, которая до сих пор была недоступна» [Harrison, (1577), 2001].

Уильям Харрисон отмечает три нововведения, которые характеризуют изменившийся быт англичан. Первое – дымоходы [Бартон, 2005, с. 63; Brown, 1841; Gotch, 1901; Gotch, 1916; Worsley, 2012; Уорсли, 2016]. Во времена Харрисона дымоходы представляли модный тренд тюдоровского стиля в архитектуре. Он пишет, что в прежние времена их было не больше двух или трех для одного здания. Тогда, за отдельным исключением, каждый разводил свой огонь против *reredos*⁵⁹ в холле, где он обедал и готовил себе мясо [Harrison, (1577), 2001].

Второе – постель [Бартон, 2005, с. 79; Macquoid, 1916]. Если раньше («Наши отцы, да и мы сами тоже») [Harrison, (1577), 2001] приходилось довольствоваться, отправляясь спать, соломенными тюфяками, грубыми циновками, покрытыми только простыней, покрывалами из дагсвейна (*dagswain*)⁶⁰ или хофарлота (*hopharlots*), круглым бревном, положенным под голову вместо валика или подушки, то теперь появились пуховые и перьевые перины, хорошее постельное белье. С точки зрения Харрисона, такие нововведения, как пишет Л. Уорсли [Уорсли, 2016], «англичан превращают в неженку, пекущихся об излишних удобствах. Подушки, говорил он, прежде “клали лишь в постель роженицам”» [Harrison, (1577), 2001].

Третье – посуда [Macquoid, 1916; Бартон, 2005, с. 96–97]. Деревянная посуда была заменена на оловянную и серебряную, а деревянные ложки – на серебряные или оловянные. Харрисон пишет, что в старину деревянная утварь была так распространена, что едва ли можно было бы найти четыре вещи из олова (из которых одна была, без сомнения, солонкой) в доме хорошего фермера.

По мнению Уильяма Харрисона, в его время фермер будет считать себя несостоявшимся человеком, если у него не будет накоплений в пределах шести или семилетнего дохода, в доме не будет оловянной посуды, ковров, трех или четырех перин, покрывал, гобеленов, серебряной солонки, чаши для вина и дюжины ложек [Harrison, (1577), 2001].

Сложно сказать, осуждает/восхваляет ли современную ему жизнь Уильям Харрисон. Несомненно одно – он сравнивает прежние времена и современные ему. Он видит, что жизнь меняется, несмотря на его брюзжание и недовольство.

Таким образом, дом для Уильяма Харрисона – место проживания англичанина, он отражает его социальный статус, является предметом его гордости и забот, дом подвержен влиянию моды – это и дымоходы, это и перина, это и столовое олово/серебро, это и гобелены на стенах, и домашняя утварь.

Список литературы

1. Бартон Э. 2005. Повседневная жизнь англичан в эпоху Шекспира. М., Молодая гвардия, 242.
2. Венедиктов А.И. 1962. Искусство Англии. Архитектура. Всеобщая история искусств. Т. 3 (6). Искусство эпохи Возрождения. М., Искусство, 528 с. С. 483–494.
3. Соколова М.В. 2015. Английский загородный дом: развитие идеи власти и покровительства от эпохи абсолютизма к викторианскому времени. Исторические исследования. № 2: 115–126.
4. Уорсли Л. 2016. Английский дом. Интимная история. М., Синдбад, 430.
5. Airs M. 1982. The Buildings of Britain, A Guide and Gazetteer, Tudor and Jacobean, London, Barrie & Jenkins, 192.
6. Airs M. 1998. The Tudor and Jacobean Country House: A Building History. Bramley, Stroud, Sutton, 240.

⁵⁹ *Reredos* – этот термин обычно относится к открытому очагу камина или экрану, помещенному за столом.

⁶⁰ Грубая шерстяная ткань из даглов. Даглок – грязный или свернувшийся локон шерсти на овце.



7. Brown R. 1841. Domestic Architecture: Containing a History of the Science and the Principles of Designing Public Edifices, Private Dwelling Houses, Country Mansions, and Suburban Villas; with Practical Dissertations on Every Branch of Building, from the Choice of the Site to the Completion of the Appendages. Also Some Observations on Rural Residences, Their Characteristic Situation and Scenery; with Instructions on the Art of Laying Out and Ornamenting Grounds. London, G. Virtue, 342.
8. Cooper N. 1999. Houses of the Gentry. 1480–1680. New Haven & London: Yale University Press, 370.
9. Gotch A.J. 1901. Early Renaissance Architecture in England: A Historical descriptive account of the Tudor, Elizabethan and Jacobean periods, 1500–1625. London, B.T. Batsford, 496.
10. Gotch A.J. 1916. Architecture. Shakespeare's England. An Account of the Life and Manners of his Age. Vol. 2. Oxford: Clarendon Press in Oxford: 50–74.
11. Guy J. 1988. Tudor England, Oxford University Press, New York, Oxford University Press, 582.
12. Halliday F.E. 1967. Cultural History of England. London, Thames and Hudson, 320.
13. Harrison W. (1577), 2001. A Description of Elizabethan England. Chapter VIII Of the Manner of Building and Furniture of Our Houses [1577, Book II, Chapter 10; 1587, Book II, Chapter 12]. The Harvard Classics. Vol. 35. Chronicle and Romance. Part 3. New York, P.F. Collier & Son, 407. New York, Bartleby. Com. URL: <https://www.bartleby.com/35/3/8.html> (дата обращения: 02.02.2020).
14. Harrison W. (1577), 2001. Description of Elizabethan England. The Harvard Classics. Vol. 35. Chronicle and Romance. Part 3. New York: P.F. Collier & Son, 407. New York, Bartleby.Com. URL: <https://www.bartleby.com/35/3/> (дата обращения: 02.02.2020).
15. Henderson P. 2005. The Tudor House and Garden: Architecture and Landscape in the Sixteenth and Early Seventeenth Centuries, Paul Mellon Centre for Studies in British Art. New Haven, London, Yale univ. press for the Paul Mellon centre for studies in Brit. art, 288.
16. Holinshed R. 1976. Holinshed's Chronicles. England, Scotland and Ireland: in 6 vol., with a new introd. by Vernon F. Snow. [Repr., 2nd print.]. New York, AMS press, Vol. 1: England. 766; Vol. 2: England. 871; Vol. 3: England. 1071; Vol. 4: England. 952; Vol. 5: Scotland. 756; Vol. 6: Ireland. 461.
17. Howard M. 1987. The Early Tudor Country House: Architecture and Politics 1490–1550. London, George Philip, 232.
18. Lees-Milne J. 1951. Tudor Renaissance. London, B.T. Batsford, 152.
19. Macquoid P. 1916. Home: Furniture: Food and Drink: Domestic Customes: Christenings, Weddings, Funerals. Shakespeare's England. An Account of the Life and Manners of his Age. Vol. 2. Oxford, Clarendon Press in Oxford: 119–153.
20. Pragnall H. 1984. The styles of English architecture. London, B.T. Batsford, 176.
21. Quiney A. 1989. Period Houses, a guide to authentic architectural features. London, George Phillip, 191.
22. Strong R. 1998. The Renaissance Garden in England. London, Thames and Hudson, 240.
23. Summerson J. 1958. Architecture in Britain. 1550–1830. London, Harmondsworth, Penguin Books, 592.
24. Williams P. 1969. Life in Tudor England. London, B.T. Batsford Limited, 178.
25. Worsley L. 2012. If Walls Could Talk: An Intimate History of the Home. New York, Walker & Company, 368.

References

1. Barton E. 2005. Povsednevnyaya zhizn` anglichan v epohu Shekspira [The everyday life of the English in the Shakespeare era]. M., Molodaya gvardiya, 242 (in Russian).
2. Venediktov A.I. 1962. Iskustvo Anglii. Arhitektura [The art of England. Architecture]. Vseobshhaya istoriya iskusstv. T. 3 (6). Iskustvo e`poxi Vozrozhdeniya [Renaissance art]. M., Iskustvo, 528 s. S. 483–494 (in Russian).
3. Sokolova M.V. 2015. Anglijskij zagorodnyj dom: razvitie idei vlasti i pokrovitel'stva ot epohi absolyutizma k viktorianskomu vremeni [English country house: the development of the idea of power and patronage from the era of absolutism to Victorian time]. Istoricheskie issledovaniya [Historical research]. № 2: 115–126 (in Russian).
4. Uorsli L. 2016. Anglijskij dom. Intimnaya istoriya [English house. Intimate story]. M., Sindbad, 430 (in Russian).

5. Airs M. 1982. *The Buildings of Britain, A Guide and Gazetteer, Tudor and Jacobean*, London, Barrie & Jenkins, 192.
6. Airs M. 1998. *The Tudor and Jacobean Country House: A Building History*. Bramley, Stroud, Sutton, 240.
7. Brown R. 1841. *Domestic Architecture: Containing a History of the Science and the Principles of Designing Public Edifices, Private Dwelling Houses, Country Mansions, and Suburban Villas; with Practical Dissertations on Every Branch of Building, from the Choice of the Site to the Completion of the Appendages. Also Some Observations on Rural Residences, Their Characteristic Situation and Scenery; with Instructions on the Art of Laying Out and Ornamenting Grounds*. London, G. Virtue, 342.
8. Cooper N. 1999. *Houses of the Gentry. 1480–1680*. New Haven & London: Yale University Press, 370.
9. Gotch A.J. 1901. *Early Renaissance Architecture in England: A Historical descriptive account of the Tudor, Elizabethan and Jacobean periods, 1500–1625*. London, B. T. Batsford, 496.
10. Gotch A.J. 1916. *Architecture. Shakespeare's England. An Account of the Life and Manners of his Age. Vol. 2*. Oxford: Clarendon Press in Oxford: 50–74.
11. Guy J. 1988. *Tudor England*, Oxford University Press, New York, Oxford University Press, 582.
12. Halliday F.E. 1967. *Cultural History of England*. London, Thames and Hudson, 320.
13. Harrison W. (1577), 2001. *A Description of Elizabethan England. Chapter VIII Of the Manner of Building and Furniture of Our Houses [1577, Book II, Chapter 10; 1587, Book II, Chapter 12]. The Harvard Classics. Vol. 35. Chronicle and Romance. Part 3*. New York, P.F. Collier & Son, 407. New York, Bartleby. Com. URL: <https://www.bartleby.com/35/3/8.html> (дата обращения: 02.02.2020).
14. Harrison W. (1577), 2001. *Description of Elizabethan England. The Harvard Classics. Vol. 35. Chronicle and Romance. Part 3*. New York: P.F. Collier & Son, 407. New York, Bartleby.Com. URL: <https://www.bartleby.com/35/3/> (дата обращения: 02.02.2020).
15. Henderson P. 2005. *The Tudor House and Garden: Architecture and Landscape in the Sixteenth and Early Seventeenth Centuries*, Paul Mellon Centre for Studies in British Art. New Haven, London, Yale univ. press for the Paul Mellon centre for studies in Brit. art, 288.
16. Holinshed R. 1976. *Holinshed's Chronicles. England, Scotland and Ireland: in 6 vol., with a new introd. by Vernon F. Snow. [Repr., 2nd print.]*. New York, AMS press, Vol. 1: England. 766; Vol. 2: England. 871; Vol. 3: England. 1071; Vol. 4: England. 952; Vol. 5: Scotland. 756; Vol. 6: Ireland. 461.
17. Howard M. 1987. *The Early Tudor Country House: Architecture and Politics 1490–1550*. London, George Philip, 232.
18. Lees-Milne J. 1951. *Tudor Renaissance*. London, B.T. Batsford, 152.
19. Macquoid P. 1916. *Home: Furniture: Food and Drink: Domestic Customs: Christenings, Weddings, Funerals. Shakespeare's England. An Account of the Life and Manners of his Age. Vol. 2*. Oxford, Clarendon Press in Oxford: 119–153.
20. Pragnall H. 1984. *The styles of English architecture*. London, B.T. Batsford, 176.
21. Quiney A. 1989. *Period Houses, a guide to authentic architectural features*. London, George Phillip, 191.
22. Strong R. 1998. *The Renaissance Garden in England*. London, Thames and Hudson, 240.
23. Summerson J. 1958. *Architecture in Britain. 1550–1830*. London, Harmondsworth, Penguin Books, 592.
24. Williams P. 1969. *Life in Tudor England*. London, B.T. Batsford Limited, 178.
25. Worsley L. 2012. *If Walls Could Talk: An Intimate History of the Home*. New York, Walker & Company, 368.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Третьякова Марина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и обществознания Арзамасского филиала Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Арзамас, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina V. Tretyakova, Candidate of Historical sciences, docent of the Department of History and Social Science, The National Research State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch, Arzamas, Russia



УДК 94(100)1939/45
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-532-540

К вопросу о проблеме ответственности за фальсификацию сведений о развязывании Второй мировой войны в зарубежной историографии 1960–2000-х гг.

Н.В. Королькова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
РФ, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: nat.korolkova@list.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме фальсификации исторических сведений о развязывании Второй мировой войны. Несмотря на огромное количество источников, документальной, исследовательской и мемуарной литературы о событиях Второй мировой войны, эта тема для учёных остается неисчерпаемой. Глобальный кризис мировой цивилизации в середине XX века еще долгий период времени будет трансформировать взгляды учёных-историков. Имеющиеся в настоящее время источники и документация в принципиальном плане достаточны для того, чтобы с позиции непредвзятого подхода дать исторически достоверную картину этих событий, но оценки этих событий до сих пор носят политически направленный характер, что отражается в историографии 2-й половины XX в. – начала XXI в.

Ключевые слова: Вторая мировая война, историография Второй мировой войны, фальсификация истории, Сталин, СССР, фашизм, Гитлер.

Для цитирования: Королькова Н.В. 2020. К вопросу о проблеме ответственности за фальсификацию сведений о развязывании Второй мировой войны в зарубежной историографии 1960–2000-х гг. *Via in tempore. История. Политология*, 47 (3): 532–540. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-532-540.

On the issue of responsibility for falsifying information about the outbreak of the Second World War in the historiography of foreign countries in the 1960s–2000s

Natalia V. Korolkova

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: nat.korolkova@list.ru

Abstract. The article deals with the problem of falsification of historical data on the outbreak of the Second World War. Despite the abundance of sources, documentaries, and memoirs on the events of World War II, this topic remains an endless one for scientists. The global crisis of world civilization in the middle of the twentieth century will long be transforming the views of historians. The sources and documentation currently available are, as a matter of principle, sufficient to provide an unbiased historical picture of these events, but the assessment of these events is still politically oriented. At the turn of the 20th-21st century, political forces emerged, both in Russia itself and near abroad, which grossly falsified history. One of the most topical topics examined in the article is the evaluation of international relations and diplomatic struggle on the eve of the Second World War. During the post-war period, many volumes of diplomatic documents, memoirs and diaries of statesmen, politicians, diplomats, numerous monographs and scientific articles were published. The chronicle of events that led to the bloodiest and most destructive war in world history has been restored day after day. You'd think the subject was thoroughly researched, but scientists keep coming back to it. This is entirely understandable, because it

involves responsibility for tens of millions of lives and broken human fates, for the incredible destruction and misery of many peoples.

Keywords: World War II, World War II historiography, falsification of history, Stalin, USSR, fascism, Hitler.

For citation: Korolkova N.V. 2020. On the issue of responsibility for falsifying information about the outbreak of the Second World War in the historiography of foreign countries in the 1960s–2000s. Via in tempore. History and political science, 47 (3): 532–540 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-532-540.

Минуло 75 лет со времени самого великого и знаменитого события в новейшей истории нашего государства – победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. К сожалению, всё меньше остается среди нас ветеранов-героев, которые могли бы рассказать нам и всему миру об истинной цене победы, о неocenимом подвиге советского народа, спасшего Родину и мир от фашизма. Эти реалии налагают дополнительную ответственность на учёных-историков, чей профессиональный и гражданский долг выражается в со-творении объективной истории Второй мировой войны, борьбе против попыток ее искажений и прямых фальсификаций.

Несмотря на огромное количество источников, документальной, исследовательской и мемуарной литературы о событиях Второй мировой войны, эта тема для учёных остается практически неисчерпаемой. Глобальный кризис мировой цивилизации в середине XX в. еще долгий период времени будет трансформировать взгляды историков. Имеющиеся в настоящее время источники и документация в принципиальном плане достаточны для того, чтобы с позиции непредвзятого подхода дать исторически достоверную картину этих событий, но оценка этих событий до сих пор носит политически направленный характер.

На рубеже XX–XIX веков некоторые политические силы как в самой России, так и ближнем зарубежье начали новый этап грубой фальсификации истории. К сожалению, современный социум поддается такому воздействию. Это связано с тем, что культурный уровень исторического мышления населения остается низким. На протяжении последних 100 лет наши соотечественники неоднократно испытывали и до сих пор переживают такие радикальные политические потрясения, что им зачастую трудно определиться с морально-этическими и политическими ценностями.

В СМИ часто появляется много публикаций, выступлений, которые делают акцент не на осуждение фашизма, а на «цену победы». Чаще всего изучение истории Великой Отечественной войны сводится к роли Иосифа Сталина, штрафных батальонов и оценке его политической деятельности. Так, писатель Л. Млечин в радиозэфире «Эхо Москвы» заявил, что война советских людей с Германией была только «Отечественной» и не носила антифашистского характера [Федоров, 2015, с. 2].

Одной из самых актуальных тем, которые обсуждаются историками, является оценка международных отношений и дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. Периоду предвоенного времени в истории международных отношений посвящено немало публикаций. За послевоенное время были опубликованы многотомные серии дипломатических документов, мемуары и дневники государственных деятелей, политиков, дипломатов, огромное количество монографий и научных статей. Хроника событий, которые привели к самой кровопролитной и разрушительной войне в мировой истории, восстановлена день за днем. Казалось бы, эта тема досконально исследована, но учёные вновь и вновь возвращаются к ней. Это всецело объяснимо, так как речь идет об ответственности за десятки миллионов жизней и сломанных человеческих судеб, за невероятные разрушения и бедствия многих народов.

Однако существуют историки, учёные и политики на Западе, а также в некоторых государствах, образовавшихся на постсоветском пространстве, которые в своих книгах и



публичных выступлениях пытаются исказить картину прошлого. Эти авторы стремятся навязать общественности мысль практически о «равной ответственности» Германии и Советского Союза за развязывание Второй мировой войны. Одновременно производятся попытки реабилитировать политику умиротворения фашистских агрессоров, которая проводилась правительствами западных стран в 30-е годы XX столетия.

В центре внимания зарубежных авторов находятся советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 г., а также советская внешняя и военная политика накануне Второй мировой войны. Современные отечественные историки совершенно обоснованно считают, что фальсификация истории советско-германского договора усилиями Евросоюза «возведена на межпарламентский, а по существу – на межгосударственный уровень». 3 июля 2009 г. на парламентской сессии ОБСЕ была принята резолюция, в которой Советский Союз рассматривается в качестве соучастника нацистской Германии. Таким образом, на Россию фактически возлагается ответственность за развязывание Второй мировой войны [Ржешевский и др., 2010, с. 256]. В этих условиях возрастает значение историографического анализа зарубежной научной литературы, которая посвящена предвоенным международным отношениям.

В период до 1991 г. советскими учеными был издан ряд коллективных монографий, которые были посвящены критике западной историографии Второй мировой войны: «Большая ложь о войне. Критика новейшей буржуазной историографии Второй мировой войны» [Коротков и др., 1971, с. 369]; «Критика основных концепций буржуазной историографии Второй мировой войны» [Жилин и др., 1983, с. 384]; «Правда и ложь о Второй мировой войне» [Кульков и др., 1988, с. 296]. Крупные исследования принадлежат авторству О.А. Ржешевского, Г.Н. Реутова, А.Н. Мерцалова и др. Данные исследования до сих пор являются актуальными, не потеряли своей важности.

После распада СССР начался новый этап в отечественной историографии. Множество российских историков провозглашали отказ от марксизма и фактически попали под влияние западной либеральной идеологии [Ржешевский и др., 2010, с. 20–21]. На социум обрушились лавины исторических публикаций, которые были рассчитаны на ажиотаж, не имея подтвержденных исторических фактов и документов. Но, невзирая на множество трудностей переходного периода, в отечественной исторической науке продолжают проводиться профессиональные исторические исследования [Минц, 2011, с. 75].

Многие зарубежные учёные и исследователи 2-й половины XX в. находились под сильным прессингом со стороны господствовавших внешнеполитических и идеологических доктрин, а потому в формировании зарубежной историографии истории международных отношений в канун начала Второй мировой войны выделяют два главных периода: 1 период (1945 – конец 1980-х гг.) чаще всего совпадает с течением Холодной войны; начало второго периода (с 1991 г.) в изучении Второй мировой войны было связано с окончанием Холодной войны, распадом СССР и крахом мировой системы социализма.

Множество историков в Великобритании изучали вопрос о начале Второй мировой войны. Самыми популярными считаются А.Дж.П. Тейлор и его книга «Истоки Второй мировой войны» [Tailor A.J.P., 1961], книга однофамильца предыдущего автора Телфорда Тейлора «Мюнхен. Цена Мира» [Tailor T., 1977], известный исследователь Дональд Кэмерон Уатт и его труд «Слишком серьезное дело. Европейские вооруженные силы и подход ко Второй мировой войне» [Watt, 1975], Симон Ньюмен «Март 1939 года: британская гарантия Польше» [Newman, 1976], Роджер Паркинсон «Мир для наших времен. Мюнхен в Дюнкерк – история изнутри» [Parkinson, 1977], Энтони Адамсвайт «Франция и наступление Второй мировой войны» [Adamthwaite, 1977].

Историографии британского авторства присущ высокий интерес к роли политики умиротворения в развязывании Второй мировой войны. В изучении данного направления английской историографией выделяют два основных течения – консервативное и либеральное. Каждое из направлений в английской историографии, невзирая на существенные

различия между ними, обнаруживает близкую связь с властвующей политикой того времени [Беляева, 1989, с. 201].

Начало критического подхода к оценке внешней политики Невилла Чемберлена связаны с ролью Уинстона Черчилля в реалиях того времени. В течение дебатов в парламенте Черчилль назвал мюнхенское соглашение «полным и абсолютным поражением» без войны, нарушившим равновесие на территории Европы, которое вело к завлечению Великобритании в зону воздействия фашистской Германии. Что интересно, в тот же период, У. Черчилль, вопреки себе самому, убеждал всех, что путь, избранный Н. Чемберленом, «требовал величайшего мужества» [Черчилль, 1991, с. 148–149]. В своих мемуарах Черчилль называл советско-германский пакт «одиозным и противоестественным актом» [Черчилль, 1991, с. 179]. Позже многие оценки, которые были высказаны У. Черчиллем, были повторены английскими учёными-историками.

В военные и начальные послевоенные годы в рамках либерального течения английской историографии обнаружилась антифашистская тенденция. Уильям и Зельда Коутс в 1945 г. выпустили фолиант «История англо-советских отношений». Авторы, которые симпатизировали СССР, проштудировали немалое число документов, в том числе опубликованных материалов парламентских дебатов и британской прессы. Главное достоинство издания – это освещение двусторонних связей между Советским Союзом и Великобританией на обширном фоне развития международных отношений в Европе и мире. Авторы полагали, что даже в 1939 г. можно было спасти мир, но правительство Н. Чемберлена представляло Советский Союз как «третьеразрядную державу» [Coates, 1945, p. 602–603]. Предоставление гарантий Польше без предварительных договорённостей с Советским Союзом авторы считали «сумасшествием», что впоследствии привело к неудаче англо-франко-советских переговоров [Coates, 1945, p. 605].

В Германии весьма известными источниками по историографии Второй мировой войны считаются представители консервативного направления Ганс-Адольф Якобсен «Национал-социалистическая внешняя политика 1933–1938 гг.» [Jakobsen, 1968], Клаус Гильдебранд и его книга «Внешняя политика Германии 1933–1945 гг. Расчет или догма?» [Hildebrand, 1980], а также Андреас Хильгрубер «Советская внешняя политика во Второй мировой войне» [Hillgruber, 1979]. Ученые опубликовали десятки изданий по истории Второй мировой войны. Мнение авторов исходит из утверждения о «равной вине» за развязывание Второй мировой войны. В особенности резкой критике со стороны западногерманских учёных и авторов подвергался советско-германский Пакт о ненападении.

Во время Холодной войны в германской историографии Второй мировой войны властвовало консервативное направление, избегавшее крайностей, свойственных неонацизму, но категорически придерживавшихся антисоветского направления [Мерцалов, 1978, с. 23–26]. По отношению к Советскому Союзу создавался образ врага.

Классическим примером этого является крайне предвзятое издание проф. Г. Дамса «История Второй мировой войны». Основания фашистской агрессии профессор сводит к абсолютно субъективному фактору. Дамс полагает, что Гитлер «один принял решение, мнение граждан страны не спросил». Мюнхенский сговор автор оправдывает мнением, что западные страны поверили обещаниям фюрера о том, что Судетская область будет его конечным территориальным требованием. Автор стремился переложить ответственность за развязку войны на антагонистов Германии, безапелляционно на СССР [Мерцалов, 1978, с. 103].

В 60–70-е гг. XX столетия в немецкой исторической науке возобладало либеральное направление [Мерцалов, 1978, с. 23–26]. Под действием разрядки международной напряженности принимался прокладывать себе путь наиболее объективный подход к оценке довоенных международных отношений. Тем не менее лидеры консервативного направления обладали сильным влиянием. Взгляды консерваторов продолжали определяться конфронтационными идеями, которые были характерны для периода Холодной войны.



Ученые-историки либерального течения старались представить свои труды примером объективного подхода к событиям начала Второй мировой войны. Например, Б.Я. Вендт говорит в своей книге «Умиротворение, 1938. Экономический спад и Центральная Европа» о том, что он не собирается выступать в роли судьи, а его работа является «здравым, рассудительным и строго сравненным историческим исследованием» [Wendt, 1966, p. 140]. Но при этом автор полагает, что отказ Англии и Франции от противодействия немецко-фашистской экспансии в Восточной и Юго-Восточной Европе был определен тем, что Великобритания была сосредоточена на своей империи [Wendt, 1966, p. 39]. Следовательно, «прячется» основная цель политики умиротворения – устремить немецкую агрессию на Восток. В то же время, Вендт не упускает возможности упоминать об захватнических «аспирациях» Советского Союза касательно соседних стран [Wendt, 1966, p. 72–73].

Ещё одним научным событием стала книга германского историка И. Фляйшхауэра «Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939». Фляйшхауэр определяет, что задачей его исследования является «предметный анализ источников» и осознанно оставляет за рамками своего исследования то, что, как он считает, относится к сфере догадок и домыслов [Фляйшхауэр, 1990, с. 72–73].

Немецкий учёный не поддерживает весьма популярного на Западе мнения о том, что в основе внешней политики Советского Союза перед Второй мировой войной стояли захватнические стремления. Автор указывает, что в чрезвычайной ситуации надвигавшейся войны старания советской дипломатии были направлены на обеспечение безопасности своего государства [Фляйшхауэр, 1990, с. 353–354]. Давая оценку последствиям заключения советско-германского пакта о ненападении, автор признает, что фюрер даже без «русского пакта» реализовал бы свои планы в отношении Польши. «Наравне с невероятным желанием завоеваний, – указывает Фляйшхауэр, – Гитлера подталкивал к этому экономический крах, в который он привёл Германию, и вытекающая отсюда нужда показать своим сторонникам весомые «успехи» [Фляйшхауэр, 1990, с. 342–343]. В то же время, как пишет Фляйшхауэр, согласие на такой договор было связано с «ошибками и преступлениями» [Фляйшхауэр, 1990, с. 358].

Анализ дипломатической борьбы вне общеисторического контекста нередко приводит И. Фляйшхауэра к односторонним выводам. Советско-германский пакт о не нападении, по мнению Фляйшхауэра, был прежде всего «актом умиротворения». Автор указывает, что «советское правительство по возможности пыталось избежать войны методами умиротворения» [Фляйшхауэр, 1990, с. 358]. Следовательно, внешняя политика СССР сравнивается с политикой умиротворения, проводившейся западными странами.

Необходимо подчеркнуть, что среди современных исследователей ФРГ есть много тех учёных, которые остались верны мнениям и мыслям, которые были характерны для периода Холодной войны. Следует отметить, к сожалению, что в последнее время обозначилась тенденция возврата германской историографии по ряду моментов на позиции 60–70-х годов XX столетия [Самсоненко, 2002, с. 104]. Таким образом, отечественным учёным-историкам необходимо более активно и аргументированно отстаивать свои научные позиции.

Решительную антироссийскую пропаганду носит литература по историографии Второй мировой войны, которая публикуется в Соединённых Штатах Америки. Бывший американский дипломат и посол в Москве Джордж Фрост Кеннан был одним из идеологов Холодной войны. В книге «Россия и Запад при Ленине и Сталине» автор заявлял, что политика СССР в 1933–1939 гг., по мнению западных держав, была «странной и загадочной» [Kennan, 1961, p. 293–294]. По его мнению, сталинская Россия никогда не была надёжным партнером для Запада [Kennan, 1961, p. 312–313]. Обещания Советского правительства прийти на помощь Чехословакии в 1938 г. «стоили очень мало» в силу «географической реальности», поскольку СССР не имел общей границы с Германией. В то же время, он признает, что если бы Чехословакия решила сопротивляться Германии в 1938 г., она име-

ла бы хороший шанс спастись [Kennan, 1961, p. 323–324]. Мюнхенский сговор Дж. Кеннан называет трагическим заблуждением и отчаянным актом умиротворения, совершенным Чемберленом и Даладье в тщетной надежде на то, что он удовлетворит амбиции Гитлера и сохранит мирное будущее Европы [Kennan, 1961, p. 322]. Дж. Кеннан пишет, что неудача англо-франко-советских переговоров в 1939 г. была вызвана тем, что Англия и Франция не были готовы пожертвовать независимостью Польши и прибалтийских государств в обмен на помощь Советского Союза [Kennan, 1961, p. 326–327]. Западные демократии, утверждает Дж. Кеннан, не могли ждать спасения с востока, а должны были рассчитывать только на самих себя [Kennan, 1961, p. 313]. Накануне Второй мировой войны их собственных сил для того, чтобы противостоять германской агрессии, было достаточно, но двумя годами позже – нет, поскольку перевооружение Германии шло очень быстро. В 1941 г. западным державам уже была необходима помощь СССР, за которую требовалось заплатить цену, «всю горечь которой вкусило наше поколение» [Kennan, 1961, p. 313]. В конечном счете такая политика западных держав, по словам Дж. Кеннана, привела к «трагическому цинизму» советско-германского пакта 1939 г. [Kennan, 1961, 295].

Вместе с тем Дж. Кеннан выносит на обсуждение несколько любопытных вопросов, которые требуют своего объяснения. Многие из них, конечно же, возникают в центре внимания огромного числа источников, которые посвящены личности Иосифа Сталина. Яркими эпитетами автор представляет для читателя образ Сталина, а именно его аномальную подозрительность, хитрость и отстранённость. Автор намеренно заставляет нас думать, что эти личностные качества Сталина будто намеренно нашли свое олицетворение в политических репрессиях, противостоянии немецким социал-демократам во время прихода фюрера к власти, заключении пакта о ненападении в 1939 г., а также в поступках советского лидера в военное и послевоенное время.

Естественно, когда роли Сталина уделяют слишком много внимания, при этом представляя ее в качестве основного фактора, который бы определял внешнюю политику СССР, и оставляя при этом все остальные более значимые факторы где-то позади, то данная постановка вопроса кажется весьма сомнительной, так как в существовавших реалиях внешней политике СССР была бы присуща высокая степень иррациональности.

Дж. Кеннан давал характеристику последним годам жизни советского лидера так: «прогрессирующее безумие и интеллектуальное увядание», при этом он отмечал неспособность Сталина адаптировать советскую внешнюю политику к запросам трансформирующейся действительности [Kennan, 1961, p. 101]. Уместно будет заметить, что, невзирая на личностные качества Сталина и особенности внутренней политики, которую он проводил, СССР все же дал понять, что может весьма неплохо приспособить свою внешнюю политику к модификациям, которые происходили в отношениях между мировыми державами.

Американские учёные в области истории Л. Фишер [Fisher, 1969], Д. Макшерри [McSherry, 1968], Д. Ротшильд [Rotschild, 1974], А. Улам [Ulam, 1968] сопоставляют советскую внешнюю политику с политикой имперской России. Популярный исследователь по истории России Л. Фишер в своей книге «Путь России от мира к войне: советские международные отношения, 1917–1941 гг.» заявляет, что СССР видел в нападении Германии на Польшу и Запад уникальную возможность возродить рубежи Российской империи и даже еще больше их расширить [Fisher, 1969, p. 349]. Д. Ротшильд утверждал, что «СССР и Германия представляли важнейшую угрозу межвоенному территориальному и социальному урегулированию» [Rotschild, 1974, p. 4]. Подобные мысли развивает А. Улам [Ulam, p. 1968].

Исследования американских историков, которые посвящены периоду предвоенного времени и характеристики международных отношений, наполнены обвинениями Советского Союза в экспансионизме и захватнической политике, вторжении во внутреннюю политику маленьких государств, а также стремлении к завладению их территорий. Следовательно, читателю внушается мысль об агрессивном курсе политики России, которая ей присуща генетически. В результате в корне американской историографии лежит весьма



определенное желание дать оправдание внешней политике своего государства, которая, конечно же, нацелена на подавление желания со стороны России распространять своё влияние в Восточной Европе, на Ближнем и Среднем Востоке.

В завершение можно сделать вывод о том, что в условиях современных международных отношений и усиления в мире враждебно настроенной по отношению к России политики вновь активно используются оценки, которые господствовали в западной историографии в период Холодной войны. Отечественные же учёные в области исторических наук, опираясь на существующие документы, рассекреченные архивы, военную документацию, в своих исследованиях опровергают попытки фальсификаторов истории переложить ответственность за развязывание Второй мировой войны с ее бесчисленными жертвами и колоссальными разрушениями на СССР.

Список литературы

1. Беляева В.И. 1989. Британская историография мюнхенского сговора. Мюнхен: преддверие войны (Исторические очерки). М., Наука, 239.
2. Большая ложь о войне. Критика новейшей буржуазной историографии Второй мировой войны. 1971. М., Воениздат, 369.
3. Жилин П.А., Якушевский А.С., Кульков Е.Н. 1983. Критика основных концепций буржуазной историографии Второй мировой войны. М., Наука, 384.
4. Иванов А.Г. 2018. Дипломатическая борьба в Европе в канун Второй мировой войны. Краснодар, Кубанский гос. ун-т., 291.
5. Кульков Е.Н., Ржешевский О.А., Чельшев И.А. 1988. Правда и ложь о Второй мировой войне. М., Воениздат, 296.
6. Ржешевский О.А. 1984. Война и история. Буржуазная историография США о второй мировой войне. Изд. 2. М., Мысль, 333.
7. Ржешевский О.А., Кульков Е.Н., Мягков М.Ю. 2010. Все о великой войне. М., Алгоритм, Эксмо, 256.
8. Самсоненко Г.Г. 2002. Отечественная и немецкая историография о роли СССР в победе над Германией в годы Второй мировой войны (1941–1945 гг.). Автореф. дис. канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 21.
9. Минц М.М. 2011. Начало Великой Отечественной войны: Современная историография: Сборник обзоров и рефератов. М., ИНИОН РАН, Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. Истории, 160.
10. Федоров К.В. 2015. Ответственность за развязывание Второй мировой войны. Зарубежная историография. Гуманитарный журнал, вып. 7: 32–42.
11. Фляйшхауэр И. 1990. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939. М., Прогресс, 480.
12. Черчилль У. 1991. Вторая мировая война. В 3 книгах. Кн. 1. Т. I–II. Сокр. пер. с англ. М., Воениздат, 592 (in Russian).
13. Adamthwaite A. 1977. France and the coming of the Second World War. 1936–1939. London, Cass, 424.
14. Coates W.P. and Z.A. 1945. History of Anglo-Soviet Relations. London, Lawrence and Wishart, The Pilot Press, 816.
15. Fisher L. 1969. Russia's Road from Peace to War; Soviet Foreign Relations, 1917–1941. New York, Harpers and Row, 499.
16. Hildebrand K. 1980. Deutsche Außenpolitik 1933–1945. Kalkül oder Dogma? Stuttgart, Kohlhammer, 206.
17. Hillgruber A., Hildebrand K. 1990. Kalkül zwischen Macht und Ideologie. Der HitlerStalin Pakt: Parallelen bis heute. Zurich, Edition Interfrom, 80.
18. Hillgruber A. 1979. Sowjetische Außenpolitik im Zweiten Weltkrieg. Düsseldorf, Athenäum / Droste Taschenbücher Geschichte, 154.
19. Jakobsen H.-A. 1968. National-sozialistische Außenpolitik 1933–1938. Frankfurt am Main, Berlin, West, 490.

20. Kennan G. 1961. Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston, Toronto, Atlantic monthly Press, 411.
21. McSherry J. 1968. Stalin, Hitler and Europe. Vol. 1. The Origins of the World War II. New York, The World Publ., 308.
22. Newman S. 1976. March 1939: the British guarantee to Poland. Oxford, Clarendon press, 253.
23. Parkinson R. 1971. Peace for our Times. Munich to Dunkirk – the inside story. London, Rupert Hart-Davis, 412.
24. Rotschild J. 1974. East Central Europe between the two World Wars. Seattle, London, Univ. of Washington press, 420.
25. Taylor A.J.P. 1961. The Origins of the Second World War. London, Hamish Hamilton, 296.
26. Taylor T. 1979. Munich. The Price of Peace. New York, Random House, 1000.
27. Ulam A. 1968. Expansion and Coexistence: The History of Soviet Foreign Policy 1917–1967. New York, Washington, Praeger, 775.
28. Watt D. 1975. Too serious business. European armed forces and the approach to the Second World War. Berkley, Los Angeles, Univ. of California press, 200.
29. Wendt B.-J. 1966. Appeasement, 1938. Wirtschaftliche Rezession und Mitteleuropa. Hamburg, Europäische Verlagsanstalt, 162.

References

1. Belyaeva V.I. 1989. Britanskaya istoriografiya myunhenskogo sgovora. Myunhen. Predverie voyny (Istoricheskie ocherki) [British Historiography of the Munich Conspiracy. Munich: The Eve of the War (Historical Essays)] M., Nauka, 239 (in Russian).
2. Bol'shaya lozh' o vojne. Kritika novejshej burzhuaiznoj istoriografii Vtoroj mirovoj vojny. 1971 [Big lies about the war. Criticizing the latest bourgeois historiography of World War II]. M., Voenizdat, 369 (in Russian).
3. Zhilin P.A., Yakushevskij A.S., Kul'kov E.N. 1983. Kritika osnovnyh koncepcij burzhuaiznoj istoriografii Vtoroj mirovoj vojny [Critique of the main concepts of bourgeois historiography of the Second World War]. M., Nauka, 384 (in Russian).
4. Ivanov A.G. 2018. Diplomatskaya bor'ba v Evrope v kanun Vtoroj mirovoj vojny [Europe's diplomatic struggle on the eve of World War II]. Krasnodar, Kubanskij gos. un-t., 291 (in Russian).
5. Kul'kov E.N., Rzheshhevskij O.A., Chelyshev I.A. 1988. Pravda i lozh' o Vtoroj mirovoj vojne. [The truth and the lies about World War II]. M., Voenizdat, 296 (in Russian).
6. Rzheshhevskij O.A. 1984. Vojna i istoriya. Burzhuaiznaya istoriografiya SSHA o vtoroj mirovoj vojne [War and History. US bourgeois historiography of the Second World War]. Izd. 2-e, dop. i pererab. M., Mysl', 333 (in Russian).
7. Rzheshhevskij O.A., Kul'kov E.N., Myagkov M.Yu. 2010. Vse o velikoj vojne [All about the great war]. M., Algoritm, Eksmo, 256 (in Russian).
8. Samsonenko G.G. 2002. Otechestvennaya i nemeckaya istoriografiya o roli SSSR v pobede nad Germaniej v gody Vtoroj mirovoj vojny (1941–1945 gg.) [German and Russian historiography on the role of the USSR in defeating Germany during the Second World War (1941–1945)]. Avtoref. dis. kand. ist. nauk. St. Petersburg, 21 (in Russian).
9. Minc M.M. 2011. Nachalo Velikoj Otechestvennoj vojny: Sovremennaya istoriografiya: Sb. obzorov i ref. RAN [The beginning of the Great Patriotic War: Modern historiography: Collection of reviews and abstracts]. M., INION RAN, Centr social. nauch.-inform. issled. Otd. Istorii, 160 (in Russian).
10. Fedorov K.V. 2015. Otvetstvennost' za razvyazyvanie Vtoroj mirovoj vojny [Responsibility for the outbreak of the Second World War. Foreign historiography]. Zarubezhnaya istoriografiya. Gumanitarnyj zhurnal, vyp. 7: 32–42 (in Russian).
11. Flyajshkhauer I. 1990. Pakt. Gitler, Stalin i iniciativa germanskoj diplomatii. 1938–1939 [Covenant. Hitler, Stalin and the German Diplomacy Initiative. 1938–1939]. M., Progress, 480 (in Russian).
12. Cherrill' U. 1991. Vtoraya mirovaya vojna. V 3 knigah [World War II. Three books.]. Kn. 1. T. I–II. Sokr. per. s angl. M., Voenizdat, 592.
13. Adamthwaite A. 1977. France and the coming of the Second World War. 1936–1939. London, Cass, 424.
14. Coates W.P. and Z.A. 1945. History of Anglo-Soviet Relations. London, Lawrence and Wishart, The Pilot Press, 816.



15. Fisher L. 1969. Russia's Road from Peace to War; Soviet Foreign Relations, 1917–1941. New York, Harpers and Row, 499.
16. Hildebrand K. 1980. Deutsche Außenpolitik 1933–1945. Kalkül oder Dogma? Stuttgart, Kohlhammer, 206.
17. Hillgruber A., Hildebrand K. 1990. Kalkül zwischen Macht und Ideologie. Der HitlerStalin Pakt: Parallelen bis heute. Zurich, Edition Interfrom, 80.
18. Hillgruber A. 1979. Sowjetische Außenpolitik im Zweiten Weltkrieg. Düsseldorf, Authenäum / Droste Taschenbücher Geschichte, 154.
19. Jakobsen H.-A. 1968. National-sozialistische Außenpolitik 1933–1938. Frankfurt am Mein, Berlin, West, 490.
20. Kennan G. 1961. Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston, Toronto, Atlantic monthly Press, 411.
21. McSherry J. 1968. Stalin, Hitler and Europe. Vol. 1 The Origins of the World War II. New York, The World Publ., 308.
22. Newman S. 1976. March 1939: the British guarantee to Poland. Oxford, Clarendon press, 253.
23. Parkinson R. 1971. Peace for our Times. Munich to Dunkirk – the inside story. London, Rupert Hart-Davis, 412.
24. Rotschild J. 1974. East Central Europe between the two World Wars. Seattle, London, Univ. of Washington press, 420.
25. Taylor A.J.P. 1961. The Origins of the Second World War. London, Hamish Hamilton, 296.
26. Taylor T. 1979. Munich. The Price of Peace. New York, Random House, 1000.
27. Ulam A. 1968. Expansion and Coexistence: The History of Soviet Foreign Policy 1917–1967. New York, Washington, Praeger, 775.
28. Watt D. 1975. Too serious business. European armed forces and the approach to the Second World War. Berkley, Los Angeles, Univ. of California press, 200.
29. Wendt B.-J. 1966. Appeasement, 1938. Wirtschaftliche Rezession und Mitteleuropa. Hamburg, Europäische Verlagsanstalt, 162.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Королькова Наталья Валентиновна, аспирант кафедры всеобщей истории Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia V. Korolkova, postgraduate student of the Department of General History Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 930

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-541-551

Особенности описания «своих» и «чужих» в космографическом введении «Повести временных лет»

Н.И. Солнцев

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,

Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

E-mail: sochin3@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается структура космографического очерка «Повести временных лет» с целью объяснить особенности летописного описания «своих» и «чужих». На основании анализа структуры текста показывается, что летописное изложение событий соответствует стандарту раннеисторического описания, выработанного в мировой литературе. Структурный анализ текста показывает, что рассматриваемый космографический очерк в начале ПВЛ был необходим летописцу для концептуально-смыслового соединения сюжетов ветхозаветной и славянской истории. Автор обращает внимание на то, что схема летописного повествования схожа с ветхозаветной книгой Иисуса Навина, повествующей о завоевании богоизбранным народом земли Ханаанской. Таким образом летописец соотносит раннюю историю славян с ветхозаветными сюжетами. Вводя в летопись описания жизни и быта славянских племен, демонстрирующие их принципиальные культурные отличия от полян, автор тем самым обосновывает политическое и сакрально-обрядовое доминирование полян и определяет Киев как безальтернативный центр Древней Руси.

Ключевые слова: имагология, летописный рассказ, расселение славян, поэтика Ветхого Завета, структура раннеисторического текста, конструирование мифосистем.

Для цитирования: Солнцев Н.И. 2020. Особенности описания «своих» и «чужих» в космографическом введении «Повести временных лет». Via in tempore. История. Политология, 47 (3): 541–551. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-541-551.

Peculiarities of description of «their» and «others» in the cosmographical introduction of the Russian Primary Chronicle

Nikolay I. Solntsev

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,

23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603950, Russia

E-mail: sochin3@yandex.ru

Abstract. The article examines the structure of the cosmographical essay of the Primary Chronicle in order to explain the features of the annalistic description of «their» and «others». Based on the analysis of the text structure, it is shown that the chronicle account of events corresponds to the standard of early historical description developed in the world literature. This statement puts the researcher not so much before the task of considering the actual information contained in the source text, but rather before the need to analyze the form and structure of the historical text itself in terms of revealing the general idea of the chronicler. Structural analysis of the text shows that the cosmographical essay at the beginning of the Primary Chronicle was



necessary for the chronicler for the conceptual and semantic connection of the plots of the old Testament and Slavic history. The author draws attention to the fact that the scheme of the chronicle narrative is similar to the old Testament book of Joshua, which tells about the conquest of the land of Canaan by a God-chosen people. Thus the chronicler correlates the early history of the Slavs with the Old Testament stories. Introducing into the chronicle descriptions of the life and customs of Slavic tribes, demonstrating their fundamental cultural differences from the Poles, the author thus justifies the political and sacral-ceremonial dominance of the Poles and defines Kiev as the uncontested center of Medieval Russia.

Keywords: imagology, chronical narrative, the resettlement of the Slavs, poetics of the Old Testament, the structure of the early historical text, the construction of myth systems.

For citation: Solntsev N.I. 2020. Peculiarities of description of «their» and «others» in the cosmographical introduction of the Russian Primary Chronicle. Via in tempore. History and political science, 47 (3): 541–551 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-541-551.

С начала российской истории космографическое введение к «Повести временных лет» становится неотъемлемой частью любого сколь-либо масштабного исторического произведения. После выхода в свет «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина описание дислокации славян прочно входит в большинство исторических курсов как состоявшаяся их научная данность, не подлежащая сомнению [Карамзин, 2003, с. 54–55]. Космографическое описание легло в основу исторических [Насонов, 1951, Рыбаков, 1963, Пашуто, 1968, Сахаров, 1980], историко-географических [Барсов, 1885, Кузнецов, 1910, Рыбаков, 1953, с. 23–104], этнографических исследований [Кузьмин, 1969, Рыбаков, 1982], реконструирующих картину ранней истории средневековой Руси. Несмотря на всю спорность приведенных в летописании этнонимов [Tolochko, 2008, p. 173], они прочно вошли в терминологический обиход отечественной археологии [Седов, 1995, с. 358–375].

Подобное положение дел обуславливалось сформировавшейся еще в XIX веке уверенностью в том, что основное назначение исторического произведения состоит в доведении до сведения потомков некой лишенной субъективного отношения информации о прошлом. Тем самым на творчество древнерусского книжника переносился принцип объективности, сформировавшейся не ранее Нового времени. При этом явно игнорировался факт того, что летописец, будучи интегрирован в совершенно иную культурно-социальную сферу, преследовал в своем сочинении абсолютно другие цели, реализовывая их как через присущую данной эпохе литературно-историческую традицию, так и характерный для этого времени метаязык, связанный с формами исторического мышления со-временного ему времени. Данное положение выводит на первый план не столько рассмотрение фактической информации, находящейся в тексте источника, сколько исследование самой композиции повествования, напрямую связанную с современным автору мироощущением.

Для этого следует обратиться к самому тексту «Повести временных лет», но постараться рассмотреть его не с точки зрения представленного фактического материала, а исходя из структуры, логики и авторской цели изложения. Еще в 1973 году в своей статье «О космологических источниках раннеисторических описаний» [Топоров, 1973, с. 106–150, Топоров, 2010, с. 161–205] В.Н. Топоров выделял ряд закономерностей, присущих структуре раннеисторических повествований. Сформулированные в работе мысли и выводы стали методологической основой данного исследования, что дало возможность понять цели, стоявшие перед автором «Повести временных лет», и уяснить смысл и назначение ее вводной части. Поставленная задача была разрешена с помощью семиотического подхода, а также герменевтического и сравнительно-исторического методов, дополненных лингвистическими приемами исследования текстов. Использование подобной методологической базы совместно с исторической феноменологией позволило увидеть в

космографическом введении к «Повести временных лет» структуру, характерную для раннеисторического описания.

Рассматривая задачи, стоящие перед автором подобного описания, В.Н. Топоров обращает внимание на то, что первой из них становится насущная необходимость разделить историческую перспективу как бы на две части. В первой самого объекта исторического описания еще не существует, так как человек или социум еще не появился. Во второй части человек уже появился, и социум в его лице начинает активно творить исторический процесс. Таким образом, первостепенная задача, стоящая перед создателем раннеисторического произведения, состоит в дискурсивном соединении их в одно целое. Обычно подобная задача решается в преамбуле к основной части повествования и преследует цель отметить точку «начала истории». Мировая литература прибегала к данному способу так часто, что создала своеобразный шаблон, который и был описан В.Н. Топоровым. Отталкиваясь от первоначального вопроса о сотворении мира, создатель текста переходит к описанию временных отрезков, формирующих первоначальную историю. Этот этап неотделим от описания пространства, занимаемого социумом, причем в большинстве случаев презентация территорий ведется от некой географической периферии к центру – зоне обитания описываемого народа. Следующим актом повествования становится совмещение двух исторических начал, сакральной псевдоистории с собственно историей народа с ее логико-дискурсивным содержанием. Для реализации этой задачи в произведение вводится актер, совмещающий в себе черты вымышленного и реально существующего лица. Данный персонаж открывает собственно историю социума в его культурном единстве, для подтверждения которого в текст вводятся описания обычаев, родства, общественного поведения, брака [Топоров, 2010, с. 169]. Нельзя сказать, что космографическое введение летописи полностью отвечает данным особенностям, однако во многом описание, данное летописцем, с ним совпадает.

Прежде всего, обращают на себя внимание первые слова летописи, ставшие своеобразным введением в дальнейшее повествование. «Се повѣсти времяныхъ лѣтъ ѿкуду есть пошла руская земля кто въ киевъ нача первѣе княжити и ѿкуду руская земля стала есть» [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись, 1926–1928, стб. 1, л. 1 об.]. Казалось бы, после этого летописец должен был бы озаботиться ответом на поставленный им же самим вопрос, однако этого не происходит. Автор отсылает читателя к сюжетам библейской истории. Подобному можно дать как минимум два объяснения. Прежде всего, для средневекового книжника Ветхий Завет являлся единственно возможным и, главное, единственно верным образцом исторического произведения, ортодоксальность которого не подлежала сомнению. «Библейские тексты являлись источниками сюжетов, аллюзий, цитат, фразеологии и лексической семантики, оказывая тем самым влияние на сюжетостроение и стилистическое своеобразие всей литературы» [Алексеев, 1999, с. 8–9]. Кроме этого, в сознании средневекового человека разрыва между сакральной ветхозаветной историей и современностью практически не существовало. Ветхий Завет выступает как общеобъединяющая часть, протоистория христианской цивилизации. И наконец, подобное начало можно рассматривать как реализацию общего замысла летописного произведения, концептуальной задачей которого становится смысловая связь библейской истории с историей славян.

Летописное начало истории славян отправляет читателя ко времени окончания Великого Потопа. Смысл данного сюжета очевиден – согласно библейской легенде, Потоп становится отправной частью истории всего человечества. Так, О.В. Белова отмечает, что сама тема Потопа, аллюзивно отразившись в огромном количестве легенд, всегда рассматривалась как событие исключительное, говорящее о наступлении новой эры [Белова, 1998, с. 164–167]. В новозаветной истории данное событие всегда осмысливалось как духовное перерождение человечества покорного воле бога [Евр. 11:7] и теперь готового встретить будущее богоявление [2 Петр. 2:5].



Не удивительно, что этот сюжет занимает столь значительное место не только в «Повести временных лет», но и, как утверждает А.А. Шахматов, в предшествующих ей «Хронике» Георгия Амартола, откуда взят перечень территорий, доставшихся сыновьям Ноя [Шахматов, 2002, т. I, кн. 1. с. 268], и «Хронике» Иоанна Малалы с описанием народов Восточной Европы [Шахматов, 2002, т. I, кн. 2. с. 177–183]. Однако, несмотря на всю традиционность данного сюжета, помещение в начало повествования этногенетической легенды, как утверждает В.Я. Петрухин, попирает основы средневековой хронографии, полностью игнорируя «Шестоднев», а вместе с ним сотворение мира, и сразу переводя внимание на тему разделения земли между сыновьями Ноя [Петрухин, 1998, с. 277]. На нетипичность подобного введения для византийской исторической традиции указывает Е.А. Мельникова [Мельникова, 2010, с. 81]. Все это дает возможность предполагать, что данный сюжет был важен для летописца, так как придавал тексту заранее установленный дискурс.

В «Повести временных лет», как и в библейском предании, Хаму достаются земли южные, Иафету – северные, а территории, отведенные Симу, таким образом, располагаются посредине между ними. Данное географическое положение выражено подчеркивало их центральное положение, придавая им статус земли обетованной [Евр. 1:10]. Это и пришлось констатировать летописцу, расположив славян-иафетитов на краю ойкумены. Выход из этой затруднительной ситуации был найден с помощью созданной в тексте достаточно изящной мифосистемы, которая начинает формироваться с описания вавилонского столпотворения. «Афетови же приаща западь и полунощныа страны ... быс языкъ Словѣнскъ ѿ племени Афетова» [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись, 1926–1928, стб. 5, л. 2 об.].

Данный сюжет явно служил для разделения всех иафетитов на «своих» и «чужих», что позволило выделить славян из всех прочих народов. Это, в свою очередь, дало возможность перейти к описанию «исхода» славян с Дуная, где, по мнению летописца, располагалась их первоначальная дислокация. В этой части повествования летописец перечисляет пятнадцать племен, а когда «волохи» изгоняют славян с Дуная на Вислу и Днепр, их остается десять.

Подобное описание очень близко к ветхозаветному рассказу. Согласно Библии, земельные угодья за рекой Иордан получают девять «племен» – колен израилевых. «Раздели землю сию в удел девяти коленам и половине колена Манассиена» [Иис. Нав. 13:7]. Если же иметь в виду, что описание библейских двенадцати колен израилевых можно отнести скорее к идеальной форме организации пространства, то ветхозаветные аллюзии летописца, как отмечает В.Я. Петрухин [Петрухин, 2008, с. 64], становятся очевидными. Этой же точки зрения придерживается и И.Н. Данилевский [Данилевский, 2014, с. 70–71]. Подобная форма изложения, как указывает А.П. Толочко, была призвана ментально соединить историю нарождающихся славян с универсалиями христианской традиции [Tolochko, 2008, p. 178].

Следующей задачей, которую решает летописец, становится соединение ветхозаветной сюжетности и собственно славянской. Задача решается через создание Симу, Хаму и Иафету прямой оппозиции в лице квазиисторических братьев Кия, Щека и Хорива. «И створиша градъ во имя брата своего старѣишаго ... блху мужи мудри и смыслени и нарицахуса Полане ѿ нихе же есть Полане в Киевѣ и до сего дне» [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись, 1926–1928, стб. 9, л. 4]. Это дало возможность перевернуть ветхозаветное пространство и рассматривать дальнейшую историю, исходя из доминанты нового сакрального центра, связанного исключительно со славянскими племенами. Характерно, что, приведя на Днепр девять славянских племен, летописец уже на месте расширяет их круг до пятнадцати, то есть доводит их число до того количества, которое предшествовало переселению. Тем самым создав образ новой славянской родины, делая Поднепровье новой землей обетованной для нового, только что созданного его пером богоизбранного

народа. Казалось бы, как отмечал выше В.Н. Топоров, описание брачных отношений и социального поведения должно было стать завершающим шагом в создании образа народа в изображении славянского единства в данном летописном эпизоде, но этого не происходит. Вместо этого летописец приводит описание моральной пропасти, лежащей между насельниками днепровских высот полянами и другими славянскими племенами, населяющими Русскую равнину.

«Древляне живаху звѣриньскимъ вбразомъ жиоуще скотьски оубиваху другъ друга ѣдяху вса нечисто и брака оу нихъ не быше но оуммыкиваху оу воды двѣа и Радимичи и Ватичи и Сѣвер удинъ вбычаи имаху живах в лѣсѣ ѣкоже и всакии звѣрь ѣдуще все нечисто и срамословье в ни предъ вѣтци и предъ снохами и браци не бываху в ни и игрища межю селы схожахуса на игрища на пласанье и на вса бесовьскаѣ игрища и гу оумыкаху жены собѣ с неюже кто съвѣщашеса имаху же по двѣ и по три жены» [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись, 1926–1928, стб. 13–14, л. 5]. Точно так же ведут себя вятичи и кривичи и все остальные «творяще сами собѣ законъ» [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись, 1926–1928, стб. 14, л. 5]. Характер подобного описания сразу ставит перед исследователем вопрос, какой смысл имела данная констатация и зачем летописцу понадобилось разрушать столь тщательно выписанное единство славянских племен, наконец завершивших столь долгое путешествие к землям своего нового обитания. Если раньше все изобразительные средства текста были направлены на создание картины, показывающей единство культуры, языка и обычаев, то теперь летописец намеренно перечеркнул все достигнутое, изобразив окружающие полян племена не просто как «других», но как «чужих», на что указывают характерные особенности описания. Именно на такую особенность определения «чужого» указывает В.В. Колесов, когда говорит о высшей степени неприятия «других» или «иных», определяя их как что-то начисто враждебное, исключаящее всяческие дружеские отношения [Колесов, 1986, с. 22].

Как указывает Н.Л. Шамне, «маркерами отношения к «другим» и «чужим» может служить описание внешних черт, поведения, в том числе и речевого, среды обитания, особенностей характера иного социума ... Выражение эмоций по поводу тех или иных событий, впечатлений, как правило, одновременно указывает на оценку – положительную или отрицательную» [Шамне, 2009, с. 3]. В описании «других» присутствует неподдельный интерес: «где живут, что едят, как общаются, мотивация действий, обычаи, традиции» [Иссерс, Рахимбергенова, 2007, с. 90]. Оценка же «чужого» характеризуется наличием крайне отрицательных эмоций, отторжения, неприятия [Шамне, 2009, с. 3]. К этому обычно добавляется сравнение и противопоставление культурных традиций с целью подчеркнуть порочность чужих нормативов, что, собственно, и демонстрирует летописец.

Обращает на себя и еще одна особенность в изложении текста. Как отмечает А.Б. Пеньковский, «свой» мир – это мир единственного числа, со значением единичности. Он строится из дискретных, уникальных в своей индивидуальности предметов и символов. Мир «чужой» выражается посредством описания однородного множества, это мир статичный и неподвижный, не имеющий тенденций к изменению [Пеньковский, 2004, с. 10]. Именно так и поданы летописцем окружающие полян племена. Они образуют единую в своей слитности, враждебную, состоящую из однородных культурных единиц массу, что в итоге и приводит автора к общей для них всех констатации: «погании не вѣдуще закона Бжѣ» [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись, 1926–1928, стб. 14, л. 5 об.]. Отметим, что для летописи понятие «поганый» (латинское «*paganus*» – деревенщина, а позднее «язычник») всегда имеет крайне отрицательные коннотации, говорящие о социальном, культурном и религиозном убожестве названного народа, определяя тем самым сложившиеся непримиримые противоречия [Колесов, 1986, с. 22]. Применение его в данном контексте указывает на крайнюю степень противопоставления летописцем полян всем остальным славянским племенам. Стоит ли повторять, что подобное противопоставление

ломает всю смысловую и логическую структуру предыдущего текста и требует своего объяснения.

Априори считается, что пришедшие с запада славянские племена были единым этносом, однако подобное утверждение вызывает ряд сомнений. Прежде всего, еще в описании деления земель между Симом, Иафетом и Хамом летописец допускает достаточно странную оговорку. «Симъ же и Хамъ и Афеть раздѣливше землю жребьи метавше не преступати никомуже въ жребии братень и живяхо кождо въ своеи части» [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись, 1926–1928, стб. 4, л. 2 об.], читаем мы в «Повести временных лет». Отметим, что в комментариях к летописи смысл этой фразы либо опускается, либо остается за чертой внятных объяснений. Д.С. Лихачев считал, что «... о разделении всей земли по жребию Библия не рассказывает» [Повесть временных лет, 1996, с. 380]. К такому же мнению о противоречии фразы духу библейского рассказа приходят А.Г. Кузьмин и В.В. Фомин [С Повести временных лет (Лаврентьевская летопись), 1993, с. 313].

Действительно, в библейском рассказе о разделении земель сыновьями Ноя речь о жребии не идет, однако данная фраза встречается в более поздней части Ветхого Завета. О жребии говорится в книге Иисуса Навина: «По жребию делили они, как велел Господь через Моисея, девяти коленам и половине колена Манассиина» [Иис. Н. 14:2]. Можно смело предположить, что, живописуя данный летописный сюжет, автор прибегает к явной аллюзии на это библейское произведение, в котором тема завоевания жизненного пространства сюжетно стоит на первом месте. Аллюзиями на данный библейский сюжет можно считать и указанное выше количественное перечисление славянских племен, вокруг которого строится летописное повествование. Следовательно, речь может идти о миграции нескольких, а быть может, даже одного славянского племени на территорию Поднепровья, которое сопровождалось захватом территории, уже населенной другими, возможно, родственными славянскими племенами.

На такой же вывод наталкивает и постоянная путаница, возникающая у летописца в описании этнической истории племен, входивших в славянское единство: «Словѣни же вви пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Лахове а ѿ тѣхъ Лаховъ прозвашася Полане» [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись, 1926–1928, стб. 6, л. 2 об. -3], однако «Радимичи бо и Ватичи ѿ Лаховъ» [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись, 1926–1928, стб. 12, л. 4 об.]. «И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженъ а Полахъ в Древлехъ свое а Дреговичи свое в Словѣни свое в Новѣгородѣ а другое на Полотѣ иже Полочане ѿ нихъже. Кривичи же сѣдять на верхъ Волги а на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра ихъже град Смоленскъ туда бо сѣдять Кривичи таже Сѣверъ» [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись, 1926–1928, стб. 10, л. 4.], тем не менее «се бо токмо Словѣнскъ ѣзыкъ в Руси Полане Дереване, Ноугородци, Полочане, Дреговичи, Сѣверъ, Бужане...» [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись, 1926–1928, стб. 11, л. 4–4 об.]. С одной стороны, отношения племен безоблачны «иже баху в мирѣ Полане и Деревлане и Сѣверъ и Радимичъ и Ватичи и Хорвате» [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись, 1926–1928, стб. 12, л. 5], с другой стороны, поляне: «быша вбидимы Древлемъ и инѣмъ вкольными» [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись, 1926–1928, стб. 16–17, л. 6]. Данную путаницу, конечно, можно объяснить многочисленными вставками и перелицовками данного произведения, однако при любой самой бесцеремонной редакции первоначальный текст подчинялся установленной логике и следует заранее заданному замыслу. Эту логику, пусть даже гипотетически, можно представить следующим образом.

Опираясь на Ветхий Завет, летописец показывает историю возникновения и расселения славянских племен, выводя их от колена Иафетова и проводя через описание Вавилонского столпотворения. «Афетови же прияха западь и полунощныя страны от сихъ же 70 и 2 языку бы языкъ Словѣнскъ» [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись, 1926–1928, стб. 5, л. 2 об.]. Характерно, что в данном сюжете Библии числа 70 и 2 отсутствуют, однако присутствуют в описании египетского пленения «богоизбранного народа»: «Сынов

Иосифа, которые родились у него в Египте, две души. Всех душ дома Иаковлева, перешедших в Египет, семьдесят» [Быт. 46:27]. Эта явная аллюзия летописца дает возможность предполагать, что сама логика дальнейшего повествования будет подчинена последовательности ветхозаветных сюжетов.

«Сѡ тѣхъ Словѣнь разидошася по землѣ и прозвашася именѣи своими, гдѣ сѣдоше на которомъ мѣстѣ яко пришедше сѣдоша» [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись, 1926–1928, стб. 5, л. 3], – продолжает летописец в следующей строке. Отметим, что именно после нее следует первое перечисление этнонимов собственно славянских племен. Приведенная фраза имеет явное смысловое совпадение с первой главой Четвертой книги Моисеевой – Числа. «Исчислите общество сыновей Израилевых по родам их, по числу имен» [Числ. 1:2]. Если следовать дальше этой логике, то для славян пришло время «чтобы они высмотрели землю Ханаанскую, которую Я даю сынам Израилевым» [Числ. 13:3]. Приняв во внимание вышеотмеченные созвучия фрагментов текста летописи с книгой Иисуса Навина, можно говорить, что автор должен повести теперь славян на завоевание земли обетованной.

При беглом прочтении «Повести временных лет» создается впечатление, что территория, на которую приходят летописные славянские племена была необитаема и ее одновременно занимают сразу все описанные племена. Однако характер изложения, заданный летописцем, с опорой на ветхозаветную историю, скорее говорит об обратном, завоевании «земли Ханаанской», уже заселенной другими, возможно, родственными племенами, и завоевание это ведется не группой племен, а скорее одним из них – «полянами». «Поланом же жиоущемъ ѡсобѣ...» [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись, 1926–1928, стб. 12, л. 4 об.]. Если исходить из этой версии, то структура раннеисторического описания летописной «истории славян» выдерживается строго: от множественности племен к одному, главному, «богоизбранному», с целью выделить полян как будущих проводников христианизации восточнославянских племен и противопоставить языческий закон как человеческое изобретение – христианскому закону как порядку, ниспосланному свыше [Мирзоев, 2004, с. 48–50, Лихачев, 2014, с. 120, Данилевский, 2004, с. 148–150, Шайкин, 2004, с. 31]. В этом случае финальная часть описания нравов «полян»: «Полане бо своих ѡцѣ ѡбычаи имуть кротокъ и тихъ и сиденье къ снохамъ своимъ къ свекрамъ къ мѣрмъ и к родителемъ своимъ къ свекровем и къ деверемъ велико стыдѣние имѣху» [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись, 1926–1928, стб. 13, л. 5], становится вполне обоснованной, логично завершающей все предыдущее описание. Прочие же племена: «Имаху бо обычаи свои и законъ ѡцѣ свой и преданья каждо свои нравъ» [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись, 1926–1928, стб. 13, л. 5] к главным фигурантам космографического обозрения «Повести временных лет» отношения не имели и поэтому описываются летописцем как автохтонные племена – враги, подлежащие покорению. Именно для этого и приводится столь нелестное описание нравов «чужих» для полян пусть даже славянских племен.

Чтобы подчеркнуть эту разницу, летописец прибегает к довольно широкому цитированию Георгия Амартола, сводящемуся в итоге опять же к выделению полян в отдельную, самую совершенную категорию днепровских славян. Как установила М.Ю. Андрейчева, именно оттуда берется довольно яркое сравнение полян с «брахманами»: «Врахманей ѡстровъницы» [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись, 1926–1928, стб. 13, л. 5 об.], богоизбранным народом, потомками ветхозаветного Рехавы [Иер. 35:18–19], переселенных богом, во времена пророка Иеремии из Иерусалима на острова рядом с раем [Андрейчева, 2019, с. 36–39]. Исключительность полян неоднократно подчеркивается летописцем: «Поланомъ же жиоущемъ ѡсобѣ» [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись, 1926–1928, стб. 12, л. 4 об.], что повторяется в космографическом введении «Повести временных лет» три раза. Подобное можно, конечно, объяснить традиционно, соединением в конечной редакции летописи разновременных источников [Повесть временных лет, 1996, с. 389], однако можно предположить, что летописец вводит их в текст



совершенно намеренно, о чем говорит его «якоже рекохом» [ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись, 1926–1928, стб. 12, л. 4 об.], завершавшее последнее упоминание об исключительности социального устройства полян.

Таким образом, выведя полян за общий список племен, автор установил их на пьедестал «богоизбранного» народа, раз и навсегда определив их право повелевать всеми остальными племенами вокруг. Отметим, что даже список племен выписан исходя от «центра» земель – дислокации «полян». Потомки трех легендарных братьев, но, прежде всего, конечно, Кия, отождествляющегося под пером летописца с библейским Симом, получили все права на доминирование в окружающем их мире как с точки зрения летописной традиции, так и с точки зрения Ветхого Завета, за которым она следовала. «Да распространит Бог Иафета, и да вселится он в шатрах Симовых; Ханаан же будет рабом ему» [Быт. 9:27]. Окружающим же племенам уже самой логикой божественного провидения предписывалось: «возьмите в руки ваши хлеба на дорогу и пойдите навстречу им и скажите им: «мы рабы ваши; итак, заключите с нами союз» [Иис. Навин 9:11]. Можно предположить, что именно на такое противопоставление «своих» и «чужих» указывает летописец, характеризуя абсолютно чужие для полян окрестные племена, самим провидением обреченные быть в повиновении Киеву. «Когда Израиль пришел в силу, тогда сделал он Хананеев данниками, но изгнать не изгнал их» [Суд. 1:28]. Собственно, такое описание «чужих» позволяло обеспечить сакрально-обрядовый авторитет Киева путем соотношения истории полян с Ветхим Заветом, четко объяснить его политические амбиции и тем самым обосновать безусловную уверенность летописца в том, что только Киев может стать безальтернативным центром нарождающегося государства.

Список литературы

1. Алексеев А.А. 1999. Текстология славянской Библии. СПб., Дмитрий Буланин, 254.
2. Андрейчева М.Ю. 2019. Образы иноверцев в Повести временных лет. СПб., Нестор-История, 184.
3. Барсов Н.Н. 1885. Очерки русской исторической географии. География начальной (Несторовой) летописи. Варшава, Тип. К. Ковалевского, 371.
4. Белова О. 1998. Легенда о Потопе в славянской и европейской народной традиции. В кн.: От Бытия к Исходу. Отражение библейских сюжетов в славянской и еврейской народной культуре. Сборник статей. Академическая серия. Вып. 2. М., ГЕОС: 163–180.
5. Данилевский И.Н. 2014. Восточнославянские «племенные союзы»: реальность или летописная легенда? В кн.: Книга картины Земли. Сб. ст. в честь И.Г. Коноваловой. Под ред. Т.Н. Джаксон и А.В. Подосинова. М., Индрик: 66–75.
6. Данилевский И.Н. 2004. Повесть временных лет. Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., Аспект-Пресс, 383.
7. Иссерс О.С., Рахимбергенова М.К. 2007. Языковые маркеры этнической ксенофобии (на материале российской прессы). Политическая лингвистика. Вып. 3 (23): 90–96.
8. Карамзин Н.М. 2003. История государства российского. Т. I–VI. Кн. 1. М., «Золотой Век», 832.
9. Колесов В.В. 1986. Мир человека в слове Древней Руси. Л., Издательство ЛГУ им. А.А. Жданова, 312.
10. Кузнецов С.К. 1910. Русская историческая география. Вып. I. М., Синодальная типография, 197.
11. Кузьмин А.Г. 1969. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, [б. и.], 240.
12. Лихачев Д.С. 2014. Великое наследие. Классические произведения Литературы Древней Руси. СПб., Азбука, 474.
13. Мельникова Е.А. 2010. Пространственная ориентация в Повести временных лет. В кн.: Древнейшие государства Восточной Европы. 2006 год: Пространство и время в средневековых текстах. М., Русский фонд содействия образованию и науке: Ун-т Дмитрия Пожарского: 73–94.

14. Мирзоев В.Г. 1979. Былины и летописи. Памятники русской исторической мысли. М., Мысль, 254.
15. Насонов А.Н. 1951. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., Изд-во Акад. наук, 263.
16. Пашуто В.Т. 1968. Внешняя политика Древней Руси. М., Наука, 472.
17. Пеньковский А.Б. 2004. Очерки по русской семантике. М., «Языки славянской культуры», 464.
18. Петрухин В. 1998. Библия, апокрифы и становление славянских раннеисторических традиций (к постановке проблемы). В кн.: От Бытия к Исходу. Отражение библейских сюжетов в славянской и еврейской культуре. Сборник статей. Академическая серия. Вып. 2. М., Гелиос: 269–286.
19. Петрухин В. 2008. Сакральная топография Киева в свете славяно-иудейских древностей. В кн.: Сакральная география в славянской и еврейской культурной традиции. Сборник статей. Академическая серия. Вып. 22. М., Центр Сэфер, Институт славяноведения РАН: 60–66.
20. Повесть временных лет. Подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева / Под ред. В.И. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб., Наука, 1996. 667.
21. ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Изд. 2. Л., 1926–1928.
22. Рыбаков Б.Н. 1963. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., Изд-во Акад. наук СССР, 361.
23. Рыбаков Б.А. 1953. Древние Русы. Советская археология. Т. XVII. М., Изд-во АН СССР: 23–104.
24. Рыбаков Б.А. 1982. Киевская Русь и славянские княжества XII–XIII вв. М., Наука, 590.
25. Сахаров А.Н. 1980. Дипломатия Древней Руси. IX – первая половина X в. М., Мысль, 358.
26. Се Повести временных лет (Лаврентьевская летопись) / Сост., автор примечаний и указателей А.Г. Кузьмин, В.В. Фомин; вступительная статья и перевод А.Г. Кузьмина. Арзамас, «Издательство Арзамасского гос., педагогического института», 1993. 383.
27. Седов В.В. 1995. Славяне в раннее средневековье. М., «Фонд археологии», 415.
28. Топоров В.Н. 1973. О космологических источниках раннеисторических описаний. В кн. Труды по знаковым системам. Ученые записки ТГУ, Вып. 308: 106–150.
29. Топоров В.Н. 2010. О космологических источниках раннеисторических описаний. В кн.: Топоров В.Н. Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы. Т. I. М., Рукописные памятники Древней Руси: 161–205.
30. Шайкин А.А. 2004. «Повесть временных лет» о язычестве на Руси. В кн.: Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 55. СПб., Дмитрий Буланин: 29–39.
31. Шамне Н.Л. 2009. Региональная миграция и проблемы ксенофобии. В кн.: Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики: материалы Междунар. науч. конф., г. Волгоград, 4 февр. 2009 г. Волгоград, Волгогр. науч. изд-во: 3–8.
32. Шахматов А.А. 2002. История русского летописания. Разыскания в древнейших русских летописных сводах. Т. I. Кн. 1. СПб., Наука, 486.
33. Шахматов А.А. 2002. История русского летописания. Начальный Киевский летописный свод и его источники. Т. I. Кн. 2. СПб., Наука, 1024.
34. Tolochko O.P. 2008. The Primary Chronicle's «Ethnography» Revisited: Slavs and 169 Varangians in the Middle Dnieper Region and the Origin of the Rus' State // Franks, Northmen, and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe / Ed. by I.H. Garipzanov, P.J. Geary and Prz. Urbańczyk. – Turnhout: Brepols Publishers n. v., 169–188.

References

1. Alekseev A.A. 1999. Tekstologiya slavyanskoj Biblii. [Textology of the Slavic Bible]. Saint-Petersburg, Dmitrij Bulanin, 254 (in Russian).
2. Andrejcheva M.Yu. 2019. Obrazy inovercev v Povesti vremennyh let. [Images of Gentiles in the Russian Primary Chronicle]. Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya, 184 (in Russian).
3. Barsov N.N. 1885. Oчерки russkoj istoricheskoy geografii. Geografiya nachal'noj (Nestorovoj) letopisi. [Essays on Russian historical geography. Geography of the initial (Nestorian) chronicle]. Varshava, Tip. K. Kovalevskogo, 371 (in Russian).



4. Belova O. 1998. Legenda o Potope v slavyanskoj i evropejskoj narodnoj tradicii. [The Flood legend in the Slavic and European folk tradition]. In: Ot Bytiya k Iskhodu. Otrazhenie biblejskih syuzhetov v slavyanskoj i evrejskoj narodnoj kul'ture. Sbornik statej. Akademicheskaya seriya. Vyp. 2. Moscow, GEOS, 1998: 163–180 (in Russian).
5. Danilevskij I.N. 2014. Vostochnoslavjanskije «plemennye soyuzy»: real'nost' ili letopisnaya legenda? [East Slavic "tribal unions": reality or chronicle legend?] In: Kniga kartiny Zemli. Sb. st. v chest' I.G. Konovalovoj. Pod red. T.N. Dzhakson i A.V. Podosinova. Moscow, Indrik, 2014: 66–75 (in Russian).
6. Danilevskij I.N. 2004. Povest' vremennyh let. Germenevticheskie osnovy izucheniya letopisnyh tekstov. [A Primary Chronicle. Hermeneutical foundations of the study of chronicle texts]. Moscow, Aspekt-Press, 383 (in Russian).
7. Issers O.S. Rahimbergenova M.K. 2007. Yazykovye markery etnicheskoj ksenofobii (na materiale rossijskoj pressy) [Language markers of ethnic xenophobia (based on the material of the Russian press).] / Politicheskaya lingvistika. Vyp. 3 (23). 90–96: (in Russian).
8. Karamzin N.M. 2003. Istoriya gosudarstva rossijskogo. [History of the Russian state]. T. I–VI. Kn. 1. Moscow, «Zolotoj Vek», 832 (in Russian).
9. Kolesov V.V. 1986. Mir cheloveka v slove Drevnej Rusi. [The world of man in the word of Ancient Russia]. Leningrad, Izdatel'stvo LGU im. A.A. Zhdanova, 312.
10. Kuznecov S.K. 1910. Russkaya istoricheskaya geografiya. [Russian historical geography]. Vyp. I. Moscow, Sinodal'naya tipografiya, 197 (in Russian).
11. Kuz'min A.G. 1969. Russkie letopisi kak istochnik po istorii Drevnej Rusi. [Russian Chronicles as a source for the history of Ancient Russia.]. Ryazan', [b. i.], 240 (in Russian).
12. Lihachev D.S. 2014. Velikoe nasledie. Klassicheskie proizvedeniya Literatury Drevnej Rusi. [Great heritage. Classic works Of literature of Ancient Russia.]. Saint-Petersburg, Azbuka, 474 (in Russian).
13. Mel'nikova E.A. 2010. Prostranstvennaya orientaciya v Povesti vremennyh let. [Spatial orientation In the Russian Primary Chronicle]. In: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2006 god: Prostranstvo i vremya v srednevekovykh tekstah. Moscow, Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke: Un-t Dmitriya Pozharskogo: 73–94 (in Russian).
14. Mirzoev V.G. 1979. Byliny i letopisi. Pamyatniki russkoj istoricheskoj mysli. [Epics and Chronicles. Monuments of Russian historical thought.]. Moscow, Mysl', 254 (in Russian).
15. Nasonov A.N. 1951. «Russkaya zemlya» i obrazovanie territorii drevnerusskogo gosudarstva. [“Russian land” and the formation of the territory of the old Russian state.]. Moscow, Izd-vo Akad. nauk, 263 (in Russian).
16. Pashuto V.T. 1968. Vneshnyaya politika Drevnej Rusi. [Foreign Policy of Ancient Rus]. Moscow, Nauka, 472 (in Russian).
17. Pen'kovskij A.B. 2004. Ocherki po russkoj semantike. [Essays on Russian semantics]. Moscow, «Yazyki slavyanskoj kul'tury», 464 (in Russian).
18. Petruhin V. 1998. Bibliya, apokrify i stanovlenie slavyanskih ranneistoricheskikh tradicij (k postanovke problemy). [The Bible, Apocrypha and the formation of Slavic early historical traditions (to the problem statement)]. In: Ot Bytiya k Iskhodu. Otrazhenie biblejskih syuzhetov v slavyanskoj i evrejskoj kul'ture. Sbornik statej. Akademicheskaya seriya. Vyp. 2. Moscow, Gelios: 269–286 (in Russian).
19. Petruhin V. 2008. Sakral'naya topografiya Kieva v svete slavyano-iudejskikh drevnostej. [Sacred topography of Kiev in the light of Slavic-Jewish antiquities]. In: Sakral'naya geografiya v slavyanskoj i evrejskoj kul'turnoj tradicii. Sbornik statej. Akademicheskaya seriya. Vyp. 22. Moscow, Centr Sefer, Institut slavyanovedeniya RAN: 60–66 (in Russian).
20. Povest' vremennyh let. [The Russian Primary Chronicle]. Podgot. teksta, per., st. i komment. D.S. Lihacheva. Pod red. V.I. Adrianovoj-Peretc. 2-e izd., ispr. i dop. Saint-Petersburg, Nauka, 1996. 667.
21. PSRL. T. 1. Lavrent'evskaya letopis'. [Full collection of Russian Chronicles. Vol. 1. The Laurentian Codex.]. Izd. 2. Leningrad, 1926–1928 (in Russian).
22. Rybakov B.N. 1963. Drevnyaya Rus'. Skazaniya. Byliny. Letopisi. [Ancient Rus. Legends. Bylinas. Chronicles]. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 361 (in Russian).
23. Rybakov B.A. 1953. Drevnie Rusy. [Ancient Russ]. Sovetskaya arheologiya. T. XVII. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR: 23–104 (in Russian).
24. Rybakov B.A. 1982. Kievskaya Rus' i slavyanskije knyazhestva XII–XIII vv. [Kievan Rus and Slavic princedoms of the XII–XIII centuries.]. Moscow, Nauka, 590 (in Russian).

25. Saharov A.N. 1980. *Diplomatiya Drevnej Rusi. IX – pervaya polovina X v.* [Diplomacy of Ancient Rus. IX-first half of the X century]. Moscow, Mysl', 358 (in Russian).
26. Se *Povesti vremennyh let* (Lavrent'evskaya letopis') [These are the Tales of bygone years (Laurentian chronicle)] / Sost., avtor primechanij i ukazatelej A.G. Kuz'min, V.V. Fomin; vstupitel'naya stat'ya i perevod A.G. Kuz'mina. Arzamas, «Izdatel'stvo Arzamasskogo gos., pedagogicheskogo instituta», 1993. 383 (in Russian).
27. Sedov V.V. 1995. *Slavyane v rannee srednevekov'e* [Славяне в раннее средневековье]. Moscow, «Fond arheologii», 415 (in Russian).
28. Toporov V.N. 1973. O kosmologicheskikh istochnikah ranneistoricheskikh opisanij [On cosmological sources of early historical descriptions] // *Trudy po znakovym sistemam. Uchenye zapiski TGU*, Vyp. 308: 106–150 (in Russian).
29. Toporov V.N. 2010. O kosmologicheskikh istochnikah ranneistoricheskikh opisanij [On cosmological sources of early historical descriptions]. In: Toporov V.N. *Mirovoe derevo. Universal'nye znakovye komplekсы*. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi: 161–205 (in Russian).
30. Shajkin A.A. 2004. «Povest' vremennyh let» o yazychestve na Rusi [The Russian Primary Chronicle about paganism in Russia]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury*. T. 55. Saint-Petersburg, Dmitrij Bulanin: 29–39 (in Russian).
31. Shamne N.L. 2009. Regional'naya migraciya i problemy ksenofobii [Regional migration and the problems of xenophobia]. In: *Kommunikativnye aspekty sovremennoj lingvistiki i lingvodidaktiki: materialy Mezhdunar. nauch. konf., g. Volgograd, 4 fevr. 2009 g.* Volgograd, Volgogr. nauch. izd-vo: 3–8 (in Russian).
32. Shahmatov A.A. 2002. *Istoriya russkogo letopisaniya. Razyskaniya v drevnejshih russkikh letopisnyh svodah* [History of the Russian chronicle. Searches in the oldest Russian Chronicles]. T. I. Kn. 1. Saint-Petersburg, Nauka, 486 (in Russian).
33. Shahmatov A.A. *Istoriya russkogo letopisaniya. Nachal'nyj Kievskij letopisnyj svod i ego istochniki* [History of the Russian chronicle. The initial Kiev chronicle and its sources.]. T. I. Kn. 2. Saint-Petersburg, Nauka, 1024 (in Russian).
34. Tolochko O.P. 2008. The Primary Chronicle's «Ethnography» Revisited: Slavs and 169 Varangians in the Middle Dnieper Region and the Origin of the Rus' State. Franks, Northmen, and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe / Ed. by I.H. Garipzanov, P.J. Geary and Prz. Urbańczyk. – Turnhout: Brepols Publishers n. v., 169–188.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Солнцев Николай Игоревич, доктор исторических наук, доцент кафедры Новой и Новейшей истории, Института международных отношения и мировой истории, Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия. Старший научный сотрудник научно-образовательного центра «Славяно-греко-латинский кабинет» ПФО РФ при Нижегородской лингвистическом университете им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolay I. Solntsev, doctor of historical Sciences, associate Professor of the Department of Modern and Contemporary History, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russia. Senior Researcher of the Scientific and Educational Center «Slavic-Greek-Latin Cabinet» of the Volga Federal District of the Russian Federation Dobrolyubov Linguistic State University, Nizhny Novgorod, Russia



УДК 94(470)
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-552-558

Политическая пропаганда в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX в.

К.А. Зарубина

Юго-Западный государственный университет,
Россия, 305040, г. Курск, ул. 50 лет октября, 94
E-mail: kris1996z@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – анализ проблемы воздействия политических партий, движений, кружков на общественное сознание населения посредством использования различных форм пропаганды в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX в., изучение основных технологий политического «просвещения», методов формирования антимонархических настроений в обществе. Приёмы политической пропаганды рассматриваются в исторической ретроспективе. В процессе исследования нами были использованы методы анализа, синтеза, обобщения и систематизации, хронологический и сравнительно-правовой метод. Основные выводы, представленные в статье, основываются на данных архивных источников. В заключении подводятся итоги манипуляции общественно-политическим сознанием, возможности быстрой мобилизации темного крестьянства и зарождающегося рабочего класса в ответ на политическую пропаганду.

Ключевые слова: политическая пропаганда, воззвания, революционные листовки, общественно-политическое сознание, общественно-политические движения.

Для цитирования: Зарубина К.А. 2020. Политическая пропаганда в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX в. *Via in tempore. История. Политология*, 47 (3): 552–558. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-552-558.

Political propaganda in the Kursk province in the second half of the XIX beginning of the XX century

Kristina A. Zarubina

South-West State University,
94 50 let oktyabrya St., Kursk, 305040, Russia
E-mail: kris1996z@mail.ru

Abstract. The purpose of the research is to analyze the impact of political parties, movements, and circles on the public consciousness of the population through the use of various forms of propaganda in the Kursk province in the second half of the XIX – early XX century, the study of the main technologies of political «enlightenment», methods of forming anti-monarchic attitudes in society. Methods of political propaganda are considered in historical retrospect. In the process of research we used methods of analysis, synthesis, generalization and systematization, chronological and comparative legal methods. The main conclusions presented in the article are based on data from archival sources. In conclusion, we summarize the manipulation of socio-political consciousness, the possibility of rapid mobilization of the dark peasantry and the emerging working class in response to political propaganda. In addition, the article analyzes in detail some methods of working with the population aimed at political education of the masses. For example, the article discusses in detail methods of distributing leaflets with anti-government content in rural areas, as well as other methods of working with the population.

Keywords: political propaganda, proclamations, revolutionary leaflets, social and political consciousness, social and political movements.

For citation: Zarubina K.A. 2020. Political propaganda in the Kursk province in the second half of the XIX beginning of the XX century. *Via in tempore. History and political science*, 47 (3): 552–558 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-552-558.

Единого теоретического подхода к анализу сущности политической пропаганды в настоящее время не существует, как признают большинство исследователей [Порецкова, 2015, с. 19–33]. В историческом ракурсе данный институт представляет интерес, поскольку политическая пропаганда в дореволюционный период была отличным средством для мобилизации и тёмного крестьянства, и зарождающегося класса рабочих. Народовольцы так определяли смысл этого важного мероприятия: «Писать, писать много и понятно народу; заводить тайные типографии, распространять печатное...» [Серно-Соловьевич, 1963, с. 234–239]. Редактор известного в XIX в. оппозиционного журнала «Вперёд» замечал: «Пропаганда революционная обнимает и предполагает агитацию» [Русской социально-революционной, 1874, с. 32–33; Вперёд, 1876, с. 195].

Теорией пропаганды во второй половине XIX в. занимался и известный русский философ, революционер П.Л. Лавров. Он поддерживал идею о необходимости просвещения населения через использование возможных пропагандистских средств и верил, что реализация идеала жизни связана с духовным воздействием меньшинства (интеллигенции) на общество [Юдин, 2012, с. 237–242]. В работе «Исторические письма» учёный формулировал программу широкого народного просвещения, где ведущая роль отводилась борьбе с невежеством и насаждению политической грамотности [Мелехин, 2009, с. 42–46; Миланов, 2018, с. 37–47]. Проблемам политической пропаганды в контексте изучения различных исторических событий были посвящены и исследования современных учёных [Салтык, 2007, с. 126–130; Квасов, 2009, с. 214–218; Косихина, 2009, с. 401–413; Салтык, 2010, с. 61–67; Степанова, 2010, с. 68–74; Квасов, 2011, с. 165–172].

В этом контексте обратим особое внимание на то, что в рассматриваемый период времени речь идёт именно о пропаганде, а не об агитации, поскольку распространение листовок, обращений, воззваний к народу и т. п. было нацелено лишь на просвещение населения в «нужном» общественно-политическом русле, а не на конкретное побуждение к действию, результат [Макаров, 2008, с. 77; Тимко, Жайворонок, 2013, с. 43–47]. Вследствие этого заметим, что об активной агитации народных масс следует говорить позднее, ближе к революционным событиям начала XX в., когда станут появляться различные призывы к открытому неповиновению власти и т. п.

В процессе исследования нами были использованы методы анализа, синтеза, обобщения и систематизации, хронологический и сравнительно-правовой методы. Методология исследования основана на основополагающих принципах исторического познания: принципе историзма, объективности, системном и ценностном подходе, проблемно-хронологическом принципе.

Политическая пропаганда имела место во второй половине XIX – начале XX в. не только в крупных городах, но и в провинции. Несмотря на то, что известное «хождение в народ» 1870-х гг. фактически провалилось в связи со всеобщим недоверием населения (особо крестьянства) к «пришлым» агитаторам [Майшев, 2016, с. 14–19], просвещение народных масс продолжилось.

В Курской губернии в рассматриваемый период были сильны «традиции» социально-политического просвещения населения. По сообщению Департамента полиции МВД, во второй половине XIX в. интеллигенция активно внедрялась в народные массы, занимаясь пропагандой. Учащаяся молодёжь направлялась «в народ», например, в помощь медицинскому персоналу для борьбы с разными эпидемиями. Лица запасались при отправле-



нии в сельскую местность необходимым материалом: брошюрами для народного чтения, антиправительственными воззваниями, программами и т. п.⁶¹

Как сообщало МВД, в рассматриваемый период времени из разных регионов Российской империи (в том числе и из Курской губернии) регулярно поступали сведения о продолжающейся усиленной рассылке «опасных» листовок и брошюр. Некоторые политически неблагонадёжные лица осознавали несбыточность своих преступных «вожделений» и хотели «произвести смуту в общественных слоях», прикрываясь даже именем несуществующих в действительности революционных групп и организаций различных наименований, рассылая по почте опасные воззвания.⁶² Пограничные территории выступали перевалочными базами для переправки в Россию литературы из-за рубежа. Особое внимание было уделено южным регионам страны, поскольку оттуда распространять листовки, брошюры и т. п. было как нельзя удобно (в основном с помощью морских путей сообщения) [Пасечников, 2013, с. 125–142].

Курская губерния не оставалась в стороне от текущего прогресса. Этому способствовала разветвлённая сеть железных дорог, а также относительная близость к границам. Так, по сообщению епископа Курского и Белгородского (а именно по донесению курского епархиального противосектанского миссионера, священника Иоанна Дмитриевского), крестьянин с. Кульбак Рыльского уезда С.Ф. Колесниченко в 1901 г. секретно получал письма из толстовской брошюрки заграничного издания (из Англии). По показаниям свидетелей, издание «Свободное слово» было направлено на ниспровержение существующего порядка. Крестьянина в связи с этим подозревали в сочувствии социализму толстовского типа. Кроме того, обвиняемый, по заявлению епископа, был сектантом. Указанную литературу С.Ф. Колесниченко читал в избе крестьянина С.М. Верхоглядова в присутствии разных лиц. По показаниям свидетелей, крестьянин О.Г. Иляшенко также приносил какие-то запрещённые книги. У данных лиц был произведён обыск и изъяты конверт с заграничным адресом и листки с записанными адресами, но запрещённой литературы не обнаружено. На время дознания С.М. Верхоглядова заключили под стражу в Рыльскую тюрьму, однако вскоре за неимением состава преступления, предусмотренного ст. 252 (хранение, составление и распространение печатных и письменных сочинений), освободили.⁶³

Обычно запрещённую литературу политического характера читали публично. Основными слушателями были крестьяне, поскольку данная часть населения была необразованной, им приходилось всё разъяснять. В Курской губернии встречались случаи публичного прочтения революционных воззваний в присутствии сельских старост. Так, в 1901 г. И.Н. Машков, крестьянин с. Верхней Соковники, читал односельчанам письма «о прирезке земли мужикам», которые ему передавал некто А. Татарinov.⁶⁴ В том же 1901 г. крестьянин Ямской слободы Курского уезда С.Г. Масленников распространял революционные воззвания, передавал их для чтения рабочим.⁶⁵

В начале XX в. в Курской губернии стали распространяться прокламации, воззвания революционного характера так называемым пассивным способом. Листки с оппозиционными идеями запечатывали в небольшие конверты и разносили по городу. Обнаружить их можно было в разных местах. Например, 4 марта 1901 года с забора на Ендовиченской улице г. Курска конторщиком железнодорожной станции курским мещанином В.Н. Афанасьевым было снято воззвание к гражданам с призывом к бунту.⁶⁶ Прокурор Харьковской судебной палаты, вследствие дошедших до него сведений о том, что в г. Курске были расклеены прокламации, описывающие в превратном виде случаи столкно-

⁶¹ Государственный архив Курской области (далее – ГАКО) Ф. 1642. Оп. 2. Д. 14. Л. 22.

⁶² ГАКО Ф. 1642. Оп. 2. Д. 17. Л. 19.

⁶³ ГАКО Ф. 1642. Оп. 1. Д. 141. Л. 1–9.

⁶⁴ Там же. Д. 143. Л. 6–29.

⁶⁵ Там же. Д. 142. Л. 5–19.

⁶⁶ Там же. Д. 136. Л. 13.

вения студентов с чинами полиции, призывающие народ к непослушанию правительства и требующие созыва великого Земского Собора, поручил принять к сведению упомянутые воззвания Начальнику Курского губернского жандармского управления.⁶⁷

Содержание таких обращений действительно было политически опасным. Вот отрывок одного из них: «Министры спели, будто народ во всём доволен и во всём виновата легкомысленная молодежь из студенчества. Это ложь, на которую так щедры министры. Обманом держится их подлость, казнокрадство, и обманом же и силой они хотят зажать рот раздражённого народа... Истрадавшийся, обнищавший народ громко заявит свои права на лучшую жизнь и силой возьмёт то, что ему не дают...». ⁶⁸ Из другого воззвания-листовки петербургских рабочих курским рабочим: «Товарищи! Дадим же знать нашему деспоту и тирану, Николаю Второму, что русский рабочий не пешка, не скот, а человек... Кровь убитых братьев зовет нас ко мщению. Ко мщению, товарищи, ко мщению...». ⁶⁹

В 1902 г. на станции Курск было обнаружено воззвание «Русские люди» (по доносу местного крестьянина). Виновные в распространении листовки найдены не были.⁷⁰

В том же году в Рыльском уезде Курской губернии был найден один печатный экземпляр воззвания революционного содержания под наименованием «Братия крестьяне» (по донесению крестьянина И.Ф. Ефименко); в Обоянском уезде – книжка «Письмо ко всему русскому крестьянству. Устав крестьянского союза. Братство для защиты народного права».⁷¹

Так как распространители использовали железную дорогу и в связи с участвовавшими случаями обнаружения таких находок на поездах, розыскная деятельность активизировалась на железнодорожных станциях. Кондукторы поездов отчитывались о составе пассажиров поезда, а именно о том, были ли среди них интеллигенты. Нередко, согласно опросам уполномоченных органов, горничные отмечали странности в поведении отдельных пассажиров. Иногда в распространении опасных листовок подозревали дам. Например, в 1902 г. в пределах Курской губернии на разъезде № 34 крестьянин Львовского уезда с. Марица видел, как молодая женщина выбросила листовки из поезда, после поднял чепуху прокламации и доложил о случившемся полиции.⁷²

В это же период времени в Курской губернии начинает интенсивную политическую агитацию Российская социал-демократическая партия. Так, в 1902 г. в одном из присутственных мест были найдены экземпляры воззвания следующего содержания: «Весть о целом ряде уличных демонстраций в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Екатеринославле, Тифлисе и других городах облетела всю Россию. Тщетно правительство силится искоренить и замолчать факты. Тщетно грозные стремления задернет революционная буря... (Российская социал-демократическая партия)». ⁷³ В том же 1902 г. была найдена другая листовка, содержащая переписку между тайными студенческими объединениями: «Письма о харьковских и екатеринославских демонстрациях, полученные ещё до Рождества, мы не могли выслать по обстоятельствам, от нас независимым. Теперь же мы надеемся дать подробный отчет о всех событиях... 29 января 1902 г.». ⁷⁴

Однако распространение листовок было недостаточно эффективным, поскольку смысл таких сообщений без должного разъяснения понимали немногие. Вследствие чего печатные материалы проигрывали в оперативности, поскольку часто воспринимались малограмотными людьми неадекватно (так же как и в более поздние периоды времени) [Ба-

⁶⁷ Там же. Л. 24.

⁶⁸ ГАКО Ф. 1642. Оп. 1. Д. 136. Л. 42.

⁶⁹ Там же. Л. 110.

⁷⁰ Там же. Д. 149. Л. 31.

⁷¹ Там же. Л. 155, 198.

⁷² Там же. Д. 160. Л. 125, 130.

⁷³ Там же. Л. 2–3.

⁷⁴ Там же. Л. 9–10.



ришполец, 2014, с. 52–79]. Так, в Курской губернии в Колоденской волости в 1902 г. некто, обнаружив записки на путевой стороне, не придал им серьёзного значения, а подумал, что из поезда выбросили «бумагу на папироски», так как и раньше были случаи, что ему по его просьбе машинисты и кондукторы бросали из поездов папиросную бумагу. В дальнейшем листовки поступили в полицию, а пути осмотрены на предмет обнаружения иных противоправительственных брошюр.⁷⁵

В Курской губернии в рассматриваемый период использовались разные «технологии» политической пропаганды. Основной целью такого «просвещения» было информирование населения о наиболее важных общественно-политических вопросах. Однако в распространяемой литературе нередко освещались и экономические отношения (естественно, в негативном свете). «Хождение в народ» в Курской губернии, так же как и в иных регионах, не дало положительного результата, в связи с чем лидеры общественно-политических движений обратились к более сдержанным формам пропаганды. В политическом дискурсе это понималось как распространение определённых антиправительственных взглядов, идей с целью формирования нужного общественно-политического сознания, подготовки населения к грядущей революции.

В основном политическая пропаганда в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX в. выражалась в двух формах: чтении и разъяснении оппозиционной литературы (в том числе посланной из-за границы), распространении листовок с политическим содержанием. Однако если к чтению многие относились благосклонно или хотя бы нейтрально, то найденные конверты с «опасным» и, в первую очередь, непонятным для необразованных или малообразованных народных масс текстом, как правило, относили в полицию. Многие отдавали листовки сельским старостам, иным государственным служащим просто потому, что не могли прочесть эти сообщения, поскольку, как мы уже отмечали выше, большая часть населения в губернии была неграмотной.

Таким образом, проанализировав данные архивных материалов, мы можем отметить, что политическая пропаганда (общественно-политическое «просвещение») в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX в. велась достаточно активно. Однако быстро мобилизовать темное крестьянство и зарождающийся рабочий класс у пропагандистов не получилось. Вероятно, в будущем именно это повлияло на относительно стабильное положение губернии и неучастие большей части населения в революционных событиях, гражданской войне. Поэтому пропаганда в Курском регионе в столь сдержанных формах не стала мощным средством манипуляции общественно-политическим сознанием.

Список литературы

1. Баришполец В.А. 2014. Области применения информационно-психологического воздействия. Москва, РЭНСИТ, 79.
2. Вперёд: двухнедельное обозрение. (Год второй). 1876. Первое полугодие. Лондон. 25–36: 157.
3. Квасов О. Н. 2009. Структурные субъекты российского революционного терроризма начала XX века. Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Выпуск 2. 214–218.
4. Квасов О.Н. 2011. Террористический компонент социально-политических процессов в Курской губернии начала XX века. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 19 (114): 165–172.
5. Косихина И.Г. 2009. Общественно-культурные организации в губернском городе конца XIX–начала XX в. (на примере Курска). Культура городов Российской империи на рубеже XIX – XX веков (Материалы международного colloquium, Санкт-Петербург, 14–17 июня, 2004 года). СПб.: Издательство Европейский Дом: 401–413.

⁷⁵ ГАКО Ф. 1642. Оп. 1. Д. 160. Л. 44–45.

6. Майшев С.Е. 2016. Возникновение политического терроризма в Российской Империи во второй половине XIX века. *Kant*. 1 (18): 14–19.
7. Макаров В.П. 2008. Общественная мысль в России XIX – начала XX вв.: история, историография, источниковедение: (работы разных лет). Нижний Новгород, ННГАСУ, 192.
8. Мелехин В.И. 2009. «Исторические письма» Петра Лаврова: современное прочтение. *Дискурс-Пи*. 1 (1): 42–46.
9. Милованов К.Ю. 2018. Просветительская идеология русского народничества. *Отечественная и зарубежная педагогика*. 4 (53): 37–47.
10. Пасечников И.А. 2013. Становление и развитие органов политической полиции Севастополя в XIX веке. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки*. 2 (1): 125–142.
11. Порецкова А.А. 2015. Концептуализация теоретических подходов к изучению политической пропаганды. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика и право*. 2 (40): 19–33.
12. Русской социально-революционной молодежи. По поводу брошюры: «Задачи революционной пропаганды в России». 1874. Редактора журнала «Вперед» [P.L. Lavrov]. Лондон, Наборная журнала «Вперёд», 158.
13. Салтык Г. А. 2007. «За землю и волю...» (к вопросу о неонародническом движении в Центральном Черноземье). *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. Выпуск 2. 126–130.
14. Салтык Г. А. 2010. Народные социалисты Центрального Черноземья: история становления и деятельности (конец XIX начало XX в.). *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. Выпуск 3 (15). 61–67.
15. Серно-Соловьевич Н.А. 1963. Ответ «Великоруссу». Публицистика. *Письма, М., Наука*, 431.
16. Степанова Е. И. 2010. К вопросу о становлении полицейской стражи Курской губернии. *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. Выпуск 3 (15): 68–74.
17. Тимко С.А., Жайворонок А.В. 2013. Пропаганда и агитация в деятельности органов внутренних дел. *Психопедагогика в правоохранительных органах*. 4 (55): 43–47.
18. Юдин А.И. 2012. П.Л. Лавров о проблеме: интеллигенция и народ, интеллигенция и власть. *Вестник ТГУ*. 7 (7): 237–242.

References

1. Barishpolec V.A. 2014. Oblasti primenenija informacionno-psihologicheskogo vozdejstviya [Areas of application of information and psychological impact]. Moscow, RJeNSIT. 1 (1): 52–79 (in Russian).
2. Vperjod: dvuhnedel'noe obozrenie. (God vtoroj). 1876 [Forward: two-week review. (Year two)]. *Pervoe polugodie*. London, 25–36: 157.
3. Kvasov O. N. 2009. Ctrukturnye sub'ekty rossiyskogo revolyutsionnogo terrorizma nachala XX veka [Structural subjects of Russian revolutionary terrorism of the beginning of the XX century.]. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*. Vyipusk 2: 214–218 (in Russian).
4. Kvasov O.N. 2011. Terroristicheskiy komponent sotsialno-politicheskikh protsessov v Kurskoy gubernii nachala XX veka [The terrorist component of socio-political processes in the Kursk province at the beginning of the XX century. *Scientific Bulletin of the Belgorod state University*]. *Nauchnyie vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya*. 19 (114): 165–172 (in Russian).
5. Kosihina I.G. 2009. Obschestvenno-kulturnye organizatsii v gubernskom gorode kontsa XIX–nachala XX v. (na primere Kurska). *Kultura gorodov Rossiyskoy imperii na rubezhe XIX - XX vekov* [Social and cultural organizations in the provincial city of the late XIX–early XX century. (for example, Kursk). *Culture of cities of the Russian Empire at the turn of the XIX–XX centuries*] (Materialy mezhdunarodnogo kollokviuma, Sankt-Peterburg, 14–17 iyunya, 2004 goda). SPb.: Izdatelstvo Evropeyskiy Dom: 401–413 (in Russian).
6. Majshev S.E. 2016. Vozniknovenie politicheskogo terrorizma v Rossijskoj Imperii vo vtoroj polovine XIX veka [The emergence of political terrorism in the Russian Empire in the second half of the XIX century]. *Kant*. 1 (18): 14–19 (in Russian).



7. Makarov V.P. 2008. Obshhestvennaja mysl' v Rossii XIX – nachala XX vv.: istorija, istoriografi-ja, istochnikovedenie: (raboty raznyh let) [Public thought in Russia of the XIX – early XX centuries: history, historiography, source studies: (works of different years)]. Nizhnij Novgorod. NNGASU, 192 (in Russian).
8. Melehin V.I. 2009. «Istoricheskie pis'ma» Petra Lavrova: sovremennoe prochtenie. [Historical letters by Peter Lavrov: a modern reading]. Diskurs-Pi. 1 (1): 42–46 (in Russian).
9. Milovanov K.Ju. 2018. Prosветitel'skaja ideologija russkogo narodnichestva. Otechestvennaja i zarubezhnaja pedagogika [Educational ideology of Russian populism. Domestic and foreign pedagogy]. 4 (53): 37–47 (in Russian).
10. Pasechnikov I.A. 2013. Stanovlenie i razvitie organov politicheskoy policii Sevastopolja v XIX veke [Formation and development of the political police of Sevastopol in the XIX century]. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. 2 (1): 125–142 (in Russian).
11. Poreckova A.A. 2015. Konceptualizacija teoreticheskikh podhodov k izucheniju politicheskoy propagandy [Conceptualization of theoretical approaches to the study of political propaganda]. Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo. 2 (40): 19–33 (in Russian).
12. Russkoj social'no-revoljucionnoj molodezhi. Po povodu broshjury: «Zadachi revoljucionnoj propagandy v Rossii». 1874 [Russian social-revolutionary youth. About the brochure: «Tasks of revolutionary propaganda in Russia»]. Redaktora zhurnala «Vpered» [P.L. Lavrov]. London. Nabornaja zhurnala «Vperjod», 158 (in Russian).
13. Saltyk G. A. 2007. «Za zemlyu i volyu...» (k voprosu o neonarodničeskom dvizhenii v Tsentralnom Chernozeme) [«For land and freedom...» (on the question of the neo-national movement in the Central Chernozem region)]. Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyipusk 2. 126–130 (in Russian).
14. Saltyk G. A. 2010. Narodnye sotsialisty Tsentralnogo Chernozemja: istoriya stanovleniya i deyatelnosti (konets XIX–nachalo XX v.) [People's socialists of the Central Chernozem region: history of formation and activity (late XIX–early XX century)]. Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyipusk 3 (15). 61–67 (in Russian).
15. Serno-Solov'evich H.A. 1963. Otvet «Velikorussu» [The Answer To The «Great Russians»]. Publicistika. Pis'ma. Moscow, Nauka, 431 (in Russian).
16. Stepanova E. I. 2010. K voprosu o stanovlenii politseyskoy strazhi Kurskoy gubernii [To the question of the formation of the police guard of the Kursk province]. Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyipusk 3 (15): 68–74 (in Russian).
17. Timko S.A., Zhajvoronok A.V. 2013. Propaganda i agitacija v dejatel'nosti organov vnutrennih del [Propaganda and agitation in the activities of internal Affairs bodies]. Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 4 (55): 43–47 (in Russian).
1. Judin A.I. 2012. P.L. Lavrov o probleme: intelligencija i narod, intelligencija i vlast' [P.L. Lavrov on the problem: the intelligentsia and the people, the intelligentsia and the government]. Vestnik TGU. 7 (7): 237–242 (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зарубина Кристина Александровна, аспирант кафедры истории и социально-культурного сервиса Юго-Западного государственного университета, г. Курск, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kristina A. Zarubina, post-graduate student of the Department of history and socio-cultural service of the South-Western state University, Kursk, Russia

УДК 94(47)+908

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-559-567

Женский досуг в фабричной повседневности: текстильные предприятия Ярославской губернии во второй половине XIX – начале XX в.

В.М. Марасанова, Ю.А. Кривошеева

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,

Россия, 150003, г. Ярославль, ул. Советская, 14

E-mail: vmm@uniyar.ac.ru, y.krivosheeva@uniyar.ac.ru

Аннотация. В статье изучается место досуга в фабричной повседневности текстильщиц Ярославской губернии во второй половине XIX – начале XX века. Исследование проводится с применением гендерного, регионального и микроисторического подходов. Авторами выявляются социально-экономические факторы, оказывавшие влияние на развитие промышленности, процессы труда и отдыха в рабочей среде, приводившие к трансформации идентичности городских и сельских рабочих. В статье освещается многообразие форм досуговых практик, доступных мужчинам и женщинам, а также отмечается тенденция к увеличению доли досуга в повседневной жизни текстильщиц.

Ключевые слова: труд, досуг, текстильная промышленность, гендер, работница.

Для цитирования: Марасанова В.М., Кривошеева Ю.А. 2020. Женский досуг в фабричной повседневности: текстильные предприятия Ярославской губернии во второй половине XIX – начале XX в. *Via in tempore. История. Политология*, 47 (3): 559–567. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-559-567.

Women leisure and a factory's everyday life: textile enterprises of the Yaroslavl province in the second half of the XIXth – early XXth century

Victoria M. Marasanova, Ju.A. Krivosheeva

P.G. Demidov Yaroslavl State University,

14 Sovetskaya St., Yaroslavl, 150003, Russia

E-mail: vmm@uniyar.ac.ru, y.krivosheeva@uniyar.ac.ru

Abstract. The article considers the place of leisure in the factory daily life of the female textile workers of the Yaroslavl province in the second half of the nineteenth – the beginning of the twentieth century. The research has been conducted via gender, regional and microhistorical approaches. The authors summarize the information on the work schedule at the Russian enterprises in general and at the textile factories of the Yaroslavl province in particular. The article reveals social and economic factors which influenced the development of the textile industry as well as the workers' labour and leisure and led to transformation of urban and rural workers' identity. It also considers the variety of leisure forms available to both men and women, such as background, religious and festive, cultural and educational leisure. The study raises the question of the fullness of the industrial female workers' leisure time and traces the tendency towards the increase of its amount in the women's everyday life. However, during the studied period the leisure time of the female textile workers in the Yaroslavl province was still determined by traditional women responsibilities and gender stereotypes.

Keywords: labour, leisure, textile industry, gender, female worker.



For citation: Marasanova V.M., Krivosheeva Ju.A. 2020. Women leisure and a factory's everyday life: textile enterprises of the Yaroslavl province in the second half of the 19th – early 20th century. *Via in tempore. History and political science*, 47 (3): 559–567 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-559-567.

Понятия труда и досуга неразрывно связаны с повседневной жизнью общества, их изучение позволяет глубже понять социальные процессы, происходившие в стране, отдельных регионах и внутри социальных общностей. Во второй половине XIX – начале XX в. в российской промышленности меняется соотношение мужского и женского труда. Причиной увеличения количества женщин становится быстрое развитие техники, сокращение рабочего дня, стремление фабрикантов к экономии. Среди прочего, женщины считались более «спокойным и умеренным» элементом по сравнению с рабочими-мужчинами. Текстильная индустрия стала первой отраслью промышленности, где отчетливо наметилась тенденция к замещению мужского труда женским [Беликов, 1914, с. 61].

Ярославская губерния как один из типичных текстильных регионов Центральной России может считаться весьма показательной в этом отношении. К примеру, если в 1867 г. численность текстильщиц на сельской Норской мануфактуре составляла 41 %, то в 1913 г. превысила 56 %. На Ярославской Большой мануфактуре (далее – ЯБМ) численность работниц всех возрастов увеличилась с 37 % в 1888 г. до 51 % в 1913 г. [Виноградов и др., 1976, с. 17; Бородкин и др., 2010, с. 73]. Среди прочего, не работавшие на фабриках женщины из семей текстильщиков составляли значительную часть населения «рабочих городков», становясь неотъемлемыми акторами фабричной повседневности [Ярославская Большая мануфактура, 1900, с. 35]. В связи с этим целью исследования представляется изучение места досуга в жизни ярославских текстильщиц и его трансформации под влиянием социально-экономических процессов. Под фабричной повседневностью понимается весь комплекс трудовых и бытовых обязанностей работниц.

Исследование проводилось с применением гендерного, регионального и микроисторического подходов. Гендерный подход позволяет выявить различия повседневности женщин и мужчин, вызванные традиционными стереотипами и моделями поведения. Рассматриваемый период вследствие бурного индустриального роста изменил роль женщин в экономической жизни и обществе в разных странах и на многих континентах. На данную тенденцию обратили внимание исследователи гендерной истории США [Baron A., 1982], Англии [Benenson H., 2019], Ирландии [James K.J., 2006; Purdue O., 2017], Канады [Boyer K., 2004], Японии [Hunter J., 1993]. Они справедливо подчеркивали рост масштабов производства и спроса на рабочую силу на рубеже XIX – XX столетий, что приводило к изменениям в структуре профессий по половому признаку и увеличению доли женщин на производстве. Вслед за этим технологии и социальные отношения формировали друг друга как на рабочем месте, так и в быту. В отмеченных выше исследованиях, как правило, отмечалась важность комплексного изучения гендера, труда и опыта трудящихся на основе первичных документов.

В научном фокусе современных российских исследователей находятся брачное поведение, семейный быт, общественная жизнь женщин [Марасанова и др., 2013; Веремenco, 2014; Пушкарева, Мицюк, 2016]. Географические рамки исследований, освещающих повседневную жизнь рабочего класса, включают как столичные регионы, так и провинцию [Залунаева, 2005; Бородкин и др., 2010; Посвятенко, 2011].

Источниками исследования стали архивные материалы, в значительной степени впервые вводимые в научный оборот. В Российском государственном историческом архиве (РГИА) анализировались материалы фонда Министерства торговли и промышленности (Ф. 23). В Государственном архиве Ярославской области (ГАЯО) прорабатывались фонды текстильных предприятий – Ярославской Большой мануфактуры (Ф. 674), Норской мануфактуры (Ф. 675), Гаврилов-Ямской мануфактуры А.А. Локалова (Ф. 676), Фабрики льня-

ных изделий «Наследники П.А. Сакина» (Ф. 652). В филиале ГАЯО в г. Ростове (РсФ ГАЯО) изучался фонд Ростовского уездного комитета попечительства о народной трезвости (Ф. 69), а именно материалы о досуге населения. В фонде Партархива Ярославского обкома КПСС (Ф. 4773) в Центре документации новейшей истории (ЦДНИ) – филиале ГАЯО выявлялись воспоминания текстильщиц.

Хронологические рамки исследования ограничены второй половиной XIX – началом XX в. Нижняя граница определяется началом периода Великих реформ, верхняя граница завершается кануном первой российской революции. Текстильная промышленность Центральной России в этот период переходила на современное импортное оборудование и хлопок в качестве основного сырья. Одновременно происходила трансформация повседневности фабричных рабочих – изменялось соотношение труда и досуга в рамках их обыденной жизни.

Развитие железнодорожного транспорта и промышленности способствовали росту городов и внутренней миграции населения. Малоземелье, неплодородность почв, избыточное количество рабочих рук способствовали развитию крестьянского отхода. Главными направлениями отхода ярославцев оставались Санкт-Петербург и Москва, а Ярославская губерния становилась «центром притяжения» отходников из других губерний. В начале XX столетия в губернии насчитывалось более 30 предприятий⁷⁶, занимавшихся производством полотен, пряжи, канатов, ваты⁷⁷. По количеству рабочих и объемам производимой продукции выделялись ЯБМ, Романовская, Норская, Ростовская и Гаврилов-Ямская мануфактуры.

Важным достижением стало развитие фабричного законодательства, способствовавшее сокращению рабочего времени и увеличившее долю досуга в фабричной повседневности мужчин и женщин. Ранее текстильщики Центральной России были заняты в производстве в среднем по 13 часов в день [Кириянов, 1979, с. 55]. Рабочее время не включало перерывы на прием пищи – около 1,5–2 часов. Рабочий день удлинялся за счет необязательных сверхурочных работ, от которых рабочие, как правило, не могли отказаться.

По мере вступления в силу законов 1882–1897 гг. рабочий день малолетних, женщин, а позже и остальных категорий рабочих начал сокращаться. Средняя продолжительность рабочего дня взрослых текстильщиков Ярославской губернии составляла порядка 12 часов⁷⁸, а с 1898 г. сократилась до 11,5 часов. Рабочий день при занятости ночью, а также в субботу и перед праздничными днями сокращался до 10 часов. Ночные работы для женщин и подростков от 15 до 17 лет допускались лишь в случае чрезвычайных обстоятельств и при условии совместной работы с главами их семейств. Время работы малолетних сократилось до 8, а затем – до 6 часов в день. В случае введения на фабриках непрерывной восемнадцатичасовой дневной работы в две смены, продолжительность трудового дня малолетних рабочих увеличивалась до 9 часов⁷⁹. Воскресные работы были запрещены. На ЯБМ под влиянием забастовочного движения 1905 г. было принято решение об уменьшении рабочего времени до 10,5 часов для «денных» рабочих и 9 для сменных.

Крупные текстильные предприятия располагались в Ярославле и уездных городах. Сельские фабрики концентрировались преимущественно в селах Ярославского уезда [Александров, 2016, с. 150–151]. Большая часть текстильщиков происходила из Ярославской, Владимирской и Костромской губерний. На городских и сельских фабриках встречались дальние мигранты – рабочие из Вологодской, Нижегородской, Тверской, Московской, Тамбовской губерний. Для сельских фабрик было характерно трудоустройство жителей близлежащих волостей⁸⁰.

⁷⁶ Обзор Ярославской губернии за 1898–99 гг. Ярославль, 1900.

⁷⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 23. Оп. 30. Д. 19. Л. 28–41.

⁷⁸ Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 642. Оп. 2. Д. 28. Л. 8, 23, 24, 31.

⁷⁹ ПСЗ. Собр. III. Т. X. № 6742.

⁸⁰ ГАЯО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 48; ГАЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 62; ГАЯО. Ф. 676. Оп. 1. Д. 59.



В городах рабочие имели возможность разместиться в фабричных казармах, снять жилье или построить собственный дом, причем женщины зачастую получали от фабрики кредиты на жилье совместно с мужем, сыновьями и другими родственниками⁸¹. Те, кто жил за городской чертой, вынуждены были регулярно возвращаться в свои села и деревни, иногда находившиеся довольно далеко от предприятия.

В итоге работа занимала основную часть в бюджете времени текстильщиков, а вкупе со временем на дорогу до фабрики и обратно оставляло небольшое количество времени для досуга, отдыха и восстановления сил. На процесс отдыха отрицательно влияло проживание рабочих в фабричных каморках, где совместно жили 3–4 семьи либо же около десятка «коллег по цеху». Повседневную жизнь рабочих могли омрачать беспокойные соседи и конфликты с ними⁸².

Немногое время, остававшееся после рабочего дня, а также выходные и праздничные дни рабочие могли посвятить досугу. Рассматриваемый период стал временем общей демократизации культуры, когда прежде элитарные формы досуга становились массовыми. В то же время, оказавшись в новой среде, пришедшие рабочие привносили в городскую жизнь элементы крестьянской культуры. Своеобразной репликой крестьянского досуга становились фоновые досуговые практики, т. е. воспроизводство в повседневности рабочих определенных действий, мотивированных сложившимися традициями и обычаями [Ульянова, Офицерова, 2015, с. 619].

К фоновым практикам, оставшимся от крестьянского уклада жизни, можно отнести посиделки, беседы, вечеринки, а также кулачные бои, пение и танцы под гармошку, карточные игры, которые устраивались не только за воротами фабрики, но и в рабочее время, становясь причиной штрафов рабочих⁸³. Женщины часто собирались по вечерам посидеть у корпусов⁸⁴, чтобы обсудить новости и злободневные вопросы, отдохнуть от забот.

Драки были обычным вариантом досуга для мужчин, а дополняли подобные «развлечения» карты и спиртные напитки. Традиционным окружением фабрики были кабаки, трактиры, шинки, «казенки». Пьянство было широко распространено среди мужчин-рабочих, но не было чуждо и женщинам. Иногда для женщин вариантом досуга становились «вечеринки» с танцами, где «кроме пошлых шуток, кокетства и грязного веселья они ничего не получали»⁸⁵.

Отголоском крестьянской среды можно считать и так называемый «производственный» досуг, являвшийся репликой календарных обычаев, сопровождавших ход сельскохозяйственных работ. У ткачей сложились обычаи «засидки» и «замочки машин» – совместные празднества мужчин и женщин, приуроченные к началу зимнего или летнего сезонов работ на фабриках. В такие дни рабочие, как правило, получали от фабричной администрации угощение или деньги и продолжали празднование после работы. К началу XX в. подобные обычаи в рабочей среде практически исчезли.

К этой группе досуговых форм можно отнести «спрыски», «магарычи» и «литки», представлявшие собой угощение с алкоголем по случаю важного события. В среде городских рабочих подобные ритуалы отправлялись при поступлении или переходе на новую работу, по случаю получения первой заработной платы или ее повышения, а среди женщин – по случаю свадьбы. «Спрыски» и «магарычи» устраивались в трактирах или на природе.

Отношение рабочих к такому досугу не было однозначным. В то время как одни из них активно поддерживали устоявшиеся традиции, другие относились к «спрыскам» и «магарычам» негативно, справедливо полагая, что подобные празднества наносят ущерб рабочим и их семьям. Фоновые досуговые практики продолжались в семейном быту. Фаб-

⁸¹ Там же. Ф. 674. Оп. 1. Д. 4040. Л. 4–5 об., 16–16 об., 44 об.

⁸² Там же. Оп. 1. Д. 3279. Л. 45–46.

⁸³ ГАЯО. Ф. 675. Оп. 1. Д. 168. Л. 36 об. – 37.

⁸⁴ Центр документации новейшей истории ГАЯО (ЦДНИ ГАЯО). Ф. 4773. Оп. 6. Д. 71. Л. 67.

⁸⁵ Там же. Ф. 4773. Оп. 6. Д. 223. Л. 95–96.

ричным вариантом крестьянских «бабских праздников» становились так называемые «пропой помоев», устраивавшиеся два раза в год, календарно соответствуя Покрову и дню жен-мироносиц – особо почитаемым женщинами религиозным праздникам. Свое название «пропой помоев» получил по случаю сдачи коровницам помоев из фабричных казарм. К полученным деньгам добавлялись собственные средства. Празднество устраивалось в фабричных коридорах и могло продолжаться в виде шествия по улицам с песнями и танцами [Полищук, 1997, с. 117–118, 121].

Ко второй группе досуговых практик можно отнести традиционный религиозно-праздничный досуг. К числу официальных праздников относились дни коронаций. Так, на текстильных фабриках широко праздновали коронацию Николая II – владельцы оплачивали подарки рабочим и организацию развлечений в честь праздника ⁸⁶.

Большинство государственных праздников совпадали с важными датами церковного календаря. Без религиозной жизни не мыслилось «нравственное и физическое оздоровление» рабочих. Для многих рабочих, особенно в сельской местности, церковь становилась практически единственным утешением [Сурьянинов, 1932, с. 67]. Распространенной практикой на ЯБМ и Норской мануфактуре стало празднование Пасхи и Нового года с раздачей гостинцев для рабочих и служащих. Текстильщики полюбили новогодние елки с подарками для детей и «святочные увеселения» ⁸⁷.

Администрация предприятий развивала отдельные формы досуга с целью отвлечения текстильщиков от «вредных» идей и пагубного времяпровождения. Так, на ЯБМ функционировало общество трезвости, была открыта воскресная школа церковного пения, «женская миссия» для работниц, церковно-приходская школа.

В XX столетии активизировалась деятельность городских и уездных комитетов попечительства о народной трезвости. Одним из направлений их деятельности стала организация народных хоров. Пение считалось хорошим средством для отвлечения населения, особенно молодежи, от пьянства. Народный хор мог участвовать в церковных службах и выступать на концертах и народных гуляниях. В репертуар хора включались народные и духовные песни. Женщины к участию в хоре допускались по усмотрению комитета в зависимости от их способностей ⁸⁸.

В повседневной жизни текстильщиков присутствовал культурно-образовательный досуг, доступный в формах школьного образования, посещения библиотек, публичных лекций, синематографа.

Законом 1882 г. владельцы обязывались предоставлять малолетним рабочим, не имевшим начального образования, без различия пола, возможность посещать образовательные учреждения не менее 3 часов в день и 18 часов в неделю ⁸⁹. Предприятия не были обязаны открывать собственные школы; дети могли посещать близлежащие учебные заведения. Одним из первых стало училище при Норской мануфактуре, открытое в 1874 г., еще до выхода соответствующего закона, в 1882 г. появилось училище при ЯБМ. С 1890-х гг. работали четырехклассная школа при Романовской мануфактуре [Жизнь во благо, 2010, с. 34] и одноклассная школа при Гаврилов-Ямской мануфактуре ⁹⁰. Тем не менее ряд предприятий не спешил с устройством школ. Например, едва ли не единственной возможностью получить образование для малолетних рабочих Волжской мануфактуры была школа, открывшаяся уже, вероятно, в 1905–1906 гг. и находившаяся в трех верстах от предприятия. Не случайно число детей, посещавших школу, было минимальным и составляло около 10–20 человек ⁹¹.

⁸⁶ ГАЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 2943. Л. 9, 207, 373; Ф. 675. Оп. 1. Д. 102. Л. 72.

⁸⁷ ГАЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 4731. Л. 4 об.

⁸⁸ Ростовский филиал ГАЯО (РсФ ГАЯО). Ф. 69. Оп. 1. Д. 28. Л. 1–1 об., 8 об. – 9.

⁸⁹ ПСЗ. Собр. III. Т. II. № 931.

⁹⁰ ГАЯО. Ф. 642. Оп. 2. Д. 28. Л. 24 об.

⁹¹ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 4773. Оп. 6. Д. 225. Л. 49.



Типичное фабричное училище представляло собой отдельное помещение или здание, часть которого могли занимать квартиры учителей. Обучение мальчиков и девочек проводилось совместно, курс училища составлял 3–4 года; учебные материалы выдавались за счет предприятий. Фабрики практиковали награждение выдающихся выпускников книгами и похвальными листами [Ярославская Большая мануфактура, 1900, с. 60]. Программа обучения включала арифметику, письмо, чтение, закон Божий, пение и т. д. На ЯБМ велось раздельное обучение мальчиков и девочек по гимнастике и рукоделию.

«Разумным» способом проведения свободного времени стала фабричная библиотека, бесплатно выдававшая книги рабочим. «Отделами» фабричных библиотек являлись русская словесность, религиозно-нравственные и исторические произведения. Можно отметить библиотеки-читальни при ЯБМ (1895 г.) и Норской мануфактуре (1892 г.). Последняя насчитывала к началу XX столетия более полутора тысяч изданий, и на каждого абонента приходилось в год по 32 книги [Норская мануфактура, 1900, с. 14].

Популярной формой досуга текстильщиков стали лекции с демонстрацией туманных картин, проводившиеся крупными предприятиями – ЯБМ, Норской и Романовской мануфактурами. В Ростове устройством публичных лекций занимался местный комитет попечительства о народной трезвости⁹². Лекции устраивались по воскресным и праздничным дням, собирая значительное количество слушателей в фабричных или арендованных помещениях. «Телеустройства» или волшебные фонари приобретались организаторами либо брались в аренду. Как правило, чтения имели несколько отделений: религиозно-нравственное, историческое, научное и литературное. Плата за посещение чтений не взималась. Чтения привлекали целые семьи текстильщиков, становясь альтернативой досугу нездоровому.

Фабричный театр также разнообразил досуг рабочих. Толчок к развитию театрального дела давали фабричные школы. Например, в начале XX столетия при школе Норской мануфактуры работала актерская труппа, в состав которой входили рабочие [Виноградов и др., 1976, с. 22]. Драматический кружок существовал при школе Романовской мануфактуры [Жизнь во благо, 2010, с. 42]. С 1894 г. на ЯБМ спектакли ставились в здании фабричного училища, располагавшего залом на полторы тысячи мест. Часто устраивались детские спектакли.

Спектакли для рабочих обычно были платными, но стоимость их (к 1905 г. – 4 коп.) оставалась доступной. Часть расходов на организацию постановок предприятие и общество служащих брали на себя. Собранные средства шли на изготовление костюмов и декораций. Ставились также благотворительные спектакли, так, в 1904 г. были организованы постановки и публичные лекции в пользу раненых в русско-японской войне⁹³. На сцене фабричного училища ЯБМ играли артисты городского театра и гастролирующие труппы. Администрация ЯБМ организовывала сеансы синематографа для рабочих и служащих⁹⁴.

Важной частью жизни текстильщиков становилась общественно-политическая деятельность. Согласно воспоминаниям рабочих, они занимались агитацией, распространением нелегальной литературы и листовок, участвовали в собраниях. Некоторые женщины, в первую очередь, выросшие в среде «идейных» текстильщиков, также вовлекались в общественную работу⁹⁵.

Тем не менее по своему содержанию и объему досуг женщины-работницы представляется более скудным, нежели досуг рабочего-мужчины. Текстильщицы традиционно продолжали посвящать себя заботам о доме, хозяйстве, муже, детях и родственниках.

⁹² РсФ ГАЯО. Ф. 69. Оп. 1. Д. 27. Л. 2–41.

⁹³ ГАЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 4731. Л. 1.

⁹⁴ Там же. Л. 8 об.

⁹⁵ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 4773. Оп. 6. Д. 72. Л. 43 об., 68–70.

Многосемейность и сложные бытовые условия сокращали объем и без того непродолжительного свободного времени.

Больше досуговых возможностей, конечно, имели дети и подростки. Однако появление в семье маленьких детей или отсутствие средств приводили к тому, что уже с самого юного возраста девочки были вынуждены искать работу. Работа нянькой, швеей или работа на фабрике, а также помощь родителям в хозяйстве фактически лишала их детства и свободного времени. Многие работницы указывали на необходимость работать и жить в непростых условиях, на отсутствие возможности учиться или продолжать обучение⁹⁶.

Досуг одиноких работниц несколько отличался от досуга семейных женщин. Такая работница могла уделять больше времени досугу ввиду отсутствия у нее «семейных обстоятельств». К сожалению, часть одиноких работниц посвящала свое время девиантному досугу, включавшему пьянство и «свободные» отношения с коллегами по цеху⁹⁷.

Появление семьи также не способствовало прибавлению свободного времени у текстильщиц. Хозяйственные заботы, уход за детьми, а зачастую еще и за пьющим мужем фактически заставляли многих работниц брать на себя главенствующую роль в семье. В связи с этим представляется очевидным преобладание в повседневной жизни текстильщиц элементов фонового и религиозно-праздничного досуга.

Развитие текстильной промышленности оказывало значительное влияние на обыденную жизнь населения, меняя не только круг повседневных задач и обязанностей, но и идентичность, и ментальность рабочих. Несмотря на позитивные изменения в соотношении досуга и труда в бюджете времени фабричных рабочих, в рассматриваемый период повседневная жизнь ярославских текстильщиц по-прежнему отличалась высокой продолжительностью рабочего дня и монотонностью труда. Работа на фабрике переходила в работу по хозяйству, а многочисленные семейно-бытовые трудности снижали качество жизни женщин, фактически полностью поглощая имевшееся в их распоряжении свободное время либо максимально ограничивая его в будни и выходные дни. Несмотря на это, в последние десятилетия XIX – начале XX в. отчетливо наметилась тенденция к увеличению доли досуга в бюджете времени работниц ярославских текстильных фабрик, а также расширению круга досуговых форм, позволивших работницам хотя бы отчасти изменить собственную повседневную жизнь в лучшую сторону.

Список литературы

1. Александров Н.М. 2016. Крестьянский отход и текстильная промышленность пореформенной России (по материалам Верхнего Поволжья). В кн.: Историки: Формирование исторической школы в Ярославском государственном университете. Сборник воспоминаний и материалов. Иваново, ИП А.А. Пряслов: 148–156.
2. Беликов Б.Д. 1914. Женщина в промышленной инспекции Запада: к вопросу о введении женской фабричной инспекции в России. Тверь, Типо-Литография М.В. Блинова, преимн. Н.М. Родионова, 63.
3. Бородкин Л.И., Валетов Т.Я., Смирнова Ю.Б., Шильникова И.В. 2010. «Не рублем единым»: трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России. Москва, РОССПЭН, 534.
4. Веремко В.А. 2014. Подготовка дворянок к хозяйственной деятельности в семье в России второй половины XIX – начала XX вв. Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, 4 (4): 62–75.
5. Виноградов М.В., Землянский А.Ф., Карасев С.М. 1976. «Красный Перевал»: Очерки истории фабрики. Ярославль, Верхне-Волжское книжное издательство, 294.
6. Жизнь во благо: памяти Е.Е. Классена (1842–1910): сборник статей и материалов. Под ред. Н.В. Обнорской. Ярославль, Конверсия, 2010, 47.

⁹⁶ Там же. Д. 71. Л. 53.

⁹⁷ ГАЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 3279. Л. 55 об.



7. Залунаева Е.А. 2005. Повседневная жизнь рабочих Ярославля во второй половине XIX – начале XX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 26.
8. Кирьянов Ю.И. 1979. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.). Москва, Наука, 287.
9. Марасанова В.М., Албегова И.Ф., Шаматонина Г.Л. 2013. Женщины и профессионально-политические организации в Ярославской губернии на рубеже XIX–XX вв. Женщина в российском обществе, 67 (2): 60–69.
10. Полищук Н.С. 1997. Обычаи и нравы рабочих России (конец XIX – начало XX вв.). В кн.: Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917 г. Санкт-Петербург, Издательство “Русско-Балтийский Информационный центр «БЛИЦ»”: 114–130.
11. Посвятенко Ю.В. 2011. Особенности повседневной жизни рабочих-текстильщиков Верхнего Поволжья во второй половине XIX – начале XX вв. Москва, Контент-пресс, 241.
12. Пушкарева Н.Л., Мицюк Н.А. 2016. Модернизация репродуктивного поведения образованных россиянок второй половины XIX – начала XX в. Женщина в российском обществе, 80 (3): 73–89.
13. Сурьянинов С. 1932. Фабрика «Красный перевал» (б. Норская мануфактура). Москва, Государственное экономическое издательство, 76.
14. Ульянова С.Б., Офицера Н.В. 2015. Фоновые досуговые практики советских городских рабочих в 1920-е гг. В кн.: Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города. Курган, ООО «Курганский Дом печати»: 618–629.
15. Baron A. 1982. Women and the making of the American working class. A study of the proletarianization of printers. Review of Radical Political Economics, 14 (3): 23–42.
16. Benenson H. 2019. The «family wage» and the working women’s consciousness in Britain, 1880–1914. Politics and Society, 1: 71–108.
17. Boyer K. 2004. «Miss Remington» goes to work: gender, space, and technology at the dawn of the Information Age. The Professional Geographer, 56 (2): 201–212.
18. Hunter J. 1993. Japanese women at work. History Today, 43 (5): 49–55.
19. James K.J. 2006. Handycraft, Mass Manufacture and Rural Female Labour: Industrial Work in North-West Ireland, 1890–1914. Rural History, 17 (1): 47–63.
20. Purdue O. 2017. Surviving the industrial city: the female poor and the workhouse in late nineteenth-century Belfast. Urban History, 44 (1): 69–90.

References

1. Aleksandrov N.M. 2016. Krest'yanskiy otkhod i tekstil'naya promyshlennost' poreformennoy Rossii (po materialam Verkhnego Povolzh'ya) [Peasant Seasonal Works and Textile Industry in Post-Reform Russia (the Upper-Volga Region)]. In: Istoriki: Formirovanie istoricheskoi shkoly v Yaroslavskom gosudarstvennom universitete. Sbornik vospominanii i materialov. Ivanovo, IP A.A. Pryaslov: 148–156 (in Russian).
2. Belikov B.D. 1914. Zhenshchina v promyshlennoy inspeksii Zapada: k voprosu o vvedenii zhenskoy fabrichnoy inspeksii v Rossii [Woman and the Western Industrial Inspection: on the Issue of Establishment of the Female Factory Inspection in Russia]. Tver, Tipo-Litografiya M.V. Blinova, preemn. N.M. Rodionova, 63 (in Russian).
3. Borodkin L.I., Valetov T.Ya., Smirnova Yu.B., Shil'nikova I.V. 2010. «Ne rublem edinyim»: trudovye stimuly rabochikh-tekstil'shchikov dorevolutsionnoy Rossii [«Not by a Ruble Alone»: Labor Motivation for Textile Workers in Pre-revolutionary Russia]. Moscow, ROSSPEN, 534 (in Russian).
4. Veremenko V.A. 2014. Podgotovka dvoryanok k khozyaystvennoy deyatel'nosti v sem'e v Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv. [Preparation of the noble women to economic activity in the family in Russia in the second half of XIX – early XX centuries]. Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina, 4 (4): 62–75 (in Russian).
5. Vinogradov M.V., Zemlyanskiy A.F., Karasev S.M. 1976. «Krasnyy Pereval»: Ocherki istorii fabriki [«Krasny Pereval»: Outline of the Factory’s History]. Yaroslavl, Verkhne-Volzhskoe knizhnoe izdatel'stvo, 294 (in Russian).
6. Zhizn' vo blago: pamyati E.E. Klassena (1842–1910): sbornik statey i materialov [Life for the good: in memory of E.E. Classen (1842–1910)]. Pod red. N.V. Obnorskoy. Yaroslavl, Konversiya, 2010, 47 (in Russian).

7. Zalunaeva E.A. 2005. Povsednevnyaya zhizn' rabochikh Yaroslavlya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. [Everyday Life of the Yaroslavl Workers in the Second Half of the XIX – the Beginning of the XX cc.]. Abstract. dis. ... cand. hist. sciences. Yaroslavl, 26 (in Russian).
8. Kir'yanov Yu.I. 1979. Zhiznenny uroven' rabochikh Rossii (konets XIX – nachalo XX v.). [Living Standard of Russian Workers]. Moscow, Nauka, 287 (in Russian).
9. Marasanova V.M., Albegova I.F., Shamatonova G.L. 2013. Zhenshchiny i professional'no-politicheskie organizatsii v Yaroslavskoy gubernii na rubezhe XIX–XX vv. [Women and professional and political organizations in the Yaroslavl province at the boundary of the XIX–XX cc.]. Zhenshchina v rossiyskom obshchestve, 67 (2): 60–69 (in Russian).
10. Polishchuk N.S. 1997. Obychai i nrvy rabochikh Rossii (konets XIX – nachalo XX vv.). [Customs and Folkways of the Russian Workers (end of XIX – beginning of XX cc.)]. In: Rabochie i intelligentsiya Rossii v epokhu reform i revolyutsiy. 1861 – fevral' 1917 g. St. Petersburg: Izdatel'stvo "Russko-Baltiiskii Informatsionnyi tsentr «BLITS»": 114–130 (in Russian).
11. Posvyatenko Yu.V. 2011. Osobennosti povsednevnoy zhizni rabochikh-tekstil'shchikov Verkhnego Povolzh'ya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. [Peculiarities of the Textile Workers' Everyday Life in the Upper Volga Region]. Moscow, Kontent-press, 241 (in Russian).
12. Pushkareva N.L., Mitsyuk N.A. 2016. Modernizatsiya reproduktivnogo povedeniya obrazovannykh rossiyanok vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. [Modernization of reproductive behavior of noblewomen in the second half of XIX – the beginning of the XX c.]. Zhenshchina v rossiyskom obshchestve, 80 (3): 73–89 (in Russian).
13. Sur'yaninov S. 1932. Fabrika «Krasnyy pereval» (b. Norskaya manufaktura) [Krasny Pereval Factory (Former Norskaya Manufacture)]. Moscow, Gosudarstvennoe ekonomicheskoe izdatel'stvo, 76 (in Russian).
14. Ul'yanova S.B., Ofitserova N.V. 2015. Fonovye dosugovye praktiki sovetskikh gorodskikh rabochikh v 1920-e gg. [The background free time practice of Soviet urban workers in the 1920s]. In: Istoriicheskaya urbanistika: proshloe i nastoyashchee goroda. Kurgan, OOO «Kurganskiy Dom pečati»: 618–629 (in Russian).
15. Baron A. 1982. Women and the making of the American working class. A study of the proletarianization of printers. Review of Radical Political Economics, 14 (3): 23–42.
16. Benenson H. 2019. The «family wage» and the working women's consciousness in Britain, 1880–1914. Politics and Society, 1: 71–108.
17. Boyer K. 2004. «Miss Remington» goes to work: gender, space, and technology at the dawn of the Information Age. The Professional Geographer, 56 (2): 201–212.
18. Hunter J. 1993. Japanese women at work. History Today, 43 (5): 49–55.
19. James K.J. 2006. Handycraft, Mass Manufacture and Rural Female Labour: Industrial Work in North-West Ireland, 1890–1914. Rural History, 17 (1): 47–63.
20. Purdue O. 2017. Surviving the industrial city: the female poor and the workhouse in late nineteenth-century Belfast. Urban History, 44 (1): 69–90.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Марасанова Виктория Михайловна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой рекламы и связей с общественностью Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия

Кривошеева Юлия Александровна, старший преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Victoria M. Marasanova, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Advertisement and Public Relations, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

Julija A. Krivosheeva, Senior Lecturer of the Department of Advertisement and Public Relations, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia



УДК 94 (470) «1917/1920»

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-568-579

Практика земельного передела 1917–1920 гг. и его последствия (на примере Данковского уезда Рязанской губернии)*

Э.В. Гатилов

Липецкий государственный технический университет (ЛГТУ),
Россия, 398600, Липецк, Московская, 30
E-mail: gatilow.e@yandex.ru

Аннотация. Земля как ведущий ресурс хозяйственной деятельности сформировала к себе определенное отношение со стороны крестьянства. Это отношение, оформившееся в начале XX столетия в устойчивое желание к ликвидации частновладельческой собственности на землю, наиболее остро проявлялось в земледельческой массе малоземельного черноземного центра России в период Первой мировой войны и вылилось с Февральской революцией 1917 г. в открытое захватное движение. Хаотичный передел 1917 г. попытались поставить под контроль земельные органы новой большевистской власти. Проведение земельного передела в черноземном регионе в течение 1917–1920 гг. не привело к существенным изменениям параметров хозяйственной деятельности крестьянства, но, напротив, усугубило и законсервировало прежние проблемы деревни. В данной статье ставится целью на основе архивных материалов по Данковскому уезду Рязанской губернии проследить ход земельного передела в провинциальном уезде и крестьянскую рефлексию на данный процесс. Вводимые в оборот новые документы конфликтных комиссий уездного земельного отдела раскрывают содержательную часть крестьянской реакции на ход аграрных трансформаций. Методологической основой настоящего исследования является принцип историзма, сравнительный и статистический анализы, контент-анализ.

Ключевые слова: Данковский уезд, передел земли, крестьянская рефлексия, поземельный конфликт.

Для цитирования: Гатилов Э.В. 2020. Практика земельного передела 1917–1920 гг. и его последствия (на примере Данковского уезда Рязанской губернии). *Via in tempore. История. Политология*, 47 (3): 567–579. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-568-579.

The practice of land redistribution in 1917–1920 and its consequences (on the example of Dankov county of Ryazan province)

Eduard V. Gatilov

Lipetsk State Technical University,
30 Moskovskaya St., Lipetsk, 398600, Russia
E-mail: gatilow.e@yandex.ru

Abstract. The land, as a leading resource of economic activity, has formed a certain attitude to itself from the peasants. This attitude, formed at the beginning of the twentieth century in a steady desire to eliminate private ownership of land, most acutely manifested in the agricultural mass of the small Chernozem center of Russia during the First World War and resulted with the February Revolution of 1917 in an open seizure movement. Chaotic redistribution in 1917 tried to put the land authorities of the new Bolshevik government under control. Conducting land redistribution in the Chernozem region during 1917–1920 did not lead to significant changes in the parameters of economic activity of the peasants, but,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке фонда РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00061 А «Поземельные конфликты начального советского периода как индикатор трансформации крестьянской идентичности (1917–1920 гг.)».

on the contrary, exacerbated and preserved the previous problems of the village. This article aims to trace the course of land redistribution in the provincial district and peasant reflection on this process on the basis of archival materials on the Dankovsky uyezd (county) of the Ryazan province. The new documents of the conflict commissions of the district land Department that are being put into circulation reveal the content of the peasant reaction to the course of agrarian transformations. The methodological basis of this research is the principle of historicism, comparative and statistical analyses, and content analysis.

Key words: Dankov uyezd (county), land redistribution, peasant reflection, land conflict.

For citation: Gatilov E.V. 2020. The practice of land redistribution in 1917–1920 and its consequences (on the example of Dankov county of Ryazan province). *Via in tempore. History and political science*, 47 (3): 567–579 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-568-579.

Вопросы аграрного кризиса в России и на территории ее Черноземного центра начала XX в. неоднократно рассматривались в отечественной историографии [Слепнёв, 2006; Чуркин, 2006, 2016; Есиков, 2007; Перепелицын, Фурсов, 2008; Есикова, 2009; Кудинова, 2011; Николашин, 2013, 2019; Карпачев, 2014, 2016; Колупаев, 2015; Перепелицын, 2015; Безгин, 2017; Ларина, Труслова, 2017; Беспалов, 2018; Гатилов, Николашин, 2019]. Но, как совершенно справедливо замечает Н.А. Жиров, «за десятилетия исследований было выпущено немало трудов, хотя и ощущается недостаточная изученность микроисторических сюжетов» [Жиров, 2017, 99]. Исходя из этого в данной статье основное внимание обращено на проведение земельного передела в 1917–1920 гг. на территории Данковского уезда Рязанской губернии и на его социокультурные последствия. Данковский уезд располагался в южной части губернии и считался по почвенным качествам одним из самых плодородных, что обуславливало высокую значимость земледелия в жизни местного населения. Крестьянская рефлексия на проводимые аграрные изменения раскрывает не только отношение к ним, но и психологию, состояние самого земледельческого слоя.

Практика земельного передела была инициирована на территории Данковского уезда событиями Февральской революции 1917 г. и начала осуществляться в виде захвата частновладельческих и, прежде всего, помещичьих земель. По данным Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г., на территории уезда числилось частновладельческими 106 хозяйств с 25 933,7 дес. пашни, в то время как хозяйств крестьянского типа числилось 21 239 с 140 578,8 дес. пашни [Поуездные итоги]. Фактически частновладельческий фонд, по материалам переписи, составлял 15,5 % от всего пахотного фонда уезда. В условиях растущей крестьянской агрессии часть помещиков самовольно отказалась от своих имений (за 5 месяцев своего существования Данковский уездный земельный комитет принял на учет 20 имений⁹⁸), часть – только от отдельных своих земель: так, двое помещиков в Змиевской волости отказались от земли в количестве 14 и 5 десятин⁹⁹.

Захватное движение крестьян активизировалось в конце лета – осенью 1917 г. в связи с необходимостью подготовки к яровому севу 1918 г. Объектом внимания данковского крестьянства стали частновладельческие земли, как помещичьи, так и других владельцев. К примеру, крестьяне общества села Змиева Змиевской волости «нахальным образом и чуть ли не с угрозой завладели собственностью – пахотной полевой землей» двух хуторян¹⁰⁰. 3 сентября 1917 г. граждане села Избищи Ягодновской волости в количестве 140 домохозяев имели суждение между собой о недостатке земли на 1918 г. и просили уездный земельный комитет разрешить запахать землю в количестве 80 десятин, числившихся за Крестьянским Рязанским поземельным банком¹⁰¹. Аналогичным образом

⁹⁸ Областное казенное учреждение «Государственный архив Липецкой области» (далее – ОКУ ГА-ЛО). Ф. Р-448. Оп. 1. Д. 4. Л. 58.

⁹⁹ ОКУ ГАЛО. Ф. 1612. Оп. 1. Д. 5. Л. 8–9.

¹⁰⁰ Там же. Л. 2.

¹⁰¹ Там же. Д. 1. Л. 1.



16 сентября 1917 г. Гурьевское и Мещаковское общества села Березовки Еропкинской волости выступили с ходатайством перед волостной земельной управой о передаче им в арендное пользование 243 десятин из земель частного владельца Демидова под яровой посев¹⁰². Отсутствие или удаленность помещичьих имений и земель от крестьянских поселений ставили земледельцев перед необходимостью поиска допустимых для раздела территорий. Граждане д. Репец Острокаменской волости в первой половине октября 1917 г., например, заявили в адрес волостной земельной управы: «за нашим обществом имеется всего пахотной земли 180 дес., а всех нас 30 домохозяев, и земли для нас совершенно мало, арендовать землю нам не у кого, так как землевладельцев, расположенных возле нас, нет, но есть лишь земля в наших дачах, принадлежащая гражданам д. Котовских, ... а всего 132 дес., и эту землю мы бы желали взять в свое арендное пользование, т. к. граждане других волостей не имеют права пользования землей, которая находится в наших дачах, а мы как малоземельные желаем такой воспользоваться и арендой платить»¹⁰³. В волостях, где были помещичьи земли, создавались условия для их первостепенного распределения.

Приход к власти большевиков сопровождался удовлетворением давних чаяний крестьянства – ликвидацией частной собственности на землю и передачей последней в ведение крестьянства, несмотря на то, что подобная передача, как и уравнительное землепользование, не входили изначально в их планы. Однако последствия нового земельного передела оказались не столь очевидными, как они виделись основной массе земледельцев.

Весной 1918 г. в Данковском уезде, по данным уездного земельного комитета, всей земли значилось 228 787,5 дес., в т. ч. под усадьбой – 8 180 дес.; луга занимали 6 867 дес., выгоны – 5 110 дес., леса – 7 775,6 дес., неудобные земли включали 6 171 десятин. Из всего массива уезда пахотные земли составляли 194 683,9 десятины, практически 85 % от площади уезда. При этом население уезда исчислялось в 139 850 душ¹⁰⁴. Уточненные данные июня 1918 г. дали 225 049,6 дес. всей земли при 192 298,9 дес. пашни и 150 988 душах¹⁰⁵. Сводные данные волземкомов на конец 1918 г. свидетельствуют о наличии в уезде 109 886,5 дес. пахотной надельной земли и 79 256,5 дес. пахотной частновладельческой (далее – ч/в). Фактически земли, отнесенные к частным в массиве пахотных земель уезда, составляли уже 42 % против 15,5 % по данным переписи 1917 г.

Учет земель частных владельцев определил разделение волостей на много- и малоземельные. Практически все волости Данковского уезда были малоземельными. Использование определений «малоземельные» и «многоземельные» характеризовало наличие частновладельческих земель, которые на уравнительной основе можно было разделить между земледельцами. Если в волости средняя подушевая норма выполнялась за счет надельных и частных земель и оставался какой-то остаток последних, то он предназначался для наделения других, как правило, близлежащих волостей.

Рязанский губернский съезд земельных отделов 23 марта 1918 г., учитывая требования большинства крестьянских наказов, определил, что передел под яровой посев 1918 г. должен совершаться по живым душам и независимо от пола и возраста¹⁰⁶. Решением очередного съезда Данковского уездного земельного комитета от 5 апреля 1918 г. были определены площади межволостного перераспределения бывших частных земель под яровой посев 1918 г. – рисунок 1.

Согласно представленным данным, площадь частновладельческого фонда, предназначенного для перераспределения под ярь 1918 г., исчислялась в размере 6 459 дес., что составляло приблизительно 3,5 % от всех пахотных земель уезда и 8,2 % ч/в фонда.

¹⁰² ОКУ ГАЛО. Ф. 1612. Оп. 1. Д. 11. Л. 10.

¹⁰³ Там же. 10. Л. 1 об.

¹⁰⁴ ОКУ ГАЛО. Ф. Р-448. Оп. 1. Д. 88. Л. 17.

¹⁰⁵ Там же. Д. 84. Л. 270, 270 об.

¹⁰⁶ Там же. Д. 88. Л. 55.

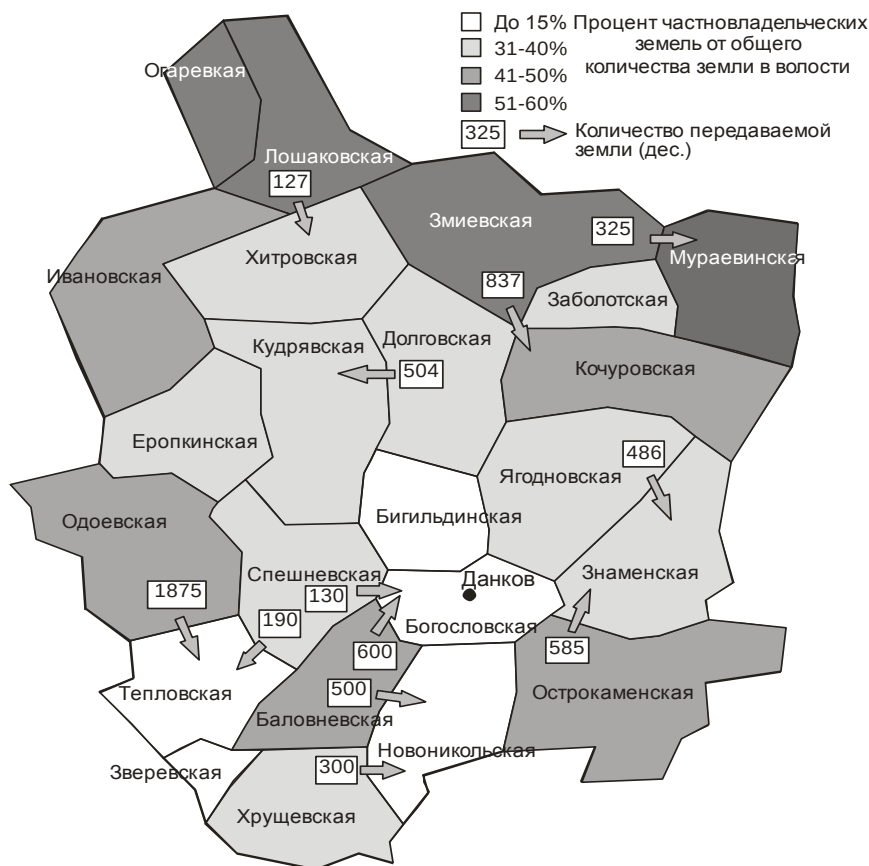


Рис. 1. Проект межволостного перераспределения частновладельческих земель Данковского уезда под яровой посев 1918 г. (в дес.)¹⁰⁷

Fig. 1. The project of inter-village redistribution of private land in Dankov county under spring sowing in 1918 (in tens)

В волостях бывшие частные земли использовались для разверстки по душевой норме между местными сельскими обществами. Восемь волостей для выполнения нормы наделения не имели наличного фонда ч/в земель и должны были получить их в 9-ти волостях, где оказался достаточно большой объем экспроприированных помещичьих и прочих земель. Реально к первой категории относились лишь 5 волостей с низким процентом частновладельческих площадей в массиве волости: Зверевская (1 %), Бигильдинская (6 %), Богословская (10 %), Новоникольская (11 %) и Тепловская (12 %). Наделяемая для выполнения нормы Знаменская волость имела 39 % ч/в земель, Хитровская и Кудрявская – по 40 %, Кочуровская – 46 %, а в Мураевинской волости 56 % земель были отнесены к частновладельческим. При разверстке этих земель основная проблема состояла в количественном росте населения. Как указано выше, численность учтенного земледельческого населения в уезде только в первой половине 1918 г. возросла с 139 850 до 150 988 душ, то есть на 11 138 человек. Даже если принять во внимание несомненное завышение данных, представляемых волземкомами, следует констатировать существенное увеличение в уезде лиц, имевших право на получение земли для обработки.

Помимо невозможности уравнительно и удобно распределить земли между сельскими обществами и прочими хозяйствующими субъектами уезда, подвижность численности населения стала дополнительным фактором сезонных переделов земельного фонда волостей. Поволостные данные позволяют проследить масштабы сезонных переделов в течение 1918–1919 гг., а именно передел под яровой посев 1918 г., озимый посев 1918 г. и яровой посев 1919 г. На рисунке 2 эти данные по волостям представлены последовательно, напри-

¹⁰⁷ ОКУ ГАЛО. Ф. Р-448. Оп. 1. Д. 88. Л. 17–18., Д. 137. Л. 4–5.

Представленные материалы не отражают всей полноты и противоречивости земельного передела 1918–1919 гг. Желание воплотить в проводимом переделе принцип социальной справедливости, выразившийся в уравнительном распределении, привел к тому, что наделение протекало лоскутно, из земель, находившихся прежде в руках разных собственников и на разных территориях. Это, в частности, видно на примере Хрущевской волости. По волостным данным всей земли в пределах Хрущевской волости насчитывалось 9 695 дес. Из данного массива, согласно постановлению Данковского УЗК от 5 апреля 1918 г., 200 дес. должны были перейти в пользование граждан с. Перехвали Новоникольской волости, что отражено на рисунке 2.

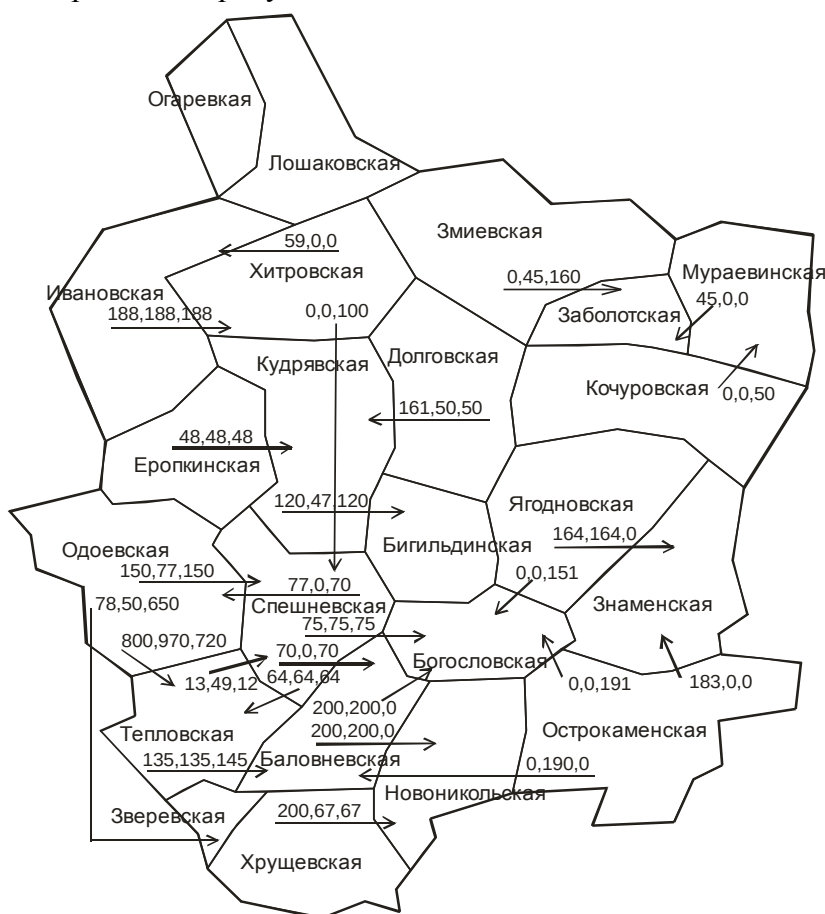


Fig. 2. Land areas allocated in the donor parishes for the recipient parishes for sowings 1918–1919 (in tens)

¹⁰⁹ ОКУ ГАЛО. Ф. Р-448. Оп. 1. Д. 84. Л. 386–387.

Таблица 1
Table 1

Распределение земли между сельскими обществами Хрущевской волости под яровой посев 1918 г.
Distribution of land between rural societies of the Khrushchevskaya parish under spring sowing in 1918

	с. Хрущово 1	с. Хрущово 2	д. Хорошовка	д. Ларионовка
Количество душ	2100	394	1378	627
Причитается земли	2163	406	1419	646
Надельной	1175	220	993	391
Недостаток	988	186	426	250
Покрыть недостаток из	Имения Игнатъевой – 575 дес. Причта с. Хрущево – 36 дес. Им. Стаховича при с. Спешневе и Надеждиной – 377 дес.	Им. Хомякова при с. Хрущево – 186 дес.	Причта с. Хорошовка – 252 дес. Им. Стаховича при д. Надеждиной – 138 дес.	Им. Хомякова при с. Хрущево – 98 дес. Им. Скворцова при с. Хрущево. – 136 дес. Им. Мазуриной при д. Ларионовке – 6 дес. Им. Стаховича при д. Секирино – 15 дес.
	с. Спешнево	д. Погореловка	д. Надеждино	с. Телепнево
Количество душ	591	434	370	3233
Причитается земли	608	447	381	3330
Надельной	598	366	290	2198
Недостаток	10	81	91	412
Покрыть недостаток из	Им. Шишкова при с. Спешневе – 10 дес.	Причта с. Спешнева – 36 дес. Им. Стаховича при с. Спешневе – 45 дес.	Им. Стаховича при д. Надеждиной – 91 дес.	Причта с. Телепнева – 36 дес. Им. Хомякова при с. Хрущево – 49 дес. Им. Шишкова при д. Хорошовке – 327 дес.

Табличные примеры подтверждают лоскутность земельной компенсации, проводимой за счет частных земель, в данном случае помещичьей и церковной. Этим усугублялись старые проблемы черноземной деревни – черезполосность, дальнеполосность, которые были одним из бедствий крестьянских обществ еще в дооктябрьский период. Да и малоземелье преодолеть не удалось. Показатели на душу населения по сезонным переделам в Данковском уезде представлены в таблице 2. Волости размещены в таблице в зависимости от географического положения – с севера на юг. Из-за отсутствия данных по Змиевской, Мураевинской, Еропкинской, Бигильдинской и Тепловской волостям последние не включены в таблицу.

Сравнительный анализ приведенных данных позволяет заключить, что только в четырех волостях – Огаревской, Ивановской, Долговской и Острокаменской норма наделения осталась неизменной. Ряд волостей характеризует незначительное изменение показателей, а в отношении шести волостей – Кудрявской, Кочуровской, Ягодновской, Знаменской, Одоевской и Спешневской – отмечается устойчивое снижение нормы наделения. Таким образом, в рамках трехполья данковские земледельцы в среднем увеличили свои наделы в диапазоне от 0,9 до 1,5 дес. Только в Хрущевской волости этот показатель достиг 1,94 дес. Данные по Хитровской и Зверевской волостям демонстрируют минимальное приращение земли от 6 до 12 саж. на душу.



Таблица 2
Table 2

Средняя норма наделения землей на душу населения волости (в дес.) ¹¹⁰
Average land allocation per capita of the parish (in tens)

№ п/п	Волость	1918 г.		1919 г.
		Яровое (дес.)	Озимое (дес.)	Яровое (дес.)
1.	Огаревская	0,50	0,50	0,50
2.	Лошаковская	0,44	0,42	0,42
3.	Хитровская	0,004	0,005	0,005
4.	Ивановская	0,46	0,46	0,46
5.	Заболотская	0,33	0,33	0,40
6.	Долговская	0,45	0,45	0,45
7.	Кудрявская	0,43	0,40	0,38
8.	Кочуровская	0,46	0,43	0,41
9.	Ягодновская	0,50	0,40	0,40
10.	Знаменская	0,45	0,42	0,40
11.	Одоевская	0,47	0,40	0,39
12.	Спешневская	0,31	0,30	0,27
13.	Богословская	0,30	0,30	0,31
14.	Баловневская	0,31	0,32	0,33
15.	Острокаменская	0,47	0,47	0,47
16.	Новоникольская	0,41	0,33	0,44
17.	Зверевская	0,003	0,003	0,003
18.	Хрущевская	1,00	0	0,94

Результаты контент-анализа оценок подобного перераспределения земли, зафиксированных земельными отделами волостных советов в конце 1918 г., ¹¹¹ приведены в таблице 3.

Оценивая заключения волземотделов как положительные или отрицательные, можно констатировать, что доминирующий в оценках негатив в отношении проведенных перераспределений говорит о небольшом земельном приращении. Положительные оценки связаны как правило с теми волостями, в которых произошли незначительные межволостные передвижки (рисунок 2), несущественно изменившие внутриволостной земельный порядок.

Таким образом, справедливое с точки зрения крестьянства уравнильное перераспределение частновладельческих земель не ликвидировало основных проблем данковской деревни, но, напротив, увеличило внутреннюю конфликтность как между отдельными селениями, так и между волостями.

Крестьянским обществам, получавшим прибавку земли в массиве своей волости, необходимо было урегулировать вопросы доступности к выделенным землям с местными селениями, что не всегда находило их понимание и сопровождалось межселенными конфликтами. Обществам, получившим прибавку в массиве других волостей, необходимо было наладить обработку удаленных территорий, которые местным населением рассматривались как свои. Удаленность земель, настрой местного населения, а нередко и самовольная обработка ими участков, назначенных селениям других волостей, создавали серьезные трения между крестьянскими обществами, приобретающие характер межволостных поземельных конфликтов. В этих условиях волости, оставшиеся в своих границах, на «собственных» частновладельческих землях имели меньше оснований для подобных споров. Однако приток населения в деревню, обусловивший, в частности, сезонные перераспределения, усугублял сложившееся положение. При этом можно предположить, что прибывающее в сельскую местность население группировалось в инфраструктурно удобных волостях, т. е. наиболее близких к уездному

¹¹⁰ ОКУ ГАЛО. Оп. 1. Д. 137. Л. 139–163.

¹¹¹ ОКУ ГАЛО. Оп. 1. Д. 137. Л. 139–163.

центру – г. Данкову – Богословской, Бигильдинской, Новоникольской, создавая в них наибольшие проблемы при разверстке земли и увеличивая конфликтность.

Таблица 3
Table 3

Заключения о состоянии населения волостных земельных отделов Данковского уезда
Conclusions on the condition of the population of the Dankov County land parishes

Волость	Состояние населения в оценках волземотделов	Положительная/ отрицательная	
Огаревская	Распределение земли на хозяйства отразилось благоприятно, и население этим удовлетворилось	+	
Хитровская	Население удовлетворено без всякого ропота	+	
Ивановская	Наделение жителей по распределении земли удовлетворительно	+	
Мураевинская	Ежегодный раздел тормозит вывоз навоза, население выражает желание повысить на 5–6 лет		-
Заболотская	Хозяйство от распределения не пострадало, население ратует на малоземелье	+	-
Долговская	Распределение земли в хозяйствах отразилось в недостаточном количестве.		-
Кудрявская	Распределение земли на хозяйстве отразилось благоприятно, но удовлетворено не в достаточной мере	+	-
Кочуровская	Население осталось частью по одиночке наделением земли неудовлетворительно в волости		-
Ягодновская	Распределение земли на строе хозяйства отразилось удовлетворительно	+	
Знаменская	Население волости неудовлетворено, ощущается недостаток		-
Одоевская	При распределении земли между обществами на строе хозяйства отразилось неудовлетворительно, т. к. трудовые хозяйства оказались малоземельными, получившие много земли не имеют для обработки ее рабочего скота и с/х инвентаря		-
Баловневская	Население недовольно разверсткой УЗО, т. к. этой земли недостаточно для устройства сельского хозяйства		-
Зверевская	Распределение земли обошлось без расстройств хозяйства и население осталось удовлетворительным	+	
Хрущевская	Хозяйство несколько улучшилось, население же не вполне удовлетворено		-

Для того чтобы ответить на вопрос, насколько аграрное реформирование повлияло на уровень крестьянской конфликтности, проведем статистический анализ показателей ряда конфликтов, имевших место в данковской деревне в 1918–1920 гг. Основным источником выступают материалы Конфликтной комиссии при земельном отделе Данковского уезда. К анализу привлечено 36 конфликтов¹¹². В качестве предмета анализа выступали четыре категории: причины конфликта, уровни конфликта, предмет и параметры конфликта. В качестве ведущих причин конфликтов выделены три: разверстка земли, право пользования и самовольный захват. Субъектами конфликтов выступают представители крестьянских хозяйств, селения, волости. По субъектам выделены следующие уровни конфликтов: межкрестьянский (непосредственно между отдельными крестьянами), внутриселенный (между отдельными крестьянами и крестьянским обществом одного селения), межселенный (внутриволостной) и межволостной. В качестве предмета конфликтов выде-

¹¹² ОКУ ГАЛО. Оп. 1. Д. 80, 87, 140, 144, 146, 148, 149, 165, 167, 168, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 182, 183, 185, 186, 187, 188, 269, 277.

лены следующие: земля, урожай и иные объекты (сад, сенокос, пруд, разработка камня). Категория «параметры конфликта» охватывает три элемента: расположение (дальний – близкий, черезполосный, в границах дачи селения и т. д.), традиции пользования (пользование ранее купленной или арендованной землей, или иным объектом, справедливость пользования), трудовые усилия (труд, вложенный в тот или иной объект). Анализируемые данные представлены в процентном отношении (рисунок 3).



Рис. 3. Категории анализа конфликтов Данковского уезда 1918–1920 гг. (в %)
Fig. 3. Categories of analysis of conflicts in Dankov county in 1918–1920 (in %)

Анализ представленных на рисунке 3 категорий конфликта позволяет заключить, что именно земля как основа крестьянского хозяйства черноземной полосы стала камнем преткновения в проводимом переделе – более 80 % конфликтов связано с ней. Среди причин конфликтов доминирующей была проводимая большевиками разверстка земли. Будучи согласными с необходимостью долгожданного введения в крестьянский оборот частновладельческих земель, с установлением средней нормы наделения как реализацией принципа уравнительного распределения, земледельцы оказались неготовыми к инфраструктурным изменениям – нахождению переданных им земель на территории других волостей, дальнеземелью, черезполосице. Фактически два параметра определяли недовольство крестьян – местоположение передаваемого селению земельного массива и изменение традиций пользования землей. В большинстве случаев ранее купленные или арендованные земли рассматривались земледельцами как свои, их переход в пользование других селений вызывал недоумение, недовольство и нередко выливался в конфликт. Обращает на себя внимание, что межселенный конфликт стал ведущим. Селения, даже в рамках одного сельского общества, выступали противоборствующими сторонами в большинстве рассмотренных случаев – 53 %, что ставит вопрос о специфичности воссозданной в изучаемый период общины. Межволостной конфликт – 28 % – фактически являлся продолжением межселенного, где конфликтовали, как правило, селения смежных волостей, реже волостотделы как представители неудовлетворенных селений. На этом фоне конфликты внутри селений или между отдельными крестьянскими хозяйствами становились второстепенными, о чем свидетельствует их низкий процент в анализируемой совокупности – 17 и 3 % соответственно.

Следует заметить, что практика земельного передела, реализуемая большевиками, оказалась типичной для черноземных территорий. Но не типичными оказались реакции земледельцев в региональном преломлении – от пассивного принятия до активного противодействия, что объясняется целым набором факторов, анализ которых выходит за рамки настоящей статьи.

Таким образом, практическое воплощение крестьянской мечты «о земле» оказалось далеким от массовой иллюзии. Ликвидация частновладельческой собственности на землю практически не повлияла на хозяйственный уклад основной массы данковских земледельцев. Крестьяне не получили всей земли – ее часть стала основанием для создания новых, коллективных форм хозяйствования. В то же время в деревню вернулось значительное количество «бывших» крестьян, что обострило отношения по линии «свой» – «чужой». Социокультурный разрыв – несоответствие долго бытовавшего представления с одной стороны и мало изменившихся в лучшую сторону условий хозяйственной деятельности – с другой стороны, создали атмосферу неудовлетворенности. Проводимая в условиях гражданской войны аграрная политика все больше консервировала старые проблемы деревни и поляризовала отношения внутри самого крестьянства. Показателен в этой связи следующий пример. 18 апреля 1920 г. в Данковский уездный комитет РКП(б) обратился бывший красный офицер Иванов М.Н. с просьбой оказать помощь в получении надельной земли. По факту он, придя из армии, не попал в разверстку, и общество с. Одоевщино Одоевской волости отказалось наделять его из уже распределенной надельной, предложив взамен землю в 7 верстах из экономической. Иванов увидел в данном решении происки кулачества. Его обращение в Данковский УЗО и принятое предписание воздействия на одоевское общество не возымели, почему он и вынужден был продолжить защиту своих интересов уже в уездном комитете РКП(б)¹¹³. Данный пример свидетельствует, что данковское крестьянство и в 1920 г. продолжало жить по прежним мирским законам. Консерватизм данковской деревни станет главным препятствием на пути последующих аграрных преобразований на территории уезда.

Список литературы

1. Безгин В.Б. 2017. Крестьянский «мир» в революции 1917 года (на материалах Тамбовской губернии). Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1: 160–168.
2. Беспалов С.В. 2018. Аграрный кризис в России конца XIX века: внешне- и внутриэкономическое измерения. Общество и власть в императорской России, СССР и современной Российской Федерации: 297–309.
3. Гатилов Э.В., Николашин В.П. 2019. Поземельные конфликты Черноземья начального советского периода 1917–1920 гг. Клио. 2019. 12 (156): 104–121.
4. Есиков С.А. 2007. Крестьянское землевладение и землепользование в Тамбовской губернии в пореформенное время (1861–1905 гг.). Историко-правовое исследование. СПб., Нестор, 189.
5. Есикова М.М. 2009. Аграрный кризис конца XIX – начала XX века. Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 3 (27): 230–233.
6. Жиров Н.А. 2017. Крестьянское землевладение в Орловской губернии на рубеже XIX–XX вв. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1: 99–104.
7. Карпачев М.Д. 2014. Финансовые повинности крестьян Воронежской губернии в конце XIX – начале XX вв. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1: 253–268.
8. Карпачев М.Д. 2016. Русская крестьянская община и государство: социальные истоки конфликта в начале XX в. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1: 283–297.
9. Колупаев А.А. 2015. Трудовые ресурсы Курской деревни в годы революционных событий 1917 года и гражданской войны. Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право. 4 (17): 137–145.
10. Кудинова Ю.В. 2011. Положение крестьянства Воронежской губернии в период между двумя русскими революциями (1908–1916 гг.). Научные ведомости БелГУ, Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 13 (108). Вып. 19: 146–149.

¹¹³ ОКУ ГАЛО. Ф. Р-448. Оп. 1. Д. 274. Л. 6.



11. Ларина О.Г., Трусова Н.С. 2017. Исторические аспекты развития налогообложения в XIX–XX веках (на примере Курской губернии). Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право. 7, 1 (22): 6–14.
12. Николашин В.П. 2013. Социализация земли и «устоявшийся порядок» общинных пределов в Задонском уезде Воронежской губернии. Тамбов: Грамота, 2 (69): 121–124.
13. Николашин В.П. 2019. Поземельные конфликты в начальный период советской власти: от противостояния общин к борьбе крестьян с коллективными хозяйствами и комбедами. История: факты и символы. 3 (20): 116–125.
14. Перепелицын А.В., Фурсов В.Н. 2008. Особенности земельных отношений крестьян Центрального Черноземья в 60–90-е годы XIX века. Научные ведомости БелГУ. 10 (50): 94–100.
15. Перепелицын А.В. 2015. Общинное землевладение и землепользование в центрально-черноземных губерниях России в конце XIX – начале XX вв. 4 (27): 106–110.
16. Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 57 губерниям и областям. Исторические материалы. Официальный сайт. URL: http://istmat.info/files/uploads/29782/sh_perepis_1917_-2.pdf (дата обращения: 8 февраля 2020).
17. Слепнёв И.Н. 2006. Об интенсификации традиционной практики земледелия в Центрально-Черноземном регионе. В кн.: Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок. Материалы XXIX сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Орел: 264–272.
18. Чуркин М.К. 2006. Об особенностях аграрного кризиса в центрально-черноземных губерниях европейской России и возможных путях его преодоления во второй половине XIX – начале XX вв. 1 (52): 29–37.
19. Чуркин М.К. 2016. Регион-«донор» – регион-«реципиент»: природно-географический фактор и его влияния на крестьянское хозяйство в местах выхода и водворения переселенцев черноземного центра России (вторая половина XIX – начало XX в.). Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2(10): 56–65.

References

1. Bezgin V.B. 2017. Krest'janskij «mir» v revoljucii 1917 goda (na materialah Tambovskoj gubernii) [Peasant «World» in the revolution of 1917 (based on the materials of the Tambov province)]. Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy. 1: 160–168 (in Russian).
2. Bespalov S.V. 2018. Agrarnyj krizis v Rossii konca XIX veka: vneshne- i vnutrijekonomicheskoe izmerenija. Obshhestvo i vlast' v imperatorskoj Rossii, SSSR i sovremennoj Rossijskoj Federacii [The agrarian crisis in Russia at the end of the XIX century: external and internal economic dimensions. Society and power in Imperial Russia, the USSR, and the modern Russian Federation]. 297–309 (in Russian).
3. Gatilov Je.V., Nikolashin V.P. Pozemel'nye konflikty Chernozem'ja nachal'nogo sovetskogo perioda 1917–1920 gg. [Land conflicts of the black earth region of the initial Soviet period of 1917–1920]. Klio. 2019. 12 (156): 104–121 (in Russian).
4. Esikov S.A. 2007. Krest'janskoe zemlevladienie i zemlepol'zovanie v Tambovskoj gubernii v poreformennoe vremja (1861–1905 gg.). Istoriko-pravovoe issledovanie [Peasant land ownership and land use in the Tambov province in the post-reform period (1861–1905). Historical and legal research]. SPb., Nestor, 189 (in Russian).
5. Esikova M.M. 2009. Agrarnyj krizis konca XIX – nachala XX veka [Agricultural crisis of the late XIX – early XX century]. Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-jekonomicheskogo universiteta. 3 (27): 230–233 (in Russian).
6. Zhiron N.A. 2017. Krest'janskoe zemlevladienie v Orlovskoj gubernii na rubezhe XIX–XX vv. [Peasant land ownership in the Orel province at the turn of the XIX–XX centuries]. Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy. 1: 99–104 (in Russian).
7. Karpachev M.D. 2014. Finansovyje povinnosti krest'jan Voronezhskoj gubernii v konce XIX – nachale XX vv. [Financial duties of farmers of the Voronezh province in the late XIX – early XX centuries]. Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy. 1: 253–268 (in Russian).
8. Karpachev M.D. 2016. Russkaja krest'janskaja obshhina i gosudarstvo: social'nye istoki konflikta v nachale XX v. [The Russian peasant community and the state: the social origins of the conflict in the early twentieth century]. Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy. 1: 283–297 (in Russian).
9. Kolupaev A.A. 2015. Trudovye resursy Kurskoj derevni v gody revoljucionnyh sobytij 1917 goda i grazhdanskoj vojny [Labor resources of the Kursk village during the revolutionary events of 1917 year and the civil war].

1917 and the civil war]. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Istorija i pravo*. 4 (17): 137–145 (in Russian).

10. Kudinova Ju.V. 2011. Polozhenie krest'janstva Voronezhskoj gubernii v period mezhdum dvumja russkimi revoljucijami (1908–1916 gg.) [The situation of the peasantry of the Voronezh province in the period between the two Russian revolutions (1908–1916)]. *Nauchnye vedomosti BelGU, Serija Istorija. Politologija. Jekonomika. Informatika*. 13 (108). Vyp. 19: 146–149 (in Russian).

11. Larina O.G., Trusova N.S. 2017. Istoricheskie aspekty razvitija nalogooblozhenija v XIX–XX vekah (na primere Kurskoj gubernii) [Historical aspects of taxation development in the XIX–XX centuries (on the example of Kursk province)]. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Istorija i pravo*. 7, 1 (22): 6–14 (in Russian).

12. Nikolashin V.P. 2013. Socializacija zemli i «ustojavshijsja porjadok» obshhinnyh peredelov v Zadonskom uezde Voronezhskoj gubernii [Socialization of the land and the «established order» of communal divisions in the Zadonsky uyezd of the Voronezh province]. *Tambov: Gramota*, 2 (69): 121–124 (in Russian).

13. Nikolashin V.P. 2019. Pozemel'nye konflikty v nachal'nyj period sovetskoj vlasti: ot protivostojanija obshhin k bor'be krest'jan s kollektivnymi hozjajstvami i kombedami [Land conflicts in the early period of Soviet power: from the opposition of communities to the struggle of peasants with collective farms and kombeds]. *Istorija: fakty i simvoly*. 3 (20): 116–125 (in Russian).

14. Perepelicyн A.V., Fursov V.N. 2008. Osobennosti zemel'nyh otnoshenij krest'jan Central'nogo Chernozem'ja v 60–90-e gody XIX veka [Features of land relations of peasants of the Central black earth region in the 60–90-ies of the XIX century]. *Nauchnye vedomosti BelGU*. 10 (50): 94–100 (in Russian).

15. Perepelicyн A.V. 2015. Obshhinnoe zemlevladienie i zemlepol'zovanie v central'no-chernozemnyh gubernijah Rossii v konce XIX – nachale XX vv. [Communal land ownership and land use in the Central black earth provinces of Russia in the late XIX – early XX centuries] 4 (27): 106–110 (in Russian).

16. Pouezdnye itogi Vserossijskoj sel'skohozjajstvennoj i pozemel'noj perepisi 1917 g. po 57 gubernijam i oblastjam [County results of the all-Russian agricultural and land census of 1917 for 57 provinces and regions] *Istoricheskie materialy. Oficial'nyj sajt*. URL: http://istmat.info/files/uploads/29782/sh_perepis_1917_-2.pdf (data obrashcheniya: 8 fevralya 2020) (in Russian).

17. Slepnyov I.N. 2006. Ob intensifikacii tradicionnoj praktiki zemledelija v Central'no-Chernozemnom regione [On the intensification of traditional farming practices in the Central black earth region]. V kn.: *Dinamika i tempy agrarnogo razvitija Rossii: infrastruktura i rynek. Materialy XXIX sessii Simpoziuma po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy*. Orel: 264–272 (in Russian).

18. Churkin M.K. 2006. Ob osobennostjah agrarnogo krizisa v central'no-chernozemnyh gubernijah evropejskoj Rossii i vozmozhnyh putjah ego preodolenija vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [On the features of the agrarian crisis in the Central black earth provinces of European Russia and possible ways to overcome it in the second half of the XIX – early XX centuries]. 1 (52): 29–37 (in Russian).

19. Churkin M.K. 2016. Region-«donor» – region-«recipient»: prirodno-geograficheskij faktor i ego vlijanija na krest'janskoe hozjajstvo v mestah vyhoda i vodvorenija pereselencev chernozemnogo centra Rossii (vtoraja polovina XIX – nachalo XX v.) [The region of «donor» – region-«recipient»: natural-geographical factors and its impact on the farm in the places out and interned persons Chernozem black earth region of Russia (second half of XIX – beginning of XX century)] *Vestnik Omskogo universiteta. Serija «Istoricheskie nauki»*. 2 (10): 56–65 (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гатилов Эдуард Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, теории государства и права Липецкого государственного технического университета, г. Липецк, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Eduard V. Gatilov, candidate of historical sciences, Associate Professor, Department of History, Theory of State and law, Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russia



УДК 351.741:’’1927-1930’’

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-580-588

Рабоче-крестьянская милиция Острогожского округа Центрально-Черноземной области в начале «великого перелома»

В.Ю. Рылов, Е.А. Зверков

Воронежский государственный университет,
394006, Россия, г. Воронеж, Университетская пл., 1.
Воронежский институт МВД России,
394065, Россия, г. Воронеж, Проспект Патриотов, 53
E-mail: vyurylov@ya.ru, ZverkovPhD@yandex.ru

Аннотация. На протяжении почти трёх десятилетий – начиная с 1917 года – российская правоохранительная система подвергалась практически непрерывному реформированию. Качественная сторона реформ, направленная на оптимизацию деятельности советских ОВД, в течение 1920-х гг. не являлась, однако, приоритетным направлением. Гораздо большее значение имело следование формальным нормам «революционной законности» и превращения милиции в «народный» орган, для чего кадровый состав службы искусственно пополнялся рабочими, а в уездных (позднее – районных) городах – крестьянами. В рассматриваемой статье, посвященной милиции Острогожского округа Центрально-Чернозёмной области, рассматривается влияние описанных политических установок на качество деятельности милиции. На примере окружной милиции Острогожска исследуется влияние внешних и внутренних условий на функционирование правоохранительной системы – административной реформы 1928 года, растущего уровня преступности, проблем кадрового обеспечения милиции. Следствием сложившегося комплекса факторов стало ухудшение криминогенной ситуации в округе.

Ключевые слова: милиция; Воронеж; Центрально-Чернозёмная область; коллективизация.

Для цитирования: Рылов В.Ю., Зверков Е.А. 2020. Рабоче-крестьянская милиция Острогожского округа Центрально-Черноземной области в начале «великого перелома». Via in tempore. История. Политология, 47 (3): 580–588. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-580-588.

Workers' and peasants' militia of the Ostrogozhsky district of the Central Chernozem region at the beginning «the great turning point»

Vladimir Yu. Rylov, Evgeny A. Zverkov

Voronezh State University,
1 Universitetskaya Sq., Voronezh, 394006, Russia
Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
53 Patriotov ave., Voronezh, 394065, Russia

Abstract. The article is devoted to the main problems of the Soviet militia in the late 1920s. The renewal of the policy led to the complete replacement of the specialists of the tsarist police with representatives of the «people» – workers and peasants. The growth of negative trends in socio-economic development, which had a significant impact on the complication of the criminal situation, was imposed on the administrative reform of 1928. Thus, the police authorities had to restructure their activities and structure in accordance with the new administrative boundaries. The article analyzes the functioning of the police of the Ostrogozhsky district of the Central Chernozem region in 1928, and examines the influence of the described factors on the quality of police activity. Authors study the influence of external and internal

conditions on the functioning of the law enforcement system – the administrative reform of 1928, the growing crime rate, and the problems of police staffing. As a result of this complex of factors, the criminal situation in the district has worsened.

Key words: militia; Voronezh; Central Chernozem region; collectivization.

For citation: Rylov V. Ju., Zverkov E. A. 2020. Workers' and peasants' militia of the Ostrogozhsky district of the Central Chernozem region at the beginning «the great turning point». *Via in tempore. History and political science*, 47 (3): 580–588 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-580-588.

Как известно, «великим переломом» называют курс И. В. Сталина на форсированную индустриализацию промышленности и коллективизацию сельских хозяйств, проводимый ВКП(б) с конца 1920-х гг. На XV съезде партии в 1927 г., на котором была провозглашен курс на индустриализацию и коллективизацию, Сталин отмечал, что «...нужно систематически улучшать государственный аппарат, сближать его с массами, обновлять его за счет новых, преданных делу рабочего класса людей, переделывать его в духе коммунизма, а не ломать его, а не развенчивать его. Ленин был тысячу раз прав, когда он говорил: “Без аппарата мы бы давно погибли. Без систематической, упорной борьбы за улучшение аппарата мы погибнем до создания базы социализма”» [Сталин, 1928, с. 64–65].

Канун «великого перелома» требовал от партийно-советских органов напряженной работы. Этим объясняется волна чисток, прошедших в партийном, советском и хозяйственном аппаратах, и очередная административно-территориальная реформа, проводившаяся большевиками. Тогда же вместо Воронежской, Курской, Орловской, Тамбовской губерний была образована Центрально-Черноземная область (ЦЧО), существование которой как раз и совпало с периодом «великого перелома» 1928–1934 гг. Партийные власти официально заявляли о том, что образованная ЦЧО «...в хозяйственном и природном отношении является очень однородной, более однородной, чем ряд других областей. Губернии ЦЧО... почти не отличаются друг от друга ни природными, ни хозяйственными признаками»¹¹⁴. Губернии, уезды и волости были заменены на область, округа и районы. Сельсоветы, как и некоторые районы, появились ранее. Таким образом, область стала гораздо больше прежней губернии, округ включал несколько прежних уездов, район – волостей, границы сельсоветов в ряде случаев также менялись. Округа просуществовали до 1930 г., а потом были упразднены. В итоге в 1934 г. вернулись к прежней системе, изменив привычные названия – губернии стали называться областями, а уезды – районами, функции волостей перешли сельсоветам. Очевидно, заявленная экономическая целесообразность реформы не оправдалась.

Кроме того, была проведена реформа исполкомов. Вместо прежних отделов управления (губернских, уездных и волостных) были образованы административные отделы (областные, окружные, районные и сельсоветов). На адм.отделы были возложены прежние функции – обеспечение общих вопросов управления подконтрольными территориями, в частности управление органами милиции.

Изучение поставленной проблемы рассматривалось авторами с позиции учёта организационно-правового наследия эпохи Гражданской войны и вытекающих из неё проблем, связанных с отсутствием продуманной и независимой структуры правоохранительных органов, в том числе и судебной системы, находившихся в затяжной фазе своего становления.

Необходимо отметить, что знакомство с документами милиции приводит к мысли о том, что она является во многом недооцененным органом при рассмотрении деятельности партийно-государственного и карательного аппаратов. Дело в том, что местный аппарат ОГПУ, преемник ВЧК, был довольно слаб. Так, руководители ЦЧО – секретарь обкома

¹¹⁴ Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (далее ГАОПИ ВО). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 103. Л. 1.



И.М. Варейкис и председатель облисполкома Ф.П. Грядинский – сообщали в ноябре 1928 г. председателю ОГПУ В.Р. Менжинскому:

«В связи с районированием ЦЧО и созданием Окружных и Районных центров до этого сильный уездный аппарат органов ОГПУ расформирован и, в связи с этим, создан районный.

Положение, при котором на все 183 района органами ОГПУ дано для обслуживания последних всего лишь сорок Райуполномоченных, по нашему мнению, является совершенно ненормальным, принимая во внимание, что в среднем на каждый район в условиях ЦЧО падает до 50 000 жителей. Значительное большинство Райкомов ВКП/б/ и Районных Исполкомов поставили перед Окружными и Областными Организациями вопрос о доведении штата Райуполномоченных ОГПУ до одного на каждый район, что предусмотрено и Конституцией (Не совсем понятно, о чем идет речь. В конституции СССР 1924 г. ОГПУ упоминается в главе IX «Об объединенном государственном политическом управлении» и в главе VII «О Верховном суде Союза ССР», но там об уездных и районных отделах ГПУ нет ни слова. ОГПУ совсем не упоминается в конституции РСФСР 1925 г. – *Авт.*).

Учитывая эти требования и все увеличивающуюся активность антисоветского элемента деревни, невозможность оказания материальной помощи органами ОГПУ в ЦЧО (госбюджетному учреждению), в связи с дефицитностью областного бюджета мы настоятельно просим ОГПУ пересмотреть вопрос в отношении органов ОГПУ в ЦЧО – в сторону усиления его областного аппарата и доведения районного аппарата до одного уполномоченного на район»¹¹⁵.

Таким образом, в тех конкретных условиях, особенно в сельской местности, где часто отсутствовала инфраструктура – дороги и связь, местный советский аппарат нуждался в серьёзном усилении, а нередко и физически находился очень далеко, именно на милицию ложилась вся нагрузка по проведению в жизнь официальных решений и фактическому управлению сельскими территориями.

На протяжении последних лет правоохранительная система Центрального Черноземья уверенно вошла в круг интересов историков. Часть работ, посвящённых милиции второй четверти XX века, носит очерковый характер и посвящена общей оценке деятельности ведомства. Таковы, к примеру, труды по истории воронежской [Смирных, 2002] и орловской милиции [Щендригин, Булыжкин, 2003]. Проблемам комплектования воронежской милиции посвящены работы Н.А. Алексанян [Алексанян, 2015]. Активно изучаются как составные элементы правоохранительной системы – суд [Осадчая, 2005], прокуратура [Филоненко, 2009; Крыжан, 2010], так и общетеоретические проблемы [Пикалов, 2007; Ельчанинов, 2018]. Заметный вклад в изучение милиции межвоенного периода вносит курская исследовательница С.Н. Токарева [Токарева, 2013]. Нельзя не отметить оригинальную работу А.А. Дороша, посвящённую борьбе органов ОГПУ с религиозными «чуждесами» [Дорош, 2019].

В трудах, посвящённых советской правоохранительной системе межвоенного периода, наблюдается негласное деление на «гражданский» и «ведомственный» подходы. Так, если гражданские историки чаще всего занимают критическую или даже обличительную позицию, то ведомственные исследователи останавливаются на положительных аспектах деятельности милиции [Кузьминых, 2019, с. 170]. Ни один из указанных подходов не выдерживает проверки практикой. В частности, мы можем видеть это на примере деятельности милиции Острогожского округа Центрально-Чернозёмной области накануне «великого перелома». В качестве основного источника авторами используется доклад начальника окружного административного отдела Острогожска о деятельности местной милиции за октябрь 1928 – ноябрь 1929 годов. Доклад наполнен стандартными бюрократическими

¹¹⁵ ГАОПИ ВО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 105. Л. 9.

тическими формулировками. В частности, это касается выделения приоритетных направлений в деятельности милиции:

1) Проведение революционной законности.

2) Охрана общественной безопасности.

3) Приближение аппарата к населению (отсылка к упомянутому выступлению И. Сталина).

4) Борьба с бюрократизмом (на XV съезде партии немало говорилось о борьбе с бюрократизмом и волокитой, о чем специально упомянул И.В. Сталин).

Становление советской милиции проходило достаточно долго и тяжело, о чём свидетельствует и представленный доклад.

Непростой оставалась социально-экономическая ситуация, росла преступность. Можно выделить следующие факторы усиления криминогенной ситуации в СССР во второй половине 1920-х годов:

1) Нарастание социально-экономической напряжённости, связанной с ликвидацией НЭПа и переходом к ускоренной индустриализации и коллективизации сельского хозяйства.

2) Негативные последствия Гражданской войны.

3) Общий низкий уровень профессионализма кадров милиции на местах.

4) Расплывчатость полномочий и чрезмерно раздутый перечень обязанностей милиции, мешавший сосредоточиться на борьбе с преступностью.

Косвенно, а местами и недвусмысленно об этом говорится в рассматриваемом докладе. В частности, составитель документа намекает, что одной из причин высокого уровня преступности являются последствия «колесниковщины» (повстанческой группы И. Колесникова, действовавшей на территории Воронежской губернии в 1920–1921 гг.), а также ссылка в окрестности Острогожска преступников.

Криминогенная ситуация в Острогожском округе имела чёткую негативную тенденцию. На указанной территории процветали вооружённые грабежи, убийства, кража скота, бандитизм ¹¹⁶.

В первую очередь недостаточная эффективность в профилактике и предупреждении преступности была связана с кадровым составом милиции, неспособным к эффективному противодействию криминалу. Мы можем выделить несколько «болевых точек» кадрового состава милиции.

Во-первых, отсутствие образования и специальной подготовки у многих сотрудников. Известно, что вплоть до 1950-х годов большинство сотрудников милиции губернии не имели не только юридического образования, но даже среднего или средне-специального. Даже руководители районных отделов милиции в большинстве случаев ограничивались краткосрочными милицейскими курсами. Из всего штата окружной Острогожской милиции такие курсы закончили только 17 человек.

Особенно остро проблема грамотности кадров стояла в первое десятилетие образования СССР. Проблему усугубляла навязчивая идея компартии о необходимости комплектования органов милиции преимущественно представителями рабочих и сельской бедноты. Тотальная неграмотность главного поставщика кадров милиции наносила ущерб не только оперативной работе, но и авторитету милиции в целом. Тем не менее в соответствии с «политическим моментом» начальник милиции полагал, что исправить ситуацию поможет дополнительное комплектование милиции «бедняцко-батрацким слоем» (в отчёте таковых имелось 189 человек из 270).

Во-вторых, подавляющее большинство сотрудников имели незначительный опыт службы, что на протяжении многих лет являлось одной из главных проблем ведомства. На

¹¹⁶ ГАОПИ ВО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 3. Л. 105 об.



1929 год почти 40 % личного состава Острогожской милиции – 97 человек – служили менее года, 91 сотрудник имел стаж службы до 3-х лет¹¹⁷.

В-третьих, на низком уровне оставалась служебная дисциплина: имели место пьянство и даже связь с уголовным миром. За нарушения служебной дисциплины в результате проверки личного состава в ноябре-декабре 1928 года было уволено 80 человек (четверть личного состава!). Ещё 50 – по неуказанной причине. Есть основания полагать, что вторая группа уволенных не подходила по т. н. «классовой принадлежности». Подобные чистки по причине профессиональной непригодности не были чем-то особенным и проводились в Воронежской губернии и ранее¹¹⁸. Несколькими годами ранее в самом Острогожском уезде имелись случаи разоружения отдельных подразделений милиции как разложившихся и замешанных в грабеже местных жителей [Рылов, 2011].

В слабой квалификации сотрудников признавалось и руководство милиции, считая это одной из причин сравнительно невысокой раскрываемости краж.

Кроме вышеуказанного, сказывался некомплект кадров и непропорциональность имеющегося числа сотрудников количеству населения – так, в Острогожском округе на одного милиционера приходилось порядка 4 тысяч человек населения. Напомним, что численность жителей Острогожского округа составляла более 900 тыс. чел. [Прокофьева, 2007, с. 40]. Частично это компенсировалось введением в 1924 г. института «сельских исполнителей» – местных жителей, которые в очередном порядке по распоряжению сельсовета выполняли функции охраны правопорядка в течение двух месяцев. В Острогожском округе насчитывалось порядка 4 тысяч сельисполнителей¹¹⁹.

Трудности набора кандидатов на службу добавляло сравнительно невысокое материальное обеспечение милиционеров. Так, в письме Центрального аппарата Управления НКВД РСФСР в СНК РСФСР в июле 1927 года указывалось, что многие губернии не выплачивают установленный постановлением ВЦИК и СНК от 2 февраля 1926 года минимум зарплаты [Целуйко, 2010, с. 43].

Особняком стоит созданная в 1924 году постановлением СНК от 6 февраля 1924 года ведомственная милиция. Её главная задача состояла в охране имущества предприятий и организаций, советских учреждений и других народно-хозяйственных объектов от краж, хищений и иных противоправных деяний, охрана порядка на данных объектах [Ерин, 2011, с. 52]. Эти же предприятия осуществляли финансирование ведмилиции. Характер службы ведмилицией и её отношений с предприятиями несколько напоминает рабочую милицию образца 1917 года, которая также преимущественно занималась охраной конкретных предприятий, за чей счёт и существовала. Правда, тогда она носила негосударственный характер и формировалась за счёт работников самого предприятия.

В Острогожском округе таковых сотрудников имелось 428 человек. Отчёт, однако, довольно скупо описывает их деятельность, упомянув только, что «сетью Ведмилиции охвачено большинство Госпромышленных и торговых предприятий округа»¹²⁰. Нет ни характеристики работы структуры, ни статистических данных о количестве заключённых договоров или выявленных правонарушений.

Проведённые в отношении районных отделений милиции проверки показали неутешительные итоги: сотрудники не соблюдали нормы производства дознания, нарушали порядок наложения административных взысканий, не владели оперативной ситуацией на вверенной территории. Отсутствие элементарной юридической грамотности сотрудников наводит нас на простой вопрос – чем же в таком случае руководствовались милиционеры в своей повседневной деятельности? Насколько среди крестьян-милиционеров сохранялась привычка действовать в рамках т. н. «обычного права», столь распространённо-

¹¹⁷ Там же. Л. 106.

¹¹⁸ Государственный архив Воронежской области (далее ГА ВО). Ф. Р-114. Оп. 1. Д. 199. Л. 91 об.

¹¹⁹ ГАОПИ ВО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 3. Л. 107.

¹²⁰ Там же. Л. 106 об.

го в России до 1917 года? Как изменилось за десять лет после революции 1917 года правосознание крестьян, составлявших львиную долю милиционеров округа, если ещё пару десятилетий назад, как отмечал М.Д. Карпачёв, «абсолютное большинство общинников... не обладало элементарными представлениями о законности» [Карпачёв, 2012, с. 18]. Все эти вопросы пока остаются нерешёнными.

Во многом работе милиции мешало возложение на неё многочисленных, не свойственных ей обязанностей – например, в период хлебозаготовки, взыскивание просроченных ссуд, участие в избирательных кампаниях и т. д. К слову, милиция и раньше жаловалась на поток задач, не имеющих прямого отношения к деятельности милиции. Так, Управление Воронежской губмилиции ещё в 1922 году указывало, что милиция «исполняла какую угодно работу... она сплошь и рядом отвлекается... то на подработку, то на проведение целого ряда других кампаний»¹²¹.

В рамках «приближения аппарата к населению» на милицию возлагалась обязанность отчитываться перед общественностью о проделанной работе. Характерно, что жители негативно оценивали деятельность милиционеров, указывая на неудовлетворительную борьбу с кражами, подпольной торговлей алкоголем, хулиганством; выражали недовольство низкой квалификацией сотрудников¹²².

Круг обязанностей милиции был внушителен. В частности, милиция отвечала за учёт лиц, лишённых избирательных прав, антирелигиозную работу (отмечалось, что за отчётный год закрыты 8 церквей и столько же «предположено к ликвидации»), учёт иностранных граждан и подданных, работу ЗАГСов, адресных столов и выдачу удостоверений личности, содействие сбору налогов, исполнению повинностей, охрану железных дорог, содействие военному ведомству и т. д.

Неудивительно, что немногочисленный штат сотрудников не мог полностью сосредоточиться на своей основной работе – борьбе с преступностью.

В октябре 1928 – сентябре 1929 годов в Острогожском округе было зарегистрировано 10 716 преступлений. Самым массовым оказались должностные преступления (в т. ч. взятки, подлог, растрата, присвоение) – 3 585 случаев. К сожалению, отсутствует развёрнутая информация о сферах совершения преступлений, в т. ч. фактах совершения должностных преступлений в государственно-партийных структурах, что могло бы свидетельствовать о возросшей независимости милиции на местах от партии, что хорошо прослеживается в первые после революции годы. В этой связи интересно выделение в отчёте дифференциации должностных преступлений: «взятничество и провокация взятки», «служебный подлог», «растрата и присвоение», «присвоение и растрата» (в отчёте действительно представлены две графы с такими формулировками), «другие должностные преступления». С другой стороны, намёки на коррумпированность местной власти были бессмысленны, т. к. доклад был предназначен Президиуму Острогожского Окрисполкома.

Вторая по численности группа – кражи. В отчётный период их зафиксировано 2 131, что является довольно высоким показателем.

Далее следуют преступления против порядка управления и контрреволюция – 1 847 случаев. Однако без ознакомления со следственными делами совершенно не ясны критерии квалификации преступления как «контрреволюционного». Фактически сюда могло входить что угодно – от избиения члена партии до кражи государственного имущества.

Из наиболее серьёзных преступлений в порядке убывания можно выделить хулиганство (568), приготовление и сбыт спиртных напитков (306), кража скота (189), убийства (128), грабёж и разбой (106), бандитизм (80).

За исключением хулиганства, все основные виды преступности претерпели значительный рост по сравнению с 1928 годом. Так, кражи скота увеличились на 27 %, убий-

¹²¹ ГА ВО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 185. Л. 37.

¹²² ГАОПИ ВО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 3. Л. 108.



ства – на 20 %, разбой – на 49 %, бандитизм – на 63 %. Одним из факторов, косвенно, а иногда и прямо влияющим на такие виды преступности как убийства и хулиганство, является употребление населением алкоголя. Как уже отмечалось, за указанный период милицией были зарегистрированы 306 дел за приготовление и сбыт алкогольной продукции (чаще всего – самогона). При этом в административном порядке за самогонование были привлечены 985 человек, задержано за пьянство – 1 336 человек.

Руководство милиции не имело ясного представления о причинах бурного роста числа преступлений. Отчасти была сделана попытка объяснить это многочисленными фактами бегства преступников из-под ареста и мест заключения, а отчасти – совершенно абсурдными доводами: «Повышение скотокрадства объясняется большей частью плохим содержанием скота в хозяйстве без присмотра»¹²³. В свою очередь, повышение поджогов и убийств связывалось с «террористическими актами, совершаемыми на почве классового расслоения». В данном случае речь шла о сопротивлении крестьян хлебозаготовкам и начавшейся коллективизации.

Судя по тону документа, в работу милиции регулярно вмешивались прокуратура и «судебно-следственные органы», которые «дают надлежащие указания, направленные к усовершенствованию работы органов дознания»¹²⁴.

Таким образом, милиция Острогожского округа в начале «Великого перелома» столкнулась с рядом сложностей – нехваткой сотрудников и недостаточной квалификацией многих из них, ростом задач, не относящихся напрямую к деятельности милиции, вмешательством в деятельность милиции партийных органов, органов суда и прокуратуры, низким материальным обеспечением работников. Ситуацию усугубляли рост преступности и начавшаяся административная реформа, потребовавшая перестройки текущей деятельности в соответствии с новыми границами, которые далеко не всегда совпадали с привычными границами волостей и уездов. Пожалуй, самым неприятным следствием вышеописанной ситуации было негативное отношение к деятельности милиции местного населения, которое не желало вникать в существующие трудности и требовало немедленного, видимого улучшения криминогенной ситуации.

Список литературы

1. Алексанян Н.А. 2015. Становление и деятельность советской милиции Воронежской губернии в годы Гражданской войны (1917–1922). Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 11 (61). Ч. II: С. 16–27.
2. Дорош А.А. 2019. Борьба Воронежского губернского отдела ОГПУ с «чудесными явлениями» в середине 1920-х гг. Известия ВГПУ. 2 (283): 180–182.
3. Ельчанинов П.М. 2018. Преступность в советской провинции и борьба с ней в 1921–1928 гг. (на материалах Курской и Воронежской губерний). Дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 236.
4. Ерин Д.А. 2011. Правовые основы регулирования деятельности ведомственной милиции по охране частных предприятий и учреждений РСФСР (1924–1928 гг.). Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 1: 52–55.
5. Карпачёв М.Д. 2012. Правосознание крестьян Воронежской губернии накануне столыпинских аграрных реформ. Вестник ВГУ. Сер. Право. 1: 14–23.
6. Крыжан А.В. 2010. Становление и развитие местных органов советской юстиции. 1917–1922 гг.: на материалах Курской губернии. Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 160.
7. Кузьминых А.Л. 2019. Органы внутренних дел советского государства в период сталинизма в контексте отечественной историографии. Historia Provinciae – Журнал региональной истории. Т. 3. № 1: 146–211.

¹²³ ГАОПИ ВО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 3. Л. 111 об.

¹²⁴ Там же. Л. 112 об.

8. Осадчая Л.Г., 2005. История становления и развития советской судебной системы в 1917–1928 гг.: на материалах Курской губернии. : Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж: 218.
9. Пикалов Б.В. 2007. Правоохранительные органы и проблема прав человека в российской провинции: 1917–1953 гг.: на примере Курского региона. Дисс. ... канд. ист. наук. Курск: 197.
10. Прокофьева Е.Ю. 2008. Из истории районирования территории Центрально-Чернозёмной области (ЦЧО). Научные ведомости БелГУ. Сер.: История. Политология. 1 (41): 36–43.
11. Рылов В.Ю. 2011. «Рожденная Революцией»: к вопросу о социокультурном облике советской милиции. Общество и власть в России: проблемы взаимодействия XV – начало XX в.: межвузовский сборник научных работ. Воронеж, ВГУ: 223–226.
12. Смирных В.М. 2002. Почти военная организация: очерки истории воронежской милиции 20-х гг. XX в. К 200-летию МВД России. Воронеж, ВГАУ, 190.
13. Токарева С.Н. 2016. Милиция Черноземного центра России в начале 1920-х годов: характеристика кадрового состава. Вестник Воронежского государственного университета. Сер. История. Политология. Социология. 2: 198–205.
14. Филоненко В.С. 2009. Деятельность органов прокуратуры Воронежской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 216.
15. Целуйко А.В. 2010. Социальная и правовая защита сотрудников органов внутренних дел периода 1917–1940 гг. XX века. Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД. 1 (14): 42–46.
16. Щендригин Е.Н., Булыжкин А.В. 2003. Орловская милиция (1917–1928 гг.): историко-правовой очерк. Орел, Труд, 200.

References

1. Aleksanyan N.A. 2015. Stanovlenie i deyatel'nost' sovetskoj milicii Voronezhskoj gubernii v gody Grazhdanskoj vojny (1917–1922) [Formation and activity of the Soviet militia of the Voronezh province during the Civil war (1917–1922)]. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 11 (61). CH. II: S. 16–27 (in Russian).
2. Dorosh A.A. 2019. Bor'ba Voronezhskogo gubernskogo otdela OGPU s «chudesnymi yavleniyami» v seredine 1920-h gg. [The struggle of the Voronezh provincial Department of the OGPU with «miraculous phenomena» in the mid-1920s.]. Izvestiya VGPU. 2 (283): 180–182 (in Russian).
3. El'chaninov P.M. 2018. Prestupnost' v sovetskoj provincii i bor'ba s nej v 1921–1928 gg. (na materialah Kurskoj i Voronezhskoj gubernij) [Crime in the Soviet province and the fight against it in 1921–1928 (based on the materials of the Kursk and Voronezh provinces)]. Dis. ... kand. ist. nauk. Belgorod, 236 (in Russian).
4. Erin D.A. 2011. Pravovye osnovy regulirovaniya deyatel'nosti vedomstvennoj milicii po ohrane chastnyh predpriyatij i uchrezhdenij RSFSR (1924–1928 gg.) [Legal basis for regulating the activities of departmental police to protect private enterprises and institutions of the RSFSR (1924–1928)]. Vestnik Akademii ekonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii. 1: 52–55 (in Russian).
5. Karpachyov M.D. 2012. Pravosoznanie krest'yan Voronezhskoj gubernii nakanune stolypinskih agrarnyh reform [Legal awareness of the peasants of the Voronezh province on the eve of the Stolypin agrarian reforms]. Vestnik VGU. Ser. Pravo. 1: 14–23 (in Russian).
6. Kryzhan A.V. 2010. Stanovlenie i razvitie mestnyh organov sovetskoj yusticii. 1917–1922 gg.: na materialah Kurskoj gubernii [Formation and development of local bodies of Soviet justice. 1917–1922: on the materials of the Kursk province]. Dis. ... kand. ist. nauk. Kursk, 160 (in Russian).
7. Kuz'minyh A.L. 2019. Organy vnutrennih del sovetskogo gosudarstva v period stalinizma v kontekste otechestvennoj istoriografii [Internal Affairs bodies of the Soviet state in the period of Stalinism in the context of national historiography]. Historia Provinciae – Zhurnal regional'noj istorii. T. 3. № 1: 146–211 (in Russian).
8. Osadchaya L.G., 2005. Istoriya stanovleniya i razvitiya sovetskoj sudebnoj sistemy v 1917–1928 gg.: na materialah Kurskoj gubernii [History of the formation and development of the Soviet judicial system in 1917–1928: on the materials of the Kursk province]. : Dis. ... kand. ist. nauk. Voronezh: 218 (in Russian).
9. Pikalov B.V. 2007. Pravoohranitel'nye organy i problema prav cheloveka v rossijskoj provincii: 1917–1953 gg.: na primere Kurskogo regiona [Law enforcement agencies and the problem of human rights in the Russian province: 1917–1953 gg.: on the example of the Kursk region].



man rights in the Russian province: 1917–1953: on the example of the Kursk region]. Diss. ... kand. ist. nauk. Kursk: 197 (in Russian).

10. Prokof'eva E.Yu. 2008. Iz istorii rajonirovaniya territorii Central'no-Chernozymnoj oblasti (CCHO) [From the history of zoning in the Central Chernozem region]. Nauchnye vedomosti BelGU. Ser.: Istoriya. Politologiya. 1 (41): 36–43 (in Russian).

11. Rylov V.Yu. 2011. «Rozhdennaya Revolyuciej»: k voprosu o sociokul'turnom oblike so-vetskoj milicii [«Born by Revolution»: on the question of the socio-cultural appearance of the Soviet militia]. Obshchestvo i vlast' v Rossii: problemy vzaimodejstviya XV – nachalo XX v.: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh rabot. Voronezh, VGU: 223–226 (in Russian).

12. Smirnyh V.M. 2002. Pochti voennaya organizaciya: ocherki istorii voronezhskoj milicii 20-h gg. XX v. K 200-letiyu MVD Rossii [Almost military organization: essays on the history of the Voronezh militia of the 20s of the XX century to The 200th anniversary of the Ministry of internal Affairs of Russia]. Voronezh, VGAU, 190 (in Russian).

13. Tokareva S.N. Miliciya Chernozemnogo centra Rossii v nachale 1920-h godov: harakteristika kadrovogo sostava [Police of the Chernozem center of Russia in the early 1920s: characteristics of personnel]. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya. Politologiya. Sociologiya. 2: 198–205 (in Russian).

14. Filonenko V.S. 2009. Deyatel'nost' organov prokuratury Voronezhskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. [Activities of the Prosecutor's office of the Voronezh region during the great Patriotic war of 1941–1945]. Dis. ... kand. ist. nauk. Voronezh, 216 (in Russian).

15. Celujko A.V. 2010. Social'naya i pravovaya zashchita sotrudnikov organov vnutrennih del perioda 1917–1940 gg. XX veka [Social and legal protection of employees of internal Affairs bodies of the period 1917–1940 Of the twentieth century]. Vestnik Vserossijskogo instituta povysheniya kvalifikacii sotrudnikov MVD. 1 (14): 42–46 (in Russian).

16. Shchendrigin E.N., Bulzhkin A.V. 2003. Orlovskaya miliciya (1917–1928 gg.): istoriko-pravovoj ocherk [Orel militia (1917–1928): historical and legal essay]. Orel, Trud, 200 (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рылов Владимир Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории, историографии и документоведения Воронежского государственного университета, г. Воронеж, Россия.

Зверков Евгений Андреевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Воронежского института МВД России, г. Воронеж, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir Yu. Rylov, candidate of historical sciences, assistant professor of Departments of modern Russian history, historiography and documentation of Voronezh State University, Voronezh, Russia

Evgeny A. Zverkov, candidate of historical sciences, senior lecturer of the Department of socio-humanitarian disciplines, Voronezh Institute of Interior Affairs of Russia, Voronezh, Russia

УДК 930

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-589-597

Судьбы православных женщин в Советской России в 1920–1930-е годы в условиях политических репрессий

О.В. Пигорева

Курская государственная сельскохозяйственная академия имени И.И. Иванова,
Россия, 305021, г. Курск, ул. Карла Маркса, д. 70
E-mail: ovpigoreva@yandex.ru

Аннотация. Представлены результаты изучения судеб трех пострадавших в период политических репрессий православных женщин, реализованных в типичных для традиционной модели женского поведения ролях: жена священника и многодетная мать; верующая православная мирянка; монахиня. Судьбы Хионии Архангельской, Татьяны Гримблит, Александры (Червяковой) вписаны в исторический контекст первых двух десятилетий советской эпохи, когда социальные перспективы для верующих женщин были закрыты. На примере анализа биографий и индивидуальных поведенческих характеристик показано, что в условиях гонений на Церковь они сохранили гендерную идентичность в выражении своих религиозных взглядов, продолжив присущее русской традиции понимание женщины как символа нравственного идеала. Обсуждается важность формирования исторического нарратива в гендерных исследованиях, посвященных сложному для отечественной истории периоду репрессий, и становлению женского дискурса в контексте историко-гендерной проблематики как самостоятельного направления.

Ключевые слова: женские судьбы, православные женщины, политические репрессии, традиционная модель женского поведения.

Для цитирования: Пигорева О.В. 2020. Судьбы православных женщин в Советской России в 1920–1930-е годы в условиях политических репрессий. *Via in tempore. История. Политология*, 47 (3): 589–597. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-589-597.

The orthodox women's destinies in Soviet Russia in the 1920s and 1930s under political repression

Olga V. Pigoreva

Kursk State Agricultural I.I. Ivanov Academy,
70 Karl Marks St., 305021, Kursk, Russia
E-mail: ovpigoreva@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of studying the fates of three Orthodox women who suffered during the period of political repression implemented in the role typical for the traditional model of women's behavior: a priest's wife and a mother with many children; a religious Orthodox laywoman; a nun. The theme of women's fate, broken by repression, makes it possible to raise several issues in the historical and gender context: the "women's question" in Soviet Russia; the political repression of the twentieth century in historical and public memory; the veneration of new martyrs in modern society; gender roles of women who retained the traditional model of behavior during the years of repression. The fates of Chionia Archangelskaya, Tatiana Grimblit, and Alexandra (Chervyakova) fit into the historical context of the first two decades of the Soviet era, when social prospects for religious women were closed. The analysis of Orthodox women's biographies and their individual behavioral characteristics shows that in the conditions of persecution against the Church, they preserved their gender identity in expressing their religious views, continuing the Russian traditional understanding of a woman as a symbol of the moral ideal. The article substantiates the introduction of the concept of "women's Christian feat" into the historical narrative. The novelty lies in the use of a new type of sources as the basis for research – modern



hagiographic texts prepared as a part of the canonization in 2000 at the Jubilee Council of bishops of the Russian Orthodox Church of the martyrs and Confessors of the twentieth century. The specificity of newly glorified saints' lives is based on archival materials of judicial and investigative cases-interrogation protocols, certificates, letters, which allows historically reliably on the example of the most difficult life situations to reveal the life path of women who suffered "for the truth". The article discusses the importance of forming a historical narrative in gender studies devoted to the difficult period of repression in Russian history, and the formation of women's discourse in the context of historical and gender issues as an independent direction.

Keywords: women's destinies, Orthodox women, political repression, traditional model of women's behavior.

For citation: Pigoreva O.V. 2020. The orthodox women's destinies in Soviet Russia in the 1920s and 1930s under political repression. *Via in tempore. History and political science*, 47 (3): 589–597 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-589-597.

В современных условиях, когда «европейцам и всему миру предлагается окончательно отказаться от своих христианских корней, а заодно – от традиционной семьи, от родителей и даже от собственной половой принадлежности» [Перевезенцев, 2014, с. 3], обращение к теме судеб православных женщин, пострадавших от репрессий, весьма своевременно. Русские православные женщины занимают особое место в отечественной истории и культуре, став одним из символов национальной идентичности и нравственного идеала. Революционные события 1917 г. и новая государственная политика в отношении религии кардинальным образом изменили положение большинства русских женщин, транслировавших традиционную модель поведения, заставив сделать выбор: сохранить веру и подвернуться преследованию (не только общественному порицанию, но зачастую и судебному-следственному) или стать на путь строителя нового общества, принимая атеистическую мораль.

Отечественная научная школа гендерной и женской истории за двадцать с небольшим лет, с момента своего становления в России, прошла громадный путь [Валькова, 2019]. На наш взгляд, исследование в предметном поле исторической науки «женской судьбы» в период политических репрессий – важная составляющая гендерной проблематики. Восстановление исторического прошлого в разрезе судеб православных женщин (верующих мирянок, жен священников, монахинь), пострадавших «за правду», осмысление духовных основ их поведения в условиях критического выбора жизненной стратегии актуально для современной гендерной проблематики. Однако даже в изданиях об истории Церкви в XX в. информации о православных женщинах крайне мало. Образ пострадавшей за веру женщины, связанной с судьбами народа в трагический период истории, не формируется художественной литературой, кинематографом. Сказанное позволяет заключить, что необходимо научное осмысление женского христианского подвига в XX в., попыткой которого является данная работа, и введение исторического нарратива в СМИ, учебные издания с целью формирования образа православной женщины, пострадавшей от репрессий, в общественной памяти.

Данная статья направлена на выработку исторического нарратива в гендерных исследованиях, посвященных сложному для отечественной истории периоду репрессий в XX в., и становлению женского дискурса как самостоятельного направления. Обращение к заявленной проблематике будет способствовать введению темы женского духовного подвига в общественную и национальную историческую память, формированию в обществе уважительного отношения к религиозным убеждениям, позволит преодолеть сформировавшийся в советский период разрыв трансляции духовных ценностей.

Автором проведена работа по изучению возможностей включения темы новомучеников в современное образовательное пространство, в том числе и на примере судеб пра-

вославных женщин, пострадавших от репрессий [Пигорева, 2015]. Ряд обстоятельств побуждали автора к подготовке данной публикации: во-первых, не прекращающиеся дискуссии вокруг темы политических репрессий и несформировавшаяся до настоящего времени практика сохранения памяти о людях, пострадавших в период гонений власти против собственного народа; во-вторых, незначительная разработка темы женской судьбы и женского духовного подвига в годы репрессий, тогда как современное научное знание располагает серьезными методологическими основаниями и инструментарием для изучения проблемы в контексте гендерной проблематики; в-третьих, личный опыт автора, в семье которого бабушка и дедушка прошли через ужас сталинских лагерей, что позволило увидеть последствия репрессивной политики на изломанной женской судьбе.

Оперирование термином «судьбы православных женщин» в рассматриваемом нами историко-гендерном ракурсе требует наполнения содержания следующими составляющими: «женский вопрос» в Советской России; политические репрессии XX в. в исторической и общественной памяти; гендерные роли женщин, сохранивших традиционную модель поведения, в период репрессий. Используемое нами понятие «женский христианский подвиг» основывается на прозвучавшем в январе 1918 г. призыве Патриарха Тихона к пастве пострадать за дело Христово [Русская Православная Церковь, 2015, с. 94–95]. Понимая неизбежность усиления гонений на Церковь и верующих, протоиерей Философ Орнатский продолжил мысль Первоиерарха Русской православной церкви: «На сознательное мученичество идти не следует, но, если нам нужно пострадать и даже умереть за правду, – это надо будет сделать» [там же, с. 95].

Работа ориентирована на антропологическое исследование в историко-гендерном ракурсе. Определяясь в авторской позиции по обозначенному вопросу, мы исходили из понимания в качестве объекта исследования конкретного человека – православной женщины, подвергшейся репрессиям, в качестве предмета рассматривалась женская судьба в исторических реалиях политических репрессий советского периода.

Исследование человека как субъекта исторического бытия актуализировало обращение к агиографии как научно-богословской дисциплине, изучающей жития святых как церковно-исторический жанр, что позволило акцентировать внимание на духовной основе личности. Применялся контент-анализ текстов житий, воспроизводящих конкретные (особо подчеркнем данную специфику современных житий новомучеников) истории судеб православных женщин. Обращение к персональной истории в гендерной проблематике позволило выделить судьбы трех православных женщин, реализованных в типичных для традиционной модели женского поведения ролях: жена священника и многодетная мать; активная православная мирянка; монахиня. Женские судьбы рассматривались в контексте исторической эпохи 1920–1930-х годов.

Отдельного пояснения заслуживает специфика источниковой базы. В современных исторических исследованиях жития новопрославленных мучеников рассматриваются как источник знания о человеке, источник возрождения национального самосознания, выступают «памятником народу России XX столетия, где с предельной достоверностью и объективностью раскрылось единство его исторического и духовного бытия, являемого в жизни как отдельно взятой личности, так и целого народа и государства» [Иноземцева, 2014, с. 155]. Современная житийная литература (жития новомучеников и исповедников) – и в этом ее важное отличие – основывается на материалах судебно-следственных дел – протоколах допросов, справках, письмах и др. В качестве доказательства приведем представленные в историографии проблемы характеристики агиографии новопрославленных мучеников: «...при составлении житий приходилось максимально приближать содержание к историческим реалиям», они «основаны, с одной стороны, на памяти человеческой, на памяти Церкви, а с другой – на материалах государственных архивов» [Васильева, 2010]; «даже в недрах обеспечивающей канонизацию комиссии заявляют, что основа



прославления – научная, и опирается всякое новое прославление на всестороннее воссоздание биографий православных» [Каиль, 2013, с. 112].

Таким образом, сформировавшийся в современной агиографии подход позволяет рассматривать жития новомучеников в качестве источника получения достоверной информации о судьбах православных женщин для реконструкции биографий и выявления стратегии женского поведения в критической ситуации выбора (социального, нравственного и др.). Доступ к житийным текстам при подготовке данной публикации обеспечивался электронными базами данных «Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в.» Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета и «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви» Регионального общественного фонда.

Решение «женского вопроса» в Советской России осуществлялось строго в русле партийной идеологии. В 1930-е гг. в положении и статусе женщин произошли существенные изменения: недавние домашние хозяйки оказались вовлечены в общественное производство и общественную деятельность, включались в число рабочих, формируя новый стереотип о советской женщине, прежде всего как о труженице, передовице производства, стахановке, при этом они «должны были помогать мужу выполнять производственный план, создать дома уютную обстановку, снять с него заботу о воспитании детей» [Хасбулатова, 2004, с. 51, 56].

Религиозные гонения первых послереволюционных лет продолжила объявленная в 1930 г. «большая война с Церковью». Средством усиления антирелигиозной агитации стали публикуемые в СМИ «призывы с мест типа письма женщин-колхозниц сельхозартели «Труд» (один из районов Московской области): «Мы ясно осознали, что религия – это яд для народа, и дали слово в 1931 г. окончательно искоренить у нас в артели религиозные обряды и церковные праздники» [Русская Православная Церковь, 2015, с. 251]. Тем не менее многие русские женщины сохраняли православную веру, несмотря на то, что социальные перспективы для верующих женщин были закрыты. Исследователями обосновано различие религиозности по гендерному признаку. Так, изучая изменение женской веры под влиянием революции и характеризуя специфику поведения женщин в стрессовых условиях судебного преследования, историк М. В. Каиль делает вывод, что «женщины в целом хуже усваивали и применяли формы мимикрии в поведении, их поведенческие практики более индивидуализированы, они проявляли себя в большей мере как жертвенные фанатичные исповедники своей веры» [Каиль, 2014]. П. Херлингер, исследуя взаимосвязь между верой и гендером в раннесоветский период, развенчивает сформировавшийся стереотип об отсталости и необразованности верующих женщин, делая вывод, что отсутствие социальных перспектив для православных женщин заключалось отнюдь не в их неграмотности [Херлингер, 2019].

Многие из числа православного духовенства, монашествующих, активных верующих мирян стали жертвами политических репрессий. Русская православная церковь особо отметила «женский подвиг периода гонений» – «монахинь, жен и сестер духовенства, простых прихожанок», которые «погибали в лагерях и тюрьмах», а «остававшиеся на свободе смиренно и кротко, незаметно совершали свое христианское служение: сопровождали священнослужителей в гонениях и ссылках, простаивали ночи напролет у тюремных дверей, чтобы сделать передачу, оберегали оставшиеся храмы, спасали святыни от грабежа и разорения, непоколебимо стояли в храмах на богослужении в самые беспросветные годы» [Икона... , 2011]. На двенадцатом клейме «Образ безымянной святой жены с детьми» иконы «Собор Новомучеников и Исповедников Российских за Христа пострадавших явленных и неявленных» представлен образ матери с детьми, которой винтовкой грозит солдат, пришедший арестовывать священника.

Судьба жены священника: Хиония Архангельская

Начиная изучение судеб православных женщин, пострадавших от репрессий, с истории жены священника, многодетной матери, автор опирается на ключевые положения темы женского начала в русской исторической традиции, разработанной Н.Л. Пушкаревой – основоположницей исторической феминологии и гендерной истории в отечественной науке [Мухина, Канныкин, Пивоварова, 2019]. Так, Наталья Львовна отмечала, что классические образы правильного женского поведения в русской культуре, активно использовавшей харизму православной традиции, связаны с православным образом «доброй жены» [Пушкарева, 2018].

Обращение к судьбе Хионии Архангельской позволяет сфокусировать внимание на семейных ролях женщины – верной жены, помощницы мужа, матери. Она родилась в 1883 г. в Воронежской губернии в семье священника. Стала женой Тихона Архангельского, уроженца с. Больше-Попово Воронежской губернии, который вскоре после венчания был рукоположен в сан священника и стал служить в храме с. Троекурово Воронежской епархии. У них родилось восемнадцать детей, но выжили девять: шестеро дочерей и трое сыновей, остальные умерли во младенчестве [Священномученик...].

В 1920-е гг. Архангельские, как семья «вредного элемента» и «лишенца», была обложена повышенным налогом. Священник несколько раз был арестован. В 1928 г. власти закрыли храм в с. Троекурово. Жить в селе стало практически невозможно, после долгих скитаний семья поселилась в с. Куймань Рязанской области. Здесь Тихон прослужил до ареста: его обвинили в контрреволюционной деятельности. 17 октября 1937 г. он был расстрелян. Когда пришли арестовывать Хионию Ивановну, то дома ее не застали: она была у родственников. Вернувшись, собрала необходимые вещи и сама пошла в сельсовет. Арест – 12 декабря 1937 г. На допросах следователь требовал признаний в антисоветской деятельности. Не оговорив ни себя, ни других, Хиония Ивановна была приговорена к восьми годам исправительно-трудовых лагерей.

Хиония Ивановна достойно преодолела множество труднейших жизненных ситуаций. Заключение она отбывала в г. Шацк Рязанской области. В конце 1944 г., после того, как «стал очевиден смертельный исход ее болезни (рак горла), была освобождена» [Священномученик...]. Несмотря на тяжелую болезнь, взялась подрабатывать шитьем. Умерла в декабре 1945 г.

Судьба активной мирянки: Татиана Гримблит

Продолжая разговор о судьбах православных женщин, пострадавших от репрессий, обратимся к судьбе активной верующей мирянки Татианы Гримблит.

Татьяна Гримблит родилась в 1903 г. в Томске в семье служащего. Образование получила в Томской гимназии, после окончания которой в 1920 г. работала воспитательницей в детской колонии. В условиях гонений на Церковь из множества женских жизненных стратегий Татьяна выбрала служение Христу, став на путь благотворительной помощи и поддержки заключенного духовенства. Помощь Татьяны Гримблит заключенным священнослужителям и православным мирянам состояла не только в материальной поддержке (передавала теплую одежду, валенки, еду, деньги). Ее внутреннее духовное состояние позволяло в тех суровых обстоятельствах находить теплые слова утешения, которые высказывала в письмах. Опасность ведения переписки с «врагами народа» была крайне велика, часто даже близкие родственники отказывались от общения с заключенными родными из опасений ареста для себя самих. Сохранившиеся к ней письма людей, получавших от нее помощь и поддержку, раскрывают масштаб личности хрупкой молодой женщины. Так, Иоанн (Пашин), епископ Рыльский, викарий Курской епархии, писал ей из лагеря: «Родная, дорогая Татьяна Николаевна! Письмо Ваше получил и не знаю, как Вас благодарить за него. Оно дышит такой теплотой, любовью и бодростью, что день, когда я получил его, – был для меня один из счастливых, и я прочитал его три раза подряд, а затем еще друзьям прочитывал... И Вы – слабенькая, бедненькая – с Божьей помощью, как солнышко, своей добротой согреваете обездоленных и помогаете как можете» [Гримблит...].



В 1923 г. ее арестовали, предъявив обвинение в контрреволюционной деятельности, однако через четыре месяца освободили. В 1925 г. – второй арест. Сотрудники ОГПУ дали ей следующую характеристику: «Татьяна Николаевна Гримблит имеет связь с к/р элементом духовенства, которое находится в Нарымском крае, в Архангельске, в томской и иркутской тюрьмах. Производит сборы и пересылает частью по почте, большинство с оказией. Гримблит во всех тихоновских приходах имеет своих близких знакомых, через которых и производятся сборы» [Гримблит...]. В 1926 г. Постановлением Особого Сопровождающего при Коллегии ОГПУ она была выслана в Зырянский край на три года. После возвращения из заключения она продолжила помогать духовенству, находившему в заключении. Последний арест – в сентябре 1937 г. 22 сентября 1937 г. тройка НКВД приговорила Татьяну Гримблит к расстрелу.

Личность, жизненный путь и плодотворная деятельность православной мирянки Татьяны Гримблит свидетельствуют, что она ставила перед собой высокие духовные цели. Сохранились и опубликованы стихи, написанные Татьяной Гримблит. В них она предстает как женщина удивительной нравственной высоты. Ее поступки предельно ярко и полно раскрывают масштаб личности молодой женщины, для которой посещения православных заключенных и помощь им стали христианским подвигом.

Судьба монахини: Александра (Червякова)

Третья женская история – судьба монахини Александры (Червяковой). Схимонахиня Александра (в миру Мария Афанасьевна Червякова), дочь эконома Курского Дворянского собрания, родилась в 1873 г. в Курске. Избрала путь монашеского служения. В начале 1920-х гг., когда верующие подвергались гонениям, а многие монастыри были уже закрыты, приняла постриг в схиму с именем Александра.

Благодаря своим трудам и духовным подвигам стала известна как благочестивая и прозорливая старица. К ней за советом и с просьбой помолиться приходило множество народа ей писали письма, задавая вопросы. У нее в квартире останавливались возвращавшиеся из ссылки священники. Верующие помогали ей материально, но все, что получала, она отсылала нуждавшимся. Впоследствии на допросе она скажет: «Не отрицаю, ко мне обращались за помощью и различными советами, но я больных не врачевала; за советами ко мне обращались больше всего по семейным делам, чтобы я помогла в семейной жизни, у одних муж пьет, у других бросил семью. Я им рекомендовала больше уважать мужей, больше молиться, детей воспитывать в страхе Господнем и учить их слову Божию. О советской власти я говорила, что советская власть послана нам в наше наказание» [Преподобномученица...].

Была арестована 26 августа 1937 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности. Приговорена к расстрелу. Приговор приведен в исполнение на Бутовском полигоне 13 октября 1937 г.

В своем исследовании мы рассмотрели судьбы пострадавших «за правду» в годы политических репрессий трех православных женщин, транслировавших традиционную модель поведения, но избравших совершенно разные жизненные стратегии. В условиях политических репрессий 1920–1930-х гг. многие православные женщины сохранили гендерную идентичность в выражении своих религиозных взглядов, продолжив присущее русской традиции понимание женщины как символа национальной идентичности и нравственного идеала. Проведенное исследование свидетельствует о значительном вкладе православных женщин в духовно-нравственное развитие общества. Анализ индивидуальных поведенческих характеристик православных женщин, выступающих как субъекты различных социальных ролей (жена священника и многодетная мать; православная мирянка; монахиня), свидетельствует, что все они в критический период своей жизни выступили как защитницы православной веры, хранительницы духовно-нравственных оснований, продемонстрировав присущее русской женщине стремление к христианскому подвижничеству. Сформировавшийся в исторической и общественной памяти нарратив те-

мы политических репрессий требует дополнения посредством введения темы судеб пострадавших православных женщин, что будет выполнять коммеморативную функцию и способствовать сохранению национальной идентичности.

Список литературы

1. Валькова О.А. 2019. Гендерная история науки в России. Начало. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология, 3 (46): 544–554.
2. Васильева О.Ю. 2010. Прославление новомучеников и исповедников российских XX в.: 10-летие исторического Деяния юбилейного Архиерейского Собора. Государство, религия, церковь в России и за рубежом, 4: 134–137.
3. Гримблит Татьяна Николаевна. База данных «Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в.». URL: http://213.171.53.29/bin/db.exe/no_dbpath/docum/ans/ans/newmr/?HYZ9EJxGHoxITYZCF2JMTdG6Xbu1s8WgcOicsW0GcC9gvuqU66qceeufc8KWfO** (дата обращения: 26 июня 2020).
4. Икона «Собор Новомучеников и Исповедников Российских за Христа пострадавших явленных и неявленных». 2011. Русская Православная Церковь. Итоги двадцатилетия: 1991–2011. URL: <https://expo.pravoslavie.ru/other/455.html> (дата обращения: 02 мая 2020).
5. Иноземцева З.П. 2014. Жития новомучеников и исповедников как источник знания о человеке России. Развитие личности, 4: 142–162.
6. Каиль М.В. 2014. Лики и облики: идентификация православных монахинь и мирянок в послереволюционной провинции. В кн.: Государство, общество, Церковь в истории России XX века. Материалы XIII Международной научно-практической конференции (12–13 марта 2014 г.). Ч. 2. Иваново: Ивановский государственный университет: 101–108.
7. Каиль М.В. 2013. Святость в православии XX в.: персонификация и канонизационная практика православных церквей. Новый исторический вестник, 2: 107–115.
8. Коржова Е.Ю. 2018. Земной путь игумении Таисии (Солоповой) как личности с активной жизненной позицией. Женщина в российском обществе, 2: 3–12.
9. Мухина З.З., Канныкин С.В., Пивоварова Л.Н. 2019. Тридцать лет из истории научного направления в отечественной историографии (к юбилею доктора исторических наук, профессора Натальи Львовны Пушкаревой). Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология, 3 (46): 535–543.
10. Перевезенцев С.В. 2014. И будет нам чудо... Уроки преподобного Сергия Радонежского. Историческое образование, 3: 3–12.
11. Пигорева О.В. 2017. Возможности региональной истории в воспитании почитания памяти о новомучениках и исповедниках Церкви Русской. Духовно-нравственное воспитание, 3: 20–36.
12. Пигорева О.В. 2015. Изучение жизни и подвига новомучеников и исповедников Российских XX века в школе: трудности, критерии, перспективы. Преподавание истории в школе, 3: 46–52.
13. Преподобномученица Александра (Червякова). Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви: региональный общественный фонд. URL: fond.ru/userfiles/person/973/1295098300.pdf (дата обращения: 26 июня 2020).
14. Пушкарева Н.Л. 2018. Женщина и женское начало в русской исторической традиции: переосмысливая социокультурные перемены и задачи патриотического воспитания. В кн.: Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности. К 75-летию битвы за Кавказ в годы Великой Отечественной войны. Материалы Международной научно-просветительской конференции (25–29 мая 2018 г.). Краснодар, Изд-во Традиция: 230–234.
15. Русская Православная Церковь. XX век / [Беглов А.Л., Васильева О.Ю. и др.]. М., Изд-во Сретенского монастыря, 2015.
16. Священномученик Тихон Архангельский, исповедница Хиония Архангельская. Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви: региональный общественный фонд. URL: http://www.fond.ru/index.php?psx=5&menu_id=352&menu_parent_id=&name_id=319&person_id=982&flag_view=3 (дата обращения: 26 июня 2020).



17. Хасбулатова О.А. 2004. Движение женщин-общественниц в 1930-е годы как технология государственной политики по вовлечению домашних хозяек в общественное производство. Женщина в российском обществе, 1–2: 43–56.

18. Херлингер П. 2019. Русские православные женщины в неправославные времена: примеры женского действия и влияния в революционную эпоху, 1917–1927 гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом, 1–2 (37): 304–327.

References

1. Valkova O.A. 2019. Gendernaya istoriya nauki v Rossii. Nachalo [Gender studies for the history of science in Russia. Beginning]. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya, 3 (46): 544–554 (in Russian).

2. Vasil'eva O.Y. 2010. Proslavlenie novomuchenikov i ispovednikov rossijskikh XX v.: 10-letie istoricheskogo Deyaniya yubilejnogo Arhierejskogo Sobora [Glorifying of the New Martyrs and Confessors of Russia in the Twentieth Century: The 10th Anniversary of the Historical Act of the Jubilee Bishops' Council], Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom, 4: 134–137 (in Russian).

3. Grimblit Tat'yana Nikolaevna. Baza dannyh «Novomucheniki, ispovedniki, za Hrista postradavshie v gody gonenij na Russkuyu Pravoslavnyuyu tserkov' v XX v.» [Database New Martyrs, Confessors, Suffered for Christ During the Persecution of the Russian Orthodox Church in the Twentieth Century]. Available at: <http://www.pstbi.ccas.ru> (accessed 26 June. 2020) (in Russian).

4. Ikona «Sobor Novomuchenikov i Ispovednikov Rossijskikh za Khrista postradavshikh yavlen-nykh i neyavlennykh». 2011. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov'. Itogi dvadtsatiletiya: 1991–2011 [Icon «Cathedral of the new Martyrs and Confessors of Russia for Christ, revealed and unmanifested». 2011. Russian Orthodox Church Results of the twentieth anniversary: 1991–2011]. URL: <https://expo.pravoslavie.ru/other/455.html> (accessed: 02 May 2020).

5. Inozemceva Z.P. 2014. Zhitiya novomuchenikov i ispovednikov kak istochnik znaniya o cheloveke Rossii [Hagiography of new martyrs and confessors as a source of knowledge about a man in Russia]. Razvitie lichnosti, 4: 142–162 (in Russian).

6. Kail M.V. 2014. Liki i obliki: identifikaciya pravoslavnykh monahin' i miryanok v poslerevolucionnoj provincii [Faces And Images: Identification of Orthodox Nuns and Laywomen in the Post-Revolutionary Province]: Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii XX veka: materialy XIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (12–13 March, 2014). Part 2. Ivanovo: Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet: 101–108 (in Russian).

7. Kail M.V. 2013. Svyatost' v pravoslavii XX v.: personifikaciya i kanonizacionnaya praktika pravoslavnykh tserkvei [Sanctity in 20th-century Orthodoxy: Personification and Canonization Practice of Orthodox Churches]. Novyy istoricheskij vestnik, 2: 107–115 (in Russian).

8. Korzhova E.Iu. 2018. Zemnoj put' igumenii Taisii (Solopovoy) kak lichnosti s aktivnoj zhiznennoj pozitsiej [The life span of the abbess Taisiya (Solopova) as a personality with active life position]. Zhenshchina v rossijskom obshchestve, 2: 3–12 (in Russian).

9. Mukhina Z.Z., Kannykin S.V., Pivovarova L.N. 2019. Tridtsat' let iz istorii nauchnogo napravleniya v otechestvennoy istoriografii (k yubileyu doktora istoricheskikh nauk, profes-sora Natal'i L'vovny Pushkarevoy) [Thirty years from the history of scientific direction in domestic historiography (to the anniversary of Doctor of Historical Sciences, Professor Natalia Lvovna Pushkareva)]. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya [Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science], 3 (46): 535–543.

10. Perevezencev S.V. 2014. I budet nam chudo... Uroki prepodobnogo Sergiya Radonezhskogo [And a miracle will happen to us... Lessons of St. Sergius of Radonezh], Istoricheskoe obrazovanie, 3: 3–12 (in Russian).

11. Pigoreva O. V. 2017. Vozmozhnosti regional'noj istorii v vospitanii pochitaniya pamyati o novomuchenikakh i ispovednikakh Tserkov'i Russkoj [Opportunities of Regional History in the Fostering Veneration of the New Martyrs and Confessors of the Russian Church]. Duxovno-nravstvennoe vospitanie, 3: 20–36 (in Russian).

12. Pigoreva O.V. 2015. Izuchenie zhizni i podviga novomuchenikov i ispovednikov Rossijskix XX veka v shkole: trudnosti, kriterii, perspektivy` [The Study of Life and Exploit of Russian New martyrs and Confessors of the XXth century at school: difficulties, criteria and perspectives], Prepodavanie istorii v shkole, 3: 46–52 (in Russian).

13. Prepodobnomuchenica Aleksandra (Chervyakova). Pamyat` muchenikov i ispovednikov Russkuoi Pravoslavnoi tserkvi: regional'nyobshhestvenny' fond [Memory of Martyrs and Confessors of the Russian Orthodox Church: Regional Public Foundation]. Available at: <http://www.fond.ru> (accessed 26 June. 2020) (in Russian).

14. Pushkareva N.L. 2018. Zhenshhina i zhenskoe nachalo v russkoj istoricheskoy tradicii: pere-smyslivaya sociokul'turnye peremeny i zadachi patrioticheskogo vospitaniya [The woman and the Feminine in the Russian Historical Tradition: Rethinking Sociocultural Changes and the Tasks of Patriotic Education]. In: Problemy` nacional'noj bezopasnosti Rossii: uroki istorii i vy`zovy` sovremennosti. K 75-letiyu bitvy` za Kavkaz v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny`: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prosvetitel'skoj konferentsii (25–29 May, 2018), Krasnodar: Tradiciya: 230–234 (in Russian).

15. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov'. XX vek [Russian Orthodox Church. The twentieth century] (Beglov A.L., Vasil'eva O.Y. and etc.). Moskva, Izdatel'stvo Sretenskogo monastyrja, 2015 (in Russian).

16. Svyashchennomuchenik Tihon Arhangel'skij, ispovednica Hioniya Arhangel'skaya. Pamyat` muchenikov i ispovednikov Russkuoi Pravoslavnoi tserkvi: regional'nyobshhestvenny' fond [Memory of Martyrs and Confessors of the Russian Orthodox Church: Regional Public Foundation]. Available at: <http://www.fond.ru> (accessed 26 June. 2020) (in Russian).

17. Khasbulatova O.A. 2004. Dvizhenie zhenshchin-obshchestvennits v 1930-e gody kak tekhnologiya gosudarstvennoj politiki po вовлечению домашних хозяйек в общественное производство [The movement of active women during 1930s as a method of the state policy for the involving of the housewives into national economy]. Zhenshchina v Rossijskom obshchestve, 1–2: 43–56 (in Russian).

18. Herrlinger P. 2019 Russkie pravoslavnye zhenshhiny` v nepravoslavnye vremena: primery` zhenskogo dejstviya i vliyaniya v revolyucionnuyu epoxu, 1917–1927 gg. [Russian Orthodox Women in Unorthodox Times: Patterns of Female Agency and Authority in the Revolutionary Era, 1917–1927]. Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom, 1–2 (37): 304–327.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пигорева Ольга Владимировна, доктор исторических наук, заведующая кафедрой иностранных языков и гуманитарных наук Курской государственной сельскохозяйственной академии имени И.И. Иванова, г. Курск, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga V. Pigoreva, doctor of historical Sciences, of the head Department of foreign languages and Humanities, Kursk state agricultural I.I. Ivanov Academy, Kursk, Russia



УДК 94(470.325):656.2

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-598-606

«Всё управление движением в руках женщин...»: к истории феминизации службы движения белгородского отделения Южной железной дороги НКПС СССР (1920-е – 1940-е гг.) (по материалам первичных партийных организаций)*

Е.Н. Меньшикова, К.В. Козлов

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: menshikova@bsu.edu.ru, kozlov@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье на основе документов первичных партийных организаций железнодорожников воссоздается история процесса феминизации службы движения Белгородского отделения Южной железной дороги НКПС СССР в 1920-е – 1940-е гг. Охарактеризованы исторические обстоятельства вовлечения женщин в сферу железнодорожного транспорта в послереволюционный период. Описаны условия и сферы профессиональной деятельности железнодорожниц в 1920-е гг., занятых в основном в «обслуживающем» сегменте службы движения. Выявлены факторы приобретения женщинами в 1930–1940-е гг. «командных» железнодорожных профессий (поездных диспетчеров (ДНЦ), начальников станции (ДС), дежурных по станции (ДСП)), главными из которых являлись повышение уровня образования населения страны в целом и женщин конкретно, а также Великая Отечественная война.

Ключевые слова: женская история, женщины-железнодорожницы, феминизация, Белгородское отделение ЮЖД, служба управления движением поездов, 1920–1940-е годы.

Для цитирования: Меньшикова Е.Н., Козлов К.В. 2020. «Всё управление движением в руках женщин...»: к истории феминизации службы движения белгородского отделения Южной железной дороги НКПС СССР (1920-е – 1940-е гг.) (по материалам первичных партийных организаций). *Via in tempore. История. Политология*, 47 (3): 598–606. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-598-606.

«All traffic control in women' hands...»: to the issue of feminization of the traffic service of Belgorod branch of the Southern railway of people's commissariat for lines of communications of the USSR in 1920s – 1940s (based on materials of primary party organizations)

Evgeniya N. Menshikova, Konstantin V. Kozlov

Belgorod State University,

85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: menshikova@bsu.edu.ru, kozlov@bsu.edu.ru

Abstract. On the basis of documents of the primary party organizations of railway workers the article reconstructs the history of the process of feminization (in quantitative and qualitative measurement) of the traffic service of the Belgorod branch of the Southern Railway of the People's Commissariat for Lines of Communications of USSR in 1920s – 1940s. The historical circumstances of women's involvement in the railway transport in the post-revolutionary period are characterized. The conditions and spheres of professional activity of railway workers in the 1920s, employed mainly in the «service» segment of the

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 19-09-00359/20.

traffic service, are described. The railway attracted women with high wages, social benefits: free travel on trains, getting official housing, fuel, uniforms. The factors (the main of which were raising the level of education of the country's population as a whole and women specifically, as well as the Great Patriotic War) of women's acquisition of motor railway professions like train dispatchers, station chiefs, station attendants in the 1930–1940s, are revealed.

Keywords: women's history, women railway workers, feminization, Belgorod branch of the South Railway, train control service, 1920–1940s.

For citation: Menshikova E.N., Kozlov K.V. 2020. «All traffic control in women's hands...»: to the issue of feminization of the traffic service of Belgorod branch of the Southern railway of people's commissariat for lines of communications of the USSR in 1920s – 1940s (based on materials of primary party organizations). *Via in tempore. History and political science*, 47 (3): 598–606 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-598-606.

Статья подготовлена на основе исследования документов первичных организаций ВКП(б) Белгородского отделения Южной железной дороги (ЮЖД) 1920–1940-х гг. Источники сосредоточены в трех фондах Государственного архива новейшей истории Белгородской области (ГАНИБО, г. Белгород): в фонде 706 «Транспортная ячейка ВКП(б) и партколлектива Белгородского железнодорожного узла» (документы 1920-х гг.), в фонде 180 «Первичная партийная организация службы движения станции Белгород» (документы 1930–1940-х гг.), в фонде 995 «Политотдел Белгородского отделения Южной железной дороги» (документы 1930-х гг.). Заявленную проблему помогают раскрыть разнообразные по своему содержанию документы: личные дела кандидатов и членов партии; жалобы железнодорожников по поводу нарушения их трудовых прав, а также жалобы на своих мужей из-за физического насилия, пьянства, супружеских измен последних; списки членов и кандидатов ВКП(б); персональные дела коммунистов; протоколы открытых и закрытых партсобраний, собраний работников транспорта и жен рабочих и служащих.

Разумеется, не все железнодорожницы-«движенцы» состояли в рядах ВКП(б) или ВЛКСМ в 1920–1940-е гг., но в партийных документах отразились сведения о деятельности Белгородского отделения в целом (в годовых отчетах работы отделения, содержащих и общую характеристику кадрового потенциала; в личных листках по учету кадров; в списках работников (и отдельно – в списках начальников и дежурных по станции) и приказах по личному составу службы движения; в списках работников отделения с указанием взысканий, поощрений, компрометирующих материалов). Анализ привлеченных источников позволил историко-антропологически (сквозь призму исследования судеб конкретных персоналий железнодорожниц) составить представление о сложной истории вовлечения женщин в службу движения поездов.

В целом исследовательская проблема вовлечения женщин в сферу управления движения поездов, рассматривается современной исторической наукой сквозь призму концепции «женского лидерства» [Levinson, 1997; Heywood, 1999; Walsh, 2002; Duffy, 2003; Wojtczak, 2004, 2005; Roth, 2008; Alegre, 2011; Alegre, Poniatowska, 2013; Piere, 2014; Hochard, 2016; Longo, eds., 2017; Kumar, 2018; Major, 2018; Polino, 2018; Reeves, 2018]. Для отечественной науки проблема феминизации «командной» сферы железнодорожного транспорта в 1920-е – 1940-е гг. актуальна в связи с динамичным развитием таких направлений, как гендерная и женская история, а также «новая рабочая история». Исследование исторического опыта профессиональной деятельности железнодорожниц-«движенцев» и построения ими новой модели гендерного равенства (опыта уникального: характер работы железнодорожниц побуждал их действовать в повседневной служебной деятельности, а вне службы – в семье и внешней коммуникации нетипично для женского стиля поведения в его традиционном понимании) важно для полноценного понимания социальной истории Советской России.



Методологическая база исследования основывается на положениях теории гендерной идентичности, позволившей реконструировать структуру гендерной идентичности женщин-железнодорожниц и описать два вектора ее трансформации в сторону гендерного равенства: профессиональный, связанный с влиянием экстремальных условий труда на формирование личностных качеств и необходимости демонстрировать мужские модели поведения для успешного решения производственных задач; экономический, связанный с тем, что профессиональная деятельность железнодорожниц позволяла им на паритетных началах принимать участие в материальном обеспечении семьи или даже вносить большой вклад.

Метод исторической биографики был использован для получения количественных данных (выявление персоналий женщин-«движенцев») и качественных характеристик в процессе реконструкции «life history» женщин-железнодорожниц.

Железнодорожницы Белгородского отделения ЮЖД в 1920-е гг.

В 1920-е гг. (особенно в первой половине этого десятилетия) служба движения Белгородского отделения ЮЖД в кадровом отношении продолжала оставаться преимущественно андроцентричной – ключевые профессии «движенцев» занимали мужчины¹²⁵. На 1 июня 1925 г. штатных, временных и поденных служащих отделения было 1 361 человек, из них женщин – около 5 %¹²⁶. Они занимались в основном неквалифицированной работой (чернорабочие, трубогрейки, обтирщицы вагонов, уборщицы, кухарки, сторожихи, помощницы буфетчиков, поденные и сезонные работницы)¹²⁷. Уровень их образования в официальных документах указывался как «низшее», либо они вообще были неграмотны¹²⁸. Женщины привлекались также для работы в качестве конторщиц и телеграфисток.

Вместе с тем советская экономическая реальность 1920-х гг. диктовала новую тенденцию максимального вовлечения женщин в общественное производство. Отвечая на этот вызов времени, руководством Белгородского отделения при партийной ячейке Белгородского транспортного узла был создан «женотдел», официальной задачей которого было трудовое раскрепощение женщин, их политическое и общекультурное просвещение. Проводившиеся в 1920-е гг. собрания работниц транспорта и жен рабочих и служащих насчитывали в разные годы от 120 до 150 человек¹²⁹.

Судя по протоколам делегатских собраний женщин, направления политического и культурного воспитания железнодорожниц или жен железнодорожников в 1920-е гг. были разнообразны. Это проблемы охраны материнства и детства («предупреждения беременности как меры борьбы с абортами» («Можно ли предупредить беременность спринцеванием? Как объяснить природу гермафродитизма? Можно ли принимать против беременности дрожжи? Почему бывает внематочная беременность? Можно ли забеременеть во время менструации?») ¹³⁰ с организацией экскурсии в январе 1926 г. в Белгородский дом матери и ребенка¹³¹); охраны женского труда¹³²; общего политического и экономического раскрепощения советской женщины¹³³ («Почему женщина является тормозом в некоторых моментах работы? Должен ли и каким образом мужчина участвовать в раскрепощении женщин? Каким путем можно подойти

¹²⁵ Государственный архив новейшей истории Белгородской области (далее ГАНИБО). Ф. 706. Оп. 1. Д. 12.

¹²⁶ ГАНИБО. Ф. 706. Оп. 1. Д. 22. Л. 93; ГАНИБО. Ф. 706. Оп. 1. Д. 12. ЛЛ. 11–43.

¹²⁷ ГАНИБО. Ф. 995. Оп. 1. Д. 3. ЛЛ. 60, 73, 79, 81 об., 88, 90, 94; ГАНИБО. Ф. 995. Оп. 1. Д. 35. ЛЛ. 3, 4, 24.

¹²⁸ ГАНИБО. Ф. 706. Оп. 1. Д. 12. Л. 24.

¹²⁹ Там же. Оп. 1. Д. 40

¹³⁰ Там же. ЛЛ. 23–24.

¹³¹ Там же. Л. 31.

¹³² Там же. Л. 8.

¹³³ Там же. Л. 4.

практически к раскрепощению женщины? Получила ли женщина, кроме политической свободы, полное раскрепощение? Может ли женщина освободиться от домашней кабалы, если не будет политической грамоты?» и т. п.); истории Коммунистической партии ¹³⁴; истории международного женского движения («Что такое феминистское и суфражистское движение?») ¹³⁵; истории организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии ¹³⁶; внешнеполитической ситуации («Придется ли СССР воевать? Какое состояние военных сил в капиталистических странах?») ¹³⁷; и др.

Особое внимание женотдел уделял работе с сезонными работницами, регулярно привлекаемыми для снегоборьбы, земляным работам во время капитальных ремонтов железнодорожного полотна, для работ в отделенческом подсобном хозяйстве и др. Перед женотделом в 1920-е гг. в отношении этих женщин ставились задачи «проведения систематической воспитательно-массовой работы среди сезонниц» ¹³⁸; «умственного развития поденных женщин через всякого рода собеседования, чтения газет вне служебных часов» ¹³⁹; «налаживания точного учета батрачек, 100 % охвата батрачек трудовыми договорами, втягивания их в работу культкомиссий, батрачковых и общественных организаций» ¹⁴⁰. Вместе с этим на собраниях женотдела говорилось о необходимости улучшения быта «сезонниц»: создания условий для получения медицинской помощи, оборудования общежития, выдачи спецодежды и улучшения питания ¹⁴¹.

Надо полагать, все же главной целью работы железнодорожного женотдела была подготовка женщин к вступлению в ряды Коммунистической партии. Успехи работы женотдела в этом направлении в первой половине 1920-х гг. были скромны. Так, на 1 марта 1924 г. членов и кандидатов в ряды ВКП(б) ячейки Белгородского узла было 275 человек; из них 12 – женщины (Веревкина Л.А., Иванова А.И., Игнатова Л.В., Леонова Р.И., Красильникова Н.М., Плотникова А.М., Скребцова Е.Е., Сосина Е.С., Хаботкина Н.А., Хаботкина М.А., Соткова Е.Д., Шеметило Е.К., Чениченко Е.Я.) ¹⁴².

Так или иначе, широкая просветительская кампания 1920-х гг. среди женщин вскоре принесла свои плоды: 1930-е гг. – это время массового появления в службе движения Белгородского отделения ЮЖД женщин, в том числе стремящихся получить «командные» железнодорожные профессии ¹⁴³.

Женщины – «командиры» службы движения в 1930-е гг.

В своем желании заниматься квалифицированными видами профессиональной деятельности на железнодорожном транспорте в 1930-е гг. женщинам порой приходилось сталкиваться с открытыми дискриминационными практиками со стороны части руководителей-мужчин. В железнодорожной среде в конце 1930-х годов привычной реальностью было то, что в семьях железнодорожников, как правило, женщины занимались исключительно домашним хозяйством. Примером служила и семья начальника Белгородского отделения Александра Григорьевича Ракитянского, чья супруга, Александра Семеновна, также официально носила статус домохозяйки (однако имевшая при этом, как и муж, средне-техническое образование, являвшаяся членом партии) ¹⁴⁴. Отсюда в сознании железнодорожников-мужчин стремление молодых женщин войти в состав «командиров» службы движения сталкивалось с неприятием этой идеи.

¹³⁴ Там же. Л. 11.

¹³⁵ Там же. Л. 23.

¹³⁶ Там же. Л. 12.

¹³⁷ ГАНИБО. Ф. 706. Оп. 1. Д. 40. Л. 12.

¹³⁸ Там же. Д. 61. Л. 47.

¹³⁹ Там же. Д. 7. Л. 12.

¹⁴⁰ Там же. Д. 61. Л. 43.

¹⁴¹ Там же. Л. 47.

¹⁴² Там же. Д. 12. ЛЛ. 11–43.

¹⁴³ ГАНИБО. Ф. 995. Оп. 1. Д. 10. Л. 31; ГАНИБО. Ф. 995. Оп. 1. Д. 77.

¹⁴⁴ ГАНИБО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 26. Л. 11.



Показательной (и драматичной по своим проявлениям) в этой связи выглядит история белгородской железнодорожницы Веры Кайдаловой. В июне 1938 года она обратилась с заявлением в партийный комитет Белгородского отделения с просьбой разобраться в ее «истории» и оказать поддержку в том, чтобы она получила возможность «... своим трудом заработать ... свою трудовую копейку»¹⁴⁵.

В заявлении Вера Кайдалова специально подчеркивала свое социальное происхождение: она была дочерью рабочего железнодорожника – с 1900 г. осмотрщика вагонов. Представляется очевидным, что автор использовала фактор «наследственности» профессии железнодорожников в их семье как, пожалуй, один из последних аргументов в убеждении руководства Белгородского отделения принять ее на работу в службу движения.

По признанию В. Кайдаловой, ее профессиональный путь железнодорожницы начался с обучения на курсах ДСП в Белгородском отделении. Однако, проучившись на них три месяца и два дня (не получив в итоге документального подтверждения окончания обучения и приобретения искомой квалификации), она, как и троих других курсистов, была направлена на работу в учетно-контрольное бюро железнодорожным агентом. Официальным лицом, мотивировавшим В.Л. Кайдалову принять решение об оставлении занятий, был начальник кадров отделения Мелихов. Впоследствии именно с ним она вела борьбу за реализацию своих трудовых прав.

Через три месяца после начала работы В. Кайдалова была уволена по сокращению штатов из-за ликвидации бюро. Ей предложили новую вакансию – стать подменным оператором при ДСП на станции Ржава (за 80 километров от Белгорода). Проработав на этой станции две недели, по выходе в смену прежнего оператора, В. Кайдалова была вынуждена вернуться в Белгород.

Ее обращение к начальнику кадров Белгородского отделения с просьбой о содействии в дальнейшем трудоустройстве натолкнулось на жесткий ответ: «Работы нету»¹⁴⁶. Оказавшись перед реальной перспективой остаться без работы, В.Л. Кайдалова высказала недоумение: «А как же быть? Кто же мне будет платить? Я прошусь взять меня хоть конторщиком, хоть оператором»¹⁴⁷. Отвечая на эти вопросы, Мелихов сначала продемонстрировал нарушение деловой этики общения с подчиненными: «Что Вы от меня хотите? Вы уже нам надоели. Ходите здесь по станции! Мотаетесь! Идите отсюда! А то возьму Вас за рукав и вышвырну в дверь»¹⁴⁸. А потом предложил нестандартный вариант решения проблемы: «Да я заплачу Вам из своего жалования 160 рублей; буду, как алименты платить»¹⁴⁹. Вера Кайдалова призвала его уважать чувство ее человеческого достоинства, упомянув при этом свою причастность к коммунистической партии: «Я партийный человек, так что не повышайте на меня голос! Я Вам не мальчик для битья, и не девочка, чтобы надо мной смеялись и играли на нервах! Мне Ваши деньги не нужны! Определите меня работать, чтобы я не шаталась по вокзалу. Товарищ начальник, я Вашей трудовой копейки не хочу, я хочу своим трудом заработать и получить свою трудовую копейку!»¹⁵⁰.

Вообще, судя по источникам, женщины-«движенцы» 1930-х гг. были полны решимости улучшать работу Белгородского отделения¹⁵¹. Также железнодорожницы не боялись остро критиковать работу своих коллег-мужчин¹⁵². Отчего зачастую слыли «излишне упрямыми и скандальными»¹⁵³, как, например, дежурная по станции Топлинка

¹⁴⁵ Там же. Д. 12. Л. 37.

¹⁴⁶ ГАНИБО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 12. Л. 37.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Там же. Л. 36.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Там же. Д. 6. Л. 9 об.

¹⁵² Там же.

¹⁵³ ГАНИБО. Ф. 995. Оп. 1. Д. 35. Л. 124.

Е.Ф. Логвиненко (1912 г. р., дочь и жена железнодорожников: муж работал дежурным на той же станции, отец проработал 28 лет кондуктором); при том что в 1935 году она характеризовалась как «стахановка» и была три раза премирована.

В отличие от железнодорожниц 1920-х гг. сотрудницы службы движения Белгородского отделения, работавшие в 1930-е гг., характеризовались более высоким уровнем образования; как правило, они имели неоконченное среднее образование (окончили школу второй ступени, так называемую «семилетку»¹⁵⁴) либо же получили среднее образование¹⁵⁵, в ряде случаев – средне-техническое¹⁵⁶, а также без отрыва от производства – курсы ДСП, поездных диспетчеров. Женщины часто характеризовались руководством, в том числе партийным, «как хорошие работницы, стахановки, хорошие общественницы»¹⁵⁷.

Надо сказать, попадание на железнодорожный транспорт у женщин 1930-х гг. зачастую было сопряжено с нелегким жизненным выбором – первоначально получив другую профессию, затем уйти работать на железную дорогу. Так было, например, в «жизненной стратегии» сотрудницы Белгородского отделения Марии Стефановны Соловейченко, 1911 г. р.¹⁵⁸ Вот как она описывала начало своего профессионального пути: «Окончила семилетку в 1929 г., после чего райком комсомола направил на работу по линии ликвидации неграмотности в с. Красный Хутор Микояновского района (с 1.10.1929 по 1.04.1930). 1.09.1930 поступила учиться в Белгородский педагогический техникум, после его окончания в 1932 г. учительствовала до 1933 г. в селе Беловское Белгородского района. С 1933 по 1937 гг. работала в конторах г. Белгорода. В 1937 г. поступила работать на транспорт в 1-е отделение службы движения...»¹⁵⁹.

По всей видимости, железная дорога в 1930-е гг. как институция привлекала относительно высокими заработками, материальной обеспеченностью (военизированного типа форменная одежда, продуктовые пайки), льготами (бесплатный проезд в поездах, топливо для отопления домов, возможность получения служебного жилья).

Кроме этого, большое влияние на выбор женщинами профессии железнодорожника оказывала семья. В подавляющем большинстве женщины, будущие «движенцы», происходили из семей железнодорожников (их отцы были машинистами¹⁶⁰, главными кондукторами¹⁶¹, стрелочниками, старшими стрелочниками¹⁶², осмотрщиками вагонов¹⁶³). У упомянутой выше М.С. Соловейченко все мужчины в семье были железнодорожниками: отец (более тридцати лет работал главным кондуктором товарных поездов кондукторского резерва станции Белгорода¹⁶⁴), старший брат работал машинистом, а младший – помощником машиниста¹⁶⁵.

Женщины-«движенцы» в годы Великой Отечественной войны

Великая Отечественная война потребовала напряжения сил от всего советского общества, в том числе и от железнодорожников – мужчин и женщин [Железнодорожники..., 1987; История..., 1997]. Главной задачей для них в это время

¹⁵⁴ ГАНИБО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 18. Л. 14; ГАНИБО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 14. Л. 82; ГАНИБО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 14. Л. 25; ГАНИБО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 15. ЛЛ. 6–7.

¹⁵⁵ ГАНИБО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 26. Л. 3.

¹⁵⁶ Там же. Л. 2.

¹⁵⁷ ГАНИБО. Ф. 706. Оп. 1. Д. 12. ЛЛ. 1–1 об.

¹⁵⁸ ГАНИБО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 18. Л. 14.

¹⁵⁹ Там же. Д. 15. ЛЛ. 12–12 об.

¹⁶⁰ Там же. Д. 14. Л. 82.

¹⁶¹ Там же. Л. 25.

¹⁶² Там же. Д. 15. ЛЛ. 6–7.

¹⁶³ Там же. Д. 12. Л. 37.

¹⁶⁴ Там же. Д. 14. Л. 41.

¹⁶⁵ Там же. Д. 1. ЛЛ. 12–12 об.



стало «обеспечение бесперебойного продвижения поездов фронту»¹⁶⁶. В военный период количество женщин-сотрудниц службы управления движения поездов Белгородского отделения существенно увеличилось по сравнению с предыдущими десятилетиями. Так, в 1944 году женщин-«движенцев» было около 53 % от общего числа служащих Белгородского отделения¹⁶⁷; в 1945 – около 60 %¹⁶⁸.

Для железнодорожников военный режим характеризовался изменением их положения – они приобрели статус военнослужащих, а также – из-за нехватки специалистов – переводом на 2–2^{1/2}-сменные дежурства (такой график дежурств означал практически полное отсутствие часов отдыха после ночных смен, каких-либо выходных; он просуществовал все годы войны вплоть до 1946 года, когда перешли на 3^{1/2}-сменные дежурства)¹⁶⁹.

В целом служба движения Белгородского отделения испытывала кадровый «голод» в годы Великой Отечественной войны еще и потому, что «... из числа своих кадров ... передали на освобожденные от фашистских захватчиков дороги – 263 человек ...»¹⁷⁰. Вопрос о быстрой подготовке необходимых отделению специалистов-«движенцев» был одним из первоочередных в этот период. Надо заметить, уровень образования диспетчерского корпуса Белгородского отделения в середине 1940-х гг. характеризовался такими показателями: 14 % диспетчеров имели «низшее» образование (в программе начальной школы), у 43 % было неоконченное среднее образование (в программе семи классов), у 14 % было среднее образование; у 29 % – средне-техническое образование¹⁷¹. Но отсутствие каких-либо ресурсов у руководства отделения улучшить бытовые условия жизни своих подчиненных затрудняло решение этой задачи¹⁷².

Вообще об укреплении трудовой воинской дисциплины среди «командиров» службы движения часто говорилось на партийных собраниях (периодически именно женщин обвиняли в нарушении трудовой дисциплины). Так, 29 января 1946 г. на партийном собрании Белгородского отделения А.Л. Бугаев давал такую характеристику сотрудникам: «Плохо обстоит дело ... в кондукторском резерве, где дисциплина находится на низком уровне. Некоторые из кондукторов, в большинстве которых женщины, не интересуются работой, работают плохо, нарушают Правила Технической Эксплуатации, нормы трудовой дисциплины, у многих имеются попытки уйти с работы. В кондукторском резерве у нас больше женщин, которые ... в основном решают вопросы движения поездов. Здесь участились случаи ухода с транспорта, особенно по приезде мужей с армии»¹⁷³.

Таким образом, рассмотрев исторические источники 1920-х – 1940-х гг. – документы первичных партийных организаций Белгородского отделения ЮЖД НКПС СССР, удалось очертить основные вехи истории феминизации службы движения. По сути, в послереволюционное двадцатилетие постепенно размывалась «маскулинная кастовость» / «андроцентричность» ведущих железнодорожных профессий, сложившаяся в имперское время. С 1920-х гг. по сравнению с 1940-ми гг. изменился характер труда женщин на железнодорожном транспорте. Они прошли путь от подсобных и поденных работниц, уборщиц и другого низкоквалифицированного персонала через конторщиц и телефонисток – к «командным» профессиям: поездным диспетчерам, начальникам станции, дежурным по станции. Количество женщин в службе движения за этот период возросло с 5 до 60 %. И, судя по источникам, несмотря на все сложности профессии и

¹⁶⁶ Там же. Д. 20. Л. 21.

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ Там же. Д. 22. Л. 35.

¹⁶⁹ ГАНИБО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 22. ЛЛ. 35–35 об.; ГАНИБО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 24. Л. 2.

¹⁷⁰ ГАНИБО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 20. Л. 21.

¹⁷¹ Там же. Д. 26. Л. 12.

¹⁷² Там же. Д. 22. ЛЛ. 35–35 об.

¹⁷³ Там же. Д. 24. Л. 3–4.

реалии сталинского времени (скажем, за ошибку в формировании маршрута поезда или приема поезда на занятый путь грозил арест до 5 суток), они стали вполне конкурентоспособны с мужчинами [Гайдамакин, 2012]. Факторами профессионального выбора и освоения сложных «командных» железнодорожных профессий в 1930–1940-е гг. являлись: «наследственность» профессии (женщины-«движенцы» в подавляющем большинстве были потомственными железнодорожницами); повышение уровня образования женщин, что позволило им трудиться их на должностях, требующих высокой квалификации; и, наконец, форс-мажорные обстоятельства, вызванные началом Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. Гайдамакин А.В. 2012. Социокультурные аспекты советской концепции железнодорожного транспорта: опыт формирования и роль соцсоревнования железнодорожников и ее реализации в 1917–1930-е гг. Вестник Омского университета, 2: 298–307.
2. Железнодорожники в Великой Отечественной войне. М., Транспорт, 1987.
3. История железнодорожного транспорта России и Советского союза. Т. 2. СПб., АОИТ «Иван Федоров», 1997.
4. Alegre R.F. 2011. Las rieleras: Gender, politics, and power in the Mexican railway movement, 1958–1959. Journal of Women's History, 23 (2): 162–186.
5. Alegre R.F., Poniatowska E. 2013. Railroad radicals in Cold War Mexico: Gender, class, and memory. Lincoln, University of Nebraska Press, 344.
6. Duffy M.C. 2003. Electric Railways 1880–1990. London: The Institution of Engineering and Technology, 452.
7. Heywood A. 1999. Modernising Lenin's Russia: Economic Reconstruction, Foreign Trade and the Railways. New York, Cambridge University Press, 364.
8. Hochard C. 2016. Voices of French railway workers: An oral history, 1930–1950. Journal of Transport History, 37 (1): 92–95.
9. Kumar R. 2018. A Study on Issues and Challenges of Women Empowerment in Indian Railways. International Journal of Trend in Scientific Research and Development, Volume 2, Issue 5: 649–652.
10. Levinson N.S. 1997. She's been working on the railroad. New York, Lodestar/Dutton, 104.
11. Longo R., Lenta M., Zaldúa G. 2017. Railway women: participation, care strategies and solidarity. Anuario de investigaciones, XXIV: 159–168.
12. Major S. 2018. Female Railway Workers in World War II. Barnsley, Pen & Sword Transport, 185.
13. Piere G. 2014. Tracking railway histories. Journal of Transport History, 35 (2): 242–248.
14. Polino M-N. 2018. Railway workers in Second World War: Towards a reconciliation in historiography? The Journal of Transport History, 39 (1): 110–116.
15. Reeves H.J. 2018. An exploration of the «railway family»: 1900–1948. Keele, Keele University, 376.
16. Roth R. 2008. Across the borders: financing the world's railways in the nineteenth and twentieth centuries. Cornwall: MPG Books Ltd, 323.
17. Walsh M. 2002. Gendering transport history: retrospect and prospect. Journal of Transport History, 23 (1): 1–8.
18. Wojtczak H. 2005. Railwaywomen: exploitation, betrayal and triumph in the workplace. Hastings, Hastings Press, 375.
19. Wojtczak H. 2004. Railway Women: The Story of a Forgotten Workforce 1830s – 1990s. Hastings, The Hastings Press, 192.

References

1. Gajdamakin A.V. 2012. Sociokul'turnye aspekty sovetskoj koncepcii zheleznodorozhnogo transporta: opyt formirovaniya i rol' socsorevnovaniya zheleznodorozhnikov i ee realizacii v 1917–1930-e gg. [Social and Cultural Aspects of the Soviet Concept of Railway Transport: the Experience of the Formation and the Role of Socialist Competition of Railway Workers and Its Implementation in the 1917–1930s]. Vestnik Omskogo universiteta, 2: 298–307 (in Russian).



2. Zheleznodorozhniki v Velikoj Otechestvennoj vojne [Railway Workers in Great Patriotic War]. Moscow, Transport, 1987 (in Russian).
3. Istorija zheleznodorozhnogo transporta Rossii i Sovetskogo Sojuza [History of Railway Transport in Russia and the Soviet Union]. Saint Petersburg, AOOT «Ivan Fedorov», 1997 (in Russian).
4. Alegre R.F. 2011. Las rieleras: Gender, politics, and power in the Mexican railway movement, 1958–1959. *Journal of Women's History*, 23 (2): 162–186.
5. Alegre R.F., Poniatowska E. 2013. *Railroad radicals in Cold War Mexico: Gender, class, and memory*. Lincoln, University of Nebraska Press, 344.
6. Duffy M.C. 2003. *Electric Railways 1880–1990*. London: The Institution of Engineering and Technology, 452.
7. Heywood A. 1999. *Modernising Lenin's Russia: Economic Reconstruction, Foreign Trade and the Railways*. New York, Cambridge University Press, 364.
8. Hochard C. 2016. Voices of French railway workers: An oral history, 1930–1950. *Journal of Transport History*, 37 (1): 92–95.
9. Kumar R. 2018. A Study on Issues and Challenges of Women Empowerment in Indian Railways. *International Journal of Trend in Scientific Research and Development*, Volume 2, Issue 5: 649–652.
10. Levinson N.S. 1997. *She's been working on the railroad*. New York, Lodestar/Dutton, 104.
11. Longo R., Lenta M., Zaldúa G. 2017. Railway women: participation, care strategies and sorority. *Anuario de investigaciones*, XXIV: 159–168.
12. Major S. 2018. *Female Railway Workers in World War II*. Barnsley, Pen & Sword Transport, 185.
13. Piere G. 2014. Tracking railway histories. *Journal of Transport History*, 35 (2): 242–248.
14. Polino M-N. 2018. Railway workers in Second World War: Towards a reconciliation in historiography? *The Journal of Transport History*, 39 (1): 110–116.
15. Reeves H.J. 2018. An exploration of the «railway family»: 1900–1948. Keele, Keele University, 376.
16. Roth R. 2008. *Across the borders: financing the world's railways in the nineteenth and twentieth centuries*. Cornwall: MPG Books Ltd, 323.
17. Walsh M. 2002. Gendering transport history: retrospect and prospect. *Journal of Transport History*, 23 (1): 1–8.
18. Wojtczak H. 2005. *Railwaywomen: exploitation, betrayal and triumph in the workplace*. Hastings, Hastings Press, 375.
19. Wojtczak H. 2004. *Railway Women: The Story of a Forgotten Workforce 1830s – 1990s*. Hastings, The Hastings Press, 192.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Меньшикова Евгения Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Козлов Константин Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgeniia N. Menshikova, candidate of historical sciences, associate professor of the Department of Russian history and documentation, Pedagogical Institute, Belgorod State University, Belgorod, Russia

Konstantin V. Kozlov, candidate of historical sciences, associate professor of the Department of Russian history and documentation, Pedagogical Institute, Belgorod State University, Belgorod, Russia

УДК 355.4

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-607-617

«Полеты, не обеспеченные в поисково-спасательном отношении, запрещаются...»: к вопросу о боевом применении авиации 40-й армии в Афганистане в 1979–1989 гг.

В.В. Гагин

Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина (г. Воронеж),
Россия, 394064, г. Воронеж, ул. Старых Большевиков, 54а
E-mail: generals78@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу боевого опыта ВВС СССР в период участия советских войск в войне в Афганистане в 1979–1989 гг. Специфика горно-пустынной местности и климатические условия этой страны свойственны практически всем государствам, с которыми граничит Российская Федерация на юге, начиная от Закавказья и Средней Азии и заканчивая Китаем и Монголией на Дальнем Востоке. Боевой опыт, приобретенный тогда Военно-воздушными силами, сегодня важен не только из-за очень высокой цены, заплаченной в 1979–1989 гг. в Афганистане кровью и жизнями солдат и офицеров, но и своей актуальностью. Техника и вооружение, которые сейчас используются российскими ВКС, во многих своих компонентах остались либо те же, либо в разной степени модернизированные, следовательно, формы и методы работы с ними – эксплуатация, техническое обслуживание, снабжение и т. д. – прежние. Кроме технических вопросов ветераны войны в Афганистане – военачальники и командиры самых разных рангов и уровней – всячески подчеркивают, что особую роль играют вопросы взаимодействия и управления. Во избежание отрицательных факторов в организации и проведении боевых действий из-за слабо поставленного взаимодействия сухопутных войск и авиации необходимо постоянное совершенствование управления. Подготовленные крупные операции, как правило, проходят без больших потерь, тогда как мелкие неподготовленные часто ведут к поражению. Поэтому опыт организации взаимодействия больших операций необходимо всегда переносить и на малые.

Ключевые слова: горно-пустынная местность, тактика армейской авиации, боевые потери, поисково-спасательные операции, воинская дисциплина, авианаводчик.

Для цитирования: Гагин В.В. 2020. «Полеты, не обеспеченные в поисково-спасательном отношении, запрещаются...»: к вопросу о боевом применении авиации 40-й армии в Афганистане в 1979–1989 гг. Via in tempore. История. Политология, 47 (3): 607–617. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-607-617.

«Flights that are not secured in the search and rescue are prohibited...» on the issue of combat use of 40th army aviation in Afghanistan in 1979–1989

Vladimir V. Gagin

Air force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin (Voronezh),
54a Staryh Bol'shevikov st., Voronezh, 394064, Russia
E-mail: generals78@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the combat experience of the USSR Air Force during the period of Soviet troops' participation in the war in Afghanistan in 1979–1989. The specifics of the mountainous desert terrain and climatic conditions of this country are characteristic of almost all the states with which the Russian Federation borders in the south, starting from Transcaucasia and Central Asia, and to China and Mongolia in the Far East. The combat experience acquired by the Air Force then is important today not only because of the very high price paid in 1979–1989 in Afghanistan by the blood and lives of soldiers and



officers, but also by its relevance. The equipment and weapons that are currently being used by the Russian aerospace forces, in many of their components remained either the same or modernized to various degrees, therefore, the forms and methods of working with them – operation, maintenance, supply, etc. – the former. In addition to technical issues, veterans of the war in Afghanistan – military leaders and commanders of various ranks and levels – emphasize in every way that issues of interaction and control play a special role. In order to avoid negative factors in the organization and conduct of hostilities due to poorly set interaction between the ground forces and aviation, constant improvement of command is necessary. Prepared large operations, as a rule, take place without large losses, while small unprepared often lead to failure. Therefore, the experience of organizing the interaction of large operations must always be transferred to small ones.

Key words: mountain-desert terrain, tactics of army aviation, combat losses, search and rescue operations, military discipline, aircraft master.

For citation: Gagin V.V. 2020. «Flights that are not secured in the search and rescue are prohibited...» on the issue of combat use of 40th army aviation in Afghanistan in 1979–1989. Via in tempore. History and political science, 47 (3): 607–617 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-607-617.

30 сентября 2020 г. исполнится 5 лет со дня начала военной операции российских ВКС в Сирии. Вступление нашей страны в вооруженный конфликт позволило кардинально изменить направленность и характер боевых действий, в результате чего были достигнуты политические преимущества и установлено политическое соглашение на российских условиях. По данным Министерства обороны РФ, к августу 2018 г. в военной операции были задействованы экипажи следующих видов авиации: оперативно-тактическая (87 %), армейская (91 %), Военно-транспортная авиация (97 %), стратегическая и Дальняя авиация (60 %). Летчики ВКС совершили 39 тысяч боевых вылетов.

Сирийский боевой опыт, часто выявляющий негативные последствия бессистемности постперестроечного военного строительства новой России просто требует от исследователей в области истории отечественной авиации как можно более разностороннего и объективного изучения процессов строительства ВВС советского периода. Несмотря на то, что российские ВКС успешно выполняют поставленные задачи, они несут потери (на 22 августа 2018 г. официально сообщалось о 14 летательных аппаратах). На наш взгляд, потерь могло стать несколько меньше, если бы полностью учитывался опыт, приобретенный советскими ВВС в период боевых действий в Афганистане в 1979–1989 гг. Афганские события дали мощнейший толчок развитию тактики применения армейской авиации, изменили не только систему взаимодействия между родами войск и видами ВС, но и значительно подняли роль и значение вертолетов в боевых действиях, особенно в горно-пустынной местности. В то же время афганский опыт обобщался и использовался лишь в частях и соединениях 40-й армии и почти не нашел отражения в боевых уставах и наставлениях в постперестроечный период.

Данная публикация посвящена анализу боевых действий армейской и фронтовой авиации советских ВВС в Афганистане в 1979–1989 гг., накопленный опыт которых является актуальным и востребованным и в наши дни. В частности, на основе опыта крупномасштабных операций с участием винтокрылых машин в ВВС 40-й армии (А) и 73-й воздушной армии (ВА) в Афганистане появились разнообразные предложения по совершенствованию тактики их применения – транспортные, огневые и маневренные качества вертолетов оказались не только постоянно востребованными, но и незаменимыми.

Анализ боевой деятельности советской авиации в указанный период позволяет сделать ряд рекомендаций и предложений, которые позволят улучшить подготовку пилотов российских ВКС. Представляется небезынтересным обозначить трудности применения армейской вертолетной авиации, которые не потеряли своей актуальности в современном афганском конфликте. По словам пилота-контрактника из ЮАР Нила Эллиса (Neill Ellis), летавшего в Афганистане на вертолете российского производства Ми-8МТВ в 2000-х гг., иррегулярные войска активнее действуют в жилых зеленых зонах, нежели на высокогорных и труднодо-

ступных участках. В этой связи он обычно выбирал полетный маршрут над сложным рельефом. По данным Эллиса, авиаторы из стран Восточного блока (русские и украинцы), напротив, к использованию тактики часто относятся с пренебрежением. Они летают на не скоростных, крейсерских режимах и по многократно исхоженным, шаблонным маршрутам, из-за чего и попадают под обстрел из засады. Что касается надежности российской техники, у южноафриканского летчика наилучшие отзывы о вертолете Ми-8 с двигателями ТВ3-117ВМ, который разработали специально для действий в условиях Афганистана. С отказом двигателя он столкнулся лишь однажды, но даже с грузом на борту смог стабилизировать машину на высоте 2 440 м. Как выяснилось впоследствии, причиной стало засорение топливного фильтра металлическими опилками от регулятора подачи топлива [Alleace, 2012, p. 18].

Афганский опыт, забытый в 1990-х гг., когда подготовка летчиков из-за нехватки керосина была просто ничтожной, вновь актуализируется. В настоящее время российское командование старается обеспечить максимально возможный налет. В среднем у каждого пилота выходит более 200 часов. Признается польза подготовки на тренажерах, когда летчик видит последствия принятых им в полете решений в реальном времени. Одна из проблем тренажеров заключается в отсутствии привязки некоторых старых систем к конкретным ландшафтам предполагаемых театров военных действий.

Минимум один раз в год производятся сборы по пуску управляемых ракет. Парашютная подготовка предусматривает не менее двух прыжков в год.

Анализ боевых потерь в Афганистане показал острую необходимость повышения уровня защиты экипажей. Зачастую уцелевший при обстреле экипаж спасал даже сильно поврежденную машину. Простое добавление боковых бронестекел привело к ухудшению обзора и уменьшению полезного объема кабины. Защитный комплект вертолетчика образца 1980 г. – фактически стальные латы – был слишком громоздким и тяжелым. Из-за чрезмерно тяжелого веса бронежилетов и защитных шлемов ЗШ-3Б экипажи пользовались ими крайне редко (позднее стали поступать более практичные титановые ЗШ-5Б). Легкие синтетические голубые комбинезоны при пожаре плавились и оставляли на коже тяжелые ожоги, поэтому были заменены костюмами из натуральных материалов. Основным противопожарным мероприятием стало заполнение топливных баков вертолетов губкой из пенополиуретана. На случай вынужденной посадки на территории, захваченной противником, экипажи всячески увеличивали свой боезапас, оставляя лишь шоколад и флягу с водой.

Летчики вертолетов Ми-24 многократно высказывали пожелание установить на свои «крокодилы» пулеметы для стрельбы назад во время выхода из атаки, т. к. 46–48 % всех попаданий эти боевые вертолеты получали именно тогда. У транспортно-боевых Ми-8 такой кормовой пулемет был, и это уменьшало печальную статистику до 26–27 %. Все попытки доработок в этом направлении оказались малоэффективными и не прижились. Нет возможности стрелять в заднюю полусферу у российских боевых вертолетов и сегодня.

Экипажи «крокодилов» обходились прикрытием стрелка-борттехника, который вел стрельбу назад, для чего он дополнительно брал с собой один, а то и два пулемета ПКТ. Во многих случаях это спасало вертолет, поэтому предложение командования ВВС 40-й армии оставлять борттехника на земле для сокращения возможных потерь личного состава вызвало протест со стороны самих экипажей.

Значительные превышения аэродромов и посадочных посадок (до 2500 м) в Афганистане приводили к вынужденному уменьшению запаса топлива и боевой загрузки (высокая температура и разреженность воздуха естественно сокращают тактический радиус летательных аппаратов и время нахождения их над полем боя, а следовательно, и время огневого воздействия на противника).

На соплах двигателей для защиты от тепловых головок ракет ПЗРК¹⁷⁴ устанавливались эжекторы (ЭВУ)¹⁷⁵. Они прижились не сразу по причине большого сопротивления и не-

¹⁷⁴ Переносной зенитный ракетный комплекс.



удобства в эксплуатации, став обязательными лишь с 1983 г., когда увеличилась угроза поражения ракетным комплексом. Комплекс мероприятий радиоэлектронной борьбы включал с 1987 г. кассеты ИК-ловушек¹⁷⁶ АСО-2В¹⁷⁷. Станция активных помех СОЭП-В1А «Липа» в применении также показала свою высокую эффективность и незаменимость: в случае ее отказа экипаж пристраивался над другим вертолетом, на котором станция была исправна¹⁷⁸.

Инфракрасные ловушки с 1985 г. стали основным техническим средством защиты самолетов и вертолетов. В частности, на Су-17 устанавливалось от 4 до 12 балок АСО-2В (позднее АСО-28И). В каждой балке находилось по 32 пиропатрона, начиненных термитной смесью. Серьезной защитой являлись также 12 более мощных патронов ЛО-43¹⁷⁹. При взлете и посадке, а главное – в зоне действия вражеской ПВО пилот включал автомат отстрела ловушек, отвлекавших на себя самонаводящиеся «Стрелы» и другие типы ракет ПЗРК. Боевые вылеты самолетов и вертолетов, не снаряженных пиропатронами, не допускались.

Нельзя обойти вниманием проблемы, связанные с материальной частью вертолетов, которые удалось устранить далеко не все. Например, многие улучшения по «афганским» предложениям, касавшиеся модернизации системы управления, – установки демпферов и более мощных гидроусилителей – не были внедрены. Оборудование вертолетов впрыском воды на вход двигателей привело к появлению новых проблем в области управления и эксплуатации [Марковский, 2000, с. 99]. Чрезмерно избыточный вес вертолетов Ми-24 преодолели установкой на модернизированные машины Ми-35 неубирающегося шасси.

Говоря об опыте устранения технических проблем самолетов и вертолетов в ДРА нельзя не упомянуть беспрецедентный пример совершенствования матчасти армейской авиации в боевых условиях. Речь идет об истории принятия на вооружение и доработки по результатам войсковых испытаний самолета-штурмовика конструкции ОКБ им. П.О. Сухова Су-25 «Грач». Созданный в конце 1970-х гг. как самолет непосредственной огневой поддержки сухопутных войск, Су-25 был сконструирован с учетом новейших достижений отечественного самолетостроения и металловедения по самым высоким требованиям к живучести боевых летательных аппаратов, с многократным дублированием основных систем [Бедретдинов, 1994, с. 78–85]. Благодаря Главнокомандующему ВВС СССР Главному маршалу авиации П.С. Кутахову, сумевшему увидеть в новом самолете будущее надежное и эффективное оружие, подобное прославленному штурмовику Ил-2, буквально первые предсерийные образцы были направлены в высокогорный Шинданд. Было налажено теснейшее взаимодействие, и малейшие замечания или пожелания инженерно-авиационной службы ВВС 40-й А по опыту эксплуатации Су-25 без промедления отправлялись в Москву. Инженеры и конструкторы ОКБ им. П.О. Сухова так же быстро реагировали на заявки военных срочными доработками. Совместные усилия специалистов ОКБ, лётно-технического состава сначала опытной авиаэскадрильи, а затем и полка штурмовиков дали выдающийся результат, оправдавший самые смелые ожидания: штурмовик Су-25 стал поистине самолетом-солдатом, незаменимым для поддержки пехоты и грозным для врагов [Самойлович, 1999, с. 69]. Этот самолет и сегодня, спустя сорок лет, состоит на вооружении ВКС РФ.

За период пребывания советских войск в Афганистане ВВС потеряли 333 вертолета [Отечественная военная история, Т. 2–3, 2003, с. 535] (28 Ми-6, 174 Ми-8 и 127 Ми-24,

¹⁷⁵ ЭВУ – эжектор с удлиненной цилиндрической камерой смещения, имеющий в 1,5–2 раза большие значения КПД.

¹⁷⁶ Пиротехнические устройства, выделяющие большое количество тепла при сгорании горючего состава.

¹⁷⁷ Авиационное устройство автоматической постановки радиолокационных и инфракрасных помех.

¹⁷⁸ Шканакин В.Г. Доклад командующего ВВС 73 ВА. Основные способы ведения боевых действий и тактические приемы армейской авиации в условиях горно-пустынной местности. Особенности организации подготовки экипажей вертолетов // Архив библиотеки ВУНЦ ВВС «ВВА». Сборник материалов по боевому применению ВВС 40-й армии в 1979–1989 гг. Т. 9. Л. 383.

¹⁷⁹ Инфракрасная ловушка, представляющая собой мощный пиропатрон – ложную тепловую цель для ракет ПЗРК противника.

4 Ми-9 и Ми-10). Что касается потерь афганской армии, то они составили 338 Ми-8/17 и Ми-25/35. Анализируя боевые потери по типам вертолетов, можно прийти к выводу, что больше всего потеряно вертолетов Ми-8, в среднем 49 % от общего количества потерь. Этих вертолетов в процентном отношении в ВВС 40-й армии было больше по сравнению с другими типами летательных аппаратов (ЛА), на них возлагалось много задач, значительно больше у них был и налет. Средний налет за год на вертолетах Ми-8 составлял 430 часов, что на 100–150 часов больше по сравнению с другими типами вертолетов и на 200–250 часов больше по сравнению с боевыми самолетами. Следует подчеркнуть, что вертолеты, выполняя полеты на больших высотах, вблизи перевалов и особенно с грузом, обладали малым диапазоном маневренных характеристик. В этих условиях винтокрылая машина была легкой мишенью для противника.

В ходе выполнения боевых задач в Афганистане советские летчики накапливали опыт предотвращения потерь. Был выработан широкий комплекс рекомендаций, необходимость следования которым остается очевидной и сегодня, спустя более 30 лет после вывода советских войск из южно-азиатской страны. Этот комплекс включает выбор (на стадии разработки плана) наименее опасных маршрутов, выход на цель с применением целого набора тактических приемов, использование рельефа местности для скрытности и т. п. Пилотам необходимо постоянно следить за возможными пусками ПЗРК. В случае пуска ракеты энергичным маневром избегать попаданий, для чего уходить в сторону солнца, ярко освещенных и нагретых им горных склонов или плотной облачности. При взлете и посадке самолетов значительную роль играют патрулирующие зону вокруг аэродрома вертолеты, поскольку первые в эти моменты летят на небольшой скорости и недостаточно маневренны. Все удары наносятся с первого захода, не допуская повторных атак. Кроме того, поскольку при вводе ОКСВ в Афганистан ожидалось вмешательство авиации западных держав и соседних Китая, Ирана и Пакистана, туда были направлены самолеты-истребители. Они привлекались для уничтожения иностранных летательных аппаратов, нарушающих государственную границу Афганистана, и осуществляли прикрытие бортов штурмовой и бомбардировочной авиации 40-й армии и ВВС ДРА [Ильин, 2000, с. 15].

Необходимо также отметить, что в частях ВВС 40-й армии мало внимания, к сожалению, уделялось морально-психологической подготовке летного состава и грамотным действиям при боевом повреждении авиационной техники и ее отказах. Уровень подготовки летного состава к боевому вылету, качество проведения тренажей по действиям в особых случаях в полете часто не соответствовали реалиям боевой обстановки. Имели место случаи, когда при обстрелах и боевых повреждениях пилоты «сами себе усложняли обстановку». Так, в 262-й ОВЭ летчик 2-го класса капитан Кухтин при боевом повреждении путевого управления создал такое положение вертолету Ми-8, в результате которого была полностью потеряна управляемость машиной, что привело к гибели двух членов экипажа.

К сожалению, и в наши дни нередки случаи поверхностного подхода к боевой подготовке и упрощенчества во время боевой учебы. Представляется, что отклонение от указанных правил, написанных в буквальном смысле кровью и имевших в Афганистане силу закона, должно влечь за собой дисциплинарную, а в случае потери летательного аппарата и более серьезную ответственность провинившихся командиров. Между тем, судя по данным открытых источников, эти правила не раз нарушались. Например, 18 февраля 2000 г. при выполнении боевого задания в Чечне был сбит вертолет Ми-8 тульского вертолетного полка. Поскольку ответных мер со стороны боевиков не ожидалось, то вертолеты Ми-8 не были прикрыты боевыми Ми-24. В итоге винтокрылые машины в районе десантирования в Аргунском ущелье столкнулись с плотным огнем противника с земли. Ведущему Ми-8 были нанесены серьезные повреждения, а ведомый вертолет был сбит. Все 15 человек, находившиеся на борту вертолета, погибли.

Еще одной мерой, выработанной в Афганистане в целях недопущения потерь от вражеских ПЗРК, стало строгое соблюдение правил взлета и посадки по «укороченной



схеме». Самолет при взлете увеличивал высоту на форсаже по спирали, при этом постоянно находясь в пределах патрулируемой зоны вокруг аэродрома до выхода на безопасный эшелон. Во время посадки применялось снижение «с большим градиентом потери высоты» с обязательным (как и на взлете) отстрелом тепловых ловушек. Однако эта «посадка по градиенту», получившая также название «афганский заход», была довольно сложной и требовала высокой техники пилотирования. Тем не менее этот маневр практиковался и в других родах авиации, в том числе и военно-транспортной.

Важнейшую роль играет взаимодействие ВВС с сухопутными войсками. Опыт использования вертолетных частей в дивизиях сухопутных войск показал, что армейской авиации необходим единый орган управления, который занимался бы планированием, боевой подготовкой, решал методические и кадровые задачи, организовывал бы взаимодействие с армейскими частями и соединениями. Во многом именно этот опыт послужил основанием для передачи армейской авиации из ВВС в сухопутные соединения и объединения. Сегодня общевойсковая армия, как в конце 1970-х гг., практически вновь не имеет своей авиации и группы наведения.

Причем, как это часто бывает, некоторые специалисты видят выход из положения совершенно в иной плоскости, нежели подготовка высококлассных авианаводчиков в специальных школах, а планы реализации таких программ не подразумевают решения проблем сегодня или завтра, скорее выдавая желаемое за действительное: «Робот, оснащенный искусственным интеллектом, должен с высокой точностью наводить авиацию даже на точечные цели на поле боя. Эксперты считают, что это повысит эффективность авиаударов и поможет лишний раз не подвергать жизни военнослужащих опасности. Во время боя роботы-наводчики будут работать самостоятельно, точнее, при минимальном вмешательстве операторов». Далее читателям сообщается, что «робот определит, какая цель находится перед ним. Искусственный интеллект выберет вид оружия, которым лучше всего уничтожить технику и живую силу противника, а также отличит своих от чужих».

Как видим, для безответственных писателей проблема создания искусственного интеллекта уже решена... Между тем, военная специальность передового авианаводчика (ПАН) была в Афганистане и сейчас считается одной из самых опасных. В армиях наших потенциальных противников эту работу выполняют высокопрофессиональные бойцы спецназа, ибо ПАНы всегда идут в первом эшелоне войск, а зачастую они осуществляют целеуказание и корректируют огонь, находясь в тылу врага. Именно поэтому в Афганистане мятежники специально вели охоту за ПАНами, понимая, что во многом от эффективности взаимодействия мотострелков, десантников или танкистов с армейской авиацией зависит исход боя или даже всей операции. Недаром за каждого убитого или взятого в плен авианаводчика душманам обещали щедрое вознаграждение¹⁸⁰.

Профессиональный подход к выбору эффективных направлений решения той или иной давно назревшей проблемы подразумевает слаженную и планомерную работу на всех уровнях на базе всестороннего анализа бесценного боевого опыта Афганистана, Чечни и Сирии.

Во время войны в Афганистане военные авиаторы хорошо понимали важность накопления, осмысления и передачи боевого опыта. Эта тема красной нитью проходит через многие боевые и отчетные документы. Например, в справке «Итоги боевой деятельности ВВС 40 А в 1987 году» начальник штаба ВВС 40-й армии полковник А. Божко, подчеркивая, что авиация ведет «активные боевые действия в условиях сложной военно-политической обстановки и значительно возросшей активности средств ПВО мятежников, сосредотачивая главные усилия на совместных боевых действиях с сухопутными войсками по разгрому бандформирований в базовых районах и в опорных пунктах, караванов,

¹⁸⁰ Лекция командующего ВВС ТуркВО на тему: «Силы и средства фронта, армейской авиации, способы их применения в операциях начального периода» // Архив библиотеки ВУНЦ ВВС «ВВА». Сборник материалов по боевому применению ВВС 40-й армии в 1979–1989 гг. Т. 9. Л. 353.

складов, а также на ведении самостоятельных боевых действий», сначала приводил общие статистические данные, а затем вместе с кратким анализом делал большой акцент на необходимости систематического сбора и постоянного использования боевого опыта.

Следует подчеркнуть, что 1987 год по интенсивности боевой деятельности ВВС 40-й армии относится к одному из самых напряженных за весь период военных действий в Афганистане. Так, за январь-февраль по состоянию на 26 февраля выполнено 17 380 боевых вылетов с налетом 19 445 часов, в том числе:

- на выполнение БШУ ¹⁸¹ – 3 066 часов, 2 371 вылет;
- на авиационную поддержку – 112 часов, 129 вылетов;
- на воздушную разведку – 4 126 часов, 4 286 вылетов.

При этом по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, количество БШУ уменьшилось на 10 %, количество полетов на авиационную поддержку – на 48 %, на воздушную разведку – на 10 %.

Детальное сравнение приведено в таблице:

Таблица
Table

Виды и интенсивность боевых действий ВВС 40-й армии в январе-феврале 1986–1987 гг.

Виды боевых действий	Выполнено с 1.01. по 26.02.				%
	1986 г.		1987 г.		
	Вылетов	Налет	Вылетов	Налет	
Всего	27 129	26 484	17 380	19 445	64
Из них:					
БШУ	3 286	3 380	3 066	2 371	90
Авиаподдержка	2 333	2 207	1 112	1 126	62
Прикрытие	526	480	316	404	48
Воздушная разведка	4 313	4 302	4 126	4 286	90
Патрульное сопровождение	3 979	3 789	4 580	3 743	114
Десантирование	1 668	718	156	161	18
Минирование	282	271	109	103	38
ОБУ ¹⁸²	361	713	50	130	13
ПСО ¹⁸³	1 375	2 859	776	712	56
Перевозки	8 528	8 047	5 666	4 880	65

Приведенные данные показывают, что интенсивность боевых действий ВВС за указанный период, по сравнению с предыдущим 1986 г., незначительно снизилась. Причиной являлось заключение перемирия и в связи с этим запрет на ведение боевых действий.

Полковник Божко отмечал, что оснащение банд мятежников современными средствами ПЗРК «Стингер», «Блоу-Пайп», «Стрела-2», улучшение подготовки операторов привело к увеличению потерь летательных аппаратов. Всего потеряно 6, в т. ч. самолетов – 3, вертолетов – 3, из них 4 – от ПЗРК. Это потребовало изменить тактику применения авиации.

Удары стали наноситься с большими углами пикирования и заключительным выводом из атаки на высоте не менее 3 000 м над целью, что обеспечивало удар без входа или с минимальным временем (3–4 секунды) пребывания в зоне поражения ПЗРК, при этом точность ударов оставалась хорошей.

Несколько перераспределилась боевая нагрузка. Более интенсивно стали использоваться скоростные самолеты МиГ-23, Су-17М3, и меньше стали привлекаться для ударов Су-25 как менее скоростные.

¹⁸¹ Бомбоштурмовые удары.

¹⁸² Обеспечение боевого управления.

¹⁸³ Поисково-спасательные операции.



Авиация в операциях применялась в основном массированно, большими ударными группами с длительным огневым воздействием на противника. Такая тактика действий обеспечивала высокую плотность огня, эффективность поражения, исключала возможность мятежникам вести прицельный огонь на поражение самолетов и исключала потери.

Широко применялись массированные удары фронтовой авиации в сумерках и ночью.

Большое распространение получили разведывательно-ударные действия (РУД) по уничтожению караванов мятежников как днем, так и ночью. Всего было выполнено 496 вылетов на РУД¹⁸⁴, вскрыто 36 караванов.

Интенсивно наносились удары по базовым районам: Хост, Шиннарай, Исламдара, Анардара, Верхний Панджшер. Всего нанесено 419 бомбоштурмовых ударов.

Выполнен большой объем перевозок материально-технических средств – 3 285 тонн и личного состава – 2 420 человек.

С целью поддержания натренированности и ввода летного состава в строй регулярно проводились учебно-тренировочные полеты. В прошедшем периоде было проведено 2 020 вылетов с налетом 939 часов, что обеспечивало поддержание боевой готовности экипажей.

По данным агентурной разведки ударами авиации было уничтожено:

- мятежников – 565;
- автомашин – 12;
- ДШК¹⁸⁵/ЗГУ¹⁸⁶ – 37/29;
- ПЗРК – 12;
- РПГ¹⁸⁷ – 33;
- вьючных животных – 179.

Кроме того, разгромлено:

- крепостей – 16;
- огневых позиций – 8;
- складов – 17;
- караванов – 21.

По мнению начальника штаба ВВС 40-й А, части ВВС с поставленными боевыми задачами справились. Летный состав приобрел определенный боевой опыт в выполнении самых сложных задач в условиях горно-пустынной местности: «В лучшую сторону среди других авиационных частей выделяются 190 ИАП¹⁸⁸, 239 ОВЭ¹⁸⁹, 254 ОВЭ. Здесь инициативно, творчески обобщался и изучался боевой опыт и настойчиво внедрялся в боевую деятельность. В целом с хорошим качеством решали боевые задачи 166 АПИБ¹⁹⁰, 378 ОШАП¹⁹¹, 181 ОВП¹⁹², 262 ОВЭ. Ниже своих возможностей работали 50 ОСАП¹⁹³, 335 ОВП и 280 ОВП»¹⁹⁴.

Подводя итог, А. Божко подчеркнул, что «в целях повышения эффективности боевых действий и снижения боевых потерь перед нами стоит главная задача: настойчиво продолжать совершенствование и изыскивать новые тактические приемы и способы бое-

¹⁸⁴ Разведывательно-ударные действия.

¹⁸⁵ Советский пулемет Дегтярева – Шпагина крупнокалиберный.

¹⁸⁶ Зенитная горная установка.

¹⁸⁷ Ручной противотанковый гранатомет.

¹⁸⁸ Истребительный авиационный полк.

¹⁸⁹ Отдельная вертолетная эскадрилья.

¹⁹⁰ Авиационный полк истребителей-бомбардировщиков.

¹⁹¹ Отдельный штурмовой авиационный полк.

¹⁹² Отдельный вертолетный полк.

¹⁹³ Отдельный смешанный авиационный полк.

¹⁹⁴ Божко А. Справка «Итоги боевой деятельности ВВС 40 А в 1987 году» // Архив библиотеки ВУНЦ ВВС «ВВА». Сборник материалов по боевому применению ВВС 40-й армии в 1979–1989 гг. Т. 4. ЛЛ. 120–123.

вых действий, совершенствовать боевую технику и вооружение, готовить летный состав к ведению боевых действий в любых условиях боевой обстановки»¹⁹⁵. Как показало время, эти выводы являются актуальными и в наши дни.

Следует подчеркнуть, что, благодаря дальновидности советских военачальников высшего ранга, афганский опыт по целому ряду приказов в штабах ОКСВ стали копить и систематизировать сразу же по прибытии в ДРА. Вызывает не только интерес, но и трогательное восхищение тот факт, что первый журнал боевых действий и хроники военных событий штаба авиационной группировки, начатый сразу по прибытии в Кабул, несколько недель заполнялся писарем от руки – на новом месте в суматохе обустройства элементарно не хватало пишущих машинок. В итоге были собраны тысячи бесценных документов, представляющих как огромный исторический, так и военно-прикладной интерес: приказы, распоряжения, донесения, формы отчетных рапортов, рабочие карты и схемы не только воздушных операций, но и организации и связи, снабжения, охраны аэродромов и т. п.

В настоящее время исследователи, имея возможность сравнить промежуточную статистику ОКСВ по многим параметрам с аналогичной американской и натовской, находят множество подтверждений, свидетельствующих о высокой боевой выучке советского командного состава, его оперативном военном искусстве, мастерстве в применении того или иного приема тактики. Анализируя результаты боевых действий советских солдат и офицеров различных родов войск в Афганистане, включая и ВВС, можно найти многочисленные примеры героизма личного состава, показавшего образцы храбрости и самоотверженности. Постоянное обращение к боевому опыту ОКСВ в Афганистане в полной мере актуально до сих пор. Именно этот опыт необходимо неустанно и неформально изучать как в организации боевой подготовки, так и при участии в боевых действиях, например, в Сирийской Арабской Республике. К сожалению, такое всегда плодотворное обращение происходит не часто и, как следствие, приводит к неоправданным потерям политического реноме, боевой техники, а главное – личного состава.

Список литературы

1. Аблазов В. Советские соколы в Афганистане в первый год войны. URL: <http://www.airwar.ru/history/locwar/afgan/afgan1/afgan2.html> (дата обращения: 28.03.2020).
2. Авиация в Афганской войне 1979–1989 гг. URL: <http://www.modernarmy.ru/article/208> (дата обращения: 28.03.2020).
3. Бедретдинов И. 1994. Штурмовик ОКБ П.О. Сухого Су-25. Москва, ИЧП «Кучково поле», 248.
4. Божко А. Справка «Итоги боевой деятельности ВВС 40 А в 1987 году». Архив библиотеки ВУНЦ ВВС «ВВА». Сборник материалов по боевому применению ВВС 40-й армии в 1979–1989 гг. Т. 4.
5. Генерал Сурцуков. Армейская авиация в небе Афганистана. URL: http://zavtra.ru/blogs/general_surtcukov_-_armejskaya_aviatciya_v_nebe_afganistana (дата обращения: 28.03.2020).
6. Дандыкин В. Винтокрылое братство. URL: <http://www.redstar.ru/index.php/syria/item/26357-vintokryloe-bratstvo> (дата обращения: 26.09.2018).
7. Ильин В.Е. 2000. МиГ-23: долгий путь к совершенству. Авиация и Время. 2: 3–21.
8. Коваленко Н., Нечаев А. Три главные версии катастрофы Ан-26 в Сирии URL: <http://vz.ru/society/2018/3/7/877273.html> (дата обращения: 11.09.2018).
9. Лекция командующего ВВС ТуркВО на тему: «Силы и средства фронта, армейской авиации, способы их применения в операциях начального периода». Архив библиотеки ВУНЦ ВВС «ВВА». Сборник материалов по боевому применению ВВС 40-й армии в 1979–1989 гг. Т. 9.
10. Марковский В.Ю. 2000. Жаркое небо Афганистана. Москва, «Техника – молодежи», 104.
11. Марковский В.Ю. Ми-24 в Афганистане. URL: <http://www.airwar.ru/history/locwar/afgan/mi24/mi24.html> (дата обращения: 28.03.2020).

¹⁹⁵ Там же. Л. 123.



12. Минобороны подвело итоги операции в Сирии. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/5479447> (дата обращения: 28.03.2020).
13. Мокрушин Д. «Я – вертолетчик». Часть третья. URL: <http://topwar.ru/87159-ya-vertoletchik-chast-tretya.html> (дата обращения: 26.09.2018).
14. Никольский М. Прощание с экипажем сбитого Ми-8. Грозный-Северный URL: <http://profilib.net/chtenie/132572/aviatsiya-i-kosmonavtika-2008-09-lib-3.php> (дата обращения: 08.09.2018).
15. Отечественная военная история. В трех томах. Т. 2–3. 2003. М., Издательский дом «Звонница-МГ», 656.
16. Потери авиации Минобороны РФ в сирийской кампании. URL: <https://tass.ru/info/5575669> (дата обращения: 28.03.2020).
17. Самойлович О. 1999. Рядом с Сухим. Воспоминания авиаконструктора. Москва, «От винта!», 136.
18. Степовой Б., Рамм А. Робот наведет авиацию с высокой точностью. URL: <https://iz.ru/773334/bogdan-stepovoi-aleksei-ramm/robot-navedet-aviatciiu-s-vysokoi-tochnosti> (дата обращения: 23.03.2020).
19. Ходаренок М. «Афганский заход»: почему Ан-26 упал в Сирии. URL: <http://www.gazeta.ru/army/2018/03/07/11675035.html> (дата обращения: 11.09.2018).
20. Ходаренок М. Афганская кампания: невостребованный опыт. URL: <https://topwar.ru/41301-afganskaya-kampaniya-nevostrebovanuyu-opyt.html> (дата обращения: 28.03.2020).
21. Шканакин В.Г. Доклад командующего ВВС 73ВА. Основные способы ведения боевых действий и тактические приемы армейской авиации в условиях горно-пустынной местности. Особенности организации подготовки экипажей вертолетов. Архив библиотеки ВУНЦ ВВС «ВВА». Сборник материалов по боевому применению ВВС 40-й армии в 1979–1989 гг. Т. 9.
22. Alleace N. 2012. Chopper Support Missions. Combat & Survival. November: 21–27.

References

1. Ablazov V. Sovetskie sokoly v Afganistane v pervyj god vojny [Soviet falcons in Afghanistan in the first year of the war]. URL: <http://www.airwar.ru/history/locwar/afgan/afgan1/afgan2.html> (date accessed: 28.03.2020) (in Russian).
2. Aviacija v Afganskoj vojne 1979–1989 gg. [Aviation in the Afghan war 1979–1989]. URL: <http://www.modernarmy.ru/article/208> (date accessed: 28.03.2020) (in Russian).
3. Bedretdinov I. 1994. Shturmovik OKB P.O. Suhogo Su-25 [P.O. Sukhoi SU-25 attack aircraft design Bureau]. Moscow, IPB Kuchkovo field, 248 (in Russian).
4. Bozhko A. Spravka «Itogi boevoj dejatel'nosti VVS 40 A v 1987 godu». Arhiv biblioteki VUNC VVS «VVA». Sbornik materialov po boevomu primeneniju VVS 40-j armii v 1979–1989 gg. [Reference Results of combat activity of the 40 A air force in 1987]. The archive library of MESC AF. Collection of materials on combat use of the air force of the 40th army in 1979–1989. Vol. 4].
5. General Surcukov. Armejskaja aviacija v nebe Afganistana [General Surtukov. Army aviation in the skies of Afghanistan]. URL: http://zavtra.ru/blogs/general_surtukov_-_armejskaja_aviatciya_v_nebe_afganistana (date accessed: 28.03.2020) (in Russian).
6. Dadykin V. Vintokryloe bratstvo [Rotary-wing brotherhood] URL: <http://www.redstar.ru/index.php/syria/item/26357-vintokryloe-bratstvo> (date accessed: 26.09.2018) (in Russian).
7. Ilyin V.E. 2000. MiG-23: dolgij put' k sovershenstvu [MiG-23: a long way to perfection]. Aviation and Time. 2: 3–21 (in Russian).
8. Kovalenko N., Nechaev A. Tri glavnye versii katastrofy An-26 v Sirii [Three main versions of the An-26 crash in Syria]. URL: <http://vz.ru/society/2018/3/7/877273.html> (date accessed: 26.09.2018) (in Russian).
9. Lekcija komandujushhego VVS TurkVO na temu: «Sily i sredstva fronta, armejskoj aviacii, sposoby ih primenenija v operacijah nachal'nogo perioda». Arhiv biblioteki VUNC VVS «VVA». Sbornik materialov po boevomu primeneniju VVS 40-j armii v 1979–1989 gg. [Lecture of the commander of the air force of Turkistan military district on the topic: «Forces and means of the front, army aviation, ways of their application to operations of the initial period». The archive library of MESC AF. Collection of materials on combat use of the air force of the 40th army in 1979–1989. Vol. 9].



10. Markovsky V.Yu. 2000. Zharkoe nebo Afganistana [Hot sky of Afghanistan]. Moscow, «Technique to the youth», 104 (in Russian).
11. Markovsky V.Yu. Mi-24 v Afganistane [Mi-24 in Afghanistan]. URL: <http://www.airwar.ru/history/locwar/afgan/mi24/mi24.html> (date accessed: 28.03.2020) (in Russian).
12. Minoborony podvelo itogi operacii v Sirii [The defense Ministry has summed up the results of operation in Syria]. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/5479447> (date accessed: 28.03.2020) (in Russian).
13. Mokrushin D. «Ja – vertoletchik». Chast' tret'ja [«I am a helicopter pilot». Part three]. URL: <http://topwar.ru/87159-ya-vertoletchik-chast-tretya.html> (date accessed: 26.09.2018) (in Russian).
14. Nikolsky M. Proshhanie s jekipazhem sbitogo Mi-8. Groznyj-Severnyj [Farewell to the crew of the downed Mi-8. Grozny-Severyj]. URL: <http://profilib.net/chtenie/132572/aviatsiya-i-kosmonavtika-2008-09-lib-3.php> (date accessed: 26.09.2018) (in Russian).
15. Otechestvennaja voennaja istorija. V treh tomah. T. 2–3. 2003 [Russian military history. In three volumes. Vol. 2–3] M., Publishing house «Belfry-MG», 656 (in Russian).
16. Poteri aviicii Minoborony RF v sirijskoj kampanii [Russian defense Ministry aviation losses in the Syrian campaign]. URL: <https://tass.ru/info/5575669> (date accessed: 28.03.2020) (in Russian).
17. Samoilovich O. 1999. Ryadom s Suhim. Vospominaniya aviakonstruktora [Next to Sukhoi. Memories of an aircraft designer]. Moscow, «Ot vinta!», 136 (in Russian).
18. Stepovoy B., Ramm A. Robot navedet aviaciju s vysokoj tochnost'ju [Robot will direct aviation with high accuracy]. URL: <https://iz.ru/773334/bogdan-stepovoi-aleksei-ramm/robot-navedet-aviatciiu-s-vysokoi-tochnostiu> (date accessed: 28.03.2020) (in Russian).
19. Shkanakin V.G. Doklad komandujushhego VVS 73VA. Osnovnye sposoby vedenija boevykh dejstvij i takticheskie priemy armejskoj aviicii v uslovijah gorno-pustynnoj mestnosti. Osobennosti organizacii podgotovki jekipazhej vertoletov Arhiv biblioteki VUNC VVS «VVA». Sbornik materialov po boevomu primeneniju VVS 40-j armii v 1979–1989 gg. [Report of the commander of the air force of 73AA. The main methods of conducting of military operations and tactical techniques of army aviation in mountainous and desert terrain. Features of helicopter crew training organization. The archive library of MESC AF. Collection of materials on combat use of the air force of the 40th army in 1979–1989. Vol. 9].
20. Khodarenok M. «Afganskij zahod»: pochemu An-26 upal v Sirii [«Afghan interference»: why An-26 fell in Syria]. URL: <http://www.gazeta.ru/army/2018/03/07/11675035.html> (date accessed: 26.09.2018) (in Russian).
21. Khodarenok M. Afganskaja kampanija: nevostrebovannyj opyt [Afghan campaign: unclaimed experience]. URL: <https://topwar.ru/41301-afganskaya-kampaniya-nevostrebovannyj-opyt.html> (date accessed: 28.03.2020) (in Russian).
22. Alleace N. 2012. Chopper Support Missions. Combat & Survival. November: 21–27.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гагин Владимир Владимирович, старший научный сотрудник научно-исследовательского управления научно-исследовательского центра (проблем применения, обеспечения и управления авиацией ВВС) ВУНЦ ВВС «ВВА имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж), г. Воронеж, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir V. Gagin, Senior researcher of the research Department of the research center (problems of application, provision and management of air force aviation), MESC AF «Professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy» (Voronezh), Voronezh, Russia



АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

УДК 327:316.774(470+571):(73)
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-618-629

Геополитический аспект информационного противостояния РФ и США

Л.Ю. Медовкина

Донецкий национальный университет,
Украина, 83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24
E-mail: MedovkinaL@gmail.com

Аннотация. В работе проведен анализ протекания информационного конфликта с геополитической точки зрения между двумя ведущими акторами международных отношений: Россией и США. В рамках проводимого исследования отдельно изучена теоретическая составляющая вопроса, а также подходы некоторых американских и российских ученых к ведению информационных войн. На основе теоретических сведений проведен анализ современного состояния российско-американского информационного конфликта с привязкой к геополитическим устремлениям обоих государств. Практической базой для исследования послужил украинский кризис, который стал катализатором медийной агрессии стран Запада в отношении России. Другим примером стала Сирия, где информационное противоборство между рассматриваемыми странами также имело ожесточенный характер, так как помимо СМИ в противоборстве принимали участие и различного рода прозападные организации. В исследовании сделан вывод о том, что преобладающим фактором в информационном противостоянии между Россией и США является геополитическая сфера, обусловленная обоюдным стремлением двух государств превзойти друг друга.

Ключевые слова: США, РФ, информационная война, геополитика, общество, СМИ, информационная агрессия, конфликт.

Для цитирования: Медовкина Л.Ю. 2020. Геополитический аспект информационного противостояния РФ и США. Via in tempore. История. Политология, 47 (3): 618–629. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-618-629.

Geopolitical aspect of the information confrontation between the Russian Federation and the United States

Lina Y. Medovkina

Donetsk National University,
24 University St., Donetsk, 83001, Ukraine
E-mail: MedovkinaL@gmail.com

Abstract. The paper analyzes the course of the information conflict from a geopolitical point of view between two leading actors in international relations: the Russian Federation and the United States. The theoretical component of the issue as well as the approaches of some American and Russian scientists to the information warfare have been studied separately. On the basis of theoretical data, the analysis of the current state of the Russian-American information conflict with reference to the geopolitical aspirations of both states is carried out. The practical basis of the study was the Ukrainian crisis, which accelerated the processes of Western countries' media aggression against Russia. Another example was Syria, where

the information confrontation between the countries had a fierce character too, due to the media and various pro-western organizations which took part in the confrontation. The study concluded that the predominant factor in the information confrontation between the Russian Federation and the United States is the geopolitical sphere, determined by the mutual desire of two states to surpass each other.

Key words: USA, RF, information war, geopolitics, society, media, information aggression, conflict.

For citation: Medovkina L.J. 2020. Geopolitical aspect of the information confrontation between The Russian Federation and The United States. *Via in tempore. History and political science*, 47 (3): 618–629 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-618-629.

На сегодняшний день мир представляет собой сложную многоуровневую систему, в которую, помимо традиционных составных элементов, таких как экономика, политика, культура, человеческий прогресс привнес и новые. К новым компонентам следует отнести информацию. Развитие информационно-коммуникационных технологий во второй половине XX в. привело к началу формирования нового мирового уклада – информационного, где индустрия знания является основной производительной промышленностью.

В процессе формирования нового миропорядка кардинальные изменения претерпели такие сферы, как международные отношения, мировая политика и геополитика. В их структуру встраиваются новые элементы, порожденные информационной эпохой. В этом смысле глубокую реформацию переживает сегодня геополитика, которая переходит от классической борьбы государств за территорию к неоклассической. Особенно наглядно этот процесс демонстрирует современный российско-американский информационный конфликт. Именно поэтому в рамках исследуемой тематики будет рассмотрена геополитическая основа российско-американского информационного противостояния.

Следует отметить, что после информационной революции главным средством достижения геопревосходства стали информационные технологии. С геополитической точки зрения, информационное противостояние понимается как одна из современных форм конкуренции между государствами; также его трактуют как систему мер, применяемых одним геополитическим актором против другого с целью компрометации информационной безопасности последнего, параллельно защищая свое информационное пространство [Косов и др., 2015, с. 95–100].

Несмотря на огромное количество исследований, посвященных данной проблематике, стоит отметить, что сущность понятия «информационная война» до сих пор однозначно не определена. Наряду с этим практика информационных войн также носит дискуссионный характер, что еще раз подтверждает неоднозначность и многомерность рассматриваемого общественного явления. Таким образом, стоит еще раз отметить, что практический опыт все еще требует академического осмысления и выработки необходимой теоретической базы. Отсюда следует вывод о том, что теоретико-методологическая база исследования данной сферы еще долго будет оставаться крайне ограниченной.

В то же время сегодняшнее восприятие информационных войн выходит за границы сугубо военных действий. Информационное противостояние ведется не только в военное время, но и в моменты мирного сосуществования государств [Манойло, 2003]. Информационное воздействие из инструмента военных кампаний превращается в геополитический метод межгосударственного противостояния. Как следствие, государства, пренебрегая важностью разработки информационных методов в мирное время, обречены на провал в своей информационной политике. Таким образом, информация все чаще представляет собой не просто средство распространения знания, но и средство влияния на общественное мнение другого государства, средство военного противостояния и средства утверждения геополитического превосходства [Черняк, 2015, с. 242]. Следует отметить, что большинство геополитических концепций трактуют информацию в качестве опасного оружия из-за

ее неограниченного диапазона действия, легкодоступности, универсальности и трансграничности [Косов и др., 2015, с. 95–100].

Тема взаимосвязи геополитики и информации была неоднократно рассмотрена как отечественными, так и зарубежными авторами. Данную проблематику особенно пристально освещают такие российские исследователи как: И.Н. Панарин и А.Г. Дугин, которые посвятили немало работ вопросу использования информации в геополитических целях. Так, А.Г. Дугин в своей работе «Геополитика постмодерна» вводит термин сетецентричной войны, которую он трактует как создание новой информационной военной инфраструктуры с применением различного рода интерактивных элементов и новейших средств связи. Исходя из концепции сетецентризма, А.Г. Дугин создает евразийскую модель сетей войны, которая представляет собой ответ на информационную угрозу со стороны США [Панарин, 2016]. По мнению А.Г. Дугина, в рамках «Евразийской сети» необходимо сформировать специальную группу ученых и экспертов, основной целью которых станет разработка модели сети, объединяющей весь регион Евразии. Такая сеть должна быть основана на традициях американского постмодерна и информационном подходе с учетом российских реалий. Создание данного оборонительного рубежа позволит РФ успешно противостоять информационному давлению США. В противном случае, если концепция евразийской сети не будет осуществлена, то РФ проиграет информационное противостояние с США [Косов и др., 2015, с. 95–100]. Дугин А.Г. считает, что информационную войну можно выиграть только при условии использования сетевых средств борьбы, эффективных технологий, адаптированных к целям и задачам Российского государства, в том числе и геополитическим. В другом своем труде «Создание смыслов в электронную эру» А.Г. Дугин замечает следующее, а именно, что информационные войны сродни вооруженным выступлениям. Сеют хаос и страх, демонстрируют свои возможности в ходе профессионально подготовленных масштабных акций. Исследователь указывает на то, что заказные войны встраиваются в государственные перевороты, крупномасштабные экономические операции по завоеванию новых ресурсов, расширению рынков, устранению конкурентов. Становятся высокодоходным бизнесом на крови и страданиях людей [Дугин, 2005, с. 156]. Подтверждение данной идеи можно найти в бесчисленных примерах «цветных революций», а также в недавних событиях на Украине и в Сирии.

Другую концепцию информационного противостояния с Западом предложил И.Н. Панарин, в работах которого наблюдается четкая взаимосвязь геополитики и информационной войны. Изначально он утверждал, что РФ всячески необходимо противостоять информационной агрессии со стороны США и Европы. В этой связи он выделяет две волны антироссийской информационной агрессии. К первой он отнес период от перестройки до распада СССР, ко второй – начало 2000-х годов. Окончание второй волны, утверждает И.Н. Панарин, состоится только тогда, когда РФ сумеет отстоять свою Евразийскую идею, то есть геополитически закрепиться во всем Евразийском регионе, несмотря на сопротивление Запада. Отдельно И.Н. Панарин исследовал так называемые «бархатные/цветные революции» на территории постсоветского пространства, которые являются результатом негативной информационной деятельности США, направленной на подрыв геостратегического положения РФ в регионе. Исходя из концепции И.Н. Панарина, информационная война является крайней формой выражения сегодняшней геополитики и стала органической частью информационного противостояния между странами. Это противостояние всегда возникает на основе конфликта национальных интересов геополитических акторов в рамках глобального информационного мира. Кроме того, утверждается, что все геополитические успехи РФ на глобальном уровне напрямую связаны с преимуществом Российского государства в информационном противоборстве со странами-противниками. Основываясь на данном тезисе, И.Н. Панарин предлагает свою концепцию геополитического объединения – союз, который будет включать в себя пояс стран от хартленда до внутреннего полумесяца (от России до Египта и Китая).

Следует отметить, что в то же время в США разрабатывают новую модель информационной войны – сетевую войну. Основоположителем данной концепции считается Дж. Аркилла. В 1999 г. он вместе с Д. Ронфельдом предложил новую стратегию для США – «охраняемую открытость», где в качестве главного инструмента влияния предлагалось использовать тактику сетевых войн. Согласно выкладкам ученых, сетевая война ведется не государствами, а глобальными международными или региональными структурами, которые могут быть как легальными, так и нелегальными. Эксперты полагают, что «цветные революции» являются продуктом сетевой войны, которая доказала, что для победы над государством необязательно применять силу. Сетевая война стала одним из главных инструментов «мягкой силы» – внешнеполитической концепции, активно применяемой США с начала 1980-х гг. для осуществления своей внешнеполитической экспансии [Матвиенко и др., 2015, с. 165–170]. Понятие «мягкой силы» ввел в оборот Дж. Най в середине 1980-х гг. Он полагал, что настоящая сила государства выражается в его способности мирными методами добиваться от других стран желаемых результатов. Именно в этом и заключается суть «мягкой силы», которая предполагает влияние на внутривнутриполитическую ситуацию иностранного государства и изменение его внешней политики при помощи невоенных методов [J. Nye, 2004]. Говоря о «мягкой силе» США, Дж. Най именует ее «старой», то есть традиционной. В его понимании «старая мягкая сила» означает то, что ее основным ресурсом является привлекательность американской культуры, американских ценностей и образа жизни. Интересно, что для большинства мирового населения культура США действительно является эталонной. Такой вывод делается на основе опроса, проведенного более чем в 40 различных странах мира [J. Nye, 2004]. Согласно его результатам, около 80 % опрошенных считают достижения науки и техники США наиболее прорывными; 60 % респондентов слушают американскую музыку и смотрят американское телевидение. Кроме того, подавляющее большинство опрошенных полагает, что политическая идеология США является наиболее приемлемой для их государств. На современном этапе особую роль в процессе навязывания идеологии играют социальные сети, такие как Facebook или Twitter, которые становятся центрами популяризации американской культуры и идеологии [Матвиенко и др., 2015, с. 165–170]. Таким образом, США проявляет активность на многих площадках информационного поля, тем самым совершенствуя используемые методы информационной войны, а также изобретая новые. Становится очевидным, что социальные сети становятся еще одним оружием в информационном арсенале США, в частности, они подкрепляют позитивный имидж США, возвышая тем самым собственную национальную культуру и самобытность. Следует отметить, что такая популярность США за рубежом стала возможной благодаря развитию публичной дипломатии, наиболее эффективной для реализации «мягкой силы». При этом основная роль в рамках проекта публичной дипломатии отводится информационной мощи государства, ее способности контролировать информационные каналы, а также уровню развития национальной информационно-коммуникационной инфраструктуры.

Освещая данный вопрос в методологическом ракурсе, стоит отметить, что в проведении своей информационной политики Пентагон черпал ориентир из ряда доктринальных документов, принимаемых в различные периоды времени. Так, например, в конце 1998 года Комитетом начальников штабов ВС США была принята «Доктрина проведения информационных операций», в которой утверждалась нацеленность США проводить наступательные информационные операции как в военное время, так и в мирных условиях. При этом под информационными операциями подразумевалась борьба, в которой используют особые методы, способы и средства для влияния на информационное поле противостоящей стороны и обороны собственной информационной среды. В развитие данных принципов в 2011 г. в США была принята «Интернациональная стратегия США в киберпространстве» [International strategy..., 2011], в которой были указаны основные векторы американской дипломатии в деле создания мировой информационной среды посредством сетевых техно-

логий, а также обусловлены методы и способы информационного вмешательства. В новой Стратегии национальной кибербезопасности [National cyber strategy..., 2018], принятой администрацией Д. Трампа в 2018 г., акцентировано внимание на разработке методов обеспечения информационной безопасности на транспортной и морской инфраструктуре, а также в космосе. Как утверждается в стратегии, доступ в открытый космос и свобода действий там является основой экономического благосостояния государства. Таким образом, сфера применения информационных маневров США в последнее время значительно расширяется, охватывая не только земное пространство, но и космическое.

Исходя из сказанного выше, можно утверждать, что США обладает достаточным количеством ресурсов, средств и методов для осуществления политики «мягкой силы» в международных отношениях, что, в свою очередь, неразрывно связано с исполнением геополитических задач американского государства.

Роль информации в Российском государстве была кардинально переосмыслена в начале 2000-х гг. В том числе это было связано и с США, которые в этот период уже успешно использовали стратегию информационных войн для изменения внутривнутриполитического положения в других странах [Меньшиков, 2017, с. 3]. Хорошим примером является «Революция роз» в Грузии 2003 г. и «Оранжевая революция» на Украине 2004 г., где основную роль в их разжигании сыграли американские и проамериканские СМИ и НПО. Обе революции привели к смене режимов и приходу к власти прозападных лидеров, что означало захват Америкой важных геополитических центров, которые были расположены рядом с РФ [Цветкова и др., 2015, с. 68–75]. Это продемонстрировало российскому руководству, насколько важно развивать как рычаги информационного влияния, так и собственную систему информационной безопасности.

Следует отметить, что в рамках российско-американского информационного конфликта существует несколько «фронтов», на которых ведется геополитическое противостояние. Прежде всего это украинский кризис. Он приобрел свою актуальность с ноября 2013 г., когда в Киеве был организован так называемый «Майдан» – американский проект по свержению легитимного правительства В.Ф. Януковича [Бекман, 2015]. Основным требованием протестующих было подписание ассоциации с Европейским Союзом, которое действующий президент подписывать отказался из-за ряда условий, ущемлявших Украину. В Вашингтоне расценили данный шаг как разворот Украины на Восток в сторону России, чего американская элита не могла допустить. Поэтому было принято решение сменить власть силовым путем, но не прямо (с помощью американской армии, как это было, например, в Ираке 2003 г.), а при помощи специально подготовленной активной прослойки населения, которую США возвращали на Украину начиная с 1996 г. При освещении конфликта СМИ, такие как CNN, BBC, Euronews, NBC, Fox news и т. д., преподносили своей аудитории все происходящее на «Майдане» события как «мирный протест украинских граждан, стремящихся к интеграции с Европой, которые подавляет «кровавый режим В.Ф. Януковича» [Цветкова и др., 2015, с. 68–75]. Кроме того, упоминалась и РФ, которая, согласно западным информационным ресурсам, «спонсировала кровавую диктатуру В.Ф. Януковича». Подобные новости выходили ежедневно и ежечасно и, как результат, 90 % всего западного мира поверило такой интерпретации событий [Ukraine crisis..., 2014].

Российские же СМИ занимали в отношении киевских событий совершенно иную позицию, освещая реальную картину происходящего, показывая своей аудитории настоящее лицо «Майдана». Так, РИА Новости, ТАСС, ВГТРК «Россия», Первый канал подчеркивали, что пришедшая власть, так называемая «военная хунта», не имеет никакого права называться легитимной. Тем не менее большая часть их аудитории находилась в пределах РФ, следовательно, не могла серьезно влиять на общественное мнение западного мира, что обусловило поражение РФ в этой информационной войне и позволило США взять Украину под свой контроль, это выразилось в антиконституционной смене режима [Резниченко и др., 2016, с. 18–24].

После прихода нового нелегитимного правительства в Киеве в феврале 2014 г. на Украине произошел резкий разворот в сторону Запада, сразу же была подписана ассоциация с ЕС, а американские официальные лица лично приезжали в Киев для того, чтобы курировать деятельность новой власти. Таким образом, США ненасильственно смогли вернуть под контроль геополитический центр, который создает очаг нестабильности на границе с РФ. Последовавший конфликт на Донбассе – реакция несогласных с политикой новых властей – привел к очередному витку информационного конфликта по линии Россия – США [Бекман, 2015]. Это обусловлено тем, что геополитическое значение Донбасса как для РФ, так и для США достаточно велико, поэтому противоборство за информационный контроль над ним приобрело первостепенное значение. И снова США применяют тактику информационной агрессии, стремясь настроить западный мир против РФ, и ставят перед собой одну из основных задач – противодействие российской медийной экспансии, что подразумевает под собой продвижение российских СМИ на территории Европы и США. Если же РФ удастся в полной мере реализовать данный проект, западное общество может выйти из информационного контроля Соединенных Штатов [Бекман, 2015]. Однако на сегодняшний день РФ пока что не может произвести полномасштабное развертывание своих СМИ на Западе из-за активного противодействия со стороны американских властей и западных монопольных медиа: CNN, BBC и т. д. Поэтому США в информационной сфере все еще удается манипулировать и оказывать информационное, политическое и экономическое давление на РФ.

Другим узлом противоречий между США и РФ стал конфликт в Сирии. Антитеррористическая операция российских ВКС, начатая осенью 2015 г., открыла новый фронт информационной войны с Западом, еще более масштабной, чем прежде. Для оправдания действий западной коалиции в Сирии медийное воздействие на сирийское общество, а также формирование в европейской и американской информационной среде негативного образа режима Б. Асада началось еще в 2011 г. [Мартыненко, 2016, с. 9–10]. Так, в эфирах CNN и Euronews не раз демонстрировались митинги и протесты сирийских граждан против Б. Асада, которые на самом деле были созданы искусственно, благодаря лишь монтажу и декорациям, представлявшим собой имитацию сирийских улиц, на фоне которых стояли мнимые протестующие. Помимо этого, предоставлялись видеорепортажи с якобы настоящих антиправительственных демонстраций в Сирии, где народ требовал свержения режима Б. Асада. На самом деле эти митинги проходили в поддержку действующей власти. Западные массмедиа активно поддерживали сирийское оппозиционное движение – основную движущую силу государственного переворота в Сирии, который закончился неудачно [Мартыненко, 2016, с. 9–11].

Вместе с тем стоит отметить, что большинство иностранных СМИ еще накануне операции в Сирии негативно оценили намерения РФ укрепиться на Ближнем Востоке и оттеснить проблемы Украины на второй план. Таким образом, военная кампания РФ в большинстве информационных источников рассматривалась как геополитическая акция, направленная на получение долгосрочных выгод. В частности, аналитики американского издания Washington Post отмечают, что «администрация Обамы ответит на его [Путина] воинственные действия в Сирии так же, как она это сделала в случае с Украиной: согласится с его требованиями и убедит своих арабских союзников поступить точно так же» [Василенко и др., 2017]. Редакторы журнала The Atlantic рассматривали действия России с геополитических позиций. В одной из статей было указано, что российский президент крайне непредсказуем в своих действиях как на Украине, так и в Сирии. Следовательно, лидерам Западных государств необходимо вначале выявить намерения российского лидера и только после этого идти на конкретные решения, чтобы стать на его пути [Greene, 2015].

После этого американские и проамериканские СМИ стали навязывать обществу США и ЕС идею о военном вмешательстве в сирийский политический процесс. Подобный сценарий уже был апробирован в Ираке в 2003 г., куда американские войска вторглись под



предложением восстановления демократии, тогда как на самом деле Вашингтон стремился выбить крупного игрока с нефтяного рынка и не дать Ираку возможности стать ведущей державой Ближнего Востока. Поэтому, когда западная коалиция начала военную кампанию в Сирийском государстве под предлогом борьбы с террористическими организациями, европейское общество всячески поддержало эти действия [Мартыненко, 2016, с. 10–12]. Конечно, вторжение США в Сирию было продиктовано исключительно геополитическими и геоэкономическими целями. Прежде всего, необходимо было предотвратить распространение влияния Сирийского государства в регионе, взять под контроль нефтяные месторождения, не дать Ирану возможность стать сверхдержавой на Ближнем Востоке.

Однако вступление РФ в сирийский конфликт свело на нет все ранее достигнутые геополитические цели США. Для того чтобы изменить ситуацию, Вашингтон предпринял попытку информационного давления на Россию, что в совокупности с непрекращающейся информационной войной вокруг Донбасса должно было вынудить российское руководство вывести свои войска из Сирии. Так, распространялись ложные заявления о том, что правительство Б. Асада применяет химическое оружие против мирного населения Сирии, что якобы покрывает РФ. В эфирах CNN постоянно появлялись репортажи, где зрителям показывали разрушенные дома и раненых гражданских, которые пострадали от «российских авиаударов», когда на самом деле это были видео, снятые после авианалетов западной коалиции¹⁹⁶. Здесь мы можем видеть, что Западом применялась ранее апробированная стратегия, которую можно определить как «афганский сценарий» – информационную антисоветскую кампанию США, проводившуюся во время войны СССР в Афганистане. Данная стратегия основана на нескольких базовых принципах, включающих постоянное информационное давление на противника, нивелирование его положительного имиджа в мировом сообществе, предоставление ложной информации в отношении государства-противника (например, заявления американских политиков, репортажи СМИ о якобы имевших фактах военных преступлений СССР против мирного населения Афганистана) [Рабуш, 2017, с. 58–63]. Однако в современных условиях использование «афганского сценария» против РФ не принесло для США никаких ощутимых результатов. Во многом это обусловлено успешным ведением контринформационной войны со стороны РФ, которая, руководствуясь уроками украинского кризиса, смогла в кратчайшие сроки реформировать свою информационную систему.

В рамках новой информационной политики РФ усилила поддержку зарубежных СМИ: Russia Today и Sputnik news, что позволило им интенсифицировать свою деятельность на территории Америки и Европы. Подтверждением того, что RT и Sputnik работают эффективно и составляют конкуренцию монопольным западным СМИ, стала кампания по запрещению их деятельности, инициированная группой американских политиков в 2016 г. Позже к компании по запрещению деятельности российских СМИ присоединились такие государства, как Великобритания и Франция. Такое поведение государств западного мира демонстрирует, что они стремятся информационно изолировать РФ, не дав ей возможности доводить свою точку зрения, как правило, альтернативную остальным «Великим информационным державам», до мирового сообщества. Но стратегия информационной изоляции в современном мире, где существует большое количество способов «достать» необходимую информацию, просто не осуществима и изначально обречена на провал. Поэтому сегодня российские зарубежные информационные ресурсы продолжают свою деятельность и тем самым продвигают российскую точку зрения на происходящие в мире события [Десяев, 2016, с. 4].

Вместе с тем информационная глобализация, позволяющая российским СМИ действовать в мировом пространстве, имеет и обратную сторону. Из-за доступности информации возникает угроза информационной безопасности государства. Общество становится

¹⁹⁶ URL: <http://edition.cnn.com/specials/middleeast/syria> (дата обращения: 12.07.2020).

ся более уязвимым к внешнему влиянию, осуществляемому посредством информационных ресурсов, социальных сетей и мессенджеров. Поэтому в условиях информационного противостояния особую актуальность приобретает задача по упрочнению системы информационной безопасности государства, что позволяет укрепить его национальную безопасность и оградить социум от деструктивного влияния других стран. Данная задача является важной и для РФ. Прежде всего, это обусловлено тем, что США стремятся «подорвать» российское государство изнутри путем информационного давления на российское сообщество [German, 2018, с. 22–28].

Следует отметить, что информационный захват России и всего постсоветского пространства США начали осуществлять с 1990-х гг. Их главной целью было насадить населению свою идеологию и ценностную матрицу, а также взять под контроль все информационные ресурсы государств региона. При этом основной акцент делался на Российское государство, которое даже после распада Советского Союза могло конкурировать с США. Тем самым американское правительство стремилось при помощи «мягкой силы» устранить своего основного геополитического противника [Цветкова и др., 2015, с. 68–69]. В период президентства Б. Ельцина Россия не имела полноценной системы информационной безопасности, что привело к засилью на ее территории американских фондов, неправительственных организаций, транснациональных корпораций и «независимых СМИ». Это позволило США перехватить контроль над всеми внутри- и внешнеполитическими процессами Российского государства и в 1990-е гг. устранить Россию с мировой и региональной геополитической арены [Бажутова, 2017, с. 173–175].

Коренным образом ситуация изменилась лишь с приходом к власти В.В. Путина. С 2000 г. началось реформирование информационной сферы РФ. Подтверждением этому стало принятие Доктрины информационной безопасности. В Доктрине ставилась задача создать конкурентоспособные российские информационные агентства и СМИ, что означало начало борьбы с засильем западных медиа на территории РФ [Алексеева, 2016, с. 97–102]. Таким образом, благодаря положениям Доктрины информационной безопасности, РФ удалось сохранить социальную стабильность во время начального этапа информационной войны с Западом в 2014–2016 гг. Более того, с 2000 г. Россия начала выстраивать и международную систему информационной безопасности, призванную нивелировать мировую информационную гегемонию США и посредством этого одержать важную геостратегическую победу. В рамках этого процесса на Генеральной Ассамблее ООН был принят проект российской резолюции, касающийся информационной безопасности и отношений государств в международной информационной сфере. В данной резолюции, в частности, отмечалось о недопустимости агрессивных действий одного государства в отношении другого в информационной сфере для достижения своих внешнеполитических целей. Подобные положения были прописаны и в проекте документа «Общая оценка проблем информационной безопасности. Угрозы международной информационной безопасности» [Международное сотрудничество..., 2004]. Следует отметить, что главным образом Россия в геополитическом информационном противостоянии с США делает акцент на международно-правовую систему, пытаясь создать своего рода объединение государств, которые способны противостоять американскому информационному влиянию [Зиновьева, 2012, с. 132–134].

Анализируя изложенное, можно сделать вывод, что информационное противостояние между США и РФ начиная с 2014 г. приобрело ожесточенный характер и из регионального конфликта перешло в конфликт глобальный. То есть этот конфликт перерос в геополитическую борьбу за преобладание в международной информационной сфере. Данная борьба ведется различными методами. Наиболее распространенным из них является пропаганда, осуществляемая посредством СМИ. Данная тактика в большей степени применяется США как для влияния на своих граждан, так и для навязывания своей точки зрения относительно тех или иных событий мировому сообществу. Для осуществления этой



задачи активно задействуются такие медиа, как CNN, NBC, BBC и т. д. Эти СМИ являются основными «фабриками пропаганды» западного мира, напрямую влияющими на сознание своих зрителей. Другим орудием информационной войны с РФ являются американские НПО и фонды, расположенные на российской территории и стремящиеся воздействовать непосредственно на ее граждан для дестабилизации ситуации в стране, создания оппозиционных движений и формирования революционной прослойки общества. Именно таким путем США стремятся добиться геополитического превосходства над РФ. В свою очередь, РФ применяет менее агрессивные методы в информационном противостоянии с Соединенными Штатами. В рамках данной борьбы российские массмедиа не стремятся навязывать свою точку зрения западной аудитории, а лишь предоставляют ей возможность получить правдивую картину происходящих в мире событий. Тем самым «мягко» влияя на западное общественное мнение, РФ обретает некоторое преимущество над США. Следующим важным направлением является обеспечение национальной информационной безопасности для защиты российского общества от деструктивного влияния американских и проамериканских информационных акторов (СМИ, фонды, организации и т. д.). На примере международного сотрудничества становится очевидным, что РФ приступила к построению «Евразийской сети» – геополитического информационного проекта, призванного оградиться от американского информационного воздействия. В данную сеть входят некоторые страны постсоветского пространства: Белоруссия, Казахстан, Таджикистан. Кроме того, к «Евразийской сети» присоединился и Китай, что является показателем успешности российской глобальной информационной политики.

Таким образом, очевидно, что мировой процесс сегодня определяют информационные потоки, а средства массовой информации наряду с прочими негосударственными акторами становятся действующими и активными участниками мировой политики. Следовательно, информация в сегодняшнем мире становится эффективным методом воздействия и противостояния, а кроме того, еще и атрибутом геополитики. Поэтому правительства многих государств принимают обновленные доктрины национальной кибербезопасности и усиливают свои действия в направлении обеспечения защиты собственного информационного пространства. Особенно активны в данном направлении РФ и США. Голословные взаимные и чаще всего необоснованные обвинения друг друга в информационных изданиях накаляют и без того непростые взаимоотношения между данными государствами, угрожая перерасти в милитаристскую плоскость. Очевидно, что геополитические интересы США и России сталкиваются практически в любой точке мира, однако в наше время все военные, социально-экономические и политические успехи или неудачи государства подкрепляются информационным сопровождением, что формирует общественное мнение в том или ином государстве. Поскольку гражданское общество также становится активным участником политических процессов, государственным лидерам приходится учитывать их мнение, тем самым геополитика США и РФ в настоящее время не может рассматриваться в отрыве от данных понятий. Таким образом, геополитическое соперничество между РФ и США определяется по следующему принципу – тот, кто контролирует информационные потоки и источники информации на определенной территории, тот будет контролировать и саму территорию.

Список литературы

1. Алексеева Е.В. 2016. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации как ключевой аспект правового обеспечения национальной безопасности в информационной сфере. Ленинградский юридический журнал. 4 (46): 97–103.
2. Бажутова И.А. 2017. Американо-российские отношения в 1990-е годы. – Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновация. Сборник статей VII Международной научно-практической конференции: в 4 частях. Пенза., Наука и Просвещение: 173–176.

3. Бекман Й. 2015. Тотальная война США против России: пять фронтов. Геополитика.ру., 13.04. URL: <http://www.geopolitica.ru/article/totalnaya-voyna-ssha-protiv-rossii-pyat-frontov> (дата обращения: 20.07.2020).
4. Василенко С.А., Аляутдинова Д.Ф. 2017. Особенности информационного сопровождения операции российских ВКС в Сирии мировыми СМИ. Kiberleninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-informatsionnogo-soprovozhdeniya-operatsii-rossiyskih-vks-v-sirii-mirovymi-smi> (дата обращения: 20.07.2020).
5. Десяев Д.Г. 2016. Политика противостояния в СМИ: Россия и США. Kiberleninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-protivostoyaniya-v-smi-rossiya-i-ssha> (дата обращения: 20.07.2020).
6. Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. СПб., Амфора. ТИД Амфора, 382.
7. Зиновьева Е.С. 2012. Развитие информационного общества: проблемы безопасности. Вестник МГИМО Университета. 1 (22): 130–135.
8. Косов Ю.В., Вовенда Ю.В. 2015. Геополитические концепции информационного противоборства в российской общественной мысли. Управленческое консультирование. 10 (82): 95–100.
9. Манойло А.В. 2003. Государственная информационная политика в особых условиях. М., МИФИ, 388.
10. Мартыненко В.А. 2016. Характер информационной войны между Россией и США в Сирии. Общество: политика, экономика и право. 9: 9–12.
11. Матвиенко Ю.И., Галаева М.Г. 2015. «Мягкая сила» как фактор современной геополитики. Politbook. 1: 165–179.
12. Международное сотрудничество в области информационной безопасности. 2004. Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/mezhdunarodnaa-informacionnaa-bezopasnost/-/asset_publisher/UsCUTiw2pO53/content/id/486848 (дата обращения: 20.07.2020).
13. Меньшиков П.В. 2017. Эволюция государственной информационной политики в России. Международные коммуникации. 9 ноября. URL: <http://www.intcom-mgimo.ru/2017-04/state-information-policy-of-russia> (дата обращения: 12.07.2020).
14. Панарин И.Н. 2006. Информационная война и геополитика. М., Поколение, 560.
15. Рабуш Т.В. 2017. Пропагандистская война США и СССР вокруг вопроса о боевых действиях в Афганистане (1979–1989 гг.). Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 3: 58–65.
16. Резниченко Д.В., Каштальянова Ю.В. 2016. Приемы информационной войны в современных СМИ (на примере политического конфликта России и Украины в 2014–2015 гг.). Kiberleninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priomy-informatsionnoy-voyny-v-sovremennyh-smi-na-primere-politicheskogo-konflikta-rossii-i-ukrainy-v-2014-2015-gg> (дата обращения: 12.07.2020).
17. Цветкова Н.А., Ярыгин Г.О. 2015. Участие публичной дипломатии США в политической трансформации Украины, 1990-е – 2000-е годы. Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 4: 68–82.
18. Черняк А.В. 2015. Власть и журналистика. Монография. М., Академия медиаиндустрии, 389.
19. German Maria A. 2018. Information warfare between Russia and the United States of America in the Syrian conflict. Евразийский союз ученых. 2–3 (47): 22–30.
20. Greene S. 2015. Watch What Putin Does, Not What He Says. The Atlantic. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2015/10/putin-syria-ukraine-russia/408562/> (дата обращения: 12.07.2020).
21. International strategy for cyberspace May 2011. Obama white house. Archives. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/rss_viewer/internationalstrategy_cyberspace.pdf (дата обращения: 12.07.2020).
22. National cyber strategy of the United States of America September 2018. Whitehouse.gov. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf> (дата обращения: 12.07.2020).
23. Nye J. 2004. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y., Public Affairs, 175.
24. Ukraine crisis: Timeline. 2014. BBC. URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-26248275> (дата обращения: 12.07.2020).



References

1. Alekseeva E.V. 2016. Doktrina informatsionnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii kak klyuchevoy aspekt pravovogo obespecheniya natsional'noy bezopasnosti v informatsionnoy sfere [The information security doctrine of the Russian Federation as a key aspect of the legal support of national security in the information sphere]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal*, 4 (46): 97–103.
2. Bazhutova I. A. 2017. Amerikano-rossiyskie otnosheniya v 1990e gody [US-Russia Relations in the 1990s]. *Fundamental'nye i prikladnye nauchnye issledovaniya: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsiya. Sbornik statey VII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 4 chastyakh*. Penza., Nauka i Prosveshchenie: 173–176.
3. Bekman Y. 2015. Total'naya vojna SShA protiv Rossii: pyat' frontov [Total war of the USA against Russia: five fronts.]. Available at: <http://www.geopolitica.ru/article/totalnaya-vojna-ssha-protiv-rossii-pyat-frontov> (accessed: 20.07.2020).
4. Vasilenko S.A, Alyautdinova D.F. 2017. Osobennosti informatsionnogo soprovozhdeniya operatsii rossiyskikh VKS v Sirii mirovymi SMI. Kiberleninka [Features of information support of the operation of the Russian Aerospace Forces in Syria by the world media]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-informatsionnogo-soprovozhdeniya-operatsii-rossiyskikh-vks-v-sirii-mirovymi-smi>(accessed: 20.07.2020).
5. Desyaev D.G. 2016. Politika protivostoyaniya v SMI: Rossiya i SShA [Confrontation policy in the media: Russia and the United States]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-protivostoyaniya-v-smi-rossiya-i-ssha> (accessed: 20.07.2020).
6. Dugin A.G. 2005. Geopolitika postmoderna. Vremena novykh imperiy. Ocherki geopolitiki XXI veka [Postmodern geopolitics. Times of new empires. Essays on the geopolitics of the XXI century] SPb., Amphora. TID Amphora: 382.
7. Zinov'eva E. S. 2012. Razvitie informatsionnogo obshchestva: problemy bezopasnosti [Development of the Information Society: Security Issues]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. 1 (22): 130–135.
8. Kosov Yu.V., Vovenda Yu.V. 2015. Geopoliticheskie kontseptsii informatsionnogo protivoborstva v rossiyskoy obshchestvennoy mysli [Geopolitical concepts of information confrontation in Russian public thought]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 10 (82): 95–100.
9. Manoylo A.V. 2003. Gosudarstvennaya informatsionnaya politika v osobykh usloviyakh [State information policy in special conditions]. M., MIFI, 388.
10. Martynenko V.A. 2016. Kharakter informatsionnoy vojny mezhdru Rossiei i SShA v Sirii [The nature of the information war between Russia and the United States in Syria]. *Obshchestvo: politika, ekonomika i pravo*. 9: 9–12.
11. Matvienko Yu.I., Galaeva M.G. 2015. «Myagkaya sila» kak faktor sovremennoy geopolitiki ["Soft power" as a factor in modern geopolitics]. *Politbook*. 1: 165–179.
12. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v oblasti informatsionnoy bezopasnosti [International co-operation in the field of information security]. 2004. Ofitsial'nyy sayt Ministerstvo inostrannykh del Rossiyskoy Federatsii. URL: http://www.mid.ru/mezhdunarodnaa-informacionnaa-bezopasnost/-/asset_publisher/UsCUTiw2pO53/content/id/486848 (accessed: 20.07.2020) (in Russian).
13. Men'shikov P.V. 2017. Evolyutsiya gosudarstvennoy informatsionnoy politiki v Rossii [Evolution of state information policy in Russia]. *Zhurnal Mezhdunarodnye kommunikatsii*. 9 noyabrya. URL: <http://www.intcom-mgimo.ru/2017-04/state-information-policy-of-russia> (accessed: 12.07.2020).
14. Panarin I.N. 2006. Informatsionnaya vojna i geopolitika [Information Warfare and Geopolitics]. Moscow, Pokoleniye, 560.
15. Rabush T.V. 2017. Propagandistskaya vojna SShA i SSSR vokrug voprosa o boevykh deystviyakh v Afganistane (1979–1989 gg.) [The propaganda war between the USA and the USSR over the issue of military operations in Afghanistan (1979–1989)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 3: 58–65.
16. Reznichenko D.V., Kashtal'yanova Yu.V. 2016. Priemy informatsionnoy vojny v sovremennykh SMI (na primere politicheskogo konflikta Rossii i Ukrainy v 2014–2015 gg.) [Information war techniques in modern media (on the example of the political conflict between Russia and Ukraine in 2014–2015)]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/priyomy-informatsionnoy-vojny-v-sovremennykh-smi-na-primere-politicheskogo-konflikta-rossii-i-ukrainy-v-2014-2015-gg> (accessed: 20.07.2020).

17. Tsvetkova N.A., Yarygin G.O. 2015. Uchastie publichnoy diplomatii SShA v politicheskoy transformatsii Ukrainy, 1990-e – 2000-e gody [Participation of US public diplomacy in the political transformation of Ukraine, 1990s – 2000s]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 4: 68–82.
18. Chernyak A.V. 2015. Vlast' i zhurnalistika [Power and journalism]. Moscow, Akademiya mediaindustrii, 389.
19. German Maria A. 2018. Information warfare between Russia and the United States of America in the Syrian conflict. Eurasian Union of Scientists, 2–3 (47): 22–30.
20. Greene S. 2015. Watch What Putin Does, Not What He Says. The Atlantic. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2015/10/putin-syria-ukraine-russia/408562/> (дата обращения: 12.07.2020).
21. International strategy for cyberspace May 2011. Obama white house. Archives. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/rss_viewer/internationalstrategy_cyberspace.pdf (дата обращения: 12.07.2020).
22. National cyber strategy of the United States of America September 2018. Whitehouse.gov. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf> (дата обращения: 12.07.2020).
23. Nye J. 2004. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y., Public Affairs, 175.
24. Ukraine crisis: Timeline. 2014. BBC. URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-26248275> (дата обращения: 12.07.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Медовкина Лина Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики Донецкого национального университета, г. Донецк, Украина

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lina Y. Medovkina, candidate of historical sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of international relations and foreign policy Donetsk National University, Donetsk, Ukraine



УДК 323.232
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-630-639

«Негативная» идентичность как фактор современного государствообразования (на примере Беларуси, Украины, ДНР и ЛНР)

И.З. Герштейн

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23
E-mail: zaharych77@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена феномену «негативной» идентичности – идентификации своего государства исключительно через противопоставление другому. Этот феномен является следствием возникновения любого нового государства, если оно появилось на территории, где государственность до этого существовала в той или иной форме. В рамках конструктивистского подхода «негативная идентичность» выполняет функцию «очистки» массового сознания от пережитков предыдущей. В статье «негативная идентичность» рассмотрена на примере наиболее близких России республик: Беларуси, Украины, противопоставляющих себя России, и самопровозглашенных республик Донбасса, отрицающих свою связь с Украиной. Делается вывод о необходимости перехода к «позитивной» идентичности, т. к. «негативная» имеет ограниченную функциональность и не может обеспечить единство страны.

Ключевые слова: государствообразование, национально-государственная идентичность, «негативная» идентичность, Беларусь, Украина, Донбасс.

Для цитирования: Герштейн И.З. 2020. «Негативная» идентичность как фактор современного государствообразования (на примере Беларуси, Украины, ДНР и ЛНР). Via in tempore. История. Политология, 47 (3): 630–639. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-630-639.

«Negative» identity as a factor of modern state education (on the example of Belarus, Ukraine, DPR and LPR)

Ilya Z. Gerstein

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23 Gagarin ave., Nizhny Novgorod, 603950, Russia
e-mail: zaharych77@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the problem of «negative identity» – attempts by the leadership and population of the new state to build their national identity through denial of belonging to the state formation that preceded it in the given territory (or part of it). Since all the new states of our time in one form or another have a previous history of statehood, this problem applies to all developing states without exception. The research is based on a constructivist approach. The main function of «negative identity», according to the author, is to oust the previous self-identification from the consciousness of people. The empirical basis of the study was the history of the formation of the identity of those post-Soviet states that have the most stable historical and cultural ties with Russia: Belarus, Ukraine and the unrecognized republics of Donbass. The author compares the mechanisms of formation of «negative identity», and also assesses the role that this phenomenon plays in the perspective of state building of these formations. It is concluded that after the «negative identity» fulfills its role, a transition to «positive identity» is necessary, since opposition through negation cannot ensure the unity of the state.

Keywords: state formation, national state identity, «Negative» identity, Belarus, Ukraine, Donbass.

For citation: Gerstein I.Z. 2020. «Negative» identity as a factor of modern state education (on the example of Belarus, Ukraine, DPR and LPR). Via in tempore. History and political science, 47 (3): 630–639 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-630-639.

Введение

Процесс этатогенеза – государствообразование – является неотъемлемой частью политической истории человеческого сообщества. Новые государства появляются на политической карте мира по различным причинам: экономическим, религиозным, в результате борьбы народов за самоопределение. Не стало исключением и второе десятилетие XXI века. Распад СССР, произошедший за два десятилетия до этого, привел к превращению сугубо административных границ в государственные. Они не отражали ни этническую картину расселения, ни религиозное, ни цивилизационное размежевание.

Целью данной работы является изучение «негативной идентичности». Негативная национально-государственная идентичность – определение и самоидентификация государства и общества через отрицание принадлежности к другому государству и общности.

Объекты и методы исследования

Эмпирической базой исследования стали процессы, происходящие в новых государствах, некогда бывших ядром Российской империи и Советского Союза – России, Белоруссии и Украине. Именно руководители этих республик и выступили инициаторами ликвидации СССР [Соглашение о создании СНГ, 1991]. Если российская государственность имеет многовековую историю и ее преемственность не подвергается сомнению, в Белоруссии и Украине дело обстоит совершенно иначе. Имея большие традиции участия в крупных и могущественных государственных образованиях (Киевская Русь, Великое Княжество Литовское, Речь Посполитая), эти страны не обладали до 1991 года собственной государственностью под своим именем и существовали только как республики Союза ССР. В связи с этим перед ними возникла проблема построения национально-государственной идентичности – психологического феномена массового и индивидуального политического сознания, формирующего единство социальной группы (нации) и политического института (государства) и основанного на идее совпадения достижений в прошлом, целей и задач, а также методов их выполнения и разрешения в настоящем и будущем [Герштейн, 2014, с. 121].

В рамках конструктивистского подхода, используемого автором, государство пытается активно направлять процессы разрушения старой / формирования новой идентичности. На первом этапе построения новой идентичности государственная политика направлена на разрушение старых штампов массового политического сознания – «самоутверждение от противного, от другого значимого предмета или представления, но выраженное в форме отрицания каких-либо качеств или ценностей у их носителя, выступающего в виде чужого, отвратительного, пугающего, угрожающего, персонифицирующего все, что неприемлемо в членах группы или сообщества, короче, антипода» [Гудков, 2000, с. 37]. Подобная идентичность является механизмом разрушения политико-институциональной идентичности, а не созидания таковой. Негативная идентичность нужна, чтобы «очистить» политическое сознание людей от старой самоидентификации, «стереть» ее для записи новой.

В научной литературе понятие «негативной идентичности» применительно к процессам государствообразования сформулировано недостаточно четко. Наиболее активно этим термином оперирует Л. Гудков, который акцентирует внимание не на отрицании схожести «своих» с «чужими», а на ненависти к последним [Гудков, 2000, с. 40]. В постсоветских государственных образованиях в силу незавершенности процесса практически



нет всеобъемлющих работ, посвященных интересующей нас теме. Важным исключением из этого правила является книга Г. Касьянова, посвященная «исторической политике» в современном украинском государстве [Касьянов, 2019]. Являясь ключевым механизмом разрушения старой идентичности и формирования новой, «историческая политика» в настоящий момент находится в фокусе внимания исследователей [Историческая политика..., 2019], но далеко не всегда эти исследования имеют подходящий для нас ракурс. Под «исторической политикой» понимается активная деятельность государства в области образования, науки и культуры с использованием всех доступных финансовых и административных ресурсов для организации исторических исследований с заранее заданным результатом и закреплении соответствующих интерпретаций исторических процессов в массовом сознании населения страны [Миллер, 2009, с. 10].

Процедура исследования

Процесс становления национальных историографий новых государственных образований неразрывно связан с формированием национально-государственной идентичности, в т. ч. «негативной». В Белоруссии (Беларуси) задача формирования негативной (от советской) идентичности решалась методами исторической политики через выведение преемственности белорусской государственности от Великого Княжества Литовского [История государства и права..., 2009, с. 13].

В современной белорусской национальной историографии «точкой отчета» государственности считается Полоцкое княжество – раннефеодальное государство восточных славян, рано обособившееся от Киевской Руси и с XI века имевшее свою отдельную династическую ветвь Рюриковичей [Алексеев, 1966, с. 241; Качалов, 2013, с. 29]. Важным элементом «исторической политики» Беларуси является тот факт, что Полоцкое княжество не попало в прямую зависимость от Орды после Батыева нашествия [Качалов, 2013, с. 38–39]. Постепенный переход с начала XIV века территорий, составляющих современную Беларусь, под власть литовских князей [Гудавичус, 2005, с. 81–82] позволяет белорусским историкам считать Великое Княжество Литовское одним из этапов развития белорусской государственности [Качалов, 2013, с. 46–47]. Дальнейшими этапами ее развития стало образование Речи Посполитой и постепенное присоединение белорусских земель к Москве.

Подобная историческая привязка, несмотря на свою сложность и натянутость, позволяет белорусским политикам говорить о «естественном восстановлении государственности» после распада СССР. В данной схеме исторической идентичности ее «негативная» составляющая отходит на второй план и активно используется в общественном дискурсе лишь в первой половине 90-х гг. прошлого века для уничтожения «советскости» [Белорусский национализм..., 2017].

Историческая политика Украины построена на других основаниях. «Если украинцы вообще хотят на что-то претендовать в этом мире ... то необходимо доказать, что они издревле жили в Украине, никуда не удалялись, героически боролись против всех внешних агрессоров, могут похвастаться преемственностью государственных традиций, были лишены своей независимости незаконно и поэтому должны обрести ее вполне легитимно, – т. е. они *выстрадали* свой нынешний державный статус и имеют моральное и историческое право на свою независимость. Все это может доказать лишь определенная трактовка прошлого Украины» [Галушко, 2010, с. 73].

Фундаментальную работу, посвященную исторической политике Украины постсоветского периода, написал Г. Касьянов [Касьянов, 2019]. Однако у нее есть и существенные недостатки. Главный из них – автор, прекрасно понимая значение подобного инструмента в процессе построения национальной идентичности, рассматривает историческую политику вне соответствующего контекста, исключительно как «средство обеспечения ... лояльности крупных общественных групп, а также удержания ... контроля над ними» [Касьянов, 2019, с. 35].

В основу исторических схем независимой Украины легли разработки М.С. Грушевского с его идеей намеренного ослабления Киева и «украинской государственности» со стороны «младших Мономаховичей (Владими́ро-Сузда́льских князей), желавших «утвердить первенствующее положение за собой» [Грушевский, 1913, с. 102]. Преемником Киевской Руси объявлялось Галицко-Волынское княжество [Грушевский, 1913, с. 104–105], а потом знамя государственности подхватывает казацкая вольница. Другой опорой украинской постсоветской историографии стали исследования украинских историков-эмигрантов [Ефимищ, 2018, с. 81].

Если начало «современного» (безусловно, исторически преемственного) этапа русской государственности относится к созданию единого централизованного Русского государства с центром в Москве, то для «национально-ориентированных» настоящих украинских историков история «современной» Украины начинается с казацкой самоорганизации [Галушко, 2010, с. 189]. Именно «на буферній порубіжній смузі між кочовою і хліборобською цивілізаціями, за власними законами виживання побутує етноконтактна зона, освоєна відчайдушними авантюристами з обох сторін» [Яковенко, 1997, с. 119].

Одна из главных проблем «исторической политики» заключается в том, что все проекты «украинской государственности», начиная от Сагайдачного и Хмельницкого, не носили суверенного характера, а являлись вариантами широкой автономии под протекторатом более сильной державы. Первым «суверенным» проектом становится Украинская Народная Республика. «Националистический миф становления украинского государства утверждает, что УНР стала жертвой агрессии со стороны Советской России» [Черданцев, 2016, с. 189]. Однако краткость существования этого образования, легкость перехода элиты УНР на польскую службу не позволяет говорить о его успешности и полноценности. Носителем идеи украинской государственности становится УССР в составе СССР. Именно в этом статусе УССР становится сооснователем ООН.

За советский период своей истории границы УССР постоянно менялись в основном в сторону расширения. «Границы УССР формировались Рижским договором с Польшей (1921), передачей части территории Донбасса РСФСР (1925), присоединением в результате Пакта Риббентропа – Молотова Западной Украины (1939), Северной Буковины и Южной Бессарабии (1940), передачей Молдавской АССР в состав Молдавской СССР (1940), присоединением Закарпатья (1945), передачей Крыма из состава РСФСР (1954)» [Галушко, 2010, с. 55]. В рамках СССР большинство жителей УССР были носителями советской идентичности, что подтвердил и референдум 17 марта 1991 года [Шесть республик бойкотируют, 1991].

По мнению некоторых исследователей, население Украины к моменту возникновения независимого государства «не представляло и не могло представлять собой изначального этнокультурного монолита» [Украина: проблемы..., 2015, с. 5].

Население юго-востока Украины, массовое заселение которого началось лишь в XVIII веке [Бунтовский, 2015, с. 59], далеко не полностью готово ассоциировать свое прошлое с «казацкой революцией». Этому немало способствовали процессы регионализации политической жизни Украины постсоветского периода [Манекин, 2010, с. 104]. Промышленное развитие края в составе Российской империи и Советского Союза определило процесс формирования типа идентичности, более близкого к российскому «имперскому».

После распада СССР и возникновения независимого государства Украина в нем официальными усилиями более двадцати лет поддерживалась «негативная идентичность» – идентификация себя и «своих» на основе противопоставления «чужим» [Гудков, 2005, с. 124], что является предварительным этапом построения собственной идентичности, базирующейся на положительных основаниях. В этих условиях отчуждение жителей Донбасса от институтов украинской государственности развивалось и усиливалось. Ярким примером «негативной идентичности» Украины является книга второго президента страны Л.Д. Кучмы «Украина – не Россия» [Кучма, 2004]. Любопытно, что эта работа написа-



на на русском языке, и лишь потом она была переведена на украинский, что следует из аннотации издания.

Ситуация резко поменялась после государственного переворота – «революции достоинства». Политика новых властей вызвала полное неприятие в регионе. Внешнеполитический курс, направленный на разрыв с Россией, экономическая политика, результатом которой является деиндустриализация Украины, языковая и культурная политика – все это привело к разрыву Донбасса с Киевом. В начале «русской весны», в марте 2014 года, около трети жителей Донбасса желали присоединения к России, 10 % были сторонниками новых «революционных» властей в Киеве, «остальные отрицательно отнеслись к Майдану, но в принципе не возражали против нахождения края в составе Украины при условии, что права Донбасса не будут ущемлены» [Бунтовский, 2015, с. 291].

После провозглашения сначала Донецкой (7.04.2014), а потом и Луганской (27.04.2014) народных республик государственная самоидентификация жителей региона сперва не особенно изменилась – из двух движений, возникших в мае того же года, «губаревская «Новороссия» была ... образованием, нацеленным на превращение юго-востока Украины в отдельное государство, а активисты «Народного Фронта» в принципе не возражали против существования Украины, если она будет очищена от неонацистов» [Бунтовский, 2015, с. 325].

Под влиянием политических событий меняется и этническая самоидентификация. Если в 2009–2014 гг. доля жителей региона, считающих себя этническими украинцами, превышала число этнических русских, то после начала войны ситуация резко меняется. Доля тех, кто считает себя русским, резко возрастает [Черкашин, 2017].

Уже в следующем году на основании соцопросов можно зафиксировать появление новой государственной идентичности – идентичности народных республик. Началом формирования новой политической самоидентификации стало признание легитимности новых органов власти – в апреле 2015 года в ЛНР три четверти населения считали новые власти легитимными [Социологическое исследование..., 2015]. В Донецке летом 2015 года было 18 % сторонников «Новороссии» [Соцопрос..., 2015]. Однако процесс возникновения новой идентичности не может быть одномоментным. В середине 2016 года 20 % опрошенных жителей Донбасса считали себя «гражданами ДНР», а 15 % – гражданами Украины [Дергачев, Кириллов, 2016]. К концу года число жителей, идентифицирующих себя с ДНР, возросло до 26 % [26 % населения..., 2017]. В 2017 году политические взгляды и самоидентификация жителей народных республик коренным образом разошлись с взглядами населения тех районов Донбасса, которые остались под контролем Киева [Кириеев, 2017]. За три года в народных республиках сформировалась политико-институциональная идентичность, которая по своей природе является «негативной», т. е. основывается на отрицании принадлежности к «старому», украинскому государству [ОПРОС: Допускаете ли вы..., 2017]. А, как уже указывалось выше, «негативная» идентичность – первый этап построения новой государственной идентичности. В Донбассе он прошел две стадии. На первом этапе негативное отношение фокусировалось не столько к Украине «вообще», а к «евромайданной», «бандеровской» [Социологи провели..., 2015]. На втором формируется полный ментальный разрыв с «незалежной». Так, согласно опросу, проведенному в июне 2017 года, три четверти населения не желают пользоваться возможностью безвизового въезда в ЕС по украинскому биометрическому паспорту. Учитывая формулировку вопроса: «Нет. Мне не нужен украинский безвиз и само государство Украина» (так ответили 76,4 % опрошенных) [ОПРОС: планируете ли вы..., 2017], негативная основа текущей идентичности Донбасса прослеживается очень четко. В ноябре того же года позицию «Донбасс не Украина» также поддержали три четверти населения [ОПРОС: Как вы думаете, нужно ли Донбассу..., 2017].

В ноябре 2019 года влиятельный украинский еженедельник «Зеркало недели. Украина» опубликовал результаты своего опроса, проведенного на территории самопро-

возглашенных республик месяцем ранее, «Тест на совместимость». Публикация сопровождалась обращением к читателю: «Это больно, но это отрезвляет». Согласно результатам опроса: «лишь 5,1 % опрошенных ... желают «быть частью Украины, как прежде». Еще 13,4 % видят ныне подконтрольные ЛНР/ДНР территории «частью Украины, но с особым статусом». Итого 18,5 %, то есть менее одной пятой жителей ОРДЛО видят будущее своей малой родины в Украине. Независимости хотят тоже не очень много респондентов – 16,2 %. А вот 50,9 % считают, что нынешние территории ЛНР/ДНР должны стать частью России, еще 13,4 % – «частью России с особым статусом». При этом треть опрошенных назвала себя «гражданами ЛНР/ДНР [Тест на совместимость..., 2019].

«Нулевой цикл» построения новой государственной идентичности «народных республик» можно считать пройденным. Учитывая, что подавляющее большинство их населения считают свои судьбы взаимосвязанными [ОПРОС: Как вы думаете, нужно ли объединить..., 2017], это может дать старт формированию идентичности нового государства, пускай и непризнанного. Однако для этого требуется формирование «позитивной» идентичности – массового положительного образа своей страны, основанного на собственной уникальности, отличающееся от нейтральной либо положительной уникальности соседей. В случае с Донбассом такой переход пока не наступил, более того, две трети населения желает присоединения к России [ОПРОС: Как вы думаете, каким должно..., 2017].

«Негативная» идентичность, являясь необходимым инструментом перехода в массовом сознании людей в современных процессах государствообразования, является «палкой о двух концах». Неоправданно растянутый период культивирования «идентичности через отрицание» критически затрудняет построение «настоящей» государственной идентичности, базирующейся на положительных основаниях. Подобное положение угрожает распадом институтов общества, его фрагментацию, превращение государства в failed state. Беларусь за счет грамотно выстроенной А.Г. Лукашенко «исторической политики», наличия «альтернативного прошлого» в виде Великого Княжества Литовского пока избежала такой ловушки. А вот политические процессы, которые происходят в Украинском государстве, где период «негативной» идентичности растянулся уже почти на три десятилетия, угрожают самому факту существования страны. «Народным республикам» стоит учесть данный пример при построении собственной государственной идентичности.

Список литературы

1. 26 % населения поддерживают независимость ДНР, 50 % – хотят в Россию. 2017. ИА REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/2263484.html> (дата обращения: 15 сентября 2020).
2. Алексеев Л.В. 1966. Полоцкая земля: Очерки истории северной Белоруссии в IX–XIII вв. М., Наука, 295.
3. Белорусский национализм: преступное прошлое, официальное настоящее. 2017. URL: <https://easaily.com/ru/news/2017/12/15/beloruskiy-nacionalizm-prestupnoe-proshloe-oficioznoe-nastoyashchee> (дата обращения: 15 сентября 2020).
4. Бунтовский С.Ю. 2015. История Донбасса: научно-популярное издание. Донецк., Донбасская Русь, 402.
5. Бураков И.Ф. (ред.) 2009. История государства и права Беларуси. Новополоцк, ПГУ, 128.
6. Галушко К. 2010. Украинский национализм: ликбез для русских, или Кто и зачем придумал Украину. Київ., Темпора, 632.
7. Герштейн И.З. 2014. Структура национально-государственной идентичности: основные элементы и особенности их взаимодействия. Традиции и инновации в международном политическом процессе: региональное и глобальное измерение. Материалы международной научной конференции. Нижний Новгород, 24–26 июня 2013 г. Н. Новгород., Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 121–125.
8. Грушевский М.С. 1913. Иллюстрированная история Украины. СПб., Типо-литография акц. о-ва «Самообразование», 556.



9. Гудавичюс Э. 2005. История Литвы с древнейших времен до 1569 года. М., Фонд имени И.Д. Сытина, BALTRUS, 680.
10. Гудков Л. 2005. Синдром негативной идентичности в посттоталитарной России. Вторая навигация. Альманах. Вып. 5. Запорожье, 123–143.
11. Гудков Л. 2000. К проблеме негативной идентификации. Мониторинг общественного мнения, 5: 3–44.
12. Дергачев В., Кириллов Д. 2016. Хорошего мало, зато нет «бандеров». Газета.ру. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2016/08/03_a_9747233.shtml?updated# (Дата обращения: 15 сентября 2020).
13. Ефимищ Н.М. 2018. Прошлое в конструировании национальной идентичности: гранд-нарративы Украины. Вестник Пермского университета. Политология, 2: 77–90.
14. Жильцов С.С. (ред.) 2015. Украина: проблемы территориально-государственного развития. М., ВКН, 224.
15. Касьянов Г. 2019. Украина и соседи: историческая политика. 1987–2018. М., Новое литературное обозрение, 632.
16. Качалов И.Л. 2013. История Беларуси. С древнейших времен до 2013 г. Минск, Вышэйшая школа, 760.
17. Киреев А. 2017. Большинство жителей ДНР/ЛНР выступает за то чтобы остаться в составе Украины. URL: <https://kireev.livejournal.com/1373459.html> (Дата обращения: 15 сентября 2020).
18. Кучма Л.Д. 2004. Украина – не Россия. М., Время, 560.
19. Манекин Р.В. 2010. Украина: национальная самобытность и национализм. Украинский национализм и Донбасс. Историческая ретроспектива. Донецк, ЧП «Астро». 101–120.
20. Миллер А.И. 2009. Россия: Власть и история. Pro et Contra. 3–4. Историческая политика, 6–23.
21. Миллер А.И. (ред.). 2012. Историческая политика в XXI веке. М., НЛО. 648.
22. ОПРОС: Допускаете ли вы для себя возможность возвращения ДНР в состав Украины? 2017. Новости Донецкой республики. URL: <http://dnr-news.com/oprosy/40500-opros-dopuskaete-li-vy-dlya-sebya-vozmozhnost-vozvrasheniya-dnr-v-sostav-ukrainy.html> (дата обращения: 15 сентября 2020).
23. ОПРОС: Как вы думаете, каким должно быть будущее Донбасса? 2017. Новости Донецкой республики. URL: <http://dnr-news.com/oprosy/41070-kak-vy-dumaete-kakim-dolzno-byt-budushee-donbassa.html> (Дата обращения: 15 сентября 2020).
24. ОПРОС: Как вы думаете, нужно ли Донбассу получить статус правопреемника «настоящей Украины»? 2017. Новости Донецкой республики. URL: <http://dnr-news.com/oprosy/42863-opros-kak-vy-dumaete-nuzhno-li-donbassu-poluchit-status-pravopreemnika-nastoyaschey-ukrainy.html> (дата обращения: 15 сентября 2020).
25. ОПРОС: Как вы думаете, нужно ли объединить ДНР и ЛНР в одно государство? 2017. Новости Донецкой республики. URL: <http://dnr-news.com/oprosy/42981-opros-kak-vy-dumaete-nuzhno-li-obedinit-dnr-i-lnr-v-odno-gosudarstvo.html> (дата обращения: 15 сентября 2020).
26. ОПРОС: планируете ли вы воспользоваться украинским безвизом? 2017. Новости Донецкой республики. URL: <http://dnr-news.com/oprosy/40815-opros-planirujete-li-vy-voispolzovatsya-ukrainskim-bezvizom.html> (дата обращения: 15 сентября 2020).
27. Соглашение о создании Содружества Независимых государств 1991. URL: <https://rg.ru/1991/12/19/sng-site-dok.html> (дата обращения: 15 сентября 2020).
28. Социологи провели опрос в Донбассе и узнали, как жители ДНР относятся к хунте. 2015. Новости ДНР. URL: <http://prodonbass.ru/8374> (дата обращения: 15 сентября 2020).
29. Социологическое исследование центра «Особый статус». 2015. Луганский информационный центр. URL: <http://lug-info.com/news/one/sotsiologicheskoe-issledovanie-tsentra-osobyi-status-2799> (дата обращения: 15 сентября 2020).
30. «Соцопрос»: 36 % жителей «ДНР» хотят жить в России, 18 % – в «Новороссии». 2015. Gordonua.com URL: <https://gordonua.com/news/society/socopros-36-zhiteley-dnr-hotyat-zhit-v-rossii-18-v-novorossii-83814.html> (дата обращения: 15 сентября 2020).
31. Тест на совместимость. 2019. Зеркало недели. Украина. URL: https://m.zn.ua/internal/test-na-sovmestimost-335429_.html (Дата обращения: 15 сентября 2020).

32. Черданцев В.В. 2016. Исторический выбор украинского народа в контексте этнополитологии. Электронный научный журнал «ГосРег». 2016. 2. URL: http://gosreg.amchs.ru/pdf/files/16number/articles16/Cherdantsev_2_16.pdf (Дата обращения: 15 сентября 2020).
33. Черкашин К.В. 2017. Жители Донецка все чаще самоопределяются как русские. ИА REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/2240754.html> (Дата обращения: 15 сентября 2020).
34. Шесть республик бойкотируют 1991. URL: <https://histrf.ru/lenta-vremeni/event/view/riefieriendum-o-sokhranienii-sssr-6-riespublik-boikotiruiut> (Дата обращения: 15 сентября 2020).
35. Яковенко Н. 1997. Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII ст. Київ, Генеза, 380.

References

1. 26 % naseleniya podderzhivayut nezavisimost' DNR, 50 % – khotyat v Rossiyu [26 % of the population support the independence of the DPR, 50 % – want to go to Russia]. 2017. ИА REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/2263484.html> (accessed: 15 September 2020) (in Russian).
2. Alekseyev L.V. 1966. Polotskaya zemlya: Ocherki istorii severnoy Belorussii v IX—XIII vv. [Polotsk land: Essays on the history of northern Belarus in the 9th – 13th centuries]. M., Nauka, 295.
3. Belorusskiy natsionalizm: prestupnoye proshloye ofitsioznoye nastoyashcheye [Belorussian nationalism: the criminal past, the officious present]. Available at: <https://eadaaily.com/ru/news/2017/12/15/belorusskiy-nacionalizm-prestupnoye-proshloe-oficioznoe-nastoyashchee> (accessed: 15 September 2020) (in Russian).
4. Buntovskiy S.YU. 2015. Istoriya Donbassa: nauchno-populyarnoye izdaniye [History of Donbass: popular science publication]. Donetsk, «Donbasskaya Rus'», 402.
5. Burakov I.F. (ed.) 2009. Istoriya gosudarstva i prava Belarusi [History of the state and law of Belarus]. Novopolotsk, PGU, 128.
6. Galushko K. 2010. Ukrainskiy natsionalizm: likbez dlya russkikh, ili Kto i zachem pridumal Ukrainu [Ukrainian nationalism: an educational program for Russians, or Who and why invented Ukraine]. Kiïv, Tempora, 632.
7. Gershteyn I.Z. 2014. Struktura natsional'no-gosudarstvennoy identichnosti: osnovnyye elementy i osobennosti ikh vzaimodeystviya [The structure of national-state identity: the main elements and features of their interaction]. Traditsii i innovatsii v mezhdunarodnom politicheskom protsesse: regional'noye i global'noye izmereniye. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Nizhniy Novgorod, 24–26 iyunya 2013 g. N. Novgorod. Izd-vo NNGU im. N.I. Lobachevskogo, 121–125.
8. Grushevskiy M.S. 1913. Illyustrirovannaya istoriya Ukrainy [Illustrated history of Ukraine]. SPb. Tipo-litografiya akc. o-va «Samoobrazovanie», 556.
9. Gudavichyus E. 2005. Istoriya Litvy s drevneyshikh vremen do 1569 goda [The history of Lithuania from ancient times to 1569]. M., Fond imeni I.D. Sytina, BALTRUS, 680.
10. Gudkov L. 2000. K probleme negativnoy identifikatsii [To the problem of negative identification]. Monitoring obshchestvennogo mneniya. 5. 35–44.
11. Gudkov L. 2005. Sindrom negativnoy identichnosti v posttotalitarnoy Rossii [The syndrome of negative identity in post-totalitarian Russia]. Vtoraya navigatsiya. Al'manakh Vyp. 5. Zaporozh'ye, 123–143.
12. Dergachev V., Kirillov D. 2016. Khoroshego malo, zato net «banderov» [Good is not enough, but there are no «bandera»]. Gazeta.ru. Available at: https://www.gazeta.ru/politics/2016/08/03_a_9747233.shtml?updated# (accessed: 15 September 2020) (in Russian).
13. Efimishch N.M. 2018. Proshloe v konstruirovanii nacional'noj identichnosti: grand-narrativy Ukrainy [The past in the construction of national identity: Grand narratives of Ukraine]. Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya. 2: 77–90.
14. Zhiltsov S.S. (ed.) 2015. Ukraina: problemy territorial'no-gosudarstvennogo razvitiya. [Ukraine: problems of territorial state development]. M., VKN, 224.
15. Kas'yanov G. 2019. Ukraina i sosed: istoricheskaya politika. 1987–2018 [Ukraine and its neighbors: historical politics. 1987–2018]. M., Novoe literaturnoe obozrenie, 632.



16. Kachalov I.L. 2013. Istoriya Belarusi. S drevneyshikh vremen do 2013 g. [History of Belarus. From ancient times to 2013]. Minsk, Vysheyskaya shkola, 760.
17. Kireyev A. 2017. Bol'shinstvo zhitel'ey DNR/LNR vystupayet za to chtoby ostat'sya v sostave Ukrainy [The majority of residents of the DPR/LPR are in favor of remaining a part of Ukraine]. <https://kireev.livejournal.com/1373459.html> (accessed: 15 September 2020) (in Russian).
18. Kuchma L. 2004. Ukraina – ne Rossiya [Ukraine is not Russia]. M., Vremya, 560.
19. Manekin R.V. 2010. Ukraina: natsional'naya samobytnost' i natsionalizm [Ukraine: national identity and nationalism]. Ukrainskiy natsionalizm i Donbass. Istoricheskaya retrospektiva. Donetsk, «Astro», 101–120.
20. Miller A.I. 2009. Rossiya: Vlast' i istoriya [Russia: Power and History]. Pro et Contra. 3–4. Istoricheskaya politika. 6–23.
21. Miller A.I. (ed.) 2012. Istoricheskaya politika v XXI veke [Historical politics in the XXI century]. M. NLO. 648.
22. OPROS: Dopuskayete li vy dlya sebya vozmozhnost' vozvrashcheniya DNR v sostav Ukrainy? 2017 [SURVEY: Do you admit for yourself the possibility of the DPR returning to Ukraine?]. Novosti Donetskoy respubliki. URL: <http://dnr-news.com/oprosy/40500-opros-dopuskaete-li-vy-dlya-sebya-vozmozhnost-vozvrashcheniya-dnr-v-sostav-ukrainy.html> (accessed: 15 September 2020) (in Russian).
23. OPROS: Kak vy dumayete, kakim dolzhno byt' budushcheye Donbassa? 2017 [SURVEY: What do you think the future of Donbass should be?]. Novosti Donetskoy respubliki. URL: <http://dnr-news.com/oprosy/41070-kak-vy-dumaete-kakim-dolzhno-byt-budushee-donbassa.html> (accessed: 15 September 2020) (in Russian).
24. OPROS: Kak vy dumayete, nuzhno li Donbassu poluchit' status pravopreyemnika «nastoyashchey Ukrainy»? 2017 [SURVEY: Do you think Donbass needs to get the status of the legal successor of «real Ukraine»?]. Novosti Donetskoy respubliki. URL: <http://dnr-news.com/oprosy/42863-opros-kak-vy-dumaete-nuzhno-li-donbassu-poluchit-status-pravopreemnika-nastoyaschey-ukrainy.html> (accessed: 15 September 2020) (in Russian).
25. OPROS: Kak vy dumayete, nuzhno li ob'yedinit' DNR i LNR v odno gosudarstvo? 2017 [SURVEY: Do you think it is necessary to unite the DPR and LPR into one state?]. Novosti Donetskoy respubliki. URL: <http://dnr-news.com/oprosy/42981-opros-kak-vy-dumaete-nuzhno-li-obedinit-dnr-i-lnr-v-odno-gosudarstvo.html> (accessed: 15 September 2020) (in Russian).
26. OPROS: planiruyete li vy vospol'zovat'sya ukrainskim bezvizom? 2017 [SURVEY: Do you plan to use the Ukrainian visa-free travel?]. Novosti Donetskoy respubliki. <http://dnr-news.com/oprosy/40815-opros-planiruyete-li-vy-vospolzovatsya-ukrainskim-bezvizom.html> (accessed: 15 September 2020) (in Russian).
27. Soglasheniye o sozdanii Sodruzhestva Nezavisimyykh gosudarstv. 1991 [Agreement on the Creation of the Commonwealth of Independent States]. URL: <https://rg.ru/1991/12/19/sng-site-dok.html> (accessed: 15 September 2020) (in Russian).
28. Sotsiologi proveli opros v Donbasse i uznali, kak zhiteli DNR otnosyatsya k khunte. 2015 [Sociologists conducted a survey in Donbass and found out how residents of the DPR treat the junta]. Novosti DNR. URL: <http://prodonbass.ru/8374> (accessed: 15 September 2020) (in Russian).
29. Sotsiologicheskoye issledovaniye tsentra «Osobyi status». 2015 [Sociological research center «Special status»] Luganskiy informatsionnyy tsentr. URL: <http://lug-info.com/news/one/sotsiologicheskoe-issledovanie-tsentra-osobyi-status-2799> (accessed: 15 September 2020) (in Russian).
30. «Sotsopros»: 36 % zhitel'ey «DNR» khotyat zhit' v Rossii, 18 % – v «Novorossii». 2015 [«Social poll»: 36 % of residents of the «DPR» want to live in Russia, 18 % – in «Novorossiya»]. Gordonua.com URL: <https://gordonua.com/news/society/socopros-36-zhitel'ey-dnr-hotyat-zhit-v-rossii-18-v-novorossii-83814.html> (accessed: 15 September 2020) (in Russian).
31. Test na sovmestimost'. 2019 [Test for compatibility]. Zerkalo nedeli. Ukraina. URL: https://m.zn.ua/internal/test-na-sovmestimost-335429_.html (accessed: 15 September 2020) (in Russian).
32. Cherdancev V.V. 2016. Istoricheskij vybor ukrainskogo naroda v kontekste etnopolitologii [The historical choice of the Ukraine people in the context of ethnopolitology]. Elektronnyy nauchnyy zhurnal «GosReg». 2016. № 2. URL: http://gosreg.amchs.ru/pdf/files/16number/articles16/Cherdantsev_2_16.pdf (accessed: 15 September 2020) (in Russian).

33. Cherkashin K.V. 2017. Zhiteli Donetska vse chashche samoopredelyayutsya kak russkiye [Residents of Donetsk are increasingly identifying themselves as Russians]. IA REGNUM. Available at: <https://regnum.ru/news/2240754.html> (accessed: 15 September 2020) (in Russian).

34. Shest' respublik boykotiruyut [Six republics boycott]. URL: <https://histrf.ru/lenta-vremeni/event/view/riefieriendum-o-sokhranienii-sssr-6-riespublik-boikotiruiut> (accessed: 15 September 2020) (in Russian).

35. Yakovenko N. 1997. Narys istoriyi Ukrayiny z naydavnishykh chasiv do kintsya XVIII st. [Essay on the history of Ukraine from ancient times to the end of the XVIII century]. Kyiv, Heneza, 380.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Герштейн Илья Захарьевич, старший преподаватель кафедры мировой дипломатии и международного права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilya Z. Gerstein, senior lecturer, Department of world diplomacy and international law, Lobachevsky state University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia



УДК 327.8

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-640-646

Реализация внешнеполитических установок Турецкой Республики в отношении государств Черноморского региона: сферы сотрудничества и конфликта

Демирель Нури

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,
Россия, 295007, Республика Крым, г. Симферополь, проспект Академика Вернадского, 4
E-mail: deminuri75@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются направления реализации внешнеполитических установок Турции в отношении государств Черноморского региона. Выделены три главные сферы, выступающие одновременно основой для сотрудничества и конфликта в регионе, – это международная безопасность, экономические программы и культурные аспекты взаимодействия, включающие этнические, религиозные, образовательные и другие вопросы. Субъектами взаимодействия Турецкой Республики выступают все государства Причерноморья (Россия, Украина, Азербайджан, Грузия и пр.), в том числе наиболее сложная для реализации турецкой политики Армения. Работа по каждому из трех направлений с государствами Причерноморья, реализуемая преимущественно в формате двусторонних отношений, обеспечивает реализацию амбиций Турции на статус регионального лидера, однако не исключает комплекс проблем, остающихся актуальными для участников диалога.

Ключевые слова: Турция, Черноморский регион, международная безопасность, экономическое сотрудничество, культурные аспекты взаимодействия.

Для цитирования: Демирель Нури. 2020. Реализация внешнеполитических установок Турецкой Республики в отношении государств Черноморского региона: сферы сотрудничества и конфликта. Via in tempore. История. Политология, 47 (3): 640–646. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-640-646.

Implementation of foreign policy institutions of the Turkish Republic with respect to the states of the Black sea region: fields of cooperation and conflict

Demirel Nuri

Crimean Federal University. V.I. Vernadsky
4 Akademik Vernadsky Ave., Simferopol, 295007, Republic of Crimea, Russia
E-mail: deminuri75@mail.ru

Abstract. The article discusses the directions of implementation of foreign policy installations of Turkey in relation to the states of the Black Sea region. He identifies three main areas that simultaneously serve as the basis for cooperation and conflict in the region – international security, economic programs and cultural aspects of interaction, including ethnic, religious, educational and other issues. The subjects of interaction of the Turkish Republic are all the states of the Black Sea region (Russia, Ukraine, Azerbaijan, Georgia, etc.), including Armenia, the most difficult to implement Turkish policy. Work in each of the three areas with the Black Sea states, implemented mainly in the format of bilateral relations, ensures the realization of Turkey's ambitions for the status of a regional leader, but does not exclude a set of problems that remain relevant for the participants in the dialogue.

Key words: Turkey, the Black Sea region, international security, economic cooperation, cultural aspects of interaction.

For citation: Demirel Nuri. 2020. Implementation of foreign policy institutions of the Turkish Republic with respect to the states of the Black sea region: fields of cooperation and conflict. *Via in tempore. History and political science*, 47 (3): 640–646 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-640-646.

На сегодняшний день сферы взаимодействия Турецкой Республики с государствами Черноморского региона являются многочисленными и разнородными. Одни из них предполагают и включают в себя области различных проявлений взаимного сотрудничества, другие, наоборот, заключают в себе сложности и даже конфликты. Для того чтобы выделить эти основные сферы, вспомним работу турецкого ученого К. Касима, который писал, что «после распада СССР Турция стала влиятельной силой в Черноморском регионе, для нее открылись новые возможности сотрудничества в области экономики и безопасности» [Kasim, 2008]. По мнению автора, эти две области являются первоочередными в проведении Турцией своей причерноморской политики, поэтому в первую очередь на них стоит сосредоточить свое внимание.

Эта общая установка определяет актуальность нашего исследования и позволяет сформулировать его цель, направленную на рассмотрение базовых направлений внешней политики Турции, обуславливающих реализацию ее внешнеполитических установок в Черноморском регионе.

Соответственно, задачами нашего исследования являются:

1. Рассмотрение внешнеполитических установок Турции в Причерноморье в сфере международной безопасности.
2. Обозначение ее экономических программ и приоритетов в отношении стран Черноморского региона.
3. Анализ других направлений внешней политики Турции, таких как культура, обеспечивающих возможности ее сотрудничества в регионе.

Объектом исследования выступает совокупность внешнеполитических установок Турецкой Республики, а предметом – особенности их реализации в отношении государств Черноморского региона.

В соответствии с обозначенными задачами, первой рассматриваемой нами сферой внешней политики Турции является имеющая особенное значение в международных отношениях, а также наиболее исторически обусловленная область политики – это политическая и военная безопасность. Имея цель выстраивания позитивных отношений с государствами Причерноморья, Турция уделяет этому вопросу значительное внимание.

Кратко охарактеризуем основные направления этого сотрудничества. Наиболее простыми они являются с Болгарией и Румынией, так как их вступление в НАТО сделало вопрос об их стратегическом партнерстве с Турцией само собой разумеющимся. Также активное сотрудничество в сфере безопасности Анкара ведет с Азербайджаном. Одним из ключевых документов является подписанное в 2010 году соглашение «О стратегическом партнерстве и взаимопомощи» [Türkiye Cumhuriyeti..., 2010], обновившее предыдущее соглашение от 1994 года.

Немаловажным объектом взаимодействия Турции является Грузия. Основные направления работы с ней были определены «Договором о дружбе, сотрудничестве и добрососедстве» [Türkiye Cumhuriyet, Глазатов, 2011]. Кроме того, сотрудничество Турции с этими двумя странами в сфере безопасности осуществляется в формате трехсторонних встреч.

В контексте Черноморского региона сотрудничество Турции с Россией проявляется в направлении Южного Кавказа и отчасти Крыма. Одним из базовых документов их работы в области региональной безопасности является «Совместная декларация ...» [Совместная декларация..., 2009].



Наиболее сложной для политики турецкой безопасности является ситуация с Арменией, с которой у Турецкой Республики отсутствуют дипломатические отношения.

Стремление Турции занимать лидирующие позиции в Черноморском регионе выражается не только в формате дву- и трехсторонних отношений с государствами, однако и в активной региональной политике.

Например, еще в 1998 году была основана военно-политическая инициатива «Блэк-сифор». С 2001 года инициатива «Блэксифор» приобрела международный статус и была в первую очередь направлена на сотрудничество между черноморскими государствами. Начавшийся в 2013 году кризис на Украине и последовавшие за ним крымские события привели к принципиальному противоречию между странами-участниками «Блэксифор», и в итоге инициатива была завершена. Эта же судьба постигла начатую Турецкой Республикой в 2004 году операцию «Черноморская гармония», которая на сегодняшний день прекратила свою работу.

Еще одной важной инициативой стало основанное Турцией в 2000 году проведение «Форума Черноморского пограничного сотрудничества». В его рамках проводились ежегодные встречи представителей министерств внутренних дел, обсуждались вопросы обеспечения безопасности региона, прекращения наркотрафика, нелегальной миграции и другой форм незаконной деятельности [Форум Черноморского..., 2019]. В отличие от других инициатив «Форум Черноморского пограничного сотрудничества» проводится по сей день. Последнее, двадцатое его заседание прошло в октябре 2019 года. В его ходе председательство в инициативе было принято Украиной от Румынии. Однако на прошедшую встречу не была приглашена Российская Федерация, что можно расценивать как индикатор существующих в Черноморском регионе проблем в сфере безопасности.

Проводившиеся в последние годы инициативы Турции свидетельствовали о том, что она стремится реализовывать активную политику в сфере безопасности Причерноморья. Однако кризисные ситуации продолжают делать это направление внешней политики Турции сложным и неоднозначным.

Одним из наиболее важных конфликтов, повлекших трансформацию системы отношений в Черноморском регионе, а значит, и сферы черноморской безопасности Турции, является кризис на Украине, начавшийся в конце 2013 года, и присоединение Крыма к России.

Еще одним конфликтом, имевшим непосредственное отношение к региональной безопасности Причерноморья, в урегулирование которого Турция посчитала нужным включиться, был грузино-осетинский конфликт, произошедший в августе 2008 года на территории Грузии.

Также на действия Турции в сфере региональной безопасности влияют более долгосрочные и до сих пор не разрешившиеся конфликты, такие как Нагорный Карабах и Северный Кипр. В первом Турция поддерживает Азербайджан и имеет противоречия с Арменией [Erdoğan'dan Ermenistan'a..., 2015]. Ситуация с Северным Кипром, до сих пор непризнанным государством, является одной из причин непризнания Турцией Южной Осетии и других территорий, имеющих отношение к Черноморскому региону.

Политика Турции в сфере безопасности в Черноморском регионе является важным и активно развивающимся ее направлением, однако присутствие проблем и противоречий в этой сфере остается значительным и в данный момент непреодолимым.

Вторым значимым направлением черноморской политики Турции является экономика, включающая в себя такие сферы работы, как торговля, транспорт, энергетика. Эта сфера является не менее важной, чем безопасность, так как уже в начале XXI века Турция достигла значительных результатов в развитии экономики и преобразовалась в экспортующее государство, планирующее к 2023 году войти в первую десятку экономик мира и увеличить объем экспорта до 500 млрд долл. [2023 Türkiye ihracat, 2012].

Экономическая политика Турции в Черноморском регионе может быть в первую очередь охарактеризована через ее товарооборот с Причерноморскими странами.

Согласно данным диссертации Н.С. Беляковой, общий товарооборот Турции с этими государствами за 2014 год составил 53,89 млрд долл., что соответствует 13,48 % от ее общего товарооборота [Белякова, 2015, с. 89].

Приведенные данные, даже не являясь самыми актуальными, показывают, что отношения Турции с Черноморскими странами характеризуются устойчивым наращиванием двустороннего оборота. По сравнению с 2003 годом, когда товарооборот Турции с этими государствами составлял 10,85 % от общего товарооборота страны, товарооборот в 2014 г. составил 13,5 % [Белякова, 2015, с. 89].

Еще одним важным направлением экономической политики Турции в Причерноморье являются транспортные проекты. Их создание связано с необходимостью транспортировать грузы в соседние страны с минимальными затратами. Развитию этого направления способствует географическое положение Турции, дающее основания выступать в роли транзитной территории в сфере энергетики и товарооборота. Для развития этой сферы Турция инициирует собственные проекты и принимает участие в международных.

Наиболее современным направлением экономической внешней политики Турции в Причерноморье является энергетика. Возросший интерес Турции к энергетическому сектору легко проследить в официальных документах. Соседство Турции с регионами и Ближнего Востока, и Каспийского моря, имеющими объемы запасов нефти и газа, составляющие порядка 70 % от мировых запасов, подтолкнуло турецкие власти к постановке новой цели – превращения Турции в «энергетический коридор», за счет которого республика может обеспечивать и собственную энергетическую безопасность. В начале XXI века Турция смогла осуществить шаги для реализации этой цели.

На основе этого обзора можно утверждать, что сферы безопасности и экономики являются важными и, главное, влиятельными каналами усиления внешнеполитических позиций Турецкой Республики в Черноморском регионе. Однако кроме них есть еще одно направление международных отношений, которое Турция также успешно использует для распространения и закрепления своего влияния – это культура.

Особенно важным эта область взаимодействия стала после распада СССР, когда Турция получила возможность начать работу, направленную на новые тюркские государства. Например, основной целью Агентства по тюркскому сотрудничеству и развитию провозглашено развитие «экономических, коммерческих, технических, социальных, культурных и образовательных программ и проектов с тюркскими и другими близкими Турции странами» [Sayı 21124. Kanun Hükmünde..., 1992]. Сейчас представительства Агентства открыты в ряде стран Причерноморья. Посредством этой организации Турецкая Республика помогает национальным меньшинствам, проживающим в этих государствах [Faaliyet raporu..., 2013].

Еще одно важное направление культурной политики – это Центры турецкой культуры им. Ю. Эмре. Их цель – преподавание турецкого языка за рубежом, поддержка научных исследований. Сейчас эти Центры открыты во многих странах мира [Kurumsal..., 2020].

Также в 2010 году была создана правительственная программа «Турецкие стипендии», которыми могли воспользоваться школьники и студенты из пятидесяти стран мира, в том числе Причерноморья, включая Армению [Yurtdışı Türkler, Burs programları..., 2010].

Важным способом культурного влияния Турции можно назвать религиозное сотрудничество. В его рамках осуществляется «работа с соотечественниками и мусульманами, проживающим за рубежом...» [Tanitim..., 2019], в том числе в Причерноморье.

В итоге стоит отметить, что и культурная политика является важным, хотя также неоднозначным и непростым направлением внешней политики Турции в Причерноморье.



В первую очередь она направлена на распространение ценностей турецкой культуры и поддержку близких Турции этнических и религиозных групп.

Подводя общий итог этой статье, можно сделать вывод, что внешняя политика Турецкой Республики в Черноморском регионе является важной составляющей ее общего политического курса. Она имеет проработанную и глубокую концептуальную основу, ориентирующую турецкие власти на утверждение турецкого международного статуса при сочетании этих целей с принципом «ноль проблем с соседями». Институциональная внешняя политика Турции подтверждает и реализует эти установки, находя свое выражение в программных положениях Партии сотрудничества и развития, а также в реальных шагах турецкой власти.

Тремя основными направлениями внешней политики Турции в Причерноморье являются безопасность, экономика и культура. Каждое из них имеет свои положительные результаты, свидетельствующие об эффективности причерноморской политики Турецкой Республики, а также проблемы и сложности, предполагающие ее дальнейшую активную работу в первую очередь в формате двустороннего сотрудничества с черноморскими субъектами.

Список литературы

1. Белякова Н.С. 2015. Роль и место черноморского региона во внешней политике Турецкой Республики на современном этапе: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. Москва, 142.
2. Глазова А.В. 2011. Внешнеполитические инициативы Турции на Южном Кавказе: успех или неудача? Проблема национальной стратегии. 1 (6): 72–73.
3. Краткая хронология миротворческой операции по принуждению Грузии к миру 7 августа 2008 г. URL: http://archive.mid.ru/bdcomp/ns-reuro.nsf/348bd0da1d5a7185432569e700419c7a/b700d6f9f6ff614ec325752e_00504f75!OpenDocument (дата обращения: 21.07.2020).
4. Совместная декларация о продвижении к новому этапу отношений между Российской Федерацией и Турецкой Республикой и дальнейшем углублении дружбы и многопланового партнерства. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2009/02/212886.shtml> (дата обращения: 27.07.2020).
5. Форум Черноморского пограничного сотрудничества. Государственная пограничная служба Украины. URL: http://dpsu.gov.ua/ru/static_page/361.htm (дата обращения: 27.07.2020).
6. 2023 Türkiye ihracat stratejisi ve eylem planı. Ekonomi Bakanlığı. URL: <http://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2012/06/20120613-31-1.pdf> (дата обращения: 21.07.2020).
7. Burs programları. Türkiye Bursları. URL: <http://www.turkiyeburslari.gov.tr/index.php/tr/turkiye-burslari/burs-programlari> (дата обращения: 02.07.2020).
8. Erdoğan'dan Ermenistan'a çağrı. URL: <http://www.milliyet.com.tr/erdogan-dan-ermenistan-a-cagri/siyaset/detay/2046199/default.htm> (дата обращения 04.07.2020).
9. Faaliyet raporu 2013. Türk işbirliği ve koordinasyon ajansı başkanlığı. URL: <http://www.tika.gov.tr/upload/oldpublication/faaliyet-raporu-2013.pdf> (дата обращения: 17.07.2020).
10. Kasım K. 2008 Türkiye'nin Karadeniz politikası: temel parametreler ve stratejiler. Orta Asya ve Kafkasya Araştırmaları Dergisi (OAKA). Yıl. 3: 172–180.
11. Kırım'da düzenlenen referandum hk. No: 86, 17 Mart 2014. URL: http://www.mfa.gov.tr/no_-86_-17-mart-2014_-kirim_da-duzenlenen-referandum-hk.tr.mfa (дата обращения 21.07.2020).
12. Komşularla sıfır sorun politikamız. URL: <http://www.mfa.gov.tr/komsularla-sifir-sorun-politikamiz.tr.mfa> (дата обращения 17.07.2020).
13. Kurumsal. Yunus Emre Enstitüsü. URL: <http://www.yee.org.tr/turkiye/tr/kurumsal> (дата обращения: 03.07.2020).
14. Müşavirlikler. URL: <http://www2.diyenet.gov.tr/DisIliskilerGenelMudurlugu/Sayfalar/Musavirlikler.aspx> (дата обращения: 03.07.2020).
15. Sayı 21124. Kanun Hükmünde Kararhane. Karar sayısı KHK/480. T.C. Resmi Gazete. URL: <http://www.resmigazete.gov.tr/arsiv/21124.pdf> (дата обращения: 20.07.2020).

16. Tanıtım. Dış İlişkiler Genel Müdürlüğü. Diyanet İşleri Bakanlığı. URL: <http://www2.diyaret.gov.tr/DisliskilerGenelMudurlugu/Sayfalar/Tanitim.aspx> (дата обращения: 13.07.2020).
17. Türkiye Cumhuriyet ile Gürcistan Cumhuriyeti arasında dostluk, işbirliği ve iyi komşuluk anlaşması. URL: <http://www.basarmevzuat.com/dustur/kanun/5/0244/92-3430gurcu.htm> (дата обращения: 21.07.2020).
18. Türkiye Cumhuriyeti Hükümeti ile Ukrayna Bakanlar Kurulu Arasında Geliştirilmiş İşbirliği Ortak Eylem Planı, 2004 г. URL: <http://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2007/08/20070810-1.htm> (дата обращения: 02.07.2020).
19. Türkiye Cumhuriyeti ile Azerbaycan Cumhuriyeti Arasında Stratejik Ortaklık ve Karşılıklı Yardım Anlaşması. URL: <http://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2011/05/20110528M1-30-1.pdf> (дата обращения: 13.07.2020).
20. Yurtdışı Türkler ve akraba topluluklar Başkanlığı Teşkilat ve görevli hakkında kanun. Kanun No 5978. T.C. Resmi Gazete. URL: <http://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2010/04/20100406-1.htm> (дата обращения 21.07.2020).

References

1. Beljakova N.S. 2015. Rol' i mesto chernomorskogo regiona vo vneshnej politike tureckoj respubliki na sovremennom jetape [The role and place of the Black Sea region in the foreign policy of the Turkish Republic at the present stage] : dis. ... kand. polit. nauk: 23.00.04. Moskva, 142.
2. Glazova A.V. 2011. Vneshnepoliticheskie iniciativy Turcii na Juzhnom Kavkaze: uspeh ili neudacha? Problema nacional'noj strategii [Turkish Foreign Policy Initiatives in the South Caucasus: Success or Failure? The problem of national strategy]. 1 (6): 72–73.
3. Kratkaja hronologija mirotvorcheskoj operacii po prinuzhdeniju Gruzii k miru 7 avgusta 2008 g. [A brief chronology of the peacekeeping operation to force Georgia to peace on August 7, 2008]. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/ns-reuro.nsf/348bd0da1d5a7185432569e700419c7a/b700d6f9f6ff614ec325752e_00504f75!OpenDocument (дата obrashhenija: 21.07.2020).
4. Sovmestnaja deklaracija o prodvizhenii k novomu jetapu otnoshenij mezhdru Rossijskoj Federaciej i Tureckoj Respublikoj i dal'nejshem uglublenii družby i mnogoplanovogo partnerstva [Joint Declaration on advancing to a new stage in relations between the Russian Federation and the Republic of Turkey and further deepening friendship and multifaceted partnership]. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2009/02/212886.shtml> (дата obrashhenija: 27.07.2020).
5. Forum Chernomorskogo pogranichnogo sotrudnichestva. Gosudarstvennaja pogranichnaja sluzhba Ukrainy [Forum of the Black Sea border cooperation. State Border Guard Service of Ukraine]. URL: http://dpsu.gov.ua/ru/static_page/361.htm (дата obrashhenija: 27.07.2020).
6. 2023 Türkiye ihracat stratejisi ve eylem planı. Ekonomi Bakanlığı. URL: <http://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2012/06/20120613-31-1.pdf> (дата обращения: 21.07.2020).
7. Burs programları. Türkiye Bursları. URL: <http://www.turkiyeburslari.gov.tr/index.php/tr/turkiye-burslari/burs-programlari> (дата обращения: 02.07.2020).
8. Erdoğan'dan Ermenistan'a çağrı. URL: <http://www.milliyet.com.tr/erdogan-dan-ermenistan-a-cagri/siyaset/detay/2046199/default.htm> (дата обращения 04.07.2020).
9. Faaliyet raporu 2013. Türk işbirliği ve koordinasyon ajansı başkanlığı. URL: <http://www.tika.gov.tr/upload/oldpublication/faaliyet-raporu-2013.pdf> (дата обращения: 17.07.2020).
10. Kasım K. 2008 Türkiye'nin Karadeniz politikası: temel parametreler ve stratejiler. Orta Asya ve Kafkasya Araştırmaları Dergisi (OAKA). Yıl. 3: 172–180.
11. Kırım'da düzenlenen referandum hk. No: 86, 17 Mart 2014. URL: http://www.mfa.gov.tr/no_-86_-17-mart-2014_-kirim_da-duzenlenen-referandum-hk.tr.mfa (дата обращения 21.07.2020).
12. Komşularla sıfır sorun politikamız. URL: <http://www.mfa.gov.tr/komsularla-sifir-sorun-politikamiz.tr.mfa> (дата обращения 17.07.2020).
13. Kurumsal. Yunus Emre Enstitüsü. URL: <http://www.yee.org.tr/turkiye/tr/kurumsal> (дата обращения: 03.07.2020).



14. Müşavirlikler. URL: <http://www2.diyaret.gov.tr/DisIliskilerGenelMudurlugu/Sayfalar/Musavirlikler.aspx> (дата обращения: 03.07.2020).
15. Sayı 21124. Kanun Hükmünde Kararhane. Karar sayısı KHK/480. T.C. Resmi Gazete. URL: <http://www.resmigazete.gov.tr/arsiv/21124.pdf> (дата обращения: 20.07.2020).
16. Tanıtım. Dış İlişkiler Genel Müdürlüğü. Diyanet İşleri Bakanlığı. URL: <http://www2.diyaret.gov.tr/DisIliskilerGenelMudurlugu/Sayfalar/Tanitim.aspx> (дата обращения: 13.07.2020).
17. Türkiye Cumhuriyet ile Gürcistan Cumhuriyeti arasında dostluk, işbirliği ve iyi komşuluk anlaşması. URL: <http://www.basarmevzuat.com/dustur/kanun/5/0244/92-3430gurcu.htm> (дата обращения: 21.07.2020).
18. Türkiye Cumhuriyeti Hükümeti ile Ukrayna Bakanlar Kurulu Arasında Geliştirilmiş İşbirliği Ortak Eylem Planı, 2004 г. URL: <http://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2007/08/20070810-1.htm> (дата обращения: 02.07.2020).
19. Türkiye Cumhuriyeti ile Azerbaycan Cumhuriyeti Arasında Stratejik Ortaklık ve Karşılıklı Yardım Anlaşması. URL: <http://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2011/05/20110528M1-30-1.pdf> (дата обращения: 13.07.2020).
20. Yurtdışı Türkler ve akraba topluluklar Başkanlığı Teşkilat ve görevli hakkında kanun. Kanun No 5978. T.C. Resmi Gazete. URL: <http://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2010/04/20100406-1.htm> (дата обращения: 21.07.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Демирель Нури, директор международной школы «Пан Азия», г. Бангкок, Таиланд, выпускник аспирантуры философского факультета Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nuri Demirel, Head of Pan Asia International School, Bangkok, Thailand, graduate of the graduate school of philosophy of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University

УДК 321.02

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-647-657

Политическая активность аудитории постмодерна: коммуникативный аспект

В.С. Тормошева

Нижегородский государственный лингвистический университет

им. Н.А. Добролюбова,

Россия, 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а

E-mail: tormosh@mail.ru

Аннотация. На основе коммуникативного подхода опровергнут популярный тезис о политической пассивности аудитории постмодерна. Политическая активность представлена традиционными и нетрадиционными формами в физическом (демонстрации, митинги, марши протеста), сетевом (журналистика гражданская / прямого участия, онлайн-активизм, электронные петиции) и рыночном (политический консьюмеризм, социально ответственное потребление) пространствах. Помимо манифестной деятельности выявлены латентные формы индивидуального и коллективного политического участия (интерес к общественно-политическим вопросам, волонтерство, политика образа жизни), что значимо для будущих политических действий традиционного формата. Активность может включать легальные конфронтационные практики и незаконные формы (хактивизм, кибертерроризм). Постмодернистская аудитория формирует политическую повестку дня в публичном пространстве, выступая в роли коммуникативного актора.

Ключевые слова: аудитория, коммуникация, постмодерн, политическая активность, политическое участие.

Для цитирования: Тормошева В.С. 2020. Политическая активность аудитории постмодерна: коммуникативный аспект. *Via in tempore. История. Политология*, 47 (3): 647–657. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-647-657.

Political activity of the postmodern audience: the communicative aspect

Vera S. Tormosheva

Nizhny Novgorod State Linguistics University,

31a Minin St., Nizhny Novgorod, 603155, Russia

E-mail: tormosh@mail.ru

Abstract. Based on the communicative approach, the article contradicts the common perception about postmodern audience's political passivity. Conventional and unconventional participation formats in three spaces, namely physical (demonstrations, rallies, protests), digital (participatory and network/citizen journalism, online-activism, e-petitioning) and market (political consumerism, socially conscious consumption) represent its political activity. In addition to its manifest activities, the postmodern audience practises latent forms of individual and collective political participation (interest in politics and societal issues, voluntary work, lifestyle related politics) that could be of great relevance for future political actions of a more traditional dimension. Political activity may include legal confrontational practices as well as illegal forms of political participation (hacktivism, cyberterrorism). As a communicative actor, the postmodern audience has been defining the political agenda in the public sphere.

Keywords: audience, communication, postmodernity, political activity, political participation.



For citation: Tormosheva V.S. Political Activity of the Postmodern Audience: The Communicative Aspect. *Via in tempore. History and political science*, 47 (3): 647–657 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-647-657.

Введение

Исследование коммуникации в политической сфере вызывает пристальное внимание учёных, политиков, управленцев и специалистов-практиков начиная с 1940-х годов. В условиях постмодернистских трансформаций, коснувшихся в числе прочего политической коммуникации, возникает необходимость изучения коммуникативной составляющей многочисленных аспектов политического процесса. Одним из таких аспектов представляется политическая активность аудитории постмодерна, пока ещё не получившая рассмотрения с использованием коммуникативного подхода.

Аудиторию постмодерна, именуемую «искусственным образованием» либо «воображаемым сообществом», нелегко определить. Исследователи-постмодернисты разделяют мнение о её сложности и отмечают проблематичность установления с ней политического контакта, падение избирательной лояльности, отсутствие у неё «подчинённого положения» по отношению к СМИ, дефицит интереса к важным политическим новостям, их избегание, нацеленность на развлечения и изменчивость политических предпочтений [Тормосева, 2018, с. 474, 476]. Кроме того, достаточно распространено мнение о социально-политической пассивности постмодернистской аудитории. Свидетельство этому – множество ярких, негативно окрашенных метафор в её адрес, а именно: «бесформенное население» на театрализованном представлении [Шепелев, 2019, с. 92]; «люди, ранее известные как аудитория», живущие внутри сформированного их предпочтениями и интернет-алгоритмами «информационного пузыря» [Bennett, Pfetsch, 2018, pp. 245, 248]; «наблюдатели», застывшие в ожидании императива для выполнения политического действия [Ekman, Amnå, 2012, p. 288]; некомпетентные, ситуативно реагирующие, контрпродуктивные «акторы» [Семёнов, 2019, с. 176], а также пришедшие на смену телеаудитории «диванных активистов» политически неэффективные, лишённые моральных устоев «клик-активисты», имеющие конечной целью удовлетворение личных, а не общественных устремлений [Cabrerá et al., 2017, pp. 5, 7].

Исследования, однако, показывают, что так называемые неучаствующие в политике составляют в обществе меньшинство. Опрос британских граждан об их отношении к политической деятельности свидетельствует, что 60 % так или иначе вовлечены в политическую жизнь. Это *исполнители* (37 %), не имеющие склонности к партийной работе, но достаточно активные на уровне местных сообществ; *эксперты* (15 %), использующие знания и связи с целью влияния на политические и корпоративные элиты по определённому кругу проблем и *политические активисты* (8 %), действующие в рамках традиционной политической деятельности и имеющие схожие с экспертами характеристики [Slade, Hobbs, 2015, p. 2]. Результаты выявления актуального и перспективного интереса россиян к политике показывают, что более 75 % опрошенных имеют систематический либо периодический запрос на политическую информацию; отсутствует интерес к политическим событиям у менее 18 % респондентов [Гаврилюк, Маленков, 2019, с. 46].

Более того, изучение электорального поведения молодёжи США, Великобритании, Франции, Германии и России опровергает как расхожее представление об утрате молодым поколением интереса к политике, так и широко распространённый в западном и российском научном сообществе тезис о размывании традиционных форм политического участия в связи со сменой поколений и изменением условий социализации [Пырма, 2019, с. 188]. Концепции отмирания демократических институтов ввиду падения интереса граж-

дан к политике и замещения политически активных поколений пассивными также не находят подтверждения [Там же, с. 197].

В качестве гипотезы нашего исследования мы выдвигаем следующее утверждение: современные коммуникативные практики влияют на политическую активность аудитории, стимулируя её. Основанием для нашего утверждения служит то, что для постмодерна характерна повышенная концентрация информационных потоков (графических, символьных, текстовых, аудио, видео и их комбинаций), что воздействует на гражданина через множество коммуникационных каналов (межличностных, наружно-рекламных, событийных, печатных, вещательных, сетевых). Согласно исследованиям, чем выше количество информационных каналов в репертуаре отдельного пользователя, тем больше времени он посвящает именно новостным программам [Wonneberger, Kim, 2017, p. 85], что, несомненно, повышает его информированность в общественно-политической проблематике и формирует критическое отношение к политической системе в целом и/или к её элементам. В конечном счёте это выражается в высказываниях либо в действиях политического характера в публичном пространстве.

Методология исследования

Использование коммуникативного подхода в политической мысли отражено в многочисленных работах, ставших классикой социально-политических наук. Здесь следует назвать труды Толкотта Парсонса, Карла Дойча, Ханны Арендт, Никласа Лумана, Георгия Почепцова и др. Наиболее важной для нашего исследования является теория коммуникативного действия немецкого социолога, философа и теоретика постмодернизма Юргена Хабермаса и его утверждение об интерактивном участии индивидов в коммуникативных действиях в онлайн- и офлайн-среде как условия построения глобального политического пространства.

В статье мы предпримем попытку систематизировать разновидности политической активности аудитории постмодерна, обусловленные коммуникативными действиями в онлайн- и офлайн-среде. Вслед за теоретиком постмодернизма Фредриком Джеймсоном подчеркнём, что разнообразные современные политические практики не являются политическими событиями в традиционном понимании: они недолговечны и не имеют значительных институциональных последствий. Это «события» в философском смысле слова: они существуют в настоящем, а затем заканчиваются, отражая главную черту постмодерна – презентизм коммуникаций [Baumbach et al., 2016, p. 146].

Помимо коммуникативного подхода мы используем данные теоретических и эмпирических исследований политической активности граждан отдельных европейских стран (России, Бельгии, Великобритании, Германии, Нидерландов, Франции, Швейцарии, Швеции), Европейского Союза в целом и США, что позволит определить актуальные тренды политического участия в современном мировом политическом процессе.

Традиционные и новые политические практики аудитории постмодерна

Не разделяя мнение о политической пассивности постмодернистской аудитории, некоторые учёные отмечают её значительную роль с точки зрения политиков и СМИ. Именно поэтому политические и медийные акторы постоянно учитывают интересы и требования граждан при формулировании и адресации политических сообщений [Esser, Pfetsch, 2017, p. 6]. Публикуя, комментируя и интерпретируя результаты опросов общественного мнения, СМИ, в свою очередь, помещают политиков под пресс общественного мнения. В результате взаимного влияния друг на друга политических акторов, медиа и аудитории, предъявляющих информацию в виде требований, призывов, обращений, сообщений и аргументов, в ведущих, нишевых, цифровых и социальных медиа происходит формирование множества политических повесток [Bennett, Pfetsch, 2018, p. 249].



Отметим по крайней мере два момента, связанные с политической ролью традиционной практики проведения опросов общественного мнения. *Во-первых*, опросы снижают стоимость индивидуального выражения политических взглядов. Участие в демонстрации требует временных и энергетических затрат, подписание петиций может быть связано с риском, в то время как анонимное участие в опросе минимально по затратам, что позволяет вовлечь даже равнодушных и незаинтересованных в политике граждан. *Во-вторых*, мирный характер опросов облегчает выражение политических взглядов, в то время как участие в демонстрациях связано с угрозой насилия, особенно когда мнения участников достаточно полярны.

Помимо деления граждан на занятых политикой либо равнодушных к ней, важно отметить новое понимание гражданами политики, обусловленное утратой доверия к традиционным политическим институтам, с одной стороны, и появлением новых коммуникационных возможностей самовыражения, с другой [Парфёнова, 2016, с. 12]. На смену традиционному формату политического участия с официально установленными видами общественно-политической деятельности [Lamprianou, 2013, p. 22] приходят неконвенциональные политические практики [Slade, Hobbs, 2015, p. 2]. При этом исследовательский интерес по-прежнему сфокусирован на традиционных формах политического участия.

Подобная ситуация приводит к тому, что инновации в политическом репертуаре граждан остаются незамеченными, и, как следствие, формируются ложные представления об аполитичности аудитории постмодерна [Stolle et al., 2005, p. 249]. Напротив, дистанцирование от традиционной политики и её структур, а также всплеск неинституциональных форм политического участия [Cabrera et al., 2017, pp. 3–5] – неотъемлемая часть бурных постмодернистских трансформаций политического пространства [Lamprianou, 2013, p. 28]. Граждане бросают вызов элитам, участвуя в мирных шествиях, демонстрациях и митингах. Активные бойкоты и протесты могут сопровождаться строительством баррикад, поджогами, нападением на силы безопасности, порчей имущества, нанесением граффити. Политическими площадками являются и виртуальные ресурсы – блогосфера, видеохостинги и социальные сети. При всём многообразии постмодернистских форм политического участия они могут быть как незаконными, так и правомерными, но при этом агрессивными либо экстремальными [Lamprianou, 2013, p. 25].

Отметим ещё одну важную тенденцию, заметную в научной литературе. Исследовательский фокус обнаруживается на манифестной политической практике, т. е. партийной, протестной, контактной или электоральной деятельности. Латентные, или неявные индивидуальные и коллективные формы, среди которых волонтерство, интерес к общественно-политическим вопросам, политика принадлежности к определённым образам жизни, фактически игнорируются учёными [Ekman, Amnå, 2012, pp. 284, 287, 292]. В то же время латентные формы политического участия при всей сложности и неоднозначности их систематизации и классификации тем не менее значимы для политических действий в будущем.

Политическая активность вне физического пространства

Информационно-коммуникационные технологии (далее ИКТ) позволяют постмодернистской аудитории преодолевать границы физического пространства. Аудитория становится просьюмером (от англ. prosumer), или «производящим потребителем» новостного контента, т. е. его создателем и распространителем [Wonneberger, Kim, 2017, p. 86]. Многочисленные социальные интернет-платформы позволили обсуждению политических событий эволюционировать в политическое онлайн-участие: «один на один» (твиты с открытым доступом), «один ко многим» (перепосты сообщений пользователей) и «многих со многими» (распространение информации с использованием хэштегов). Другими словами, нарастает коммуникативная активность аудитории, включающая в себя отбор, воспроизводство, редактирование, изменение, комментирование, создание и мгновенное ти-

ражирование печатного, фото-, аудио- или видеоконтента с использованием практически неограниченных «кроссплатформенных коммуникативных практик» на стыке интернет-ресурсов, спутниковых каналов, мобильных приложений, стримингового телевидения и традиционных медиа форм [Volkmer, 2019, p. 253]. Сети не просто объединяют «друзей» по принципу относительной схожести в общении, развлечении и познавательной деятельности [Зайко, 2017, с. 110], а выполняют роль виртуальных публичных пространств, для которых не существует ни локальных, ни национальных границ. Более того, виртуальная мобильность пользователя, находящегося в естественном социокультурном пространстве и обеспеченная многочисленными и доступными ИКТ, позволяет ему стать международным актором, создающим, развивающим и/или поддерживающим транснациональные связи [Тормошева, 2015, с. 188].

Онлайн-активизм касается растущего использования социальных сетей как механизма влияния на принятие политических решений по общественно-значимым проблемам обеими категориями аудиторий – оппозиционными и лояльными власти [Гончаров, Нечай, 2018, с. 65]. Он связан с проведением политических кампаний как в онлайн-среде, так и стимулирует политическую активность в физическом пространстве. К примеру, британское политическое движение «38 Degrees», объединяющее два с половиной миллиона участников, проводит интернет-кампании демократической, социальной и экологической направленности. Российское движение А. Навального в защиту прав граждан и против коррупции является ярким примером того, как онлайн-активность по информированию, координированию и мобилизации сторонников приводит к масштабным офлайн-акциям [Соколов, Курбанова, 2019, с. 242–243]. В научной среде пока отсутствует единодушное отнесение онлайн-комментирования, репоста политического контента, подписания электронной петиции или иного вида онлайн-активизма к политическому участию. При этом онлайн-комментирование политического контента обоснованно рассматривается как один из способов политической мобилизации в контексте цифрового политического участия [Радина, 2018, с. 115].

Ряд экстремальных форм политического онлайн-активизма, требующих высокого уровня технической компетентности, может быть отнесён к незаконным. Здесь следует отметить компьютерное хакерство (хактивизм), т. е. социально мотивированное проникновение в компьютерную систему. Хактивисты-одиночки или члены международных хактивистских движений (Anonymous, Chaos Computer Club, Red Hacker Alliance, Unity и др.) повреждают сайты, похищают информацию, организуют атаки на серверы. Подобные действия, как правило, не основаны на целостной идеологии, а точечно направлены против авторитарных режимов, капиталистических ценностей или цензурных ограничений [Slade, Hobbs, 2015, p. 3]. Деятельность хактивистов часто характеризуют как кибертерроризм. Так называемый «кибертеррорист с ноутбуком» осуществляет несанкционированное проникновение на официальные интернет-ресурсы органов государственной власти, ведущих СМИ, крупнейших бизнес-структур, операторов спутниковой связи и других стратегически важных организаций, а затем разглашает конфиденциальную информацию, публикует фейковые посты в соцсетях либо вмешивается в информационную повестку самих ресурсов [Акопов, 2015, с. 196–197].

Доступность интернета в сочетании с интерактивным характером ИКТ порождают новые формы «журналистской» активности – *журналистику прямого участия* (participatory journalism) и *гражданскую/сетевую журналистику* (citizen/network journalism) [Bakker, Paterson, 2011, pp. 187–190]. Новые форматы позволяют постмодернистской аудитории публично обсуждать общественно-политические вопросы, формируя политическую повестку, что ранее было исключительно прерогативой политиков и журналистов. В случае с *журналистикой прямого участия* фото-, видео-, аудиоматериалы и комментарии пользователей с мест событий вписываются в уже существующую новостную практику той или иной медийной структуры. Представители СМИ модерируют полученные ма-



териалы, приводят их в соответствие журналистским нормам и редакционной политике издания. *Гражданская/сетевая журналистика*, напротив, характеризуется практически полным отсутствием редакторского контроля пользовательских публикаций. Аудитория сама определяет место размещения созданного контента: бесплатные интернет-платформы для распространения видеоматериалов; ресурсы с допуском к редактированию материалов пользователей; интерактивные сети для мгновенного публичного обмена сообщениями. Отметим её способность генерировать информационные лавины – «скоротечные и мощные всплески создания, размножения и передачи информации» вне зависимости от значимости информационного повода [Жуков, 2018, с. 18], что, несомненно, ускоряет формирование политической повестки и усложняет её тематическое наполнение. Гражданская журналистика отражает множество умонастроений, включая распространение дискриминационных, расистских, ксенофобских, националистических и т. п. взглядов. Она способствует объективности либо предвзятости в освещении событий и может оказывать влиятельную поддержку тех или иных политических идей.

Политическая активность в пространстве рынка

Нельзя не отметить тенденцию появления нового места приложения политических действий, а именно рынка. Основные маркетинговые технологии (политический PR, политическая имиджистика, играизация, шоуизация, эстетизация и «гламуризация» политики), используемые политиками и СМИ, являются средствами продвижения на политическом рынке политической продукции – идей, платформ, партийных программ, решений и т. п. Их использование основано на убеждении в эффективности рыночных методов влияния на политические субъекты и скепсисе относительно традиционных форм политического участия [Кудлай, 2016, с. 97]. С другой стороны, граждане используют рынок для выражения политических взглядов. Не только политические институты и системы подвергаются воздействию, но и рыночные акторы. Акт выражения политического предпочтения носит название политический консьюмеризм [Zorell, 2019, p. 16].

Термин «политический консьюмеризм» активно входит в обиход политической науки в эпоху постмодерна и подразумевает два взаимосвязанных и взаимообусловленных явления: (1) потребительское поведение, мотивированное политически (так называемое позитивное потребление (buycott) товаров и услуг, отвечающих ценностям устойчивого развития, социальной справедливости и корпоративной ответственности, либо бойкот (boycott) товаров и услуг, не отвечающих этим ценностям) [Rössel, Schenk, 2018, p. 267]; (2) политическое поведение, мотивированное потребительски (отношение граждан к политике как к рыночной сфере, где продвигаются и покупаются политические «товары» – программы, кандидаты, партии и т. п.). Замечено, что в политическом поведении россиян доминирует консьюмеризм во втором значении этого слова. И, напротив, потребительское поведение, мотивированное политически, представлено достаточно слабо. Согласно опросам, 60 % населения Швеции и Швейцарии практикуют позитивное потребление, а 40 % американцев – бойкоты брендов и товаров по политическим мотивам [Ibid, p. 267].

Политический консьюмеризм, одним из проявлений которого называют социально ответственное потребление, относят к новым формам политического участия, которые приходят на смену или дополняют традиционные практики политического участия и мотивируются этическими проблемами, экологической обстановкой и/или политической ситуацией. Размышления над ролью социально ответственного потребления в изменении природы демократической гражданственности показывают, что этический выбор (уважение к окружающей среде, неиспользование детского труда, поддержка малых производств и т. п.) выступает для потребителя привлекательной формой выражения политических предпочтений, что расширяет глубину и содержание понятия «политическое» и включает гражданскую составляющую в повседневную жизнь [García Espejo, Novo Vázquez, 2017, p. 73].

Исследования подтверждают тесную взаимосвязь медиа и политического консьюмеризма. Так, более 80 % граждан получают информацию о кампаниях поддержки или бойкота товаров через каналы массовой коммуникации [Ibid, p. 64]. Однако политический консьюмеризм представлен не только в виде журналистского «продукта» в медиасфере. Современная реальность предполагает использование не только традиционных печатных и вещательных, но и альтернативных цифровых каналов коммуникации, где не профессиональные журналисты, а сами политические потребители выступают авторами контента, так называемыми «producers» (от англ. «produsage», ещё не закреплённого в словарях) [Boström et al., 2019, p. 8]. Интернет-платформы являются как местом размещения общественно-значимой информации, так и пространством политического участия в виде «дискурсивных действий», где выражаются мнения, приводятся факты, даются оценки и выдвигаются требования к корпоративной политике компаний и качеству их продукции [Zorell, 2019, p. 42].

Заслуживает внимания положительная динамика политического консьюмеризма. К примеру, социально ответственное потребление на регулярной основе выросло в Германии с 26 % в 2009 г. до 56 % в 2013 г. Великобритания за период с 2000 по 2012 гг. показала рост с 27 % до 42 % [Ibid, p. 2]. С 1970-х гг. потребительское бойкотирование в Европе в пять раз превысило рост таких форм политической активности, как подписывание петиций, участие в демонстрациях и захват зданий [Rössel, Schenk, 2018, p. 268]. Потребительское бойкотирование опережает участие в работе политических партий и др. объединений гражданского общества и взаимодействие с политическими, медийными акторами и госслужащими [Stolle et al., 2005, pp. 247–248].

Примеры политического консьюмеризма показывают, что граждане используют политические цели и ценности, имея мишенью компании, международные организации или привлекая общественное внимание. Подобные действия направлены не только на достижение правовых изменений на национальном уровне, но и на регулирование международного рынка труда, что не входит в компетенции национальных правительств. Делая индивидуальный или коллективный выбор, граждане руководствуются соображениями честности, справедливости или собственной оценкой деятельности бизнес-структур или правительств [Ibid, p. 246].

Опросы студентов-социологов Бельгии, Канады и Швеции показывают, что политический консьюмеризм является неотъемлемой частью политической деятельности молодёжи в целом. Кроме того, молодые политические потребители достаточно активны в других формах политического участия. Справедливо и то, что они разочарованы действиями господствующих политических институтов и недостаточно высоко оценивают традиционные формы политического участия [Ibid, pp. 262–264].

Добавим, что исследование использования гражданами рынка как политической арены с неинституциональными формами политического участия позволяет расширить концепт политики и признать роль рынка и рыночных акторов в политической мобилизации. Новое место применения политических действий поднимает вопрос о новом содержании понятий «политическая активность», «политическое участие», «политический потребитель» и «гражданин постмодерна» [García Espejo, Novo Vázquez, 2017, p. 62].

Заключение

Итак, для постмодернистской аудитории характерно множество «коммуникативных действий» (по Хабермасу), или форм политического участия, включая традиционные, соответствующие закреплённым политическим нормам (например, выражение политических взглядов через опросы общественного мнения, голосование, членство в политической партии), и нетрадиционные, представленные многочисленными классификациями. Политическая активность постмодернистской аудитории проявляется в физическом пространстве (демонстрации, митинги, марши протеста), онлайн-пространстве (журналистика



прямого участия, гражданская/сетевая журналистика, онлайн-активизм, подписание электронных петиций) и рыночном пространстве (политический консьюмеризм, включая социально ответственное потребление). Помимо манифестной деятельности аудитории используют латентные формы индивидуального и коллективного политического участия (интерес к общественно-политическим вопросам, волонтерство, принадлежность к определенному образу жизни и др.), что значимо для будущих политических действий более традиционного формата. Кроме того, активность может включать легальные конфронтационные виды политического участия и незаконные, опирающиеся на хакерство, практики хактивизма и кибертерроризма. Постмодернистская аудитория наряду с политиками и журналистами занимает место в ряду коммуникативных акторов, формирующих в публичном пространстве политическую повестку и оказывающих коммуникативное влияние своими призывами, обращениями, требованиями и комментариями посредством интернет-платформ.

Список литературы

1. Акопов Г.Л. 2015. Хактивизм – угроза информационной безопасности в информационном социуме. Государственное и муниципальное управление. Учёные записки СКАГС, 3: 195–199.
2. Гаврилюк В.В., Маленков В.В. 2019. Новое поколение граждан и телевидение. Известия УрФУ. Сер. 3. Общественные науки, 14, 1(185): 42–53.
3. Гончаров Д.В., Нечай В.В. 2018. Антикоррупционные протесты 2017: Отражение в Твиттере. Полития, 1(88): 65–81. DOI: 10.30570/2078-5089-2018-88-1-65-81.
4. Жуков Д.С. 2018. Прерывистый эквилибриум: как самоорганизованная критичность в Сети влияет на политическую повестку дня. Журнал политических исследований, 2(4): 18–40.
5. Зайко А.П. 2017. Социальная активность студентов колледжей в социальных сетях: региональный аспект. Известия УрФУ. Сер. 3. Общественные науки, 12, 2 (164): 106–113.
6. Кудлай А.А. 2016. Политическая власть и политический рынок: новые формы участия. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 4 (66): 96–98.
7. Парфёнова Ю.В. 2016. Сетевые формы политического участия в современной России и постсоветском пространстве. Автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 20.
8. Пырма Р.В. 2019. Электоральная активность молодёжи в США, Великобритании, Франции, Германии и России. Сравнительное исследование. Полития, 4 (95): 188–204. DOI: 10.30570/2078-5089-2019-95-4-188-204.
9. Радина Н.К. 2018. Цифровая политическая мобилизация онлайн-комментаторов материалов СМИ о политике и международных отношениях. Полис. Политические исследования, 2: 115–129. DOI: 10.17976/jpps/2018.02.09.
10. Семёнов В.С. 2019. Кризис глобального управления в современном мире: риски, угрозы безопасности, перспективы. В кн.: Альбеков А.У., Старостин А.М. (ред.) Междисциплинарные проблемы международных отношений в глобальном контексте. Ростов н/Д., изд.-полигр. комплекс РГЭУ (РИНХ): 173–176.
11. Соколов А.В., Курбанова А.А. 2019. Массовые движения в современной России (на примере движения в поддержку А. Навального). Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Политология, 52: 231–245. DOI: 10.17223/1998863X/52/21.
12. Тормошева В.С. 2018. «Невнимательная» аудитория как проблема международно-политической коммуникации постмодерна. В кн.: Четвёртая промышленная революция: реалии и современные вызовы. Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 13–14 апреля 2018 г.). СПб., Изд-во Политехн. ун-та: 474–477.
13. Тормошева В.С. 2015. Постмодернистский индивид: «бессильный субъект» или влиятельный актор международной политики? Известия высших учебных заведений. Сер. Гуманитарные науки, 6 (3): 186–190.
14. Шепелев М.А. 2019. Цивилизация Ультрамодерна и её кризис. В кн.: Альбеков А.У., Старостин А.М. (ред.) Междисциплинарные проблемы международных отношений в глобальном контексте. Ростов н/Д., изд.-полигр. комплекс РГЭУ (РИНХ): 89–94.

15. Bakker T., Paterson C. 2011. The New Frontiers of Journalism: Citizen Participation in the United Kingdom and the Netherlands. In: Brants K., Voltmer K. (eds.) *Political Communication in Post-modern Democracy: Challenging the Primacy of Politics*. Basingstoke: 183–199.
16. Baumbach N., Young D.R., Yue G. 2016. Revisiting Postmodernism: An Interview with Fredric Jameson. *Social Text*, 34 (2 (127)): 143–160. DOI: 10.1215/01642472-3468026.
17. Bennett W.L., Pfetsch B. 2018. Rethinking Political Communication in a Time of Disrupted Public Spheres. *Journal of Communication*, 68: 243–253. DOI: 10.1093/joc/jqx017.
18. Boström M., Micheletti M., Oosterveer P. 2019. Studying Political Consumerism. In: Boström M., Micheletti M., Oosterveer P. (eds.) *The Oxford Handbook of Political Consumerism*. N.Y., Oxford University Press: 1–24.
19. Cabrera N.L., Matias C.E., Montoya R. 2017. Activism or Slacktivism? The Potential and Pitfalls of Social Media in Contemporary Student Activism. *Journal of Diversity in Higher Education*, 10 (4): 400–415. DOI: 10.1037/dhe0000061.
20. Ekman J., Amnå E. 2012. Political Participation and Civic Engagement: Towards a New Typology. *Human Affairs*, 22: 283–300. DOI: 10.2478/s13374-012-0024-1.
21. Esser F., Pfetsch B. 2017. Comparing Political Communication. In: Caramani D. (ed.) *Comparative Politics*. N.Y., Oxford University Press: 327–345.
22. García Espejo I., Novo Vázquez A. 2017. The Emergence of the ‘Conscious Consumer’: An Analysis of Political Participation through Purchasing Decisions. *Rev. Esp. Investig. Sociol.*, 158: 59–78. DOI: 10.5477/cis/reis.158.59.
23. Lamprianou I. 2013. Contemporary Political Participation Research: A Critical Assessment. In: Demetriou K. (ed.) *Democracy in Transition. Political Participation in the European Union*. Berlin, Springer Verlag: 21–42.
24. Rössel J., Schenk P.H. 2018. How Political is Political Consumption? The Case of Activism for the Global South and Fair Trade. *Social Problems*, 65: 266–284. DOI: 10.1093/socpro/spx022.
25. Slade D., Hobbs A. 2015. Trends in Political Participation. *POSTnote*, 498, 7.
26. Stolle D., Hooghe M., Micheletti M. 2005. Politics in the Supermarket: Political Consumerism as a Form of Political Participation. *International Political Science Review*, 26: 245–269. DOI: 10.1177/0192512105053784.
27. Volkmer I. 2019. The Transnationalization of Public Spheres and Global Policy. In: Stone D., Moloney K. (eds.) *The Oxford Handbook of Global Policy and Transnational Administration*. N.Y., Oxford University Press: 240–256.
28. Wonneberger A., Kim S.J. 2017. TV News Exposure of Young People in Changing Viewing Environments: A Longitudinal, Cross-national Comparison Using People-meter Data. *International Journal of Communication*, 11: 72–93.
29. Zorell C. 2019. *Varieties of Political Consumerism: From Boycotting to Buycotting*. Cham, Palgrave Macmillan, 188.

References

1. Akopov G.L. 2015. Haktivizm – ugroza informacionnoj bezopasnosti v informacionnom sociume [Cyber troops as the basis of information security]. *State and Municipal Management. Scholar Notes*, 3: 195–199 (in Russian).
2. Gavriljuk V.V., Malenkov V.V. 2019. Novoe pokolenie grazhdan i televidenie [The new generation of citizens and television]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 3. Social and Political Sciences*, 14, 1 (185): 42–53 (in Russian).
3. Goncharov D.V., Nechaj V.V. 2018. Antikorrupcionnye protesty 2017: Otrazhenie v Tvitтере [Anti-corruption protests 2017: reflection in Twitter]. *Politeia*, 1 (88): 65–81 (in Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2018-88-1-65-81.
4. Zhukov D.S. 2018. Preryvistyj jekvilibrium: kak samoorganizovannaja kritichnost' v Seti vlijaet na politicheskiju povestku dnja [Punctuated equilibrium: how network self-organized criticality affects the political agenda]. *Journal of Political Research*, 2 (4): 18–40 (in Russian).
5. Zayko A.P. 2017. Social'naja aktivnost' studentov kolledzhej v social'nyh setjah: regional'nyj aspekt [College students' social activity in social network: regional aspect]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 3. Social and Political Sciences*, 12, 2 (164): 106–113 (in Russian).



6. Kudlai A.A. 2016. Politicheskaja vlast' i politicheskij rynok: novye formy uchastija [Political power and political market: new forms of participation]. Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice. Tambov, Gramota, 4 (66): 96–98 (in Russian).
7. Parfyonova Ju.V. 2016. Setevye formy politicheskogo uchastija v sovremennoj Rossii i postsovetском prostranstve [Network forms of political participation in contemporary Russia and in the post-Soviet area]. Abstract. dis. ... cand. polit. sciences. SPb, 20 (in Russian).
8. Pyrma R.V. 2019. Jeletoral'naja aktivnost' molodjozhi v SShA, Velikobritanii, Francii, Germanii i Rossii. Sravnitel'noe issledovanie [Electoral participation of youth in the USA, Great Britain, France, Germany, and Russia. Comparative study]. Politeia, 4 (95): 188–204 (in Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2019-95-4-188-204.
9. Radina N.K. 2018. Cifrovaja politicheskaja mobilizacija onlajn-kommentatorov materialov SMI o politike i mezhdunarodnyh otnoshenijah [Digital Political Mobilization of Online Commenters on Publications about Politics and International Relations]. Polis. Political Studies, 2: 115–129 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2018.02.09.
10. Semyonov V.S. 2019. Krizis global'nogo upravlenija v sovremennom mire: riski, ugrozy bezopasnosti, perspektivy [The crisis of global management in the modern world: risks, security threats, perspectives]. V kn.: Al'bekov A.U., Starostin A.M. (eds.) Mezhdisciplinarnye problemy mezhdunarodnyh otnoshenij v global'nom kontekste [Interdisciplinary problems of international relations in a global context]. Rostov-on-Don, izd.-poligr. kompleks RGJeU (RINH): 173–176 (in Russian).
11. Sokolov A.V., Kurbanova A.A. 2019. Massovye dvizhenija v sovremennoj Rossii (na primere dvizhenija v podderzhku A. Naval'nogo) [Mass movements in modern Russia (on the example of the movement in support of A. Navalny)]. Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science, 52: 231–245 (in Russian). DOI: 10.17223/1998863X/52/21.
12. Tormosheva V.S. 2018. «Nevnimatel'naja» auditorija kak problema mezhdunarodno-politicheskoy kommunikacii postmoderna [«Inattentive» public as a problem of postmodern international-political communication]. V kn.: Chetvortaja promyshlennaja revolyucija: realii i sovremennye vyzovy. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii [The fourth industrial revolution: the realities and challenges of today. Materials of international scientific conference] (Saint Petersburg, 13–14 April 2018). SPb, Saint Petersburg State Polytechnic University Publ. House: 474–477 (in Russian).
13. Tormosheva V.S. 2015. Postmodernistskij individ: «bessil'nyj sub"ekt» ili vlijatel'nyj aktor mezhdunarodnoj politiki? [The postmodern individual: a powerless subject or a powerful actor of international politics?]. News of Higher Schools. Series «Humanities», 6 (3): 186–190 (in Russian).
14. Shepelev M.A. 2019. Civilizacija Ul'tramoderna i ejo krizis [Civilization of Ultramodern and its crisis]. V kn.: Al'bekov A.U., Starostin A.M. (eds.) Mezhdisciplinarnye problemy mezhdunarodnyh otnoshenij v global'nom kontekste [Interdisciplinary problems of international relations in a global context]. Rostov-on-Don, izd.-poligr. kompleks RGJeU (RINH): 89–94 (in Russian).
15. Bakker T., Paterson C. 2011. The New Frontiers of Journalism: Citizen Participation in the United Kingdom and the Netherlands. In: Brants K., Voltmer K. (eds.) Political Communication in Postmodern Democracy: Challenging the Primacy of Politics. Basingstoke: 183–199.
16. Baumbach N., Young D.R., Yue G. 2016. Revisiting Postmodernism: An Interview with Fredric Jameson. Social Text, 34 (2 (127)): 143–160. DOI: 10.1215/01642472-3468026.
17. Bennett W.L., Pfetsch B. 2018. Rethinking Political Communication in a Time of Disrupted Public Spheres. Journal of Communication, 68: 243–253. DOI: 10.1093/joc/jqx017.
18. Boström M., Micheletti M., Oosterveer P. 2019. Studying Political Consumerism. In: Boström M., Micheletti M., Oosterveer P. (eds.) The Oxford Handbook of Political Consumerism. N.Y., Oxford University Press: 1–24.
19. Cabrera N.L., Matias C.E., Montoya R. 2017. Activism or Slacktivism? The Potential and Pitfalls of Social Media in Contemporary Student Activism. Journal of Diversity in Higher Education, 10 (4): 400–415. DOI: 10.1037/dhe0000061.
20. Ekman J., Amnå E. 2012. Political Participation and Civic Engagement: Towards a New Typology. Human Affairs, 22: 283–300. DOI: 10.2478/s13374-012-0024-1.
21. Esser F., Pfetsch B. 2017. Comparing Political Communication. In: Caramani D. (ed.) Comparative Politics. N.Y., Oxford University Press: 327–345.

22. García Espejo I., Novo Vázquez A. 2017. The Emergence of the 'Conscious Consumer': An Analysis of Political Participation through Purchasing Decisions. *Rev. Esp. Investig. Sociol.*, 158: 59–78. DOI: 10.5477/cis/reis.158.59.
23. Lamprianou I. 2013. Contemporary Political Participation Research: A Critical Assessment. In: Demetriou K. (ed.) *Democracy in Transition. Political Participation in the European Union*. Berlin, Springer Verlag: 21–42.
24. Rössel J., Schenk P.H. 2018. How Political is Political Consumption? The Case of Activism for the Global South and Fair Trade. *Social Problems*, 65: 266–284. DOI: 10.1093/socpro/spx022.
25. Slade D., Hobbs A. 2015. Trends in Political Participation. *POSTnote*, 498, 7.
26. Stolle D., Hooghe M., Micheletti M. 2005. Politics in the Supermarket: Political Consumerism as a Form of Political Participation. *International Political Science Review*, 26: 245–269. DOI: 10.1177/0192512105053784.
27. Volkmer I. 2019. The Transnationalization of Public Spheres and Global Policy. In: Stone D., Moloney K. (eds.) *The Oxford Handbook of Global Policy and Transnational Administration*. N.Y., Oxford University Press: 240–256.
28. Wonneberger A., Kim S.J. 2017. TV News Exposure of Young People in Changing Viewing Environments: A Longitudinal, Cross-national Comparison Using People-meter Data. *International Journal of Communication*, 11: 72–93.
29. Zorell C. 2019. *Varieties of Political Consumerism: From Boycotting to Buycotting*. Cham, Palgrave Macmillan, 188.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тормосева Вера Сергеевна, соискатель кафедры международных отношений и политологии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vera S. Tormosheva, postgraduate degree seeker of the International Relations and Political Science Department, Nizhny Novgorod State Linguistics University, Nizhny Novgorod, Russia



УДК 327.8
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-658-668

Субъект федерации как канал «мягкой силы» государства (на примере Санкт-Петербурга)

А.С. Гомелаури

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.
E-mail: gomelaury@yandex.ru

Аннотация. В научном дискурсе феномен «мягкой силы» традиционно рассматривается на уровне государств и, соответственно, в рамках межгосударственного взаимодействия. Однако с ростом глобализации административно-территориальные единицы федераций все более активно взаимодействуют с зарубежными акторами. Такое положение поднимает вопрос влияния субъекта федерации как полноценного агента «мягкой силы». В данной статье на примере города федерального значения Санкт-Петербурга выявлены особенности «мягкой силы» субъекта федерации. Используя такие методы исследования, как кейс-стади, неформализованный анализ научной литературы и официальных документов, автор приходит к выводу, что интегрированные в федеральный внешнеполитический курс субъекты федерации становятся все более активными носителями «мягкой силы» в области внешнего поля.

Ключевые слова: «мягкая сила»; международная деятельность; политика субъектов федерации; парадипломатия; Санкт-Петербург.

Для цитирования: Гомелаури А.С. 2020. Субъект федерации как канал «мягкой силы» государства (на примере Санкт-Петербурга). Via in tempore. История. Политология, 47 (3): 658–668. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-658-668.

The subject of federation as a state's «soft power» channel (by the example of St. Petersburg)

Angelina S. Gomelaury

Saint Petersburg State University,
7/9 Universitetskaya Emb., 7/9, St. Petersburg, 199034, Russia
E-mail: gomelaury@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the analysis of the subject of the federation as a channel of «soft power». Using the case study method, the author concludes that Saint Petersburg as an administrative unit, having a formed image and participating in various forms of international cooperation, has an «attractive» influence. The case of Saint Petersburg shows that regions, taking into account their specifics, can be used within the framework of the federal strategy of «soft power» influence, thanks to their capital, which can be positively evaluated by the international community. Nevertheless, it should be noted that the city's activity in this sphere is limited. First of all, the system of relations between the center and regions makes some restrictions for the regional policy of «soft power», and, secondly, the lack of strategic planning in the field of international cooperation does not allow to determine the role of regions clearly and, following it, to utilize their potential to the full extent.

Keywords: soft power, international activity, paradiplomacy, federal subjects, Saint Petersburg.

For citation: Gomelauri A.S. The subject of federation as a state's «soft power» channel (by the example of St. Petersburg). Via in tempore. History and political science, 47 (3): 658–668 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-658-668.

Введение

В последнее десятилетие отношения между Российской Федерацией, Соединенными Штатами Америки и странами Европейского союза существенно осложнились, что оказало негативное влияние на развитие политических, коммерческих и культурных контактов. Необходимость минимизации ущерба, нанесенного ухудшением межгосударственного взаимодействия, сделала крайне актуальным вопрос использования «мягкой силы», формирующей «привлекательность» (*attractiveness*) [Nye, 2004, p. 7] страны. Потребность в новых каналах влияния заставляет государства обращаться к идее применения всех имеющихся в распоряжении ресурсов, в том числе тех, которыми располагают административно-территориальные единицы. Стоит отметить, что государства с федеративным устройством, с учетом большей неоднородности регионов, обладают явным потенциалом в сфере наращивания «мягкой силы».

Анализируя случай Российской Федерации, можно говорить о том, что субъекты в ее составе имеют свои территориальные, политические, культурные, экономические, а в ряде случаев этно-национальные и языковые особенности, свой «образ», свои сети контактов в области международного сотрудничества, что позволяет рассматривать их как акторов-проводников «мягкой силы». Положение субъектов предполагает их жесткую встроенность в «вертикаль власти»: процесс централизации, начатый в 2000-е годы, лишил регионы большей части свобод [Григорьев, 2014, с. 159], однако, координируя действия с властями федерального уровня, они по-прежнему могут налаживать международные и внешнеэкономические связи [Артеев, 2019, с. 183–186]. При этом возможности и пределы деятельности регионов в сфере международного взаимодействия являются одной из наиболее дискуссионных тем в рамках проблематики федерализма [Наронская, 2019, с. 385].

Целью данной работы стало выявление потенциала «мягкой силы» федерального субъекта. В качестве примера выбран обладающий большим культурным и сетевым капиталом город федерального значения – Санкт-Петербург.

В основе исследования лежит метод кейс-стади, кроме того, использованы элементы институционального метода, анализ фактологической информации, неформализованный анализ документов, научной литературы, данных, полученных в ходе опросов.

Теоретические основы исследования

Феномен «мягкой силы» не нов ни для зарубежной, ни для российской политической науки. Контекст его закрепления в концептуализированной форме связан с именем американского политолога Дж. Ная, который разрабатывал идею формирования наиболее эффективной политики для достижения государством внешнеполитических целей [Nye, 1990; Nye, 2004; Nye, 2011]. Ученый определил «мягкую силу» государства как «способность воздействовать на других через инструменты сотрудничества в формировании программы действий, убеждая и вызывая положительное влечение для достижения желаемых результатов» [Nye, 2011, p. 21].

Взгляды Дж. Ная вызвали интерес иностранных исследователей, которые продолжили работу как над теоретико-методологическими проблемами концепции, так и над ее использованием при анализе практических кейсов [Davis Cross, Melissen, 2013; Chitty et al., 2016]. Между тем некоторые положения, представленные автором концеп-



та, вызвали неприятие в научном сообществе и бурную дискуссию, получившую свое отражение в работах Т. Халла и Н. Фергюсона [Ferguson, 2004; Hall, 2010], уделявших внимание специфике трактовки феномена, а также К. Грея и Э. Коэна [Gray, 2011; Cohen, 2017], указывавших на недостатки применения «мягкой силы» в современных условиях.

Интерес к взаимодействию государств сквозь призму теории «мягкой силы» проявили и российские ученые, исследовавшие само понятие и подходы к его рассмотрению и измерению [Лебедева, 2017; Жильцов, 2018; Галларотти, 2020], попытки разработки стратегии и реализации такого вида силы на федеральном уровне [Sergunin, Karabeshkin, 2015], продвижение имиджа России на международной арене и те сложности, с которыми сталкивается страна [Наумов, 2015]. Особенности российского кейса также анализировались зарубежными исследователями, в числе которых Дж. Шерр, В. Китинг и К. Качмарска [Sherr, 2013; Keating, Kaczmarzka, 2017]. Несмотря на то, что количество работ, посвященных российскому опыту использования «мягкой силы», велико, субъекты федерации зачастую не рассматриваются наравне с другими акторами, участвующими в ее продвижении: внимание политологов сосредотачивается на конкретных институтах (образовательных учреждениях, научных центрах, некоммерческих организациях, различного рода фондах и федеральных агентствах («Русский мир», «Россотрудничество», «Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова» и пр.) [Sergunin, Karabeshkin, 2015, p. 355–356]. Вместе с тем международная деятельность субъектов федерации в целом изучается достаточно активно. В фокусе – различные аспекты парадипломатии, которая «состоит из политических контактов различных государств, которые складываются через контакты субнациональных властей не только с торговыми, промышленными или культурными акторами зарубежных стран, но также и с всевозможными агентами внешних связей национальных правительств» [Кузнецов, 2006]. Так, ученые рассматривают потенциал регионов в области международного взаимодействия, анализируя формы сотрудничества, доступные субъектам Российской Федерации [Бейдина и др., 2016], роль региональной идентичности при развитии внешних контактов [Баков, Керимов, 2018], влияние региональных элит на участие федерального субъекта в международной деятельности [Наронская, 2019]. Между тем «мягкая сила» выходит за рамки парадипломатического контекста, включая обширную проблему культурной и ценностной «привлекательности» региона. Таким образом, положение субъектов федерации как акторов «мягкой силы» нуждается в дополнительном изучении.

Результаты исследования

Оценивая субъект федерации как актор, транслирующий «мягкую силу», обратимся к концепции Дж. Ная, применив ее к анализу пара-уровня. Ученый указывал на важность следующих компонентов, формирующих «притягательный» образ [Nye, 2004, p. 11–15]:

– *культура, понимаемая в контексте ценностей и практик общества*. Учитываются достижения элитарной или «высокой» культуры (высокая мода, высокое искусство и пр.), а также культуры «низкой», массовой, характеризующейся наличием широко узнаваемых брендов (в сфере киноиндустрии, музыки, литературы, а также в области торговли, когда за товарами народного потребления стоят корпорации, ассоциируемые с определенной культурой, страной, городом, нацией);

– *внутренняя и внешняя политика*. Несмотря на то, что внутренняя политика субъекта и его международные связи в ряде аспектов регулируются федеральным центром, каждый регион имеет свою специфику, являющуюся следствием его географического расположения, поощряющего или затрудняющего сотрудничество с зарубежными территориями, его репутации как безопасного и доступного для иностранных граждан места, его по-

литики в экономической, социальной и иных сферах, готовности региональных элит к поддержке международных связей и т. д.;

– *ценности, отстаиваемые во внутренней и внешней политике.* Различия между субъектами Российской Федерации характеризуются, в том числе, этнокультурными и этноконфессиональными особенностями, оказывающими влияние на ценности, доминирующие во внутренней и внешней политике.

Таким образом, анализируя кейс Санкт-Петербурга сквозь призму концепции «мягкой силы», стоит обратить внимание на специфику его внешней и внутренней политики, а также культурные и ценностные ресурсы, которыми он располагает.

Международные связи Санкт-Петербурга на региональном уровне регулируются законом от 18 июня 2008 года «О международном сотрудничестве, международных и внешнеэкономических связях Санкт-Петербурга», утвержденным Законодательным собранием Санкт-Петербурга. Данный нормативно-правовой акт определяет полномочия субъекта в области международного взаимодействия, а также приграничного сотрудничества с административно-территориальными единицами иностранных государств по торгово-экономическим, научно-техническим, культурным, экологическим и иным вопросам [О международном сотрудничестве: Закон Санкт-Петербурга, 2008]. Кроме того, Закон определяет формы связей, реализуемых Санкт-Петербургом на институциональном уровне: к их числу относится проведение переговоров, заключение договоров, участие в деятельности международных организаций, открытие представительств Санкт-Петербурга за рубежом и разрешение на размещение представительств субъектов иностранных государств на территории города и пр. [О международном сотрудничестве: Закон Санкт-Петербурга, 2008]. Постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 13 января 2004 года № 5 в субъекте был создан особый орган, осуществляющий деятельность по реализации государственной политики в области внешних связей, а также координирующий организацию участия граждан и организаций в международных мероприятиях – Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга [О Комитете по внешним связям: Постановление Правительства Санкт-Петербурга, 2004]. Важно подчеркнуть, что к функциям данного Комитета также относится формирование позитивного образа города за пределами России, поддержка выставок, ярмарок, форумов, конференций и иных событий с международным участием, открытие деловых центров Санкт-Петербурга на территории иностранных государств и содействие их работе [О Комитете по внешним связям: Постановление Правительства Санкт-Петербурга, 2004], что непосредственно характеризует данный орган как институт «мягкой силы» регионального уровня.

Несмотря на большое внимание к внешней деятельности со стороны города, у Санкт-Петербурга, в отличие от ряда субъектов Российской Федерации (Кемеровской области, Свердловской области), отсутствует Концепция, которая декларировала бы основные планы и задачи в области внешнеэкономического, международного, межрегионального сотрудничества. Таким образом, в своей внешнеполитической активности город руководствуется Концепцией внешней политики, принятой на федеральном уровне [О международном сотрудничестве: Закон Санкт-Петербурга, 2008].

Оценивая Санкт-Петербург с точки зрения ресурсных показателей «мягкой силы», можно выделить ряд особенностей:

Санкт-Петербург – город, обладающий большим культурным и event-капиталом.

История Санкт-Петербурга способствовала его современной популярности: на протяжении 206 лет город являлся столицей России, что сделало его крупным культурным центром. В «северной Венеции» расположено около 200 музеев, включая Эрмитаж. Интерес также вызывают дворцово-парковые ансамбли, внесенные в список всемирного наследия ЮНЕСКО (Пушкин, Петергоф, Павловск), соборы, театры и иные объекты, связанные с именами лиц, чей вклад в мировую науку и культуру широко известен за пределами



страны (Ф.М. Достоевский, И.А. Бродский, А.П. Павлова, П.И. Чайковский, Л.Д. Ландау и пр.). В городе регулярно проводятся различные мероприятия, привлекающие внимание мирового сообщества, к числу которых можно отнести ежегодный Петербургский международный экономический форум, посещаемый представителями иностранных политических и бизнес-элит, чемпионат мира по футболу 2018 года и чемпионат Европы, ожидавшийся в 2020 году. Кроме того, культурная жизнь города характеризуется событиями, значимыми для ценителей искусства: так, в 2019 году было проведено 918 фестивалей, открылись 2 042 выставки, прошли 140 театральных премьер [Статистика культурной жизни, 2020].

Отдельного упоминания заслуживает сфера науки и образования: в городе расположено 43 государственных вуза, включая рейтинговые высшие образовательные учреждения (Санкт-Петербургский государственный университет, ИТМО, Санкт-Петербургский политехнический университет) [QS World University Rankings, 2020]. При этом, численность студентов, приезжающих с целью получения образования, стабильно растет: так, если в 2010 году в Санкт-Петербург прибыло 13 тысяч иностранных студентов, то в 2014 году их число составило 19 тысяч, в 2018 – 28 тысяч (4,92 % от общего количества лиц, получающих высшее образование) [Комитет по науке: Итоги работы, 2018].

Интерес граждан зарубежных стран к перечисленным выше сферам (культуре, спорту, экономическому развитию, образованию) отразился в публикациях иностранных средств массовой информации. «Исследование международного имиджа Санкт-Петербурга по результатам мониторинга СМИ», предоставившее информацию о характере публикаций с 2007–2009 гг. по 2019 г., показало, что наиболее часто город упоминается в контексте спорта и событий в области культуры, а также в рамках инвестиционной, промышленной и конгрессной активности, безопасности и межнациональных отношений [Исследование международного имиджа Санкт-Петербурга, 2019]. Так, например, в 2019 году наибольшее число упоминаний города было связано со спортивной деятельностью – 23,3 %, затем с культурной – 16,3 %, инвестиционно-промышленной – 9,4 %, туристической – 9 % и т. д. [Исследование международного имиджа Санкт-Петербурга, 2019]. Процент публикаций, связанных с другими тематиками, невысок: так, в 6,5 % случаев Петербург упоминается как центр международных политических событий, в 5,5 % – в контексте зарубежных или межрегиональных миссий культурного или делового характера, в 3,4 % – социального развития, в 3,3 % – науки и образования и т. д. [Исследование международного имиджа Санкт-Петербурга, 2019]. Данное распределение позволяет выявить те стороны жизни Петербурга, которые в большей степени интересуют зарубежное сообщество, и, соответственно, те, на которых «образ» города строится в меньшей степени. Стоит, однако, подчеркнуть, что внимание СМИ к той или иной составляющей петербургской действительности может различаться в зависимости от года [Исследование международного имиджа Санкт-Петербурга, 2019, с. 7–17], что, вероятно, происходит под влиянием «повестки дня». При этом тональность публикаций зачастую носит либо нейтральный, либо положительный характер [Исследование международного имиджа Санкт-Петербурга, 2019, с. 5].

О Санкт-Петербурге как к локации, вызывающей интерес у иностранцев, можно судить на основе данных о туристическом потоке. Так, согласно исследованию, опубликованному центром стратегических исследований Euromonitor International в 2019 году, Санкт-Петербург занимает 59 место среди городов мира по числу иностранцев, прибывающих для отдыха, налаживания бизнес-контактов и пр. [Top 100 City Destinations, 2019]. В последние годы наблюдается стабильная положительная динамика: в 2019 году турпоток составил 4 миллиона 457 тысяч человек (без учета круизных туристов), что на 11,5 % больше, чем в 2018 году [Top 100 City Destinations, 2019]. Популярность Санкт-

Санкт-Петербурга в среде иностранных граждан подтверждает его признание «мировым ведущим культурным направлением» со стороны World Travel Awards [World's Leading Cultural City Destination, 2019].

Внутренняя политика Санкт-Петербурга в меньшей степени интересует иностранцев, чем внешняя (исключение – вопросы безопасности).

Внутренняя политика субъекта федерации зачастую является отражением федерального курса в области экономической, социальной, образовательной сфер. И, несмотря на то, что политика каждого региона имеет свою специфику (развитые направления экономической активности, размер социальных выплат и пособий, количество и престиж высших учебных заведений и т. д.), известность во внешнем поле приобретает ситуация на уровне страны в целом. Пример Санкт-Петербурга показывает, что за рубежом больший интерес представляют события международного или всероссийского масштаба, связанные с городом, чем его внутренняя политика: так, процент публикаций в иностранных СМИ, содержащих упоминание города, по таким темам, как «социальное развитие», составляет от 0 до 4,5 % ежегодно (с 2015 по 2019 год), «деятельность властных структур Санкт-Петербурга» – от 2 до 4 % за тот же период, «наука и образование» – от 1 до 3,3 % [Исследование международного имиджа Санкт-Петербурга, 2019, с. 7–17]. Значимое исключение составляет внимание к вопросам безопасности и межнациональным взаимоотношениям: эта тематика ежегодно затрагивается в 6–18 % публикаций (по данным с 2015 по 2019 гг.) [Исследование международного имиджа Санкт-Петербурга, 2019, с. 7–17].

События федерального, общеевропейского или общемирового уровня, происходящие в субъекте, освещаются в большей степени: по данным с 2015 по 2019 год, спортивной жизни ежегодно посвящается от 20 до 26 % публикаций, культурной – от 11 до 20 %, международным политическим событиям – от 5 до 31 %, конгрессной и промышленной активности, а также деятельности в области привлечения инвестиций – от 5 до 13 % [Там же]. Меньшее число публикаций затрагивает межрегиональные отношения города, а также его взаимодействие с отдельными сообществами: от 2 до 6 % связано с деловыми и культурными миссиями Петербурга как за границей, так и внутри страны, от 0,3 до 2,2 % – с политикой в отношении соотечественников [Исследование международного имиджа Санкт-Петербурга, 2019, с. 7–17].

Основываясь на имеющихся данных, можно предположить, что политика региона, связанная с событиями более высокого уровня, имеет большее «привлекательное» влияние и, следовательно, формирует «образ» города в международном сообществе. Соответственно, «мягкая сила» субъекта федерации зависит от степени его включенности в «повестку дня» всероссийского, европейского или мирового масштаба.

Значимой составляющей «мягкой силы» Санкт-Петербурга является обширная сеть контактов, осуществляемых в рамках парадипломатической деятельности.

В случае Санкт-Петербурга включенность в «повестку дня» обеспечивается его статусом европейского по своему характеру города, а также «второй столицы» Российской Федерации. Такое положение позволяет ему вести активную внешнюю деятельность, налаживая широкую сеть международных контактов. На данный момент в Санкт-Петербурге находится 34 консульства, 3 отделения посольств, а также 4 представительства международных организаций (Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, Межпарламентской Ассамблеи Евразийского экономического сообщества, Евразийского банка развития, а также Европейского банка реконструкции и развития). Кроме того, взаимодействие между иностранными гражданами и петербуржцами обеспечивается рядом международных культурных институтов, в частности, Французским институтом, Немецким культурным центром имени Гёте, Итальянским институтом культуры и т. д.



Санкт-Петербург как субъект федерации имеет развитую сеть контактов на субнациональном уровне: двусторонние договоры о сотрудничестве заключены с 96 зарубежными городами (Мельбурном, Барселоной, Квебеком и пр.) и 30 административно-территориальными единицами (китайскими провинциями Гуандун и Сычуань, норвежской губернией Финнмарк, швейцарским кантоном Тичино и т. д.). Парадипломатические связи осуществляются в различных формах: подписание соглашений, визиты делегаций, встречи, мероприятия культурно-просветительского, образовательного, патриотического характера, командировки с целью обмена опытом, участие в выставках, семинарах, форумах, разработка совместных инвестиционных проектов, передача подарков [Сотрудничество Санкт-Петербурга, 2019]. Стоит отметить, что Петербург занимает активную позицию в области внешнеполитического взаимодействия: так, в 2019 году состоялось более 250 основных мероприятий в рамках международного сотрудничества с городами и регионами 36 стран мира [Сотрудничество Санкт-Петербурга, 2019].

Высокий процент людей с европейской самоидентификацией, проживающих в Санкт-Петербурге, обуславливает ценностное сближение жителей данного субъекта федерации с представителями европейского сообщества.

Вопрос ценностей, продвигаемых во внутренней и внешней политике, актуален не только на федеральном, но и на региональном уровне. Несмотря на то, что субъекты федерации объединены общими установками, заложенными в ключевых нормативно-правовых актах, внутрирегиональная специфика (религиозные установки населения, некодифицированные нормы и правила, этнические традиции, тесное взаимодействие с сопредельными странами с иной культурой и пр.) накладывает свой отпечаток на взгляды региональных политических элит и общества, и, следовательно, на политику региона.

Город федерального значения Санкт-Петербург также имеет свои региональные ценностные особенности, связанные в первую очередь с самоидентификацией его жителей – им присущ определенный набор норм и ценностей, сквозь призму которых они воспринимают мир и те процессы, что в нем происходят. «Образ» петербуржца в сознании жителей города тесно связан с восприятием себя как «типичного жителя высококультурной Европы» [Попова, 2018, с. 136]. Чувство «европейскости» может быть названо специфической характеристикой Санкт-Петербурга как субъекта федерации (согласно социологическим опросам, среди петербуржцев о значимости своей европейской идентичности в той или иной мере заявляют от 64,5 до 65,4 %, притом, что сходной позиции придерживается только 1 % россиян) [Там же, с. 133; Селина М.В., 2014; Аналитический обзор, 2012]. Таким образом, можно предположить, что ценностная позиция петербуржцев ближе к европейской, чем позиция россиян в целом. Это, в свою очередь, создает более лояльные условия для взаимодействия жителей Санкт-Петербурга и граждан стран Европы.

Заключение

Несмотря на обилие исследований, посвященных вопросам «мягкой силы», говорить о достаточной изученности роли субъекта федерации как одного из государственных каналов «мягкой силы» невозможно. Между тем, как показывает пример Санкт-Петербурга, ресурсы, которыми обладают регионы, позволяют учитывать их потенциал при разработке федерального курса «мягкой силы».

Сложная история взаимоотношений «центр – регионы», характеризующаяся после распада СССР (с 1993 по конец 1990-х годов) децентрализацией и асимметрией, а затем существенным ограничением возможностей регионов (с 2000-х годов), оказала влияние на включенность регионов в международную деятельность. Однако под влиянием глобализации субъекты федерации становятся все более активными акторами внешнего поля, носи-

телями «мягкой силы». Безусловно, регионы не могут считаться самостоятельными игроками на международной арене, тем не менее их опыт в области парадипломатии, накопленный в течении десятилетий, их «образ», культурный и event-капитал, привлекательный с точки зрения иностранцев, может быть использован в рамках федеральной стратегии «мягкого» влияния.

Исследование кейса Санкт-Петербурга продемонстрировало, что потенциал города в области «мягкой силы» достаточно велик: регион располагает необходимыми ресурсами, институтами, сетью контактов, имеет свой сформированный имидж во внешнем поле. При этом единая стратегия деятельности в области международного взаимодействия отсутствует.

Список литературы

1. Аналитический обзор: Сколько в России патриотов? 2012. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1185> (дата обращения: 12.07.2020).
2. Артеев С.П. 2019. Международные связи российских регионов и центр: эволюция координат. Вестник МГИМО-Университета, 12 (5): 181–192.
3. Баков А.А., Керимов А.А. 2018. Регионы в международной деятельности: факторы развития парадипломатии. Дискурс-Пи, 15 (3–4): 164–172.
4. Бейдина Т.Е., Новикова А.В., Погулич О.В. 2016. Сотрудничество между Забайкальским краем и Китаем: функционирование региональных факторов с учетом внешних санкций. Известия Иркутского государственного университета, 17: 23–32.
5. Галларотти Д.М. 2020. Как измерять мягкую силу в международных отношениях. Политическое исследование, 1: 89–103.
6. Григорьев Н.А. 2014. Современный этап эволюции системы отношений «центр – регионы». Вестник Северо-Восточного Федерального университета им. М.К. Аммосова, 2: 157–165.
7. Жильцов С.С. 2018. «Мягкая сила» в политике. Современная Европа, 2: 152–156.
8. Закон Санкт-Петербурга «О международном сотрудничестве, международных и внешнеэкономических связях Санкт-Петербурга» (с изменениями на 8 февраля 2018 года). 2008. URL: <http://docs.cntd.ru/document/8477187> (дата обращения: 03.07.2020).
9. Исследование международного имиджа Санкт-Петербурга по результатам мониторинга СМИ в период с 01 января по 10 декабря 2019 года. СПб., Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга, 2019. 274 с.
10. Итоги работы Комитета по науке и высшей школе в 2018 году и основные задачи на 2019 год. 2019. URL: https://www.gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2019/10/08/20/%D0%9A%D0%BE%D0%B%D0%BB%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%8F_%D0%98%D0%A2%D0%9E%D0%93_15.03.19.pdf (дата обращения: 07.07.2020).
11. Кузнецов А.С. 2006. Парадипломатия: трактовки и теоретические модели. Дискурс-Пи, 6: 76–78.
12. Лебедева М.М. 2017. «Мягкая сила»: понятие и подходы. Вестник МГИМО-Университета, 3 (54): 212–223.
13. Наумов А.О. 2015. «Мягкая сила» и внешнеполитический имидж Российской Федерации. Перспективы. Электронный журнал, 4 (4): 21–32.
14. Наронская А.Г. 2019. Роль региональной элиты в развитии международной деятельности субъекта федерации (опыт Свердловской области). Ars Administrandi (Искусство управления), 3: 384–400.
15. Попова О.В. 2018. Территориальная идентичность петербуржцев: европейская vs локальная и региональная. Формирование современной европейской идентичности в рамках интеграции ЕС: социальное и культурное измерение. СПб., Санкт-Петербургский государственный экономический университет: 130–137.
16. Постановление Правительства Санкт-Петербурга «О Комитете по внешним связям». 2004. URL: http://kvs.spb.ru/media/uploads/userfiles/2017/06/01/Pologenie_o_Komitete.pdf (дата обращения: 05.07.2020).



17. Селина М.В. 2014. Жители Санкт-Петербурга чувствуют себя европейцами. URL: <https://iq.hse.ru/news/177666148.html> (дата обращения: 12.07.2020).
18. Сотрудничество Санкт-Петербурга с городами-партнерами. 2020. URL: <http://kvs.spb.ru/media/content/docs/3495/320-2020.pdf> (дата обращения: 05.07.2020).
19. Статистика культурной жизни Петербурга. 2020. URL: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_culture/culture_statistics/ (дата обращения: 05.07.2020).
20. Chitty N. et al. 2016. *The Routledge Handbook of Soft Power*. New York, Routledge, 508.
21. Cohen E.A. 2017. *The big stick: the limits of soft power & the necessity of military force*. New York, Basic Books, 304.
22. Davis Cross M.C., Melissen J. 2013. *European Public Diplomacy: Soft Power at Work*. New York, Palgrave Macmillan, 230.
23. Ferguson N. 2004. *The Rise and Fall of the American Empire*. London, Penguin books, 400.
24. Gray C.S. 2011. *Hard Power and Soft Power: The Utility of Military Force as an Instrument of Policy in the 21st century*. Carlisle, The Strategic Studies Institute, 59.
25. Hall T. 2010. An Unclear Attraction: A Critical Examination of Soft Power as an Analytical Category. *The Chinese Journal of International Politics*, 3: 189–211.
26. Keating V., Kaczmarek K. 2017. Conservative Soft Power: Liberal soft power bias and the 'hidden' attraction of Russia. *Journal of International Relations and Development*, 22 (1): 1–27.
27. Nye J.S. 1991. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York, Basic Books, 336.
28. Nye J.S. 2004. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York, Public Affairs, 192.
29. Nye J.S. 2011. *The Future of Power*. New York, Public Affairs, 320.
30. QS World University Rankings. 2020. URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2020> (accessed: 07.07.2020).
31. Sergunin A., Karabeshkin L. 2015. Understanding Russia's Soft Power Strategy. *Politics*, 35 (3): 347–363.
32. Sherr J. 2013. *Hard Diplomacy and Soft Coercion: Russia's Influence Abroad*. London, Royal Institute of International Affairs, 137.
33. Top 100 City Destinations. 2019. URL: <https://go.euromonitor.com/white-paper-travel-2019-100-cities> (accessed: 07.07.2020).
34. World Winners: World's Leading Cultural City Destination 2019. World Travel Awards. 2019. URL: <https://www.worldtravelawards.com/winners/2019/world> (accessed: 08.07.2020).

References

1. Analytical review: How many patriots are there in Russia? 2012. VCIOM. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1185> (accessed: 12.07.2020). (in Russian)
2. Arteev S.P. 2019. Mezhdunarodnye svyazi rossijskih regionov i centr: jevoljucija koordinacii. [International relations between Russian regions and the center: evolution of coordination]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 12 (5): 181–192.
3. Bakov A.A., Kerimov A.A. 2018. Regiony v mezhdunarodnoj dejatel'nosti: faktory razvitiya paradiplomatii [Regions in international activity: factors of development of paradiplomacy]. *Diskurs-Pi*, 15 (3–4): 164–172.
4. Bejdina T.E., Novikova A.V., Pogulich O.V. 2016. Sotrudnichestvo mezhdu Zabajkal'skim kraem i Kitaem: funkcionirovanie regional'nyh faktorov s uchetoм vneshnih sankcij [Cooperation between Zabaykalsky krai and China: functioning of regional factors taking into account external sanctions]. *Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*, 17: 23–32.
5. Gallarotti D.M. 2020. Kak izmerjat' mjagkuju silu v mezhdunarodnyh otnoshenijah [How to measure soft power in international relations]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 1: 89–103.
6. Grigor'ev N.A. 2014. Sovremennyy jetap jevoljucii sistemy otnoshenij «centr – region» [The current stage of evolution of the system of relations «center – regions»]. *Vestnik Severo-Vostochnogo Federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova*, 2: 157–165.
7. Zhil'cov S.S. 2018. «Mjagkaja sila» v politike [«Soft power» in politics]. *Sovremennaja Evropa*, 2: 152–156.

8. Zakon Sankt-Peterburga «O mezhhdunarodnom sotrudnichestve, mezhhdunarodnyh i vneshnejekonomicheskikh svyazjah Sankt-Peterburga» (s izmenenijami na 8 fevralja 2018 goda) [Law of Saint Petersburg «On international cooperation, international and economic relations of Saint Petersburg» (as amended on February 8, 2018)]. 2008. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/8477187> (accessed: 03.07.2020).
9. Study of the international image of Saint Petersburg based on the results of media monitoring in the period from January 01 to December 10, 2019. SPb: Komitet po vneshnim svyazjam Sankt-Peterburga, 2019. 274 (in Russian).
10. Results of the work of the Committee on science and higher education in 2018 and main tasks for 2019. 2019. Available at: https://www.gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2019/10/08/20/%D0%9A%D0%BE%D0%B%D0%BB%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%8F_%D0%98%D0%A2%D0%9E%D0%93_15.03.19.pdf (accessed: 07.07.2020) (in Russian).
11. Kuznecov A.S. 2006. Paradiplomacija: traktovki i teoreticheskie modeli [Paradiplomacy: interpretations and theoretical models]. Diskurs-Pi, 6: 76–78.
12. Lebedeva M.M. 2017. «Mjagkaja sila»: ponjatie i podhody [Soft power and the foreign policy image of the Russian Federation]. Vestnik MGIMO-Universiteta, 3 (54): 212–223.
13. Naumov A.O. 2015. «Mjagkaja sila» i vneshnepoliticheskij imidzh Rossijskoj Federacii. [«Soft power» and the foreign policy image of the Russian Federation]. Perspektivy. Jelektronnyj zhurnal, 4 (4): 21–32.
14. Naronskaja A.G. 2019. Rol' regional'noj jelity v razvitii mezhhdunarodnoj dejatel'nosti sub#ekta federacii (opyt Sverdlovskoj oblasti) [The role of the regional elite in the development of international activities of the subject of the Federation (experience of the Sverdlovsk region)]. Ars Administrandi (Iskusstvo upravlenija), 3: 384–400.
15. Popova O.V. 2018. Territorial'naja identichnost' peterburzhcev: evropejskaja vs lokal'naja i regional'naja. Formirovanie sovremennoj evropejskoj identichnosti v ramkah integracii ES: social'noe i kul'turnoe izmerenie [Territorial identity of St. Petersburg residents: European vs local and regional. Formation of a modern European identity within the framework of EU integration: social and cultural dimension]. SPb., Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj jekonomicheskij universitet: 130–137.
16. Resolution of the Government of Saint Petersburg «On the Committee of external relations». 2004. Available at: http://kvs.spb.ru/media/uploads/userfiles/2017/06/01/Pologenie_o_Komitete.pdf (accessed: 05.07.2020) (in Russian).
17. Selina M.V. 2014. Zhiteli Sankt-Peterburga chuvstvujut sebja evropejcamy [The inhabitants of St. Petersburg consider themselves to be Europeans]. Available at: <https://iq.hse.ru/news/177666148.html> (accessed: 12.07.2020).
18. Cooperation between Saint Petersburg and partner cities. 2020. Available at: <http://kvs.spb.ru/media/content/docs/3495/320-2020.pdf> (accessed: 05.07.2020) (in Russian).
19. Statistics of St. Petersburg's cultural life. 2020. Available at: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_culture/culture_statistics/ (accessed: 05.07.2020) (in Russian).
20. Chitty N. et al. 2016. The Routledge Handbook of Soft Power. New York, Routledge, 508.
21. Cohen E.A. 2017. The big stick: the limits of soft power & the necessity of military force. New York, Basic Books, 304.
22. Davis Cross M.C., Melissen J. 2013. European Public Diplomacy: Soft Power at Work. New York, Palgrave Macmillan, 230.
23. Ferguson N. 2004. The Rise and Fall of the American Empire. London, Penguin books, 400.
24. Gray C.S. 2011. Hard Power and Soft Power: The Utility of Military Force as an Instrument of Policy in the 21st century. Carlisle, The Strategic Studies Institute, 59.
25. Hall T. 2010. An Unclear Attraction: A Critical Examination of Soft Power as an Analytical Category. The Chinese Journal of International Politics, 3: 189–211.
26. Keating V., Kaczmarek K. 2017. Conservative Soft Power: Liberal soft power bias and the 'hidden' attraction of Russia. Journal of International Relations and Development, 22 (1): 1–27.
27. Nye J.S. 1991. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York, Basic Books, 336.
28. Nye J.S. 2004. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York, Public Affairs, 192.
29. Nye J.S. 2011. The Future of Power. New York, Public Affairs, 320.



30. QS World University Rankings. 2020. URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2020> (accessed: 07.07.2020).
31. Sergunin A., Karabeshkin L. 2015. Understanding Russia's Soft Power Strategy. Politics, 35 (3): 347–363.
32. Sherr J. 2013. Hard Diplomacy and Soft Coercion: Russia's Influence Abroad. London, Royal Institute of International Affairs, 137.
33. Top 100 City Destinations. 2019. URL: <https://go.euromonitor.com/white-paper-travel-2019-100-cities> (accessed: 07.07.2020).
34. World Winners: World's Leading Cultural City Destination 2019. World Travel Awards. 2019. URL: <https://www.worldtravelawards.com/winners/2019/world> (accessed: 08.07.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гомелаури Ангелина Сергеевна, аспирант факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Angelina S. Gomelaury, postgraduate student of the Faculty of political sciences, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia